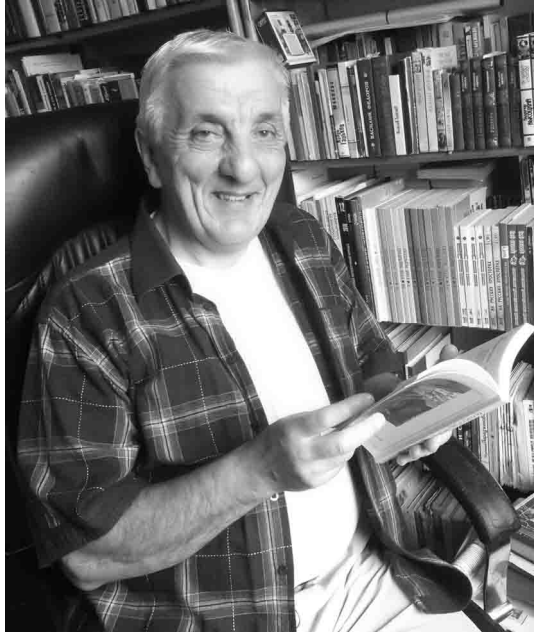

**Николай
БЛОХИН**

**ПЕРСТЕНЬ
ЕРМОЛОВА**

**Николай
БЛОХИН**

**ПЕРСТЕНЬ
ЕРМОЛОВА**

Ставрополь
2021

УДК 94(47)
ББК
63.3(2Р–4Ст)
Б 70

Блохин, Н. Ф.

Б 70 Перстень Ермолова / Н. Ф. Блохин. –
Ставрополь, 2021. – 408 с.

ISBN

В книгу Николая Блохина «Перстень Ермолова» вошли очерки о русских писателях, опубликованные автором за последнее десятилетие в популярных российских литературных журналах и альманахах.

Написанные на основе архивных документов – автобиографических рассказов, черновиков, мемуаров, дневников, писем, газетных и журнальных сообщений прошлого, они позволяют по-новому взглянуть на жизнь и творчество русских писателей Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Достоевского, Орфанова, Чехова, Блока, Мандельштама, Булгакова, Шолохова, Паустовского, Казакова, Шукшина, Бахтинова.

Книга адресуется всем, кто любит русскую литературу.

ISBN

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Р–4Ст)

- © Блохин Н.Ф., текст, 2021.
- © Блохина ТИ., составление, комментарии 2021.
- © Блохин Д.Н., фото, 2021.

КОСТРОМСКОЙ АЛЕКСАНДР ПУШКИН

О крёстном отце поэта Александра Пушкина

17 марта 1888 года на Кавказских Минеральных Водах умер Лев Александрович Пушкин, предводитель дворянства Кинешемского уезда Костромской губернии с 1857 по 1864 годы. Тело покойного родственники перевезли на родину и похоронили на кладбище села Козловка, близ усадьбы Новинки Костромской губернии.

Усадьба Новинки

Лев Александрович родился в усадьбе Новинки 25 февраля 1816 года. Значит, от роду ему было 72 года. Новинки — костромское имение Александры Ларионовны (в родовом древе поэта А.С. Пушкина у неё указано другое отчество: Илларионовна — *прим. авт.*) Пушкиной (урождённой Молчановой), родной матери Льва Александровича, которое она получила в приданое, когда вышла замуж за Александра Юрьевича Пушкина, родного отца Льва Александровича.

Брак Александры Ларионовны и Александра Юрьевича Пушкиных был совершён в Москве в 1807 году. У них было двое детей: старший сын Николай Александрович, который родился 5 февра-

ля 1813 года, и младший сын Лев Александрович, с которого мы начали рассказ. О родителях Льва Александровича Пушкина известно немного. Мать Александра Ларионовна — дочь известного московского и костромского помещика Лариона Васильевича Молчанова. Молчановы владели в Костромской губернии многими деревнями и усадьбами.

Отец Александр Юрьевич, родившийся 3 июля 1777 года, — сын тамбовского помещика Юрия Алексеевича Пушкина, которому принадлежало имение — село Покровское Липецкого уезда на Тамбовщине.

Нас же интересует, в каких родственных отношениях состояли костромские Пушкины с великим русским поэтом. Тамбовский помещик Юрий Алексеевич Пушкин приходился Марии Алексеевне Пушкиной, бабушке А.С. Пушкина по материнской линии, родным братом, а поэту — двоюродным дедушкой. Их отец Алексей Федорович Пушкин, живший с 1717 по 1777 годы, — прадед поэта со стороны матери. Федор Петрович Пушкин — прапрадед поэта, и тоже со стороны его матери.

Общий предок для обеих ветвей — материнской и отцовской - московский дворянин Петр Петрович Пушкин, живший с 1644 по 1692 годы. Началось сближение родов с Марии Алексеевны Пушкиной. В 1773 году Мария Алексеевна, будучи в Липецке, вышла замуж за Осипа Абрамовича Ганнибала, сына Абрама Петровича Ганнибала, того самого арапа, которого Пётр I крестил.

Вначале молодые жили в Муроме, но вскоре, после того, как Осип Абрамович наделал много долгов, Мария Алексеевна вынуждена была продать свою деревню в Ярославском уезде.

Она попросила разрешения у отца своего мужа Абрама Петровича Ганнибала переехать к нему в Суйду, и супруги стали жить на новом месте. 21 июня 1775 года у них родилась дочь Надежда.

Надежда Осиповна Ганнибал, которая в дальнейшем вышла замуж за Сергея Львовича Пушкина и стала матерью поэта, после смерти родителей унаследовала село Михайловское.

Родного деда поэта звали тоже Лев Александрович Пушкин.

Он приходился тамбовскому Юрию Алексеевичу Пушкину троюродным братом. Их сыновья Сергей Львович Пушкин, отец поэта, и Александр Юрьевич Пушкин, отец умершего на Кавказских Минеральных Водах уездного предводителя дворянства, доводились друг другу четвероюродными братьями.

Восприемник А.С. Пушкина

Поэт Александр Сергеевич Пушкин, сын Сергея Львовича Пушкина, и уездный предводитель дворянства Лев Александрович Пушкин, сын Александра Юрьевича Пушкина, находились в ещё более отдалённом родстве, в пятом колене. По линии матери поэта А.С. Пушкина, Надежды Осиповны Ганнибал, родство было более близкое. Надежда Осиповна приходилась Александру Юрьевичу двоюродной сестрой.

Последнему принадлежат воспоминания, опубликованные в 1852 году в декабрьском номере журнала «Москвитянин» и называвшиеся «Для биографии Пушкина».

Александр Юрьевич вспоминал в них о своей юности, когда он с 1785 года служил в Сухопутном кадетском корпусе в Петербурге и: «...почти всякую неделю по воскресеньям и в праздники бывал у них (то есть у Марии Алексеевны Ганнибал, матери Надежды Осиповны и бабушки А.С. Пушкина — *прим. авт.*), и рос почти вместе с Надеждой Осиповной, которая, не имея родных братьев, любила меня, как родного» (с. 23).

19 ноября 1797 года у Александра Юрьевича Пушкина, от роду которому было чуть более двадцати лет, состоялся выпуск из Сухопутного кадетского корпуса. Он был направлен прапорщиком в Астраханский гренадёрский полк, стоявший тогда в Москве. С этим полком он вскоре, в 1799 году, вышел под командованием А.В. Суворова в знаменитый Итальянский поход.

В походе Александр Юрьевич и узнал о появлении на свет будущего великого поэта. В упомянутой выше статье он вспоминал об этом так: «...Сергей Львович (отец поэта — *прим. авт.*) вышел

в отставку, переехал с семейством своим в Москву и нанял дом княжен Щербатовых, близ Немецкой слободы, где в 1799-м году родился у них сын Александр; наш полк в то время был уже в походе, где я и получил об рождении Александра Сергеевича от сестры письмо, что он на память мою назван Александром; а я заочно был его восприемником» (то есть крёстным. — *прим. авт.*; с. 23).

Прослужив в армии год и 11 месяцев, А.Ю. Пушкин 19 октября 1799 года вышел в отставку. Следующие шесть лет он прожил в своём родном тамбовском имении Покровском, а 4 апреля 1806 года определился на гражданскую службу — на Московский почтамт. А в 1807 году женился на Александре Ларионовне Молчановой. По архивным документам Костромы установлено, что посажённой матерью на свадьбе была Мария Алексеевна Ганнибал (в девичестве Пушкина. — *прим. авт.*).

Уволившись вскоре после женитьбы с Московского почтамта, с августа 1808 года А.Ю. Пушкин служил в Тамбовской губернии, в экспедиции казённых винокуренных заводов. А в октябре 1809 года Александр Юрьевич оставил службу в экспедиции и переселился в костромское имение своей жены — Новинки, куда он перевёл из тамбовского имения от матери своей крепостных крестьян. С тех пор последующая жизнь А.Ю. Пушкина связана с костромским краем.

В Новинках имелся деревянный господский дом на каменном фундаменте, были все необходимые службы, в том числе оранжерея и водяная мельница на реке Корбе. В год рождения младшего сына Льва, в 1816 году, как свидетельствует архивный документ, А.Ю. Пушкин купил у «госпожи Жураковской Анны Васильевны» за 50 тысяч рублей другое имение — Давыдково. Оно включало пять деревень и находилось в Костромском уезде, на реке Мезе. В нём также был большой господский дом и винокуренный завод, дававший солидный доход. От деда и прадеда А.Ю. Пушкину досталось также небольшое имение в Буйском уезде — село Высокое. Общее количество крепостных во всех имениях А.Ю. Пушкина составляло свыше 200 душ мужского пола, что для Ко-

стромской губернии было немалым состоянием. В это же время Александр Юрьевич приобрел в Костроме два дома: первый — на Вознесенской улице, другой — на Дворянской. Оба эти дома до наших дней не сохранились.

До нашего времени дошло очень мало сведений о жизни и деятельности А.Ю. Пушкина с 1809 по 1830 годы. Очевидно, в это время он не служил и занимался хозяйством. 20 мая 1824 года Александра Юрьевича постигло большое горе: умерла его жена Александра Ларионовна. После ее смерти с Александром Юрьевичем остались дети — Николай одиннадцати лет, Лев восьми лет и Мария пяти лет. А.Ю. Пушкин больше в брак не вступал, посвятил себя воспитанию детей, вёл обычную жизнь помещика средней руки. Судя по сохранившимся в Государственном архиве Костромской области документам, А.Ю. Пушкин в отношениях со своими крепостными вёл себя как жестокий крепостник, его отличал крутой нрав. В делах губернаторской канцелярии сохранились жалобы на А.Ю. Пушкина, вызовы к губернатору и его объяснения по поводу жестокого обращения с крестьянами.

Похоже, поэту А.С. Пушкину были известны сии факты, что дало ему материал для создания образа помещика Троекурова при написании повести «Дубровский». Александр Юрьевич был человеком тщеславным. В 1827 году А.Ю. Пушкин подал прошение в костромское дворянское собрание о приёме его в костромское дворянское сословие и о записи его с детьми в дворянскую родословную книгу.

Определением Костромского дворянского депутатского собрания от 18 марта 1827 года вынесено следующее заключение: «Вследствие Высочайше жалованной дворянству 1785 года апреля 21 дня грамоты, 90-й статьи, внести его, просителя, с женою и потомством, по состоянию за ним и женою его в Костромской губернии недвижимого имения в дворянскую родословную книгу Костромской губернии, в шестую ее часть и дать ему, просителю, надлежащее о том свидетельство» (ГАКО. Ф. 122. Оп. 2. Ед. хр. 17-А. Л. 312).

С 1830 года А.Ю. Пушкин снова на службе. Во время вспыхнувшей в 1830 году эпидемии холеры, охватившей европейскую часть России, он работал в Кинешемском уезде, где было его имение Новинки, членом комитета по борьбе с холерой. О масштабах бедствия можно судить, если вспомнить, что по соседству в Нижегородской губернии, где в селе Болдино до самой зимы того же 1830 года застрял поэт А. С. Пушкин, тоже свирепствовала холера.

В 1832 и 1833 годах А.Ю. Пушкин — депутат от дворянства по Кинешемскому уезду. С 1 ноября 1838 года Александр Юрьевич избран костромским совестным судьёй и, неоднократно переизбираясь, оставался в этой должности до самой своей смерти. Уволившись в 1809 году с чином титулярного советника, он, при поступлении вновь на службу, в 1842 году получил чин коллежского асессора, в 1846 году произведён в надворного советника, а со 2 мая 1850 года являлся коллежским советником. За службу он был награждён орденом Св. Анны III степени.

Упомянутая выше статья А.Ю. Пушкина «Для биографии Пушкина», очевидно, единственный его печатный труд. Тем не менее, в некоторых источниках содержатся указания, что А.Ю. Пушкин — «поэт, писатель». Приписываемые костромскими исследователями Александру Юрьевичу поэтические произведения в действительности созданы другим Пушкиным — Александром Михайловичем. Последний приходился А.Ю. Пушкину двоюродным братом.

Скончался А.Ю. Пушкин на 77 году жизни 7 января 1854 года, похоронен на кладбище церкви села Козловка, вблизи которого находилась усадьба Новинки (ныне это территория Островского района Костромской области). Там же, спустя одиннадцать лет, обретёт последнее пристанище и его младший сын Лев Александрович Пушкин. Такова вкратце судьба крёстного родителя великого русского поэта, которому он обязан именем Александр.

Июнь 2015 г.

«ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ ЭТИ СКАЗКИ!..»

Об одной архивной находке

О Пушкине написано много. Но архивы хранят ещё немало тайн. Мой рассказ об одной из них, обнаруженной в Государственном архиве Ставропольского края в 1998 году. В его фондах сохранилось целое дело на поэта. Завела его Ставропольская духовная консистория. Дело скандальное. Оно про то, как возмутилось местное духовенство «Сказкой о попе и о работнике его Балде». Именно так — с двумя предлогами «о» озаглавил сказку Пушкин, что часто игнорируют и издатели и авторы статей. А начиналась история этой сказки так.

Заветная тетрадь

В ноябре 1824 года (все даты до февраля 1918 года приводятся по старому стилю — *прим. авт.*) Пушкин писал из Михайловского брату Льву: «Знаешь ли мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

И, очевидно, тогда же, в ноябре 1824 года поэт взял большую, шестидесятистраничную тетрадь в черном кожаном переплете, на

котором стоял тиснёный треугольник, а в нём знак «OV». Массонский знак... Некогда, в Кишиневе, это была тетрадь масонской логи «Овидий», в которой состоял Пушкин и его друзья. Тетрадь сослужила поэту и в Михайловском. Она уже хранила на своих страницах черновики «Цыган», «Евгения Онегина», «Арапа Петра Великого», многих стихотворений.

Пушкин перевернул тетрадь задом наперед, и на этих последних листах, ставших теперь как бы первыми, записал — кратко, конспективно — сюжеты семи сказок, рассказанных Ариной Родионовной.

Сюжет одной из них в записи Пушкина выглядел так: «Поп поехал искать работника. Навстречу ему Балда. Соглашается Балда идти в работники, платы требует только 3 щелчка в лоб попу. Поп радёхонек, попадя говорит: «Каков будет щёлк». Балда дуж и работящ, но срок уж близок, а поп начинает беспокоиться». Далее Балда обводит вокруг пальца бесов. Затем — «Балда у царя. Дочь одержима бесом. Балда под страхом виселицы берётся вылечить царевну». После приключений бес «пойман и высечен». Так писано в Михайловском. К этой записи поэт вернётся через шесть лет.

Из Москвы в деревню Болдино Нижегородской губернии Пушкин выезжает 31 августа 1830 года. Раньше он в этих краях не бывал. Лишь изредка вспоминал в письмах про «болдинскую вотчину» отца, «где водятся курицы, петухи и медведи».

Повод для поездки в Болдино был весьма важный. Отец поэта Сергей Львович после помолвки сына выделил ему часть старинных земель, с 1619 года принадлежавших дворянскому роду Пушкиных. И Александру Сергеевичу следовало вступить во владение собственным имением. Пушкину шёл 32-й год. Впереди свадьба с Натальей Николаевной Гончаровой.

Пушкин выехал в Болдино, когда кругом все говорили о надвигающейся холере. Поэт не скрывал в письмах своей тревоги: «По всему видно было, что она не минует и Нижегородской... Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами».

Пушкин поехал сначала по старинному Владимирскому тракту, дороге, по которой везли осужденных на сибирскую каторгу. Однако за Богородском и Владимиром свернул на Судогду, Муром, Севаслейку, Арзамас.

От Москвы до Болдино 500 вёрст. По российским меркам, не так уж и много. Поэт преодолел это расстояние за четверо суток. Пушкин ехал в бедное село Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии, ехал навстречу холере, надеясь, что управится с бумагами за месяц. И не подозревал, что не выедет из Болдино до самой зимы.

Осень в Болдине

3 сентября 1830 года Пушкин впервые увидел Болдино. За мелким частоколом стоял одноэтажный деревенский дедовский дом, рядом вотчинная контора, церковь и длинная деревня с избами, крытыми соломой и тёсом. Небольшой пруд, тронутые осенним золотом рощи на отлогих холмах, а кругом волнистая бесконечная черноземная степь... В первые дни Александру Сергеевичу пришлось всё же вникать в скучные деловые бумаги. Но всё устроилось хорошо. Вотчинный писарь Петр Киреев занялся сочинительством бумаг, в которых он был сильнее Александра Сергеевича. И пока первый писал, ездил, хлопотал, коллежский секретарь Александр Сергеевич Пушкин не спеша расположился в старом доме, и 7 сентября написал первое болдинское стихотворение «Бесы».

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

Так началась болдинская литературная осень поэта, плодотворнее которой не было периода в его жизни. На следующий день, 8 сентября, после «Бесов» точно на таком же листе Пушкин ставит вместо заглавия дату — «8 сент.». Ниже строка: «Мой день уныл...», которую исправляет на: «Мой путь уныл...» «Путь» — сильнее, шире, печальнее, чем «день». Поэт вносит правки и в другие строки. Не сразу получается то, что он хочет сказать. Но Пушкин продолжает добавлять краски в написанные строки: «угасшее веселье», «закат печальный», «улыбкою прощальной»... Так родилось одно из лучших стихотворений первой болдинской осени «Элегия».

9 сентября Александр Сергеевич достал заветную тетрадь без переплёта, просто несколько десятков сшитых и несшитых листов в общей обёртке. Открыл и записал: «Последние пожитки Самсона Прохорова были взвалены на дрожки без рессор, и бедная кляча в четвёртый раз потянулась с Басманной, где находилась лавка гробовщика, на Никитскую». Затем Пушкин переименовал Самсона Прохорова в Андрияна и добавил лошадей: «Пара кляч в четвёртый раз потащилась...» Пушкин ещё раз поправил: «Тощая пара в четвёртый раз потащилась». «Дрожки без рессор» заменил на «похоронные дроги».

Пушкин писал целый день. Покончив с «Гробовщиком», в этот же день он написал три письма: одно влюблённое — невесте Наталье Гончаровой, другое холодно-родственное — Афанасию Николаевичу Гончарову в Полотняный завод, третье дружеское — издателю Петру Александровичу Плетнёву: «Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездь верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы, и стихов». Утром, 10 сентября Пушкин открыл тетрадь в кожаном переплёте, перечитал нянину сказку о попе. Мысленно возвратился в Михайловское. Вот уж два года, как нет на свете Арины Родионовны. Пушкин помянул её добрым словом, обмакнул перо в чернильницу и вывел на бумаге:

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идёт, сам не зная куда.

Сказка настолько близка к тексту, который он записал после Арины Родионовны, что диву даёшься. А стихотворный размер, избранный поэтом, хорошо знаком грамотным, малограмотным и даже совсем неграмотным.

По Руси на всех ярмарках ходили лубочные картинки со стихотворными объяснениями, вроде этих:

Немец нанял себе батрака,
Деревенского мужика...

Стихи «неровные», с разным числом слогов в строке, но зато с рифмами. Запоминались народом с первого раза. Пушкин использовал этот приём при написании «Сказки о попе и о работнике его Балде». Сказка получилась, как самая народная, бытовая, в духе ярмарочных балагуров и скоморохов.

Проникнутая иронией, порой переходящей в насмешку и сатиру по отношению к духовенству, она была близка по духу русскому фольклору.

Вернувшись в Москву, Пушкин взволнованно пишет Плетнёву в Петербург: «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привёз сюда: 2 последние главы «Онегина», 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Анопуге (т. е. анонимно — *прим. авт.*). Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Салиери», «Пир во время Чумы» и «Дон Жуана». Сверх того написал 30 мелких стихотворений. Хорошо? Ещё не всё (весьма секрет-

ное). Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржёт и бьётся — и которые напечатаем также Анопите. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает».

Пушкин не назвал «Сказки о попе и о работнике его Балде», неоконченную «Сказку о медведихе». Не помянул «Историю села Горюхина», более двадцати критических и полемических статей и заметок.

Но вернёмся к сказке «Балда», как её кратко называл сам Пушкин. Это первая из сказок поэта. Напомним, «Сказку о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» Александр Сергеевич написал в 1831 году, «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Сказку о мёртвой царевне и семи богатырях» — в 1833-м, «Сказку о золотом петушке» — в 1834-м.

Сказку о Балде знали друзья Пушкина. Александр Сергеевич довольно часто читал её им. Первый биограф поэта П.В. Анненков отмечал, что сказка о Балде «так смешила В.А. Жуковского и друзей его». В исполнении поэта сказку про Балду не раз слушали П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, Н.М. Языков.

Поэт Николай Михайлович Языков написал 4 ноября 1831 года братьям, что Пушкин написал «сказку под названием «Балда». А в письме от 13 апреля 1832 года он же спрашивал своего знакомого — чиновника главного управления цензуры В.Д. Комовского (брата лицейского товарища Пушкина): «Где же его сказка «Балда»?» Комовский ответил 25 апреля: «Сказка о попе Толоконном Лбе и работнике его Балде не может, говорят, увидеть свет ни по наименованию, ни по содержанию своему».

Иногда кажется, что и сам Александр Сергеевич не предпринимал попыток издать сказку, понимая, что цензура не допустит. Не совсем так.

Название сказки встречается в нескольких планах изданий, составленных поэтом в 1830—1834 годах.

Словом, пушкинская сказка про Балду была известна многим. Но при жизни автора она так и не увидела света.

По воле Жуковского

После дуэли и смерти Пушкина Николай I поручил В.А. Жуковскому и начальнику штаба корпуса жандармов генералу Л.В. Дубелю разобрать все бумаги, оставшиеся в кабинете покойного, подготовить посмертное собрание сочинений к печати.

В письме Жуковскому шеф жандармов А.Х. Бенкендорф так сформулировал важное для власти требование: «Бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочтения».

Это означало, что над сказкой о Балде нависла серьёзная угроза. Она вполне могла быть зачислена в список неблагонадёжных произведений. Получив назад бумаги поэта, Жуковский с облегчением вздохнул: жандармский генерал не обратил внимания на сию сказку.

После смерти Пушкина началась подготовка пушкинских сочинений. Комиссию возглавлял В.А. Жуковский. Работал Василий Андреевич довольно плодотворно. В 1838 году ему удалось выпустить первые восемь томов пушкинских произведений, публиковавшихся ранее.

Из неопубликованных часть увидела свет на страницах «Современника» и в других журналах. Но основную массу неизвестных произведений поэта Жуковский готовил для публикации в других томах. Осенью и зимой 1839 и 1840 годов Василий Андреевич работал над «Сказкой о попе и о работнике его Балде».

Понимая, что в своём первоизданном виде она не преодолеет цензурные рогатки, Жуковский решается заменить «попа» на «купца». И даёт сказке новое название «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде». Весь текст пришлось переписать. Вместо «попадья» в сказке появляется «хозяйка» или «жена», вместо «поповны» — «их дочка». «Попёнка» сменил «сынок их» и так далее. Нет в названии и второго «о». Сказка стала совсем другой. Это уже была не сказка Пушкина, хотя к читателю она пришла под его именем. Начиналась она так.

Жил-был купец Кузьма Остолоп,
По прозванию Осиновый лоб.
Пошёл Кузьма по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идёт, сам не зная куда.

Впервые в таком «отредактированном» Жуковским виде она была опубликована в пятом номере журнала «Сын Отечества» за 1840 год. Разрешение цензуры последовало 10 марта, журнал вышел в конце того же месяца. В том же 1840 году «Сказку о купце» (так её стали именовать для краткости) напечатало ещё одно издание — «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» (т. 26, № 103). Обе публикации вышли без каких-либо комментариев, пояснений, примечаний. Только подпись: «А. Пушкин».

29 апреля 1840 года произошло ещё одно событие, имеющее отношение к судьбе сказки Пушкина: цензура выдала разрешение на публикацию пушкинских сочинений, вошедших в девятый том. Этот том увидел свет в конце августа 1841 года. В него вошли не публиковавшиеся при жизни поэта «Медный всадник», «Каменный гость», «Русалка», многие стихотворения. На 223–232 страницах была завёрстана «Сказка о купце Остолопе и работнике его Балде». Напрасно читатели искали примечания или комментарии к этому произведению поэта. В этом томе их вообще не было. Все произведения, вошедшие в девятый том, были поставлены в равные условия. Случайность?

Вмешательство Жуковского в пушкинский текст, как заметил один из исследователей творчества Пушкина, «дало непредсказуемый результат, породило причудливый, может быть, уникальный в истории литературы феномен: единое произведение раздвоилось, разделилось на две ипостаси, каждая из которых обрела собственную долгую жизнь, и у той, и у другой наполненную своими перипетиями и коллизиями».

В течение сорока с лишним лет, вплоть до 1882 года, переизданная Жуковским сказка Пушкина печаталась во всех собраниях сочинений поэта — 1855—1857, 1859—1860, 1878—1881, в сборниках его сказок — 1873, 1879, 1880. В таком виде выходила она и отдельными изданиями — в 1864, 1872, 1873. «Купец Кузьма Остолоп» обрёл свою жизнь. Про то, что одним из главных героев сказки Пушкина был поп, широкой публике ничего не было известно. Жуковский скончался 12 апреля 1852 года в Баден-Бадене и согласно его последней воле похоронен в России. А сказка Пушкина продолжала жить в том виде, в каком её впервые предложил читателям Василий Андреевич.

Молчание Анненкова

После Жуковского никто так и не решился сказать всей правды об истинном содержании сказки, даже П.В. Анненков, писатель и литературный критик, когда взялся готовить к печати многотомное собрание сочинений Пушкина. Наследники Александра Сергеевича предоставили Павлу Васильевичу архив поэта, он имел возможность работать с рукописями. И, скорее всего, ознакомившись с наследием, он первым увидел, что сказка не о купце, а о попе. Тем не менее, издатель нового собрания сочинений оставил всё так, как было до него. И позиции «Купца» значительно возросли после выхода первого научно комментированного издания. Правда, Анненков сделал одно весьма важное примечание к этой сказке, что, дескать, в публикуемом тексте «существуют некоторые несходства с рукописью, но нисколько не отнимающие её достоинства и не вредящие её общему тону» (т. 3, 1855; сказка — с. 448—454, примечание — с. 554).

Более того, в приложении к первому тому, в которое вошли «Материалы для биографии А.С. Пушкина, Анненков впервые опубликовал три из известных нам семи записей сказок, рассказанных няней Ариной Родионовной. И одной из них Павел Васильевич дал такое название «Сказка, послужившая основой для

сказки о Кузьме Остолопе» (с. 441). Напечатал её Анненков не полностью, да, к тому же, и переделал её, как Жуковский переиначил саму сказку Пушкина. В нянинном тексте «попа» Анненков повсюду заменил «купцом».

Более того, он исказил и два пушкинских рисунка из трёх, которыми поэт проиллюстрировал данную сказку. Анненков поместил два из них на приложенных к первому тому факсимильных листах. На первом из них нет бесёнка с подписью, оставлен только Балда с зайцем и подпись под ним: «Балда». Нет в томе портрета старого беса. А под бородатой физиономией (скорее напоминающей попа, а не купца), искажённой страхом перед надвигающимся на неё щелчком, нет никакой подписи. А ведь Пушкин подписал всех четырёх персонажей сказки. А под финальным рисунком поэт написал: «Поп толоконный лоб». Толоконный — значит глупый, другому, дурак.

Фальсификация Анненковым записи сюжета сказки и рисунков к ней воспринимались читателями как документальное подтверждение того, что Пушкина написал сказку именно «о купце Кузьме Остолопе», а не о «о попе и о работнике его Балде».

Выставка в Румянцевском музее

Наступил 1879 год. Со дня первой публикации пушкинской сказки в «Сыне Отечества» прошло почти сорок лет. За это время никто из издателей и исследователей творчества поэта больше не предпринимал попыток вернуться к авторскому варианту «Балды». Помог случай. Администрация Румянцевского музея (в советское время Государственная библиотека имени В. И. Ленина — *прим. авт.*) обратилась к старшему сыну поэта Александру Александровичу Пушкину выставить на обозрение рукописи отца. Выставку предполагалось провести в рамках 80-й годовщины со дня рождения великого русского поэта. Но пока шли переговоры, отбирались рукописи, письма, юбилей прошёл. Тем не менее, выставка открылась, правда, уже в 1880 году. На ней было представ-

лено большое количество рукописей. Они-то и стали центральным событием выставки. Именно в те дни посетители впервые увидели оригинал пушкинского «Балды».

Выставка совпала с выходом шеститомного собрания сочинений Пушкина (1878–1881 гг.), которое выпустил петербургский издатель Я.А. Исаков. Для подготовки этого издания Яков Алексеевич пригласил известного библиографа, библиофила, впоследствии члена-корреспондента Петербургской Академии наук Петра Александровича Ефремова. «Сказку о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде» Пётр Александрович поместил в третьем томе (с. 250–252) и сопроводил её примечанием «Сказки Арины Родионовны» (с. 489–494). Вот полный его текст: «Есть ещё третья сказка той же Арины Родионовны, послужившая основой сказки, явившейся по цензурным соображениям под заглавием «Сказка о купце Остолопе и работнике его Балде» (имя купца опущено – *прим. авт.*). Сказка эта печатается в этом томе нашего издания с исправлениями В.А. Жуковского, как она была напечатана впервые в «Сыне Отечества» 1840 г. Мы даём её здесь в этом виде потому, что все её знают именно в этой переделке, не вредящей ей тону. В томе X нашего издания мы приводим эту сказку по подлинной рукописи Пушкина». Но вышло только шесть томов и, естественно, подлинник сказки не увидел свет.

Но через два года, в 1882-м, московский издатель Ф.И. Анской издаёт семитомное собрание сочинений поэта. Именно в этом издании впервые читатели смогли прочесть сказку Пушкина в авторском варианте. «Сказка о попе и о работнике его Балде» опубликована в третьем томе. Правда, текст сказки всё же отличается от пушкинского. Литературоведы считают, что это произошло из-за неразборчивого почерка Пушкина.

Пушкинист В.Е. Якушкин (внук декабриста И.Д. Якушкина) сделал попытку разобраться в пушкинском тексте. В июньском номере журнала «Русская старина» за 1884 год впервые он напечатал довольно обширное описание рукописей, оставшихся после поэта. Он был первым пушкинистом, кто смело со страниц журна-

ла опроверг публикацию Анненкова, сообщив читателям, что со слов няни Арины Родионовны Пушкин записал сказку не о купце, а о попе. В том же июньском номере Якушин опубликовал заключительную часть пушкинской записи, опущенную Анненковым.

В октябрьской книжке «Русской старины» того же 1884 года Якушкин опубликовал подробное описание рукописи сказки, рассказал о литературной правке Пушкина, впервые привёл её подлинный заголовок: «Сказка о попе и о работнике его Балде», расшифровал некоторые неясные пушкинские поправки.

Через три года, в 1887-м, Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным выпустило в Петербурге семитомное собрание сочинений Пушкина. Редактор издания, к тому времени известный в России пушкинист, литературовед, впоследствии член-корреспондент Петербургской Академии наук П.О. Морозов заново сверил текст пушкинской сказки, впервые опубликованный московским издателем Ф.И. Анским, с оригиналом, разобрался в поправках поэта. И опубликовал этот исправленный вариант в третьем томе. А в примечаниях к третьему тому Морозов впервые и полностью опубликовал неискажённую запись няниной сказки.

Казалось, что этим изданием Морозов положил конец злоключениям сказки Пушкина. Однако, в том же 1887 году, петербургский издатель Алексей Сергеевич Суворин приступает к изданию девятитомного издания сочинений Пушкина. Первый том вышел с подзаголовком «Поэмы и сказки». На 390–396 страницах Суворин помещает «Сказку о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде», хотя к тому времени уже был известен подлинный пушкинский текст. Двойник пушкинской сказки «купец Кузьма Остолоп» оказался на редкость жизнестойким.

В юбилейные дни 1899 года, когда в России отмечалось столетие со дня рождения поэта, сказку Пушкина можно было купить в двух отредактированных вариантах — Жуковского и Морозова. Возможно, народу нравились оба героя, скажет читатель, поэтому, мол, сказку о купце продолжали тиражировать, как в столице, так и в провинции. Но, оказывается, дело не в этом. Скандал во-

круг подлинного текста пушкинской сказки нарастал с каждым годом, с каждым днём.

Рапорт священника Порфирия Кумпана

Священник Казанской церкви станицы Ясенской Ейского отдела Кубанской области Порфирий Кумпан в рапорте в Ставропольскую духовную консисторию 26 сентября 1898 года писал, что ещё 1 мая 1893 года он впервые конфисковал в Ясенской станичной школе брошюру «Сказка о попе и его работнике Балде» (Второго «о» в данном документе нет. Ниже названия сказки даются по архивным документам — *прим. авт.*). Сочинитель А.С. Пушкин.

Рапорт не остался незамеченным. Епархиальный училищный Совет определением своим от 18 мая 1895 (!) года «признал распространение по школам и среди народа названной брошюры в воспитательном отношении крайне вредным, а в религиозном — кошунственно-оскорбительным» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 56. Д. 595). Данное определение, писал в новом рапорте священник П. Кумпан, было утверждено «Его Преосвященством 5 июня того же года», то есть ещё в 1895 году. Что же заставило Порфирия Кумпана вновь взяться за перо?

«Считаю своим долгом, — писал священник (орфография сохраняется — *прим. авт.*), — доложить Ставропольской духовной консистории, что в то время, когда мною была конфискована означенная брошюра, таковая распространялась по школам путём не легальным, чисто подпольным, без ведома дирекции и областного Начальства. Нелегальный способ распространения означенной брошюры из войскового склада мною подробно был изложен в вышеуказанном рапорте за № 43. В то время означенная брошюра не значилась в каталоге Кубанского войскового склада книг.

В настоящее же время после столь категорически высказанного Епархиальным училищным Советом определения позволяю себе смелость думать — небезызвестного дирекции училищ и областному Начальству характера содержания брошюры област-

ным Начальством даётся право на самое широкое распространение этой брошюры по школам и среди народа чрез посредство тех же министерских школ области, только теперь путь распространения этой брошюры не легальный и не подпольный, а законный, так как в каталоге книжного склада, распространением к печатанию областным Начальством от 19 августа сего 1898 года и разосланной по министерским училищам области означенная брошюра включена под № 772 в число других книг и брошюр, предназначенных для развития детей и народа в умственном и религиозно-нравственном отношении.

Позволяя себе смелость предположить, что означенная брошюра включена областным Начальством в число других полезных для развития детей и народа книг по недосмотру цензуры, осмеливаюсь всепокорнейше просить Ставропольскую духовную консисторию, не найдёт ли она Консистория возможность ходатайствовать пред кем следует об изъятии из каталога войскового книжного склада означенной брошюры, как деморализующей действия пастырей церкви Епархии и безусловно развращающим образом имеющей воздействовать на молодое поколение, детей того самого народа, который всецело вручается пастырю церкви для религиозно-нравственного воспитания.

Столь неблагоприятный, искусственный способ разъединения прихожан с своим пастырем по моему не должен иметь место среди членов благоустроенного государства».

И пошла писать губерния! Ставропольская духовная консистория, получив рапорт П. Кумпана, обращается к епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому, тот к обер-прокурору Святейшего синода, действительному статскому советнику, Стас-секретарю К.П. Победоносцеву с ходатайством «об изъятии из употребления этой брошюры в начальных народных училищах».

От имени епископа Ставропольского и Екатеринодарского по всем приходам рассылается циркуляр с указанием: «Собрать негласным путём сведения о том, как высылается, выписывается и распространяется означенная брошюра, и в каких приходах и сре-

ди учеников только или в народе, каковые сведения представить его Преосвященству».

Священник станицы Должанской Иоанн Чернов докладывал, что «Сказка о попе и работнике его Балде» «в ограниченном количестве есть в школьной библиотеке». Учитель школы станицы Курганной Иван Шлыгин, сообщал священник Евгений Кудрявцев, «получил в городе Екатеринодаре более чем на 30 рублей сказку под названием «О попе и работнике его Балде». А в станице Лабинской, писал священник Илларион Смарайдов, «брошюра о попе нигде не выписывается, но зато есть «Сказка о купце Остолопе». И добавил: 10 экземпляров. А в городе Майкопе, доносил священник Евгений Соколов, «Сказка о попе» раздавалась школьникам от Майкопской городской управы. Книга «Сказки Пушкина» (куда вошла и напугавшая до смерти местное духовенство «Сказка о попе и о работнике его Балде») Сытинского издания раздавалась ученикам станицы Абинской. Раздача происходила во время юбилея Пушкина. Священник Виталий Климентьев 13 января 1900 года с тревогой писал о том, что в Темрюке «Сказка о попе» «прочитана наизусть и публично на Пушкинском празднике! На чествовании поэта было много публики!»

В архивном деле сохранились рапорты священников станиц Брюховецкой, Уманской, Баталпашинской, Зеленчукской, Хамкетинской, Пшехской, Терновской...

Но дело вокруг сказки Пушкина этим не закончилось. Скандал из местного перерос во Всероссийский. Поводом послужило объявление московского издателя И.Д. Сытина о готовящемся издании (12-тысячным тиражом, отдельными иллюстрированными брошюрами ценой по пять копеек) пушкинских сказок, в том числе «Сказки о попе и о работнике его Балде».

«Церковный вестник» (29 апреля 1899 года, № 17) поместил статью священника Алексия Боброва. Ох, и досталось Александру Сергеевичу за сказку! «Самый грубый пасквиль на наше духовенство», «перл пушкинского пасквиля», «порнографическое произведение» — других оценок произведение поэта не заслужило.

Но более всего автор статьи был возмущён пятикопеечной ценой книжки: «За такую ничтожную плату каждый грамотный крестьянин и деревенский школьник не преминет доставить себе удовольствие приобрести эту любопытную сказку».

Публикация в «Церковном вестнике» не осталась незамеченной. У Алексея Боброва были не только противники, но и сторонники. Особенно «удачной» в этом смысле была статья протоиерея Кл. Фоменко в «Трудах Киевской Духовной академии» (1899, № 6). Она носила довольно претенциозный заголовок «Как относился к православному духовенству А.С. Пушкин? По поводу заметки Боброва».

В ней Кл. Клименко изложил совершенно другую версию написания сказки. В частности, он утверждал, что проводивший лето 1831 года в Царском Селе с императорским двором Жуковский задержался там до поздней осени из-за холеры в Петербурге. Там же жил и Пушкин. Гоголь был их частым гостем. И, дескать, этот триумvirат «для поднятия упавшего народного настроения и общей грусти взялся здесь, по примеру Боккаччо во время чумы в Италии, за переложение смехотворных народных сказок». И когда Пушкин прочёл свою «Сказку о попе и о работнике его Балде», «вдохновитель и учитель Пушкина Жуковский, вразумив молодого (подчеркнул Фоменко — прим. авт.) поэта, переделал заглавие последней сказки так: «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде»... Иначе и не мог поступить добрый христианин и опытный (снова подчеркнул Фоменко — *прим. авт.*) и благоразумный воспитатель.

Пушкин безусловно подчинился совету благоразумно-дальновидного Жуковского». И какое же право имеет Сытин, спрашивает Кл. Фоменко, «издавать сказку Пушкина под тем ошибочным заглавием, от которого отказался сам автор»?

Из уст Фоменко история пушкинской сказки звучит довольно убедительно, тем более что сделана ссылка на пятитомное издание «Сочинений А.С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики», выпущенное в 1892–1998 годах московским изда-

телем Львом Поливановым. В статье Фоменко нет ни слова о том, что сказка написана в Болдино осенью 1830 года, а не летом 1831 года. Умолчал Фоменко и об отзыве поэта Николая Языкова, сделанном при жизни поэта, не сказал правды о редакции В.А. Жуковского, П.А. Ефремова, П.О. Морозова, не вспомнил о выставке рукописей в Румянцевском музее.

Наконец, Фоменко переврал московского издателя Льва Поливанова, который в комментарии к пятитомнику действительно утверждал, что лето и осень 1831 года Пушкин и Жуковский проводили в Царском Селе и что оба поэта «взялись за народные сказки». Плодом их состязания стали «Сказка о спящей царевне», «Сказка о царе Берендее», «Война мышей и лягушек» Жуковского и «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и о работнике его Балде» Пушкина, писал Поливанов. И ни слова о «вразумлениях» Жуковского, якобы сделанных им молодому Пушкину.

Некто А.Г. Филонов, член «особого отдела» при учёном комитете министерства народного просвещения России, правильнее сказать, «педагогический цензор», ознакомившись со сборником «Все сказки Пушкина» (1897) дружески порекомендовал Ивану Дмитриевичу Сытину в следующем издании «восстановить» «Сказку о купце».

«Балда» Демьяна Бедного

В начале двадцатого века известные в Европе издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон приступили к изданию «Библиотеки великих писателей». Проект по тем временам был грандиозным. Он включал произведения Байрона, Мольера, Шиллера, Шекспира. В издательстве Брокгауза и Ефрона вышло и полное собрание сочинений А.С. Пушкина, роскошно иллюстрированное и снабжённое комментариями. Редактировать его Брокгауз и Ефрон пригласили русского историка литературы и общественной мысли, библиографа Семена Афанасьевича Венгерова. Именно он поставил последнюю точку в споре вокруг авторской версии пушкин-

ской сказки. В третьем томе сочинений поэта, который вышел в 1909 году, Венгеров факсимильно воспроизвёл весь лист пушкинских иллюстраций со всеми подписями к «Сказке о попе и о работнике его Балде». На трёх рисунках читатели смогли ясно увидеть подписанные Пушкиным рисунки: «Балда», «Бесёнок», «Старый бес», «Поп толоконный лоб».

Начиная с 1888 года, в российском издательском деле сложилась парадоксальная ситуация: читатели с одинаковой периодичностью получали от издателей сочинения А.С. Пушкина или отдельные сборники, в которых печатались оба варианта сказки — и о попе, и о купце. Издатели печатали «Сказку о купце», вплоть до 1916 года. Так, московский издатель и литературовед В.П. Авенарус выпустил в 1916 году «Сочинения А.С. Пушкина, изданные для юношества». В первом томе этого издания можно прочитать «Сказку о купце». Не спасла «Сказку о попе и о работнике его Балде» и октябрьская революция 1917 года.

В 1919 году Государственное издательство в Москве напечатало, а в 1922 году переиздало переделанный вариант пушкинской сказки. Поп в ней получил фамилию купца, и называлась она следующим образом: «Сказка о попе Остолопе и работнике его Балде». Более того, в книжке приводилось продолжение пушкинской сказки, принадлежавшее перу революционного поэта Демьяна Бедного.

В «Сказке о батраке Балде и о страшном суде...» поэт рассказал о том, как Балду судили за расправу над попом, дали ему «сто батогов» и продали в батраки жестокому барину — «лихому татарину». Балда не выдержал тяжёлых условий труда, «в три года Балда состарился» и «лёг до срока в могилу», пролежал «сотню лет или боле». Но прозвучала «красноармейская труба», вышел Балда из могилы и видит, что в деревне другая жизнь, «помещика нет и в помине», а делами управляет комитет бедности, в барском доме школа, и в ней учатся крестьянские дети, «кто сел за книжки, кто за тетрадки».

Очень понравилась Балде такая жизнь и говорит он:

«— Картиночки. Чисто. Ни грязи, ни пыли.
Прежде и баре-то неучи были.
Народ же бродил, словно тёмное стадо.
А ноне гляди! Помирать не надо!»
Стоит Балда, кругом оглядывается.
Ничего в голове у Балды не укладывается.
— Господи!, — радостно шепчет Балда:
— Не знаю, попал я куда?
Но одно мне, тёмному, ясно,
Что страдал я всю жизнь не напрасно,
И что ежели я — в родимом краю,
Значит, все мужики очутились в раю».

«Сказку о батраке Балде и о страшном суде...», наравне с другими произведениями, Демьян Бедный включил в «Собрание сочинений в одном томе. 1909—1922» (280—283 с.). Оно издано в 1923 году Сатирическим издательством «Крокодил» при «Рабочей газете». У читающей публики «Сказка о батраке Балде» пользовалась ошеломляющей популярностью. Более того, Добровольное общество «Долой неграмотность», председателем которого являлся М.И. Калинин, включило сказку Демьяна Бедного в программу ликбезов.

Странное совпадение: все даты, о которых пойдёт речь ниже, оканчиваются на цифру «7». Со дня написания «Сказки о попе и о работнике его Балде» прошло 187 лет, со дня первой ее публикации в редакции Жуковского — 177, со дня первого знакомства с рукописью на выставке в Румянцевском музее — 137, со дня первой публикации сказки в пушкинском варианте — тоже 137, наконец, в 2017 году исполнилось 97 лет со дня написания Демьяном Бедным продолжения пушкинской сказки, но интерес к ней не ослабевает, напротив, он побуждает исследователей к новым поискам. У этой сказки, действительно, счастливый конец.

2007—2017 гг.

ПЕРСТЕНЬ ЕРМОЛОВА

К 190-летию второй поездки Пушкина на Кавказ

Припоминаю, что «всего Пушкина» планировали издать к 100-летию его гибели, то есть к 1937 году. Не получилось: издание Полного собрания сочинений А.С. Пушкина в 17 томах растянулось на много лет. Последний 17-й том вышел из печати в 1959 году.

Затем на его основе несколько раз издавали Собрание сочинений А.С. Пушкина в 10 томах.

В 1996 году Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук по заказу государственного газетно-журнального объединения «Воскресенье» выпустил Полное собрание сочинений А.С. Пушкина в 17 томах (в 24 книгах). Издание было приурочено к 200-летию со дня рождения поэта. Пополненное новыми материалами, оно значительно отличалось от академического издания 1937—1959 годов.

После его издания у литературоведов появились и новые возможности для работы с творческим наследием одного из величайших поэтов России. Отныне исследователи могли не обращаться в архив Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Материалы, хранящиеся в фондах Пушкинского дома и помеченные знаком «ОЦ» (очень ценно), благодаря

этому изданию, стали доступны не только пушкинистам, но и более широкому кругу исследователей — преподавателям, студентам, историкам, писателям, журналистам, краеведам. В 1996 году газетно-журнальное объединение «Воскресенье», идя навстречу их пожеланиям, выпустило 18-й, ранее не издававшийся, дополнительный том с рисунками поэта. Для его выпуска был создан специальный оргкомитет. В него вошли известные литературоведы, такие, как Д.С. Лихачёв, Н.Н. Скатов, потомок поэта Г.Г. Пушкин, генеральный директор газетно-журнального объединения «Воскресенье» Г.В. Пряхин. А в 1997 году был издан 19-й том, информационно-справочный. Он содержал указатели, каталог рисунков, путеводитель по Пушкину.

Именно это издание сочинений А.С. Пушкина помогло мне ответить на одну неразгаданную литературоведческую загадку. Приведённые ниже строки из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» на исследователей, живущих на Северном Кавказе, действуют завораживающе.

«В Ставрополе, — пишет Пушкин, — увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были всё те же, всё на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи.

Из Георгиевска я заехал на Горячие воды. Здесь нашёл я большую перемену. В моё время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частию в первобытном своём виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведён по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зелёные лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость...

Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния; мне было

жалъ крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звёзд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сживал со мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окружённый горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...»

Откроем 8-й том Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. В первой книге этого тома опубликован известный исследователям окончательный пушкинский вариант «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года», а во второй — ранние редакции того же произведения, по которым исследователи могут проследить, как Пушкин работал над текстом, увидеть его исправления, зачёркивания, вставки, сноски, пометки на полях, как менялось название...

Нас же интересует та часть текста, которая не вошла в окончательный вариант «Путешествия в Арзрум...» В Георгиевске 15 (27) мая Александр Сергеевич записал в тетради: «Путевые заметки 1829 г.» Это первая запись в дневнике и первое название «Путешествия в Арзрум...» С этих слов начинаются путевые записки Пушкина о его поездке на Кавказ и в Закавказье.

В первом варианте заметок находим: «С неизъяснимой грустью пробыл я часа три на водах; [с полнотою чувства разговаривал с любезными Же... и Жи... и старался изъяснить им мои печальные впечатления. Они меня поняли и дружески со мною распростились.] Я поехал обратно в Георгиевск — берегом быстрой Подкумки».

Вначале Пушкин пишет: «искренно старался передать им мои сердечные впечатления», потом вычеркивает слово «искренно», «передать» меняет на «изъяснить», а вместо «сердечные» ставит «печальные».

Кто такие «Же...» и «Жи...», и почему они с трудом, но всё же «поняли» Пушкина? На каком языке разговаривал с ними поэт —

на французском или на итальянском? В одной из редакций Пушкин записал: «Они меня поняли, по дружески проводили до тележки и я поехал обратно в Георгиевск...»

Критик О.И. Сенковский, профессор факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, писал об изучении Пушкиным языков: «Из языков он тогда в Лицее знал один только французский и весьма слабо латинский. После, уже в зрелом возрасте, выучился по-итальянски, по-немецки, по-английски и по-польски, и то в той степени только, в какой это знание было необходимо для чтения великих образцов поэзии и литературы...» Далее Сенковский отмечает, что Пушкин «к 1835 году свободно читал по-итальянски».

Отец поэта Сергей Львович Пушкин, по словам первого биографа Пушкина П.В. Анненкова, «владея в совершенстве французским языком, он писал на нём стихи так же легко, как француз, и дорожил этой способностью». По слухам он написал целую книгу стихами и прозой, рассуждал в ней о современной русской литературе.

В семье поэта все изъяснялось по-французски. Маленький Пушкин и его сестра Ольга воспитывались вместе, говорили, писали и твердили уроки из всех предметов по-французски. П.В. Анненков отмечал, что библиотека отца поэта была наполнена французскими классиками XVII века и произведениями философов последующего столетия. К одиннадцати годам будущий поэт знал наизусть всю французскую литературу. Впоследствии для него было нормой писать письма по-французски жене Наталье Николаевне, генералу А.Х. Бенкендорфу, дочери М.И. Кутузова княгине Е.М. Хитрово, помещице из села Тригорского, соседке по Михайловскому, П.А. Осиповой...

Возвратившись с Кавказа в Петербург, Пушкин опубликовал в «Литературной газете» (1830, № 6) небольшой очерк «Военная Грузинская дорога» с подзаголовком «Извлечение из путевых записок А. Пушкина». Полностью текст появился в журнале «Современник» (1830, № 1), правда, под названием «Путешествие в

Арзрум во время похода 1829 года». И более при жизни Пушкина «Путешествие...» не печаталось.

Позднее, издатели не раз обращались к этому произведению. После гибели поэта оно выходило на протяжении XIX века во всех наиболее авторитетных изданиях его сочинений под редакцией Анненкова, Смирдина, Павленкова, Ефремова, Морозова, Венгерова, Суворина и других. Несмотря на то что отрывок «Военная Грузинская дорога», как и всё «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» при жизни Пушкина был напечатан с крупными цензурными изъятиями и ошибками, издатели не утруждали себя, продолжая печать текст «Путешествия...» с искажениями. При том, что рукописные материалы, относящиеся к «Путешествию в Арзрум», в разные годы публиковались и на рубеже XIX и XX веков были известны издателям. Среди них беловой автограф «Путешествия в Арзрум», подготовленный Пушкиным для издания отдельной книгой; автограф отрывка «Военная Грузинская дорога», напечатанного в «Литературной газете»; автограф «Путевых записок» 1829 года; автограф отрывка из «Путевых записок», датированного «Арзрум, 12 июля 1829 года»; автограф первоначальной редакции «Предисловия»; цензурный экземпляр автографа «Предисловия»; первоначальная рукопись «Маршрута от Тифлиса до Арзрума»; писарская копия «Приложений» и «Маршрут от Тифлиса до Арзрума».

Обращает внимание на себя одна особенность пушкинского текста. Как в первых изданиях «Путешествия...», так и в изданиях, вышедших в конце XIX века, многие персонажи из «Путевых записок...» Пушкина всё ещё оставались анонимными. Читатели, открывавшие, например, томик сочинений, изданных А.С. Сувориным в 1887 году, встречали такие фразы: «На всякий случай я написал от имени всего нашего каравана официальную просьбу к Ч***, начальствующему в здешней стороне...». Или: «18 пар тощих, малорослых волов, понуждаемых толпою полунагих осетинцев, насилу тащили лёгкую венскую коляску приятеля моего О***»; «В Гергерах встретил я Б., который, как и я, ехал в ар-

мию...». В тексте «Путешествия...», предназначенном для печати, упоминается «г-н А», то есть Александр Раевский.

В издании «Путешествия...» за 1986 год напечатано: «Здесь, бывало, сиживал со мною А. Раевский, молча прислушиваясь к мелодии волн...» В путевом дневнике Пушкин пишет иначе: «Здесь, бывало, сиживал со мною Н. Николай (Р)аевский), молча прислушиваясь к мелодии волн...» Справедливости ради следует отметить, что на Кавминводах Пушкину был ближе Николай Николаевич Раевский, 1804 года рождения. Со старшим из братьев Александром Николаевичем Раевским, 1795 года рождения, поэт сблизился позднее, в Одессе.

По дороге в Арзрум Пушкину встречались люди, которых он представлял читателям по титулам, именам, фамилиям. Он писал и о совершенно случайных попутчиках, называя их также по именам, таких, как, например, князь Казбек из одноимённой деревни, тифлисский банщик Гассан, молодой армянин Артемий, приглашённый поэтом в армию. А имена своих приятелей и знакомых Пушкин обозначал заглавной буквой фамилии, ставил многоточия, звёздочки. Скрывал, не хотел афишировать свои встречи с сосланными на Кавказ декабристами? Но ведь «Г.С.» — генерал Стрекалов Степан Степанович, тифлисский военный губернатор. А встреченный Пушкиным в Гергерях «Б» — адъютант военного министра Бутурлина. Но они не имели отношения к декабристам.

Исследователь В.С. Шадури в книге «Пушкин и грузинская общественность» (1966) предположил, что Пушкин воспользовался сложным приёмом зашифровки имён декабристов, и лиц благонадёжных, для того, чтобы «спутать карты» своим врагам. Возможно.

Со дня первого издания «Путешествия...» прошло 189 лет. И за это время литературоведами проделана большая работа по расшифровке пушкинского текста. Но и в наше время, в начале XXI века, в тексте «Путешествия в Арзрум...» ещё встречаются многоточия и звёздочки. Например, до сих пор неизвестно, кого зашифровал Пушкин под именем «О***», которого назвал «моим приятелем».

Из Ставрополя Пушкин отправился в Георгиевск, а далее заехал на Горячие воды. В рассказе он употребляет местоимение «я»: «увидел я», «я заехал», «я карабкался», «я ехал берегом Подкумка». Но после отъезда из Георгиевска пишет: «мы отправились», «мы тронулись», «мы слышали глухой шум», «мы поехали»... Выясняется, что в оказии, следовавшей до Тифлиса, Пушкин упоминает графа Мусина-Пушкина и его родственника Шернвалья, но встретил он его раньше: «В Новочеркасске нашёл я графа Пушкина, ехавшего также в Тифлис, и мы согласились путешествовать вместе».

Граф В.А. Мусин-Пушкин — капитан, декабрист. Образование получил домашнее, в иезуитском пансионе, в пажеском корпусе. В 1816 году назначен в Бородинский пехотный полк. В 1817 году переведён прапорщиком в лейб-гвардейский Измайловский полк и назначен адъютантом к главнокомандующему I-й армии графу Ф.В. Остен-Сакену в Могилёв. За короткий срок сделал успешную военную карьеру: в 1819 году он — подпоручик, в 1820 — поручик, в 1822 — штабс-капитан, в 1824 — капитан. Член Северного общества с августа 1825 года. После подавления восстания декабристов на Сенатской площади арестован в Могилёве 2 января 1826 и 6 января на полгода заключён в Петропавловскую крепость. По велению Николая I после шестимесячного заключения молодой граф был переведён из гвардии в один из обычных полков 25-й пехотной дивизии в Финляндии — в Петровский пехотный полк. В феврале 1829 года переведён на Кавказ в Тифлисский пехотный полк в том же звании. По дороге к новому месту службы и произошла его встреча с Пушкиным.

Владимир Алексеевич был старше Александра Сергеевича всего на один год. Граф Мусин-Пушкин рождён в 1798 году, поэт Пушкин — в 1799-м.

Владимир Алексеевич родился в семье графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, открывшего российскому читателю «Слово о полку Игореве». К тому времени его уже не было в живых, он умер в 1817 году.

Вторым лицом, обозначенным в первом издании буквой «Ш», был Эмилий Карлович Шернваль, финляндец, зять упомянутого выше графа Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина, брат известной красавицы Авроры Карловны Карамзиной.

Третьим человеком, следовавшим вместе с Пушкиным в Тифлис, был тот самый приятель под именем «О***», лёгкую венскую коляску которого еле тащили «18 пар тощих, малорослых волов».

Описывая своё пребывание в Тифлисе, Пушкин упоминает П.С. Санковского, издателя газеты «Тифлиссские ведомости», первый номер которой появился 4 июня 1828 года. Газета выходила один раз в неделю и предполагала, как писал Главноуправляющий Грузией барон Г.В. Розен, входило «...сообщать России сведения о столь мало ещё известном Закавказском крае и обратно знакомить туземцев с Россией и европейской образованностью».

Санковский, писал Пушкин, «рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе Цицианове, об А.П. Ермолове и проч. Санковский любит Грузию и предвидит для неё блестящую будущность».

Именно с благословения Санковского в «Тифлиссских ведомостях», в номере от 28 июня 1829 года, была помещена заметка следующего содержания: «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволения находиться в походе при действующих войсках и 16 июня прибыл в лагерь при Искан-Су. Первоклассный поэт наш пребывание своё в разных краях России означил произведениями славного его пера: с Кавказа дал он нам «Кавказского пленника», в Крыму написал «Бахчисарайский фонтан», в Бессарабии — «Цыган», во внутренних провинциях писал он прелестные картины «Онегина». Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. Пушкина в стане кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного. Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани».

Имя Павла Степановича Санковского, писателя, редактора газеты «Тифлисские ведомости», чиновника особых поручений при командире Отдельного Кавказского корпуса, генерал-фельдмаршале И.Ф. Паскевиче, в первой публикации «Путешествия в Арзрум...» Пушкин зашифровал одной буквой «С».

Описывая нравы и обычаи армянских и грузинских семейств, кахетинские и карабахские вина, лавки, полные турецких и персидских товаров, поведение русских офицеров и молодых титулярных советников, Пушкин отмечал, что и те и другие приезжают сюда за чинами и «смотрят на Грузию как на изгнание». Отсюда и приключения: «Граф С. и В., прославившие здесь богатырями, обыкновенно пробовали свои новые шашки, с одного маху перерубая надвое барана или отсекая голову быку». В первом пушкиноведы узнали графа Николая Александровича Самойлова, вышедшего после блестящей военной карьеры в отставку в чине полковника и жившего после Тифлиса то в Москве, то в Киеве, то в Одессе. Самойлов был последним представителем своего рода. После отставки, как писал петербургский почтовый директор А.Я. Булгаков, Самойлов «прокутил почти полмиллиона рублей». Второй из окружения Самойлова под именем «В» остался неизвестным, хотя выяснение личностей, которых Пушкин встретил во время путешествия в Арзрум, занимает не одно поколение исследователей жизни и творчества поэта.

Нас интересует, с кем общался Пушкин на Водах, обозначив своих собеседников под именами «Же...» и «Жи...» Перечитаем полностью дневниковые записи, не вошедшие в «Путешествие в Арзрум...» В них содержится, на наш взгляд, гораздо больше информации о посещении Пушкиным Горячеводска в мае 1829 года, чем в публикации журнала «Современник»:

«Я нашёл на водах большую перемену. — В моё время ванны находились в (бедных) лачужках, наскоро построенных. — Посетители жили кто в землянках, кто в балаганах. Источники, по большей части в первобытном своём виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе серные и сели-

тровые следы. — У целебных ключей старый инвалид подавал вам ковшик из коры или разбитую бутылку. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведён по склонению Машука. — Везде чистенькие дорожки, зелёные лавочки, правильные партеры, мостики, павильоны. — Ключи обделаны, выложены камнем, и на стенах ванн прибиты полицейские предписания. — Везде порядок, чистота, красивость.

Что сказать об этом. — Конечно, Кавказские воды нынче представляют более удобностей, более усовершенствования. — Таков естественный ход вещей. — Но признаюсь: мне было жаль прежнего их дикого, вольного состояния. — Мне было жаль наших крутых каменистых тропинок, кустарников и неограждённых пропастей, по которым бродили мы в прохладные кавказские вечера. — Конечно, этот край усовершенствовался, но потерял много прелести. — Так бедный молодой шалун, сделавшись со временем человеком степенным и порядочным, — теряет свою прежнюю любовь.

С неизъяснимой грустью пробыл я часа три на водах; с полносью чувства разговаривал я с любезными Же... и Жи... и старался изъяснить им мои печальные впечатления. Они меня поняли и дружески со мною простились...»

Грусть и печаль, посетившие поэта, были навеяны воспоминаниями о его первой поездке на Воды с семьёй генерала Раевского. Пушкин вспоминал Николая Раевского, сидевшего с ним на берегу Подкумка. Он всматривался вдаль, перед ним поднимался ввысь величавый Бешту, «окружённый горами, своими вассалами».

Полный впечатлениями и воспоминаниями о поездке на Кавказ в 1820 году, Пушкин торопливо запишет в тетради:

«15 мая

Всё тихо — на Кавказ ночная тень легла
Мерцают звёзды надо мною —

Мне грустно и легко — печаль моя светла
Печаль моя полна тобою».

Затем, это хорошо видно в рукописи стихотворения, Пушкин изменил первые строчки: в первой «ночная тень легла» заменил на «сошла ночная мгла», исправил ещё раз на «идёт ночная мгла»; во второй строке вместо «мерцают» написал сверху «восходят».

Всё тихо — на Кавказ идёт ночная мгла
Восходят звёзды надо мною
Мне грустно и легко — печаль моя светла
Печаль моя полна тобою.

Третья и четвёртая строки останутся без изменений. Позднее Пушкин изменит первые две строчки и перенесёт место действия в Грузию:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Не побывай Пушкин второй раз на Кавказе, наверное, и не было бы одного из лучших лирических стихотворений в русской литературе.

Пушкин увидел будущий Пятигорск в «диком его состоянии» и в начале больших его перемен, когда он превращался в уютный, чистенький городок европейского типа. Но верно и то, что и в двадцатые годы не все приезжающие на Воды жили в землянках и балаганах. С 1811 года калмыки, астраханские и саратовские тата-

ры ставили на Водах войлочные юрты. Проживание в юрте стоило 25 рублей, а за месячный наём квартиры с приезжающих брали по 250 рублей. Первый гражданский дом в будущем Пятигорске построил в 1812 году некий чиновник Чернявский, служивший в соседней Константиногорской крепости. Пушкин в свой первый приезд летом 1820 года жил в пятигорской усадьбе предводителя дворянства Кавказской губернии (одного из первых первопоселенцев КМВ) Алексея Фёдоровича Реброва. Об этом событии напоминает мемориальная доска, установленная на доме, сохранившемся до наших дней по современной улице Карла Маркса, 6.

Побывавший в 1825 году Павел Петрович Свиньин, писатель, историк, путешественник, собиратель древностей, первый издатель журнала «Отечественные записки», написал восторженный репортаж в «Северную пчелу»: «Нет почти недуга, который бы не мог быть исцелённым на Кавказе, самая старость отряхивает здесь свою дряхлость и шестидесятилетние больные поучают бодрость юности...» Во времена П.П. Свиньи́на в Пятигорске насчитывалось 65 домов, а к 1829 году — 76. А у подошвы горы Горячей на берегу Подкумка образовалась Кабардинская солдатская слободка из 59 домов.

Репортаж в виде письма к издателям «Северной пчелы», отмечали исследователи, больше напоминал сказку. Но в штабе Кавказского корпуса к сей сказке отнеслись с удовлетворением: репортаж П.П. Свиньи́на привлекал на новый южный курорт российский гражданскую публику.

Начало большого строительства на Водах историки связывают с именем генерала А.П. Ермолова. Алексей Петрович был назначен Кавказским наместником в 1816 году. «Кавказ — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Штурм будет стоить дорого, так поведём же осаду», — в этих словах Ермолова заключена целая программа его десятилетнего правления. Но кроме военных задач, Ермолову предстояло решать и гражданские задачи. Для этого нужны были люди, много людей, деятельных, инициативных, энергичных, чтобы привести «гибель-

ный Кавказ» в процветающий край. Ермолов полюбил Кавказ, его природу и его суровую жизнь. Центром управления огромным краем была древняя, насчитывавшая едва ли не полторы тысячи лет, столица многострадальной Грузии Тифлис. На восток от Военно-Грузинской дороги лежали Чечня и Дагестан, на запад — Кабарда и Закубанье, на север — Кавказская губерния, преобразованная в 1822 году в Кавказскую область с четырьмя уездами — Георгиевским, Кизлярским, Моздокским и Ставропольским. И с центром в Ставрополе. Реформы по управлению краем начались сразу же, в первый год ермоловского правления.

Повсюду началось возведение штаб-квартир на местах постоянной дислокации войск, перевод солдат из казарменного на полукочевнический быт.

Сохранилась собственноручная записка Ермолова «О мундирах, амуниционных и прочих вещах статями (видимо, штатным расписанием. — прим. авт.) положенных, в которых, по мнению моему, нужно сделать некоторые перемены». Главнокомандующий добился «в верхах» разрешения носить солдатам вместо неудобных и тяжёлых киверов папахи и бараньи шапки, а вместо громоздких и мешающих в горном походе ранцев — холщовые мешки. Зимой вместо шинелей солдаты носили полушубки. Ермолов запретил изнурять солдат «строевыми экзерцициями», увеличил рядовым и унтер-офицерам мясную и винную порцию, а солдатам частей, расположенных по берегам Чёрного и Каспийского морей (по нездоровому климату) и в Тифлисе (по дороговизне жизни), выхлопотал на улучшение питания двадцать копеек серебром.

До приезда Ермолова на Кавказ войска Отдельного Грузинского (с 1820 года — Отдельного Кавказского. — прим. авт.) корпуса страдали от болезней и эпидемий не меньше, чем от стычек с неприятелем. Сырые ущелья, холодные перевалы, гнилые болотистые места с их неизменным спутником — лихорадкой, — всё это угнетающе действовало на солдата, особенно на новобранца.

В одном из донесений Ермолов писал Александру I: «Устрою казармы вместо убийственных землянок, госпитали, лазареты...

Уничтожу многие из постов, куда назначение офицеров и солдат есть смертный им приговор...»

Побывав впервые в Горячеводске и, ознакомившись с положением дел на Водах, Ермолов с огромной энергией взялся за строительство на Кавказе лечебных и оздоровительных учреждений. Начало расцвета Горячеводска приходится примерно на 1823 год. Ермолов понимал, что для создания популярного курорта в предгорьях Кавказа нужны значительные затраты и, самое главное, «строить курорт надо с европейским размахом, с помощью способных архитекторов». И он обращается к графу В.П. Кочубею, управляющему Министерством внутренних дел России, с просьбой прислать «толковых архитекторов».

Из письма управляющего Министерством внутренних дел графа В.П. Кочубея главнокомандующему Кавказским корпусом генералу А.П. Ермолову:

«Милостивый Государь мой Алексей Петрович, я имел честь получить письмо Вашего Высокопревосходительства, на которое долгом считаю сообщить Вам, Милостивый Государь мой, следующее:

По неимению в виду хорошего и знающего дело своё архитектора, я боялся снабдить вас таким, который испортит строения, столь важного капитала стоящие, мог бы причинить напрасную потерю казне и вам неудовольствие. Опыт многократный научил меня уже принимать в сём случае возможные осторожности, следуя коим и согласил я каменных мастеров Бернардацци отправить к вам.

Оба они известны здесь как люди, имеющие хорошие сведения в архитектуре и приобретшие большой опыт, так что один из них в должности архитектора определён при Кабинете Государя Императора.

Звание каменных мастеров сохраняют они потому только, что с оными выехали из Италии, но на самом деле они очень хорошие архитекторы, и я надеюсь, что опыт удостоверит вас в том мнении, какое я об них имею.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга».

На Кавказ архитекторы Бернардацци прибыли, имея на руках контракт следующего содержания:

«Контракт архитекторов Ивана и Иосифа Бернардацци с Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на строительство зданий при Кавказских Минеральных Водах.

21 августа 1822 г.

С.-Петербург

1822 г. августа 21 дня мы, нижеподписавшиеся архитекторы Иван и Иосиф Бернардацци, дали сие обязательство в Медицинском департаменте Министерства внутренних дел в том, что мы обязуемся ехать на Кавказ, где минеральные воды, и производить постройку по планам и по фасадам бань и пр. к ним принадлежащих зданий на нижеследующих кондициях:

1. Производить нам жалованье каждому по 4000 руб. в год ассигнациями, начав оное со времени отправления нашего туда из С.-Петербурга, и получить оное здесь впредь за треть;

2. На проезд из С.-Петербурга до Георгиевска так и оттуда обратно в С.-Петербург выдать нам прогоны каждому на три лошади, равным образом там на месте, ежели какие будут поездки касательно до строения, выдать нам прогоны каждому на 2 лошади;

3. По прибытии нашем на место дать нам приличные квартиры с отоплением и освещением;

4. Для присмотру в производстве работ иметь нам отсюда по нашему выбору десятника на казённый счёт;

5. Во время производства строений никто в практические работы не имеет права вмешиваться;

6. Чтобы положенные в смете материалы для оных строений были доставлены по нашему требованию в надлежащей доброты и без замедления.

Подписи

Архитектор Giovanni Bernardazzi

Архитектор Giuseppe Bernardazzi»

Вместе с архитекторами Бернардацци в Горячеводск прибыл ещё один важный человек, незаменимый помощник в их делах, о чём свидетельствует архивный документ:

«Предписание министра внутренних дел В.П. Кочубея генералу А.П. Ермолову об определении десятником крепостного крестьянина Якова Зиновьева на Кавказские Минеральные Воды.

23 августа 1822 г.

1822 г. августа 21 дня управляющий Министерством внутренних дел по заключённому в Медицинском департаменте условию приказал крестьянина Ярославской губернии, Даниловского уезда, деревни Выгори, помещицы тайной советницы Нарышкиной Якова Зиновьева отправить десятником для присмотра за работами строений, кои при Кавказских Минеральных Водах будут производиться...»

Ранее приезжавшие на Воды квартировали в двух верстах от источников, в обветшалой Константиногорской крепости, основанной в 1780 году. И дважды в день ездили на Воды, а за продовольствием посылали в Георгиевск, за тридцать вёрст. Зачастую же приезжавшие на Воды из центральных губерний России везли с собою одежду, обувь, продовольствие, кухонную утварь, палатки, материалы, из которых затем сооружали возле источников что-то похожее на временное жильё или в наскоро сделанных шалашах.

Чтобы покончить с беспорядочной застройкой вокруг Горячего источника по представлению Главнокомандующего Отдельного Кавказского корпуса А.П. Ермолова в 1822 году учреждена Особая строительная комиссия, на которую было возложено составление проектов, руководство сооружением зданий. Старые, пришедшие в ветхость ванны, по приказу Ермолова сломали. На их месте построили новую деревянную купальню, которая получила название Ермоловской. Просуществовала она до 1874 года. Все новые постройки, разработанные под наблюдением архитекторов Джузеппе и Джiovанни Бернардацци, выполнялись только в стиле классицизма, и по составленному ими генеральному плану города Пятигорска.

Жителей Константиногорской крепости отныне селили ближе к источникам. Строительная комиссия отводила им под строительство домов участки, что послужило основанием будущего Пятигорска. В 1825 году в будущем Пятигорске насчитывалось 65 домов, а к 1829 году — второму приезду Пушкина на Воды — было построено 76 домов. А в следующем 1830 году Николай I утвердил Положение Комитета Министров «Об учреждении при Кавказских Минеральных Водах нового г. Пятигорска и о переводе туда присутственных мест из г. Георгиевска».

Ещё 59 домов возвели у подошвы горы Горячей на берегу Подкумка, образовав таким образом Кабардинскую солдатскую слободку. Она возникла благодаря Ермолову. Её история такова. Одна старая солдатка рассказывала так: «Пообстроились полковые штаб-квартиры, пообзавелись солдатки разными необходимыми солдатки разными необходимыми атрибутами оседлой жизни, а всё чего-то им недоставало. Скучен и молчалив был народ и оживлялся только во время вражеских нашествий; мало того, госпитали и лазареты были переполнены больными... Думало, думало начальство — как пособить горю? Музыка на плацу по три раза в день играла, качелей везде понастроили — нет, не берёт! Ходят солдатки скучные, понасупились, есть не едят, пить не пьют, поисхудали страх как. На счастье, нашёлся один генерал — Ермолов, большой знаток людей. Он и разгадал, чего недостаёт для солдатусшек, и отписал по начальству, что при долговременной, мол, службе на Кавказе, в глуши, в горах да лесах, им необходимы жёны. Начальство пособрало по России несколько тысяч вдов с детьми да молодых девушек (между последними всякие были) и отправило их морем из Астрахани на Кавказ, а часть переслало и сухим путём на Ставрополь. Так знаете, какую встречу устроили им? Только что подошли к берегу, где теперь Петровское, как артиллерия из пушек палить стала — в честь бабы, значит, — а солдатки шапки подбрасывали на «ура!» кричали. А замуж выходили по жребии, кому какая достанется. Тут уж приказание начальства да Божья планида всем делом заправляли. А чтобы иная попалась

другому да не по сердцу — так нет, что ты! Они, прости Господи, на козах бы переженились, а тут милостивое начальство им настоящих жён даёт...»

Так, благодаря Ермолову, на Кавказе закладывалась семейная, оседлая жизнь закавказских и линейных полков. А солдатские жёны, приспосабливаясь к суровым условиям, были не только хозяйками и матерями, но и разделяли с мужьями их воинские заботы. В своих воспоминаниях Ермолов писал, что видел солдатских жён, «которые хорошо стреляли в цель...»

Народ сохранил память о ротах женатых солдат: это их руками выстроены знаменитые ныне курорты Пятигорска и Кисловодска. Многие, построенные в те годы жилые дома, общественные здания, сохранились до наших дней.

В 1826 году на южном склоне горы Машук архитекторы Бернардацци закладывают капитальное одноэтажное здание Николаевских ванн на шестнадцать кабин. Строительство велось в строгих формах классической архитектуры первой четверти XIX столетия. Болотистое место перед ваннами архитекторы превратили в роскошный цветник. Николаевские ванны были лучшими на курорте. В настоящее время они являются архитектурно-художественным памятником и носят наименование Лермонтовских.

Рядом по проекту петербургского архитектора И. Шарлеманя возвели здание знаменитой «Ресторации» (ныне Институт курортологии. — прим. авт.), построили офицерский дом для небогатых офицеров, дома для офицеров и солдат Кавказского корпуса, чиновников, купцов. Архитекторы думали не только о жилье. Из Георгиевска к будущему Пятигорску проложили удобную дорогу. В городе соорудили каменный водопровод, подземный канал для стока воды, заложили бульвар, «обсаженный липками», построили беседки, гроты, павильоны... За Пятигорском посадили обширный сад, основу которого составляли персиковые, абрикосовые и сливовые плодовые деревья.

В Кисловодске, на месте которого Ермолов увидел земляную развалившуюся крепость Кислою, четыре заржавленных чугунных

пушки, домик коменданта, казарму для солдат, источник, окружённый полусгнившим плетнём, шалаши, наскоро сооружённые приезжающими на Кислые Воды, Алексей Петрович первым делом приказал поставить калмыцкие кибитки.

На следующий год по его распоряжению привезли в Кисловодск из Астрахани деревянные домики. Затем построили первую деревянную гостиницу, заложили сад для прогулок, у колодца с минеральной водой построили небольшие ванны. Алексей Петрович, показывая пример сослуживцам, делал пожертвования на обустройство минеральных вод из собственного жалования.

«У сих вод, — писал он, — израненный солдат, восстановивший силы на продолжение верной Отечеству службы, благодарить будет за попечение о нём...»

Большую часть времени генерал Ермолов проводил в Тифлисе, поэтому наблюдение за строительством и благоустройством курортов на Кавказских Минеральных Водах он возложил на командующего войсками Кавказской линии генерала Георгия Арсеньевича Емануеля (в среде московских и Санкт-Петербургских исследователей сегодня принято писать: Георгий Арсеньевич Эммануэль. — *прим. авт.*).

«В течение пятилетнего управления ген. Емануеля, — писал известный врач того времени Ф.А. Баталин, — Горячеводск совершенно преобразился: из невзрачного бедного поселения он превратился в чистенький беленький городок, до половины утонувший в зелени...

В своих трудах по устройству Горячеводска Емануэль нашёл деятельных помощников в двух братьях Бернардацци, состоявших при Водах в качестве архитекторов от правительства, то были люди честные, деятельные, художники в душе и практики в деле... По их планам и под их надзором выстроился Пятигорск».

Современники отмечали, что бурная деятельность талантливых зодчих братьев Бернардацци на Кавказских Минеральных Водах выходила за рамки контракта, подписанного ими с правительством.

«Они, — писал владикавказский исследователь Г.С. Кусов, — создавали архитектурное лицо города, контролировали строительство, добывали камень, рубили лес для подогрева воды, пропагандировали своё детище с помощью рисунков, литографий, чертили планы. Разъезжали в поисках стройматериалов и котлов для подогрева воды по Кавказу и России. Из одной такой поездки брата привезли чугунные изделия, отлитые на луганском заводе в 1829 году».

В фондах Государственного литературного музея в Москве исследователь обнаружил литографию, выполненную по рисунку Иосифа Бернардацци. На ней запечатлено красочное графическое изображение центральной части города-курорта, который увидел Пушкин в свой второй приезд на Кавказ: на одном из пригорков фигура барыни, офицеры, наблюдавшие за двумя дамами с собачкой, поднимающийся в гору возок, открытый экипаж, богатая карета голубого цвета, возница с раскрытым зонтом на облучке. И всё это на фоне добротных строений.

В конце XIX века посетители грота Дианы в Пятигорске с любопытством осматривали две чугунные доски с текстом на русском и, как утверждал Баталин, на одном из туземных языков. Вот этот текст:

«В царствование Всероссийского императора Николая I здесь стоял лагерем с 8 июля 1829 года командующий Кавказской линии генерал от Кавалерии Георгий Эмануэль: при нём находились сын его Георгий 14 лет, посланные Российским правительством Академики: Купфер, Ленц, Менетрие и Мейер, также чиновник Горного Корпуса Вансович, Минеральных Вод Архитектор Иос. Бернардацци и Венгерский путешественник И. Бессе.

Академики и Бернардацци, оставив лагерь, расположенный на 8000 футах (т. е. 1143 саженьях) выше морской поверхности, входили 10-го числа на Эльбрус до 15700 футов (2242 саженьей), вершины же оного 16330 футов (2333 саженьей) достиг только кабардинец Хилар...»

Так младший из братьев Бернардацци оказался не только

участником известной экспедиции, организованной героем Отечественной войны 1812 года обрусевшим сербом генералом Георгием Арсеньевичем Еммануелем, но и свидетелем первого покорения высочайшей вершины Кавказа: 22 июля 1829 года на восточную вершину Эльбруса поднялся проводник кабардинец Киллар Хаширов.

Иосиф Бернардацци оставил большую коллекцию кавказских рисунков, в том числе изображение покорения Эльбруса.

Братья Бернардацци не вернулись на родину, в Швейцарию. Они посвятили всю свою жизнь, свои знания и своё мастерство созданию курортов Кавказских Минеральных Вод. Делали они это бескорыстно, жили на скромное жалованье, не гонялись за чинами и орденами. Их подвиг по-настоящему оценил лишь Ермолов. Покидая Кавказ в мае 1827 года, он специально заехал в Горячеводск и вручил старшему из братьев алмазный перстень.

Не Ермолов ли посоветовал Пушкину познакомиться с братьями Бернардацци, когда поэт отправился на Кавказ во второй раз? В подробном плане горячеводских строений с перечислением домов того времени нет ни чиновников, ни военных с фамилиями, начинающимися на «Же» и «Жи». В архивных документах, в старых справочниках, в описаниях Кавказских Минеральных Вод итальянских архитекторов Джiovанни и Джузеппе Бернардацци называют нередко русскими именами Иван и Иосиф.

Пушкин, видимо, собирался рассказать в «Путешествии в Арзрум...» о талантливых зодчих Кавказа. В его черновиках просматривается план этого рассказа: а) Горячие воды в 1820 году; б) появление на окраине России города-курорта; в) знакомство и разговор с зодчими Вод.

Во время подготовки «Путешествия...» к печати Пушкин сократил текст, отдельные его части переписал. Упоминание о любезных «Же...» и «Жи...» осталось лишь в черновиках его кавказского дневника.

На старом пятигорском кладбище, недалеко от места первого захоронения М.Ю. Лермонтова, на возвышении, откуда видна

панорама центральной части Пятигорска, сохранился необычной формы памятник: каменная пирамида на постаменте. Утверждают, что именно здесь похоронены братья Бернардацци. Первым умер младший из братьев Джузеппе в 1840 году, вторым — старший Джиованни в 1842 году. Первому было 52 года, второму — 60 лет.

Пятигорск помнит талантливых зодчих: одна из его улиц носит имя братьев Бернардацци. В книгах современных авторов по истории городов Кавказских Минеральных Вод обязательно упоминаются их имена и их добрые дела.

Пушкин писал: «Кавказский край, знойная граница Азии — любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и своим гением...» Рядом с именем Ермолова стоят имена и братьев Бернардацци, которых Пушкин окрестил «любезными Же... и Жи...» О судьбе алмазного перстня, подаренного Ермоловым старшему из братьев Бернардацци, ничего не известно.

Март 2019 г.

«НА ВОДЫ. В ПЯТИГОРСК...»

О поездке одиннадцатилетнего Лермонтова на Кавказ

Весной 1825 года тарханская помещица Елизавета Алексеевна Арсеньева (урождённая Столыпина) объявила домочадцам, что вместе с внуком снова едет на Кавказ, дабы поправить водами и горным воздухом здоровье Мишеньки. Зная, что Мишу скоро придётся отдать в учение в Москву или Петербург, бабушка решила сделать внуку подарок, очень щедрый, — поездку на Горячие Воды на целое лето.

К бабушке Екатерине

Это была её третья поездка «на Воды» с юным Лермонтовым, которому в то лето шёл одиннадцатый год. О двух первых поездках поэта известно немного. Считается, что первый раз Лермонтова ребёнком бабушка привезла на Кавказ летом 1818 года. Отдыхала Арсеньева с Мишелем и семьёй брата Александра Алексеевича Столыпина в имении сестры Екатерины Алексеевны Хастатовой в станице Шелкозаводской на Тереке, за Владикавказом, ближе к Кизляру. Имение именовалось Шелковицей, или «Земной рай», а военная крепость Ивановской. «...Имение, — писал первый биограф поэта профессор П.А. Висковатый, — подвергалось частым

нападениям горцев; кругом шла постоянная мелкая война. Однако Екатерина Алексеевна так привыкла к ней, что мало обращала внимания на опасность. Если тревога пробуждала её от ночного сна, она спрашивала о причине звуков набата: «Не пожар ли?». Когда же ей доносили, что это не пожар, а набег, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сон. Бесстрашие её доставляло ей в кругу родни и знакомых шуточное название «авангардной помещицы», так как имение Хастатовой было расположено на рубеже, за которым жили горские племена.

В рапорте Кизлярского окружного землемера Кудрявцева от 21 января 1824 года за № 6 содержится описание этой пограничной линии:

«...Проходя по оному урочищу реке Тереку, направо — земля, с лесными угодьями общего владения ген.- майорши Хастатовой, а налево — река Терек и за оной — горские владения. Длина этой линии 188 саж...»

«...Дошел до поворота 486 саж., с оного места поворот на румб от S к W 52 градуса 30 мин., направо — земля и лесные угодья владения г-жи Хастатовой, а налево — река Терек, а за оной — горские народы...»

«...С оного места поворот на румб от N к W 68 градусов, направо — крепость Ивановская, а налево — река Терек, а за оной — лесные угодья г-жи Хастатовой...»

И еще одна важная деталь из архивного дела № 1342 Государственного архива Ставропольского края за 1819 год:

«3. Крепость Ивановская или Шелкозаводская. На реке Терек — между селениями Паробичевого и Шелкозаводского — обращена в военный пост, в котором находятся 2 роты. Обывателей же и предместья нет, почему и земли для оной не назначаются».

Эти документы впервые были обнаружены Сергеем Ивановичем Недумовым, который в должности старшего научного сотрудника, затем заведующего отделом фондов, с 1939 года до ухода на пенсию в 1961 году работал в музее «Домик Лермонтова в Пятигорске». Но, к сожалению, до сего времени современные лер-

монтоведы практически не обращают внимания на эти находки. А между тем, считали составители книги С.И. Недумова «Лермонтовский Пятигорск», которая была издана полностью только после смерти автора, как могло так долго существовать имение Хастатовой на самой границе с горами. Никакая храбрость владельцев имения, замечают составители, о которой сохранились воспоминания современников, не могла бы противостоять отчаянным набегам. Крепость находилась под охраной военных.

И, тем не менее, в списке, «кому именно старейшим в дворянском роде женска пола по Кавказской губернии розданы бронзовые медали, установленные для дворянства в память 1812 года» под номером 24 значится: «Кизлярского (уезда) Хастатова Екатерина Алексеевна, вдова, генерал-майорша».

Бабушка Екатерина, как позднее узнает юный Лермонтов, в тяжёлый для России год, помимо управления имением, как могла, помогала Отечеству, за что и была удостоена медали «В память Отечественной войны 1812 года». Но для окружающих эта награда была лишь подтверждением храбрости бабушки Екатерины.

В качестве доказательства, что Лермонтов побывал впервые в Шелкозаводской в 1818 году, литературоведы ссылаются на запись в альбоме, якобы, принадлежавший его матери, и который он возил с собою с детства: «1818 июля 30-го, Шелкозаводск». Запись эта сделана рукою дяди Лермонтова Павла Ивановича Петрова под стихами, обращёнными к Арсеньевой. Как позднее установила исследователь жизни и творчества поэта В.Б. Сандомирская, альбом принадлежал М.А. Шан-Гирей, «любимой тётеньке» Лермонтова.

Екатерина Алексеевна Хастатова (урождённая Столыпина), сестра Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, была замужем за генерал-майором Акимом Васильевичем Хастатовым, но рано овдовела. Прожив 53 года, Хастатов скоропостижно скончался в 1809 году. Екатерина Алексеевна осталась с тремя детьми: Марией, Анной и Акимом.

Одна из дочерей Анна Акимовна Хастатова, тётя Лермонтова,

была замужем за Павлом Ивановичем Петровым. У них было четверо детей: три дочери и сын. В 1818 году Петров был назначен командиром Моздокского казачьего полка. Через восемь лет он, уже войсковой атаман Астраханского казачьего войска, произведён в полковники «за отличие в сражениях с горцами». А в 1834 году Петров произведён в генерал-майоры и назначен начальником штаба войск на Кавказской линии и в Черномории. Жил с семьёй в Ставрополе. Многие сделал для облегчения участи опального поэта во время его первой и второй ссылки на Кавказ.

Дяде Лермонтова Акиму Акимовичу Хастатову, брату Анны Акимовны и Марии Акимовны, в 1825 году исполнилось 18 лет. Начинал военную службу прапорщиком лейб-гвардии Семёновского полка. По материалам П.А. Висковатого: «Хастатов этот был известный всему Кавказу храбрец, похождения его переходили из уст в уста. Это был удалец, достойный сын мужественной матери, рассказы которой так сильно возбуждали воинственный дух маленького Лермонтова». Некоторые приключения из жизни дяди Акима Акимовича Хастатова Лермонтов использовал в повестях «Бэла» и «Фаталист».

Тётя Лермонтова Мария Акимовна, сестра Анны Акимовны и Акима Акимовича, к приезду Мишеля Лермонтова в 1825 году на Кавказ, была замужем за Павлом Петровичем Шан-Гиреем.

В то лето Лермонтов подружился с Акимом Павловичем, сыном супругов Шан-Гиреев. Он был моложе Лермонтова на четыре года. В семье бытовал рассказ о том, как однажды Екатерина Алексеевна спасла своего внука. Как-то горцы напали на Шелкозаводское и застигли врасплох Екатерину Алексеевну с малолетним внуком Акимом. Но она не растерялась, встала в простенке и спрятала мальчика под своей широкой юбкой. Горцы не тронули смелую женщину и ушли. Так Екатерина Алексеевна спасла внука от смерти. Впоследствии Аким Павлович Шан-Гирей написал мемуары о Лермонтове, которые, по оценке литературоведов, оказались одними из самых значительных и содержательных воспоминаний о великом русском поэте.

Второй раз юный Мишель Лермонтов, от роду которому не было и шести лет, побывал на Кавказе летом 1820 года. О втором путешествии в том же альбоме рукой двоюродного деда поэта Александра Алексеевича Столыпина сделана запись: «Кислые воды, 1820-го, августа 1-го».

В статье «Дуэль и смерть Лермонтова», опубликованной в многотомном издании «Записки русской академической группы в США» (Т. 23. — Нью-Йорк, 1990. — С. 75–101), её автор профессор Павел Николаевич Пагануцци привёл карты путешествий Михаила Лермонтова.

На одной из них указан маршрут поездок для лечения: Москва — Железноводск и Пятигорск. Пагануцци полагает, что Лермонтова возили на Кавказ трижды: в 1818 году, 1820 и 1825-м. Именно три раза. И приводит, по его мнению, точные даты этих поездок. Пагануцци убеждён, что все «три маршрута» начинались в Москве.

Исследователь жизни и творчества П.А. Висковатый в своё время не очень-то был уверен в этом. Для этого Арсеньевой с внуком пришлось бы проделать крюк в несколько десятков вёрст. Проще было ехать из Тархан на Тамбов или Кирсанов, а уж оттуда выбираться на столбовую дорогу Москва — Воронеж — Черкасск — Ставрополь. Да и опыт поездок на Кавказ уже был.

До Арсеньевой и юного Лермонтова дорогу на Кавказ проложили их близкие родственники, их рассказы об особенностях столь долгого путешествия передавались из уст в уста.

О том, что близкие родственники Лермонтова бывали на Горячих Водах, можно судить по «Ежемесячным ведомостям о прибывающих на Минеральные Воды и отъезжающих с них», хранящимся около двухсот лет в фонде Начальника Кавказской области Государственного архива Ставропольского края.

Среди прибывших на Горячие Воды в «Ведомостях» за 1813 и 1815 годы значится двоюродная бабушка поэта «г-жа генеральша Екатерина Хастатова из Ивановской крепости, при ней людей — 7», в 1814 году — двоюродный дед Афанасий Алексеевич Столы-

пин, в 1815 году — прадед Алексей Емельянович Столыпин, в 1817 году — дядя Павел Иванович Петров.

Отъезд на Кавказ

Самые подробные сведения сохранились о третьей поездке юного Лермонтова на Кавказ. Отъезд задержало печальное известие: 7 мая 1825 года в Санкт-Петербурге умер брат А.А. Арсеньевой и А.А. Столыпина тайный советник обер-прокурор Сената Аркадий Алексеевич Столыпин. Извещение о его смерти опубликовано 9 мая 1825 года в «Северной пчеле».

Но откладывать поездку на Кавказ из-за столь печального события Арсеньева не стала. В начале мая 1825 года она объявила домочадцам день отъезда на Горячие Воды. К путешествию готовились долго, сборы начались ещё в апреле, за несколько недель до отъезда. Дорога из имения Тарханы на Кавказские Минеральные Воды предстояла неблизкая. Даже поездка из Тархан в Москву была целым событием, не говоря уже о поездке в Петербург, а тем более — на Кавказ.

«В то время железных не было, — замечает литературовед Н.С. Шер, — надо было ехать на лошадях. От имения Тарханы до Пятигорска, или, как тогда его называли, Горячих Вод, ехали около месяца; часто останавливались в пути, ночевали на почтовых станциях; было весело, интересно».

Независимо от настроения путешественников, поездка на Кавказ тогда была нелёгкой. Не день, не два, и не три. И даже не неделя!

Существовавшие тогда способы передвижения и дорожные правила описаны в «Путеводителе по Пушкину». Заглянем в него.

«Дальние поездки на лошадях имели несколько подразделений, — отмечают составители «Путеводителя...», — ездили на перекладных или на почтовых (так назывались казённые лошади, которых ехавший менял на почтовых станциях). Почтовые лошади нанимались по определённой таксе); на вольных — когда ямщики нанима-

лись по вольной, договорной цене; на долгих — когда ехавший нанимал пару или тройку лошадей «от места до места» и на одних и тех же лошадях ехал всю дорогу; езда на долгих была действительно медленной, но обходилась дешевле езды «на почтовых». Помещики, не желавшие тратиться на наём вольных ямщиков, ехали «на долгих», в собственных экипажах и на своих лошадях... В поездке на своих путники, не имея надобности в казенных, почтовых лошадях, совершенно не зависели от расположения почтовых станций, делали остановки там, где находили нужным.

Желавший ехать на почтовых должен был получить подорожную. В подорожной обозначались: маршрут, должность и фамилия ехавшего, по казённой или по своей надобности он едет, какие лошади следовало ему дать («почтовые» или «курьерские») и число лошадей... Без подорожной нельзя было выехать за черту города, за заставу... Для перемены лошадей и отдыха были устроены почтовые станции, но они были неблагоустроены и неудобны. Почтовая станция находилась в ведении станционного смотрителя, мелкого чиновника... Станционный смотритель проверял подорожные, получал прогоны и отпускал лошадей, которых обычно не хватало, и из-за чего возникали неизбежные споры с проезжающими...»

Картину отъезда обоза из помещичьего имения ярко описал Александр Пушкин в романе «Евгений Онегин» (гл. VII, строфа 31 и 32):

Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок,
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,

Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.
И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач;
Ведут во двор осьмнадцать кляч,
В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают,
Бранятся бабы, кучера.
На кляче тощей и косматой
Сидит фореитор бородатый,
Сбежалась челядь у ворот
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползёт за ворота.

В начале мая установилась хорошая погода. Дороги к этому времени на юге уже просохли. У помещиков, даже не слишком богатых, в обозе было до десяти экипажей, а в упряжке шло по 40-45 лошадей. В ту весну Арсеньева выехала из имения Тарханы тоже большим обозом. «На Воды» отправились Арсеньева с внуком, бабушкин брат Александр Алексеевич Столыпин. Он ехал с женой Екатериной Александровной и дочерьми Марией, Агафьей и Варварой. В других экипажах ехали родственник бабушки Михаил Пожогин-Отрашкевич, доктор, учитель, гувернантка. В отдельной бричке ехала кухня с поварами, чтобы готовить обед на останках. В дорогу Арсеньева приказала взять «погребец» — этакий дорожный ларец с чайным и столовым прибором.

О том, что ещё брали с собой в дорогу отъезжающие на Кавказ, представление даёт «Наставление больным», изложенное в книге А.П. Нелюбина «Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод» (Соч. в 2-х кн. Кн. 2. — С.-Петербург, 1825. — С. 642—643).

Для больных, делился своим опытом Нелюбин, изнурённых продолжительною болезнью, и маленьких детей лучше избирать дорожную карету, в которой во время пути можно было бы в степи проводить ночи. Более слабые люди могут ехать удобно в дорожных колясках, прикрытых спереди зонтиком и задёргиваемых с боков особыми полами.

Люди одинокие, не имеющие изнурительных болезней, часто предпринимает путешествие в почтовых повозках (на перекладных). Дорожное платье должно быть простое и покойное. Мужчины могут иметь сюртуки, фраки, шинель на вате, фуражку и на всякий случай вязаные шерстяные сапоги для ночи.

Дамы, кроме обыкновенного платья или капота, подложенного тонкою ватою, надевают сверху салопы или шинельки, подбитые ватою; на ноги — башмаки или полусапожки на байке; едущие же в открытых экипажах запасаются и вязаными сапогами для обратного пути. Для головы дамы употребляют чепцы, девицы — коленкоровые шляпки с маленькими полями, дети же носят шапочки.

Перед отправлением в путь надлежит запастись потребным количеством всякого белья, особенно нижним и постельным, поскольку при употреблении ванн переменяемое бельё должно быть чистым.

Пуховики и огромные подушки излишни, весьма громоздки и много занимают места в экипаже. В дороге достаточно иметь лёгонькие матрацы и сафьяновые подушки.

Из Санкт-Петербурга, советовал А.П. Нелюбин, всего лучше отправляться в начале мая, то есть между 5 и 10 числами, или не позднее половины мая. Лучше всего выезжать в такое время, когда дороги после весенней распутицы уже просохли и разлившиеся реки вошли в свои берега.

В дальнейших наставлениях Нелюбин даёт указания относительно прислуги, дорожных припасов и режима в пути.

«Должны, — пишет он, — взять для услуги одного или двух человек (весьма нехудо, когда один из них будет повар); а дамы — горничную девушку или кухарку. Отъезжающим надлежит за-

пасться потребным количеством шоколада без ванили, также кофеем, чаем, сахаром и мадерою; запас сей пополняют в Москве, Воронеже, Новочеркасске и других городах».

И далее в «Наставлениях...» читаем, словно про обоз Арсеньевой: «Многие особы из смежных с Кавказскою областию губерний... часто предпринимают путешествие к водам на собственных лошадях и с многочисленною свитою.

Такой вояж, без сомнения, имеет свои выгоды, особливо для больных, расслабленных и для тех, коим тряская и скорая езда может вредить; с другой же стороны, посетители делают значительные сбережения, продовольствуя лошадей во всю дорогу и на самом месте подножным кормом и покупая овёс за самую сходную цену».

Путникам же, живущим в 800 и более верстах от Кавказских Минеральных Вод, надлежит ехать на почтовых лошадях. Проезд «на Воды» и обратно до Санкт-Петербурга на восьми лошадях обошёлся лично Нелюбину в 2300 рублей.

Арсеньева, имевшая 600 крепостных, а собственников с таким количеством душ в России было немного, тем не менее, не считала себя слишком богатой. И потому отправилась «на Воды» на собственных лошадях.

Обозом управляли свои кучера. В дороге на остановках Арсеньевой и путникам прислуживали её дворовые, обеды готовили из своих припасов её повара.

Обоз двигался медленно. Из прошлых поездок Арсеньева знала, что путешествие займёт много времени, и потому приказала положить для неё и внука «дормез» — карету с раскладными постелями.

Своё название этот вид кареты получил от французского слова «dormeur» («соня») или «dormir» («спать»).

Вот на таком бабушкином «дормезе» Мишель Лермонтов трясся не менее двух недель, учитывая, что из Тархан надо было ехать в Тамбов, так как губернские дороги были лучше. Затем в Воронеж, а из Воронежа через Казанскую, Павловск на Черкасск.

Почтовые станции

У Аксая была долгая остановка: экипажи переправляли на левый берег Дона. Для юного Мишеля переправа через Дон — настоящее приключение после долгой и однообразной дороги. А почтовая станция в Аксае — островок бурной жизни. Кто-то едет на юг, кто-то возвращается на север. Приезжают одни постояльцы, уезжают другие, кто-то обедает, кто-то просится на ночлег. В Аксае сходились две большие почтовые дороги на Кавказ: «великороссийская» и «малороссийская».

Позднее, в очерке «Кавказец» Лермонтов опишет жизнь почтовых станций и станционных смотрителей: «Отставка с пенсионом выходит, он покупает тележку, запрягает в неё пару верховых кляч и помаленьку пробирается на родину, однако останавливается всегда на почтовых станциях, чтоб поболтать с проезжающими. Встретив его, вы тотчас отгадаете, что он настоящий, даже в Воронежской губернии он не снимает кинжала или шашки, как они его не беспокоят. Станционный смотритель слушает его с уважением, и только тут отставной герой позволяет себе прихвастнуть, выдумать небылицу...»

В инструкции для станционного смотрителя от 30 сентября 1825 года будет записано: «...все... требования всякого проезжающего немедленно исполнять с кротостью и учтивостью, не позволяя себе ни малейшей грубости».

Аксайская почтовая станция сохранилась до наших дней. Сохранился и постоянный двор со старинными коваными воротами. Во время Великой Отечественной войны он попал под обстрел, но уцелел. Внутри дома почтового смотрителя мебель и предметы быта тех времён: стулья с изогнутыми спинками, старинные стол и тумбы, белые ажурные салфетки, скатерть. Во дворе, на зелёной лужайке, колодец с воротом, погреб с ледником, деревянные скамьи, верстовой столб, на одной стороне которого надпись столбцом в три строки: «С-Петербургъ 1951 верста», на другой: «Ставрополь 371 верста». В сарае — зимний возок, сани, на сте-

нах — конская упряжь, хомуты. На сарае фонарь для ночного освещения. Под навесом — фаэтон, карета. И современная музейная табличка: «Почтовая станция 19 века». На главном здании тоже табличка: «Домик почтового смотрителя. Построен в начале XIX века».

Для туристов отдельный стенд с «Правилами для проезжающих на почтовых лошадях. Параграф 1. 1897 год» в современном правописании.

Из них следует: «Почтовые лошади отпускаются проезжающим по их словесному или письменному требованию во всякое время дня и ночи, причём проезжающие обязаны объявить на станции о своём звании и фамилии, а также куда едут.

Примечание: Лица, едущие по казённой надобности, если желают воспользоваться предоставленными им преимуществами, указанными ниже в параграфе 7 и 10, должны предъявить удостоверение или предписание своего начальства о командировании их по делам службы».

Лермонтов проезжал Аксайскую почтовую станцию одиннадцать раз, из них шесть раз с бабушкой. Не миновал станцию и печальный кортеж: гроб с телом поэта везли в Тарханы через Аксайскую.

Во дворе установлен бюст А.С. Пушкина. Он проезжал через станцию с севера на юг в 1820 году, с семьёй генерала Раевского, а в 1829 году, когда ехал в Арзрум. Возвращался с Кавказа тоже через Аксайскую.

Аксайская почтовая станция — единственная на всём Азово-Моздокском тракте — уцелела до наших дней и, возможно, потому значится в каталоге исторических памятников федерального значения.

После Аксая путешественники проезжали Кагальницкую, Мечётинскую, Нижне-Егорлыкскую, Средне-Егорлыкскую.

Далее шли почтовые станции Кавказской области: Песчанокопская, Разсыпная (она же Летницкая), Калаловская, Медвеженская, Преградная, Безопасная, Донская крепость, Мо-

сковская. Почтовый дорожник Российской Империи содержит сведения о расстояниях между станциями. Среднее расстояние между станциями 26 вёрст.

Почтовые станции возникли позднее самих сёл. Средне-Егорлыкское, Песчанокопское, Летническое, Медвеженское, Преградное основаны в 1803 году, Безопасное — в 1804. Донское берет начало от Донской крепости, заложенной в 1777 году, которая входила в цепь крепостей, составлявших Азово-Моздокскую оборонительную линию. На месте крепости Московской, заложенной в 1778 году, также возникло село с одноимённым названием. В сёлах проживали выходцы из средней России, а в бывших крепостях — хопёрские казаки с семьями, которые занимались земледелием, скотоводством, огородничеством, садоводством, пчеловодством. Наиболее развитыми промыслами в сёлах были обжиг извести, древесного угля, ткачество грубого холста, гончарное ремесло, выделка овчин. Кузнечный, бондарный и сапожный промыслы видной роли в бюджете местного населения не играли.

Население в большинстве своём неграмотно. Ни в одном из сёл, расположенных вдоль Новочеркасского почтового тракта, не было ни школ, ни фельдшерских пунктов, ни какой-либо торговли.

Самые крупные почтовые конторы были открыты в Медвеженском и в Ставрополе. Старший член Строительной комиссии на Кавказских Минеральных Водах полковник Пётр Петрович Чайковский в рапорте от 28 июля 1841 года на имя командующего войсками на Кавказской Линии и в Черномории генерала П.Х. Граббе писал: «В губерниях Московской и Тульской везде есть заездные дома и постоялые дворы. В Орловской и Воронежской — только по городам и некоторым станциям, а в земле Донских Казаков на расстоянии 411 вёрст, кроме Новочеркаска и Аксайской станции, вообще нет никаких приютов при станциях, вообще расположенных одиноко в степях. Здесь вовсе нельзя уже находить и съестных припасов. От границы Донской и по Кавказской области до Кавказских Минеральных Вод на расстоянии 404 ½ вёрст существует пять заездных казённых домов, по одинаковому плану

выстроенных. Каждый о четырёх комнатах или особых отделениях, из коих одно занимается смотрителем почтовой станции, а три служат для проезжающих, именно при станциях: Средне-Егорлыкской, Медвежье-Колодезной, Московской крепости, Базовой балки и Сабле. Сверх того есть частные: в Ставрополе — гостиница и заездный дом, в Александрове и Георгиевске в каждом по одному, по тесному постоялому двору».

От Ставрополя путешественники добирались до Пятигорска ещё не менее суток. Так путешествовали люди непростые, а имущие. Без особой нужды в те времена никто не выезжал за ворота усадьбы. А чтобы отправиться в дальнейшее путешествие, нужны были и средства, и мужество. В дороге всякое случалось.

«На Водах»

Подтверждение о пребывании Арсеньевой с внуком «на Водах» в 1825 году находим в альбоме М.А. Шан-Гирей, в котором Лермонтов нарисовал кавказский пейзаж и подписал своей рукой: «13 июня. Горячие воды». Судя по этой записи, можно сделать вывод о том, что Е.А. Арсеньева и её спутники в то лето не поехали в станицу Шелкозаводскую? Открываем августовский выпуск журнала «Отечественные записки» за 1825 год. В списке посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 году по июль, помещённом в «Отечественных записках» П. П. Свинына, значатся: «Столыпины: Марья, Агафья и Варвара Александровны, коллежского асессора Столыпина дочери, из Пензы, Арсеньева Елизавета Алексеевна, вдова порутчица из Пензы, при ней внук Михайло Лермантов, родственник её Михайло Пожогин, доктор Ансельм Левиз, учитель Иван Капа, Гувернёрка Христина Ремер... Шангерей Павел Петрович, отставной штабс-капитан, из Кизляра... Хастатов Макар Захарович, титулярный советник из Астрахани... Столыпин Александр Алексеевич, коллежский асессор из Симбирска, его супруга Екатерина Александровна... Петров 3-й Павел Иванович, командир Моздокского казачьего полка, подпол-

ковник из Наура, жена его Анна Екимовна, дочери Катерина и Марья... Гнедич Николай Иванович, коллежский советник, Императорской публичной библиотеки помощник библиотекаря, из С.-Петербурга...» («Отч. записки». — 1825. — № 64 (август). — С. 260).

Ещё один свидетель поездки юного Лермонтова на Кавказ — это сам Михаил Лермонтов, к которому тем летом пришла первая любовь. По поводу своей первой любви поэт оставил следующую запись: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду?»

Мы были большим семейством на Водах Кавказских: бабушка, тётушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я её видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но её образ и теперь ещё хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. Один раз, я помню, я вбежал в комнату: она была тут и играла с кузиною в куклы: моё сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чём ещё не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь: с тех пор я ещё не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку без причины, желал её видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату... Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне, мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу; не поверят её существованию — это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринуждённость — нет; с тех пор я ничего подобного не видел, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...»

Эту запись Лермонтов сделал 8 июля 1830 года, пять лет спустя с того памятного часа...

Вспоминая лето 1825 года, Лермонтов не преминул упомянуть,

что на «на Водах Кавказских» «были большим семейством». Где же тогда и у кого оно останавливалось? Листаю «Ведомости посетителей Горячих Вод в сезон 1818 года». Это первая поездка четырёхлетнего Лермонтова с бабушкой на Кавказ.

Нахожу запись за 21 июня 1818 года: «Хастатова Екатерина Алексеевна, вдова, генерал-майорша. При ней: дочери её Анна Екимовна и Марья Екимовна, поручица Шер-Гиреева, поручик Павел Петрович Шергирей. Дворовые люди: Алексей Иванов, Павел Артемьев, Николай Чиков, Павел Анисимов, Александр Савельев, Дмитрий Лаврентьев, Марко Чехов, Константин Павлов, Яков Щербаков, Яков Павлов, Иван Игнатъев, Яков Марков, девицы: Надежда Михалова, Агафья Кузмина, Дарья Юдина, Агафья Захарова; женщины: Марья Васильева, Прасковья Абрамова, Ианна Степанова. Вида не представили. [Остановились] в собственном доме».

Про приезд Е.А. Арсеньевой с внуком сведений нет. Важно другое: у Хастатовой на Горячих Водах был собственный дом. Этот дом упоминается и в «Ведомостях посетителей Горячих Вод в сезон 1821 года»: «7 июля. Петров Павел Иванович, Моздокского казачьего полка командир, подполковник с женой Анною Екимовной и с двумя малолетними детьми. При них пятидесятники Иван Конищев и Осип Гориночев. Крепостных людей: мужска пола — 4, женска — 1. Из Моздока. Вида не представили. [Остановились] в доме генерал-майорши Хастатовой».

Как и в первом случае, так и во втором, упоминание дома генерал-майорши Хастатовой наводит на мысль о том, что Арсеньева с внуком провела большую часть времени на Горячих Водах, а не в станице Шелкозаводской. История этого дома такова.

Дома бабушки Екатерины

В феврале 1820 года, как свидетельствует архивный документ, Е.А. Хастатова подала прошение на высочайшее имя, в котором просила позволения «выстроить при Минеральных Водах Кав-

казской губернии перевезённый мною из Георгиевской станицы собственный мой в сломке деревянный дом со службами о шести комнатах близ такового же новостроящегося дома от приказа общественного призрения по плану — фасад под номером 9, а фасад ворот № 60».

Прошение Хастатовой, поступившее в Кавказское губернское правление, было передано губернскому архитектору Мясникову. Заключение архитектора и выполненный им план были рассмотрены 24 марта 1820 года в общем присутствии губернского правления. План дома утверждён.

В постановлении губернского правления записано: «Отослать (его) к архитектору Мясникову при указе и велеть в постройке оного генерал-майорше Хастатовой препятствий не делать и смотреть неослабно, чтобы постройка оного произведена и окончена была непременно сообразно плану под опасением ответственности по законам, и о последующем донести».

Скорее всего, дом строился в конце 1820 и в начале 1821 годов. К весне 1825 года камышовая крыша на большом доме стала ветхой, и Хастатова, ожидая к себе в гости родных из Тархан, обратилась в Строительную комиссию с прошением, которое хранится в архивном деле «О домах г-жи генерал-майорши Хастатовой, состоящих на Горячих и Кислых Минеральных Водах»: «Из числа собственных моих домов при Горячих Минеральных Водах, устроенных в большой улице подле дома купца Шапкина, на одном о пяти окошках большом доме камышовая крыша пришла от времени в такую ветхость, что требует неотложного перекрытия. А потому всепокорнейшее прошу оную комиссию, в уважение помянутой необходимости и сближающегося к съезду посетителей время, позволить мне перекрыть на доме моём крышу новым тёсом, на что и имею ожидать разрешения. Вдовствующая генерал-майорша Екатерина Алексеевна дочь Хастатова руку приложила».

Прошение Хастатовой было направлено архитектору Бернардацци 1 марта 1825 года. Кто из братьев Бернардацци рассматривал прошение Хастатовой, неизвестно, скорее всего, Иосиф.

Архитекторы братья Иван Карлович (Джованни) и Иосиф Карлович (Джузеппе) Бернардацци прибыли в Россию в 1820 году. После заключения контракта с медицинским департаментом Министерства внутренних дел 22 августа 1822 года на строительство зданий при Кавказских Минеральных Водах оба брата приехали на Кавказ. Они много сделали для застройки Пятигорска.

7 августа 1828 года старший брат Иван Карлович награждён чином 14 класса «за отличные труды и усердие к работе». Младший брат Иосиф Карлович, окончивший Миланскую академию по архитектурному классу, вначале «числился архитектором при кабинете его Императорского Величества», затем был главным архитектором Кавказских Минеральных Вод, 24 февраля 1830 года «за составление планов казённых зданий г. Пятигорска награждён чином 10 класса». 22 августа 1830 года за выслугу лет произведён в титулярные советники. Скончались оба Бернардацци здесь же, на Кавказских Минеральных Водах: Иосиф — 5 октября 1840 года, Иван — 2 ноября 1842 года.

Сведения о результатах осмотра дома архитектором Бернардацци сохранились до наших дней в том же деле — в рапорте Строительной комиссии на имя генерал-майора Вельяминова от 10 марта 1825 года.

«Вдова генерал-майора Хастатова, — докладывала комиссия, — просит дозволить на состоящем при Горячих Водах на Главной улице её доме, покрытом камышом, сделать тесовую крышу к наступающему курсу. Как его превосходительству угодно, чтобы по сей улице дома имели хорошую наружность, то комиссия поручила гг. архитекторам, осмотрев оный дом, составить фасад с необходимыми для лучшего вида переменами, по коему и оказалось, что окна одного дома не на своих местах, как показано на фасаде пунктиром (чертежа фасада в архиве не сохранилось. — прим. авт.) и стены нужно возвысить на 15 вершков, равно сделать новые ворота и исправить каменный забор, сходно фасаду, который комиссия, у сего Вашему превосходительству представляя, покорнейше испрашивает предписания».

Из дальнейшей переписки видно, что перестройка фасада дома Хастатовой затянулась по разным причинам на несколько лет. Он был перестроен лишь в 1829 году и нанесён на «План Горячеводска, ныне составляющего часть города Пятигорска. При Кавказских Минеральных водах. 1832 год» и значится под №1 на Главном проспекте: «Дом последний Генеральши Хастатовой».

Летом 1825 года во время пребывания на Горячих Водах 10-летнего Лермонтова дом двоюродной бабушки Екатерины Алексеевны Хастатовой был в довольно неприглядном виде, со старой камышовой крышей. Он был похож на тот тип домов, что и чилиевский, в котором поэт останавливался в 1841 году.

Горячеводский дом — не единственный, принадлежавший Е.А. Хастатовой на Кавказских Минеральных Водах. Дом бабушки Екатерины на Кислых Водах имел ещё более неприглядный вид. В Государственном архиве Ставропольского края хранится журнал присутствия Кавказского губернского правления за 1821 год. Вот что сообщается в его протоколах об этом доме:

«Слушали:

Прошение вдовы генерал-майорши Екатерины Хастатовой, в коем прописывает: желает она на Кавказских Кислых Минеральных Водах выстроить деревянный дом, на каменном фундаменте, о семи покоях и одном этаже, с принадлежащими строениями на месте, купленном ею у генерал-майора Дебу дома, но как она не имеет позволения от начальства на постройку такого дома, а также и на оный плана и фасада, почему просит, кому следует, повелеть скопировать план с фасадом, равно и позволения производить построение означенного дома с принадлежащим ему строением, учинить законное постановление».

Получив предписание губернского правления, архитектор Мясников скопировал фасад и вручил его Хастатовой. Та в свою очередь представила его на утверждение генералу А.П. Ермолову.

Генерал от инфантерии и артиллерии, герой Отечественной войны 1812 года Алексей Петрович Ермолов в 1816 году был назначен командиром Отдельного Кавказского корпуса и Главнокоман-

дующим на Кавказе, участвовал в военных действиях на Северном Кавказе. При нём на Кавказе строили дороги, мосты, почтовые станции, крепости, благоустраивали города, создали медицинскую часть, стала выходить газета на грузинском языке. Хастатова, зная о прогрессивных настроениях Ермолова, рассчитывала на его поддержку. Но в его лице она не только не получила её, напротив, генерал возражал против строительства Хастатовой дома на указанном ею месте.

В предписании начальнику Кавказской области генерал-майору Карлу Фёдоровичу Сталю от 27 мая 1824 года Ермолов писал: «Генерал-майорша Хастатова, представив ко мне на утверждение фасад предположенному ею к постройке на Минеральных Кислых Водах деревянному на каменном фундаменте дому, просила дозволить ей выстроить оный на том самом месте, где находится ныне собственный её турлучный дом противу самого колодца.

Поелику означенное место, впрочем, временно г-же генерал-майорше Хастатовой отведённое, по предложению об устройстве Кавказских Минеральных Вод признаётся нужным для казённых зданий, то, уведомив г-жу Хастатову, дабы она обратилась к Вашему превосходительству об отводе ей для предлагаемого ею к постройке при Кислых Водах нового дома в другом, для казённых надобностей не нужном месте, прошу Ваше превосходительство доставить в сём случае г-же генерал-майорше надлежащее и скорейшее удовлетворение и о последующем уведомить.

Доставленный же от неё фасад мною утверждён и препровождён к ней обратно.

Генерал Ермолов».

Понятно, что после такого предписания дело с постройкою нового дома затормозилось. Свободных участков на центральном месте в Кислых Водах не было. А заменить его на худшее место Хастатовой не хотелось. Летом 1825 года Арсеньеву с внуком Екатерина Алексеевна принимала в этом старом турлучном доме. Дом сей не сохранился. Он был сломан по представлению командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерала Георгия

Арсеньевича Емануеля. В архивном деле «О домах г-жи генерал-майорши Хастатовой, состоящих на Горячих и Кислых Минеральных Водах» за 1825—1828 годы» сохранилось письмо, адресованное Строительной комиссией генералу Емануелю от 1 ноября 1827 года за № 946: «На Кислых Водах находится турлучный дом, принадлежащий Кизлярского уезда помещице генерал-майорше Хастатовой, который совершенно ветх, выстроен в середине казённого сада вблизи самой ресторации. Комиссия отношением от 15 прошлого сентября № 744 просила Кизлярский Земский суд о объявлении госпоже Хастатовой, дабы она приказала означенный дом сломать нынешнюю осень, но и до сих пор не сломан, а как занимаемое оным место необходимо для казённых надобностей, то комиссия, донося о сём Вашему превосходительству, покорнейше просит не оставить повелеть госпоже генерал-майорше Хастатовой о сломке означенного дома».

Вопрос о сносе кисловодского дома окончательно был урегулирован лишь в 1828 году. В марте того же года из Шелкозаводской в Строительную комиссию пришло письмо, в котором Хастатова писала: «Милостивые государи! Приношу мою благодарность за присланный вами план для исправления моего дома при Горячих Водах и согласна по оному плану переделать... Что же касается до дома, находящегося при Кислых Водах, я предписала моему дворнику оный сломать и прошу взамен моего места отвести мне к речке при Солдатской слободке, чем много обяжете».

Представляю, как ликовали чиновники в Строительной комиссии, когда получили такое письмо. Генерал-майорша Хастатова никогда не сдавалась перед всевозможными жизненными обстоятельствами, а тут уступила.

«Люблю я Кавказ...»

Путешествие Лермонтова на Кавказ, особенно в 1825 году, произвели на него впечатление, которое оставалось с ним до конца его жизни.

Что мог увидеть любознательный мальчик на Кавказе? Укрепления, казачьи пикеты, войска с пушками, обозами, черкесов мирных в косматых бурках, офицеров на водах, людей цивильных, тоже приехавших полечиться.

На Кавказе Мишель имел возможность в какой-то мере изучить нравы и характеры горцев. В памяти отлагались одни картины за другими. Их никогда не забудет Мишель. Однажды Лермонтов воскликнет:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили...

Пагануцци пишет: «Черкесы из соседних аулов ежедневно приезжали в Горячеводск для продажи бурок, сёдел и баранов... Из Горячеводска Лермонтов ездил в Аджи Аул на празднование байрама, на которое съезжалось все горячеводское общество. Устраивались джигитовки, пели, плясали и угощали всех гостей, а знаменитый певец Закубанья Керим Гирей пел под звуки пишнардук'окьо (вид арфы)».

В поэме «Измаил-Бей», опубликованной впервые в третьем номере журнала «Отечественные записки» за 1843 год, Лермонтов описал этот праздник и выступление на нём народного певца:

Вокруг огня, певцу внимая,
Стопилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немym вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: — он певец!
Дитя степей, любимец неба,

Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинается: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он пеню старины...

Но не только это видел юный Лермонтов: а горы, а снеговые вершины, а грозы в горах, ливни, обвалы, бурные реки, а буйная зелень, а скалы? Разве этого мало для впечатлительной души? Кавказ всем своим своеобразием, всей разноплеменностью, войной и миром вливался в детскую душу незабываемыми картинками. Сюда надо прибавить и различные рассказы кавказских старожитов — и тогда будет понятно, что означали для Мишеля поездки на Кавказ. Здесь могли переплетаться и быль и небылицы, рассказы точные с рассказами нарочито гиперболизированными. Воображение Лермонтова было возбуждено всей новизной бытия, её неповторимостью и романтичностью. Эти настроения Лермонтова найдут отражения в его ранних стихотворениях «Черкешенка», «Грузинская песня», «Кавказу», «Утро на Кавказе», «Люблю я цепи синих гор»... В первой главе поэмы «Аул Бастунджи», отрывки из которой впервые опубликованы в 1860 году, Лермонтов описал события, которые разворачивались в Пятигорске:

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать был аул горами
Закрит от бурь и вольностью богат.
Его уж нет...

Лермонтов вспоминал горы Машук, Бештау и в поэме «Измаил-Бей»:

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встаёт,

А за крутым Бешту садится,
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели...

Большинство произведений о Кавказе впечатлительный Лермонтов написал рано. В 14 лет были написаны «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар», в 15 — «Преступник», в 16 — «Две невольницы», в 18 — «Измаил-Бей»... Последнюю высоко ценил Л.Н. Толстой. «Действительно хорош этот край дикой, — писал в Дневнике Лев Николаевич, — в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода».

Но считается, что свои детские впечатления и переживания Лермонтов как бы обобщил и выразил свою искреннюю любовь к этому краю в стихотворении «Кавказ», написанном в 1830 году:

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В 1832 году, вспоминая Кавказ, Лермонтов с волнением писал: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство моё; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одедали, вы к небу меня приучили, и я с той пор всё мечтаю об вас да о небе...»

***

После 1825 года Арсеньева больше не ездила на Кавказ. В том не было нужды. На следующий год Шан-Гирей поселились в трёх километрах к югу от Тархан, в небольшой деревне Апалихе. Она была куплена Марией Акимовной Шан-Гирей. Е.А. Арсеньева приняла в этом самое деятельное участие.

Через четыре года, в 1829 году, начальник Кавказской области генерал Г.А. Емануель подал на имя Главноуправляющего на Кавказе генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича ходатайство о скорейшем переводе окружного центра из Георгиевска на Горячие Воды с предложением дать новому городу одно из трёх наименований: Новогеоргиевск, Константиногорск или Пятигорск. Все предложения были одобрены: сначала Иваном Фёдоровичем Паскевичем, затем утверждены указом Сената от 29 апреля 1830 года. Из трёх предложенных названий новому городу Паскевич избрал Пятигорск, мотивируя тем, «что гора Бештов (Бештау), к подошве которой прилегает предназначенное для сего города место, известно под сим именем в древних российских летописях». И ни о каких «пяти горах», якобы вошедших в название города, речи тогда не было.

Через пять лет после поездки Арсеньевой с внуком «на Воды» не стало Е.А. Хастатовой. Екатерина Алексеевна умерла 24 августа 1830 года «от холерической болезни в городе Георгиевске», как сообщал комендант крепости штабс-капитан Шишкин в рапорте на имя Начальника Кавказской области генерала Емануеля.

Поездка юного Лермонтова на Кавказ в 1825 году окажется его последним детским летом, проведённым на юге. В следующий раз он окажется на Кавказе, в Пятигорске через двенадцать лет, в 1837 году, но не по бабушкиной и не по своей воле.

Март 2014 г.

ГДЕ НАПИСАНА «ТАМАНЬ»

О создании лермонтовского шедевра

Признание Чехова

Писатель, критик и историк литературы, один из организаторов журналов «Московский вестник» и «Московский наблюдатель» С.П. Шевырёв 29 октября 1846 года писал Н.В. Гоголю: «... Публика устала от жалкого состояния современной литературы. Журналы все запрудили пошлыми переводами пошлых романов и своим неистовым болтаньем...»

В таком состоянии российские журналы первой половины XIX века пребывали не один десяток лет. Отсюда, понятен восторг В.Г. Белинского, когда он прочитал в восьмом томе «Отечественных записок» за 1840 год: «Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да ещё вдобавок меня хотели утопить...»

Повесть начинается с необычайной торопливостью, словно автор опасается, что кто-то прервёт его рассказ, остановит, не даст объяснить происшедшее.

О том, что в Тамани рассказчика хотели утопить, мы узнаём из текста, а вот о голоде в дальнейшем изложении не упоминается. Более того, вскоре говорится о том, что в лачужке, где остановил-

ся рассказчик, «печь была жарко натоплена, и в ней варился обед, довольно роскошный для бедняков».

Так мог написать человек, много ездивший по свету: он знает все приморские города, он бывал в них не в качестве знатного гостя, от которого скрывают местные неудобства. Так мог написать человек, который знает не понаслышке трактирные номера с их вечными клопами, нечистым бельём, дурным столом, раздражающими запахами. Так мог написать человек, влюблённый в русскую речь.

В Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке имени М.Ю. Лермонтова хранится уникальный номер «Отчужденных записок» с первой публикацией повести Лермонтова «Тамань». Когда читаешь журнальный вариант повести, где текст с буквой «ять», читателя не покидает ощущение сопричастности: это издание побывало в руках Лермонтова.

Повесть «Тамань» любил А.П. Чехов. Как вспоминал И.А. Бунин, Антон Павлович, беседуя о русской литературе, «часто восхищался Мопассаном, Флобером, Толстым. Особенно часто он говорил именно о них, да ещё о «Тамани» Лермонтова.

«Не могу понять, — говорил он, — как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь да ещё водевиль хороший, тогда бы и умереть можно!»

Беллетрист А. Серебров-Тихонов вспоминал, как однажды, беседуя с Чеховым о творчестве Горького, Антон Павлович заметил, что у Алексея Максимовича, «действительно есть прекрасные вещи. «На плотях», например. Помните? Плывут в тумане... ночью... по Волге... Чудесный рассказ! Во всей нашей литературе я знаю только ещё один такой, это «Тамань» Лермонтова...»

Другой современник Антона Павловича учитель ялтинской школы С.Н. Шукин писал о том, что «больше всего Чехов хвалил язык Лермонтова. «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова, — говорил он не раз. — Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать».

Нам не дано узнать, какие именно предложения очаровали Чехова. Возможно, суровая простота повести, нежелание автора привлекать читателя эффектным началом пришлось по душе Антону Павловичу. Повествование идёт от первого лица. Рассказчик передаёт события такими, какими помнит их. Он говорит о себе, о том, что видел. Почти каждая фраза начинается с «я». «Я приехал...», «Я им объяснил...», «Я три ночи не спал...», «Я привстал...», «Я не мог полагать...», «Я встал...», «Я притаился у забора...» и, наконец, «подумал я». О себе рассказчик скажет лишь один раз: «Я офицер».

Следуя совету А.П. Чехова, исследователь творчества Лермонтова В.П. Сухотин подсчитал, что в тексте «Тамани», например, 225 предложений, из которых 80 приходится на долю диалога, «естественного» и «обрамлённого», а 140 составляют монологическую речь рассказчика, Печорина. 153 предложения, или 68,8 процента, в «Тамани» сложные, 72 — простые. Совершив эти и многие другие вычисления, исследователь пришел к выводу, что «Лермонтов вслед за Пушкиным, уверенно идет по демократизации русского литературного языка, приближает его к общенародной, разговорной, безыскусственной речи» и что «употребление предложений в «Тамани» всецело определяется идейным содержанием произведения и характером текста».

Безусловно, все сказанное любопытно, и цифры после пересчёта сходятся, но обаяние «Тамани» заключается не в простых и сложных предложениях, оно в её стилистике. Тайну «Тамани» первым открыл В.Г. Белинский.

Виссарион Григорьевич объяснял её так: «Мы не решились делать выписок из этой повести, потому что она решительно не допускает их: это словно какое-то лирическое стихотворение, вся прелесть которого уничтожается одним выпущенным или изменённым не рукою самого поэта стихом; она вся в форме; если выписывать, то должно бы её выписать всю от слова до слова; пересказывание её содержания даст о ней такое же понятие, как рассказ, хотя бы и восторженный, о красоте женщины, которой вы сами не ви-

дели. Повесть эта отличается каким-то особенным колоритом: несмотря на прозаическую действительность её содержания, всё в ней таинственно, лица — какие-то фантастические тени, мелькающие в вечернем сумраке, при свете зари или месяца. Особенно очаровательна девушка: это какая-то дикая, сверкающая красота, обольстительная, как сирена, неуловимая, как ундины, страшная, как русалка, быстрая, как прелестная тень или волна, гибкая, как тростник. Её нельзя любить, нельзя и ненавидеть, но её можно только и любить и ненавидеть вместе...» (Белинский В.Г. ПСС., 1954. Т. IV. — С. 225—226).

Белинский умел объяснять...

«Тамань» создавалась в Ставрополе?

Со дня первой публикации «Героя нашего времени» прошло 170 лет, а творческая история создания Лермонтовым романа «Герой нашего времени» восстановлена лишь в общих чертах. Известно лишь, что в основу его легли впечатления Лермонтова от поездки на Кавказ в 1837 году, куда он был сослан за стихи на смерть Пушкина, а сам роман создавался в Петербурге в период с 1838 до начала 1840 годов. По воспоминаниям троюродного брата Акима Павловича Шан-Гирея Лермонтов приступил к работе над «Героем нашего времени» после возвращения в Петербург из первой ссылки, то есть в 1838 году. Однако некоторые лермонтоведы считают, что «Тамань» черне написана Лермонтовым уже в 1837 году, при этом ссылаются тоже на свидетельства современников поэта.

Михаил Иванович Цейдлер, учившийся с Лермонтовым в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, офицер Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, в своих воспоминаниях «На Кавказе в 30-х годах», опубликованных в девятом номере журнала «Русский вестник» за 1888 год, утверждал, что происшествие с Печориным, описанное в романе, случилось с самим Лермонтовым в 1837 году, когда он по пути в Пятигорск

останавливался в Тамани. Меньше чем через год после Лермонтова М.И. Цейдлер побывал в том же доме.

В частности, М.И. Цейдлер писал: «В то время... Тамань была небольшим, невзрачным городишком, который состоял из одноэтажных домиков, крытых тростником... Мне отвели с трудом квартиру или, лучше сказать, мазанку на высоком утёсистом берегу, выходящем к морю мысом. Мазанка эта состояла из двух половин, в одной из которых я и поместился. Далее, отдельно, стояли плетнёвый, смазанный глиной, сарайчик и какие-то клетушки. Все эти невзрачные постройки обнесены были невысокой каменной оградой. Однако домик мой показался мне приветливым: он был чисто выбелен снаружи, соломенная крыша выдавалась кругом навесом, низенькие окна выходили с одной стороны на небольшой дворик, а с другой — прямо к морю. Под окнами сделана была сбитая из глины завалина. Перед крылечком торчал длинный шест со скворешницей... Я почти весь день проводил в Тамани на излюбленной завалинке; обедал, читал, пил чай над берегом моря в тени и прохладе... Внутри все было чисто, смазанный глиняный пол посыпан польнёю. Вообще как снаружи, так и внутри было приветливо, опрятно и прохладно».

Цейдлер описал и людей, с которыми встретился в домике над берегом моря, прежде всего — прекрасную татарку с античным профилем, «жену старого крымского татарина, золотых дел мастера, который торгует оружием». Она жила по соседству на том же дворе в маленьком сарае и нянчила своего грудного ребенка. Известен и слепой мальчик — в сермяге, босой, без шапки.

«Он, казалось, был слеп, судя по бельмам на глазах. Все лицо его выражало сметливость, лукавость и смелость. Несмотря на бельма, ходил он бойко по утёсистому берегу», - писал Цейдлер.

Как выяснено исследователем А.В. Поповым, Лермонтов останавливался в доме, принадлежащем казаку Федору Миснику. Этот казак занимался рыбной ловлей и, кроме того, отдавал внаем свои баркасы контрабандистам. Убежище их было на морском берегу, под кручей, на которой стояла хата. Одна из дочерей Мисника

жила во дворе в другой хате, со старухой, и обе они помогали контрабандистам. Внук Мисника Герасим сообщал, что его мать «во время ссоры с мужем часто корила его родственниками; тут все их грехи — отца, матери, а главным образом сестры, которая жила вне закона с татаринном, воровала и даже чуть не убила заехавшего к ним офицера, фамилии офицера она, конечно, не знала, но об этом не трудно было догадаться. Куда девался слепой и кто он был, Герасим не знал, тётка его, «лермонтовская Ундина» вышла в конце концов замуж за солдата станицы Петровской Тельменя».

К сожалению, ни в письмах Лермонтова, ни в его заметках нет каких-либо сведений, касающихся работы над романом.

История замысла и писания «Героя нашего времени» совершенно не известна», — к таким выводам пришёл исследователь творчества Лермонтова Б.М. Эйхенбаум в работе, посвящённой этой великой книге.

Суждение довольно категорично. Но то, что рукописное наследие крайне скудно, верно. Оно не позволяет полностью сопоставить с рукописью текст романа и последовательность его написания. У этой книги довольно много неразрешённых загадок. Вот одна из них. На титульном листе первого издания книги ее жанр автором не обозначен: «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова», части I и II, СПб., 1840. Романом «сочинение М. Лермонтова» назвал В.Г. Белинский. Недавно прочитал статью одного исследователя из Пятигорска, он отнёс «сочинение М. Лермонтова» к детективам. Смело! Но оставим разрешать эту загадку литературной науке.

Упоминание же факта, что одна из новелл «Тамань» создавалась в Ставрополе, только усиливает интерес к «Герою нашего времени».

Сохранившаяся рукопись «Тамани» — авторизованная копия с очень малым количеством правок, опубликованная в десятом собрании сочинений М.Ю. Лермонтова, наводит на мысль о существовании ранее утраченных черновых набросков. В окончательном варианте напечатано: «Итак, я начал рассматривать лицо

слепого», в рукописи: «Я начал рассматривать черты лица слепого», опубликовано: «этот слепой не так слеп», в рукописи: «это слепой вовсе не так слеп»...

Известный русский писатель Д.В. Григорович в своих мемуарах, написанных в 90-х годах XIX века, упоминает, что ему довелось видеть первую черновую рукопись новеллы.

«Возьмите повесть Лермонтова «Тамань», — пишет он, — в ней не найдёшь слова, которое можно было бы выбросить или вставить; вся она от начала до конца звучит одним гармоническим аккордом; какой чудный язык, как легко, кажется, написано. Но загляните в первую рукопись: она вся перемарана, полна вставок, отметок на отдельных бумажках, наклеенных облатками в разных местах».

Описание рукописи столь конкретно, что трудно не поверить этому свидетельству. Именно такой вид и могла иметь рукопись, написанная Лермонтовым во время его странствований по Кавказу.

Существует ещё одно свидетельство об этой рукописи. В письме историку литературы, биографу Лермонтова Павлу Александровичу Висковатову родственник поэта Павел Семенович Жигмонт (внук генерала П.И. Петрова. — *прим. авт.*) 15 октября 1889 года сообщал, что Михаил Юрьевич, остановившись в Ставрополе, на квартире его отца Семёна Осиповича Жигмонта, в 1837 году «набросал начерно «Тамань» из «Героя», а потом передал этот набросок кому-то из Петровых. У членов этой семьи не знаю, сохранился ли он».

Точная дата этой встречи Лермонтова с С.О. Жигмонтом не установлена, но она могла произойти в октябре или декабре 1837 года. В записной книжке, подаренной двоюродным братом декабриста А.И. Одоевского писателем Владимиром Федоровичем Одоевским с условием, чтобы Лермонтов возвратил её, всю испиленную стихами, 13 апреля 1841 года поэт записал: «Семён Осипович Жигимонд». Но эта запись относится ко времени, когда Жигмонт был уже женат на дочери генерала П.И. Петрова.

Семён Осипович Жигмонт (Жигимонд) с 1836 года служил на Кавказе старшим адъютантом Штаба войск Кавказской линии и в Черномории, находившегося в Ставрополе. В 1837 году ему было 25 лет, Лермонтову 23. Семён Жигмонт и Михаил Лермонтов дружили с детьми генерал-майора П.И. Петрова.

С декабря 1834 по декабрь 1838 года Павел Иванович возглавлял Штаб войск Кавказской линии и в Черномории. Вместе с ним в Ставрополе находилась и его семья. Дом начальника Штаба стоял во дворе современного Дома книги и гостиницы «Континент». До наших дней не сохранился.

П.И. Петров был женат на Анне Акимовне Хастатовой — дочери родной сестры бабушки Лермонтова Екатерины Алексеевны Хастатовой. Брак зарегистрирован в 1829 году. Анне Акимовне в тот год исполнилось 27 лет. Она родилась 27 декабря 1802 года. После смерти Анны Акимовны Петровой (урождённой Хастатовой), последовавшей 23 октября 1836 года, с генералом П.И. Петровым остались дети Екатерина, Мария, Аркадий, Анна, Варвара. Самой старшей Кате в 1837 году было 17 лет. В 1838 году она вышла замуж за Семёна Жигмонта. От этого брака и родился Павел Жигмонт, внук генерала Петрова. Со слов отца Павел Жигмонт и поведал Висковатову о первом черновом наброске рукописи «Тамани». Не верить этому рассказу нет оснований. В семье Семёна Жигмонта и Екатерины Петровой (в замужестве Жигмонт) хранились два акварельных рисунка Лермонтова: портреты Варвары Александровны Лопухиной (Бахметевой), близкого друга поэта, и Лермы, испанского предка поэта, которые затем перешли к Павлу Жигмонту. Известно, что именно он в 1941 году передал в Институт русской литературы акварели Лермонтова «Портрет В.А. Лопухиной» и «Испанец в кружевном воротнике».

«Дневник» Аркадия Петрова

Другой свидетель пребывания Лермонтова в Ставрополе сын генерала П.И. Петрова Аркадий Павлович оставил «Дневник», в

котором сохранились яркие воспоминания о поэте и его пребывании в доме отца. Впервые сведения о «Дневнике» были обнаружены в XIII выпуске сборника «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», который издан в 1928 году в Костроме.

Известно, что в 1837 году именно Аркадию, которому было 13 лет, Лермонтов напишет в альбом стихи:

Ну что скажу тебе я спросту?
Мне не с руки хвала и лесть:
Дай Бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.

В 1864 году в десятом номере «Русского архива» писатель Г.П. Данилевский опубликует данное стихотворение под заглавием «Ребёнку» с неверным чтением первых двух строк.

Ну что сказать тебе мне спросту?
Мне не сродни хвала и лесть:

В семье Петровых любили Лермонтова и гордились тем, что состояли с ним в родстве. В 1867 году «Русский архив» опубликовал письмо Аркадия Павловича Петрова: «Случайно прочел я (в «Русском архиве» 1864 г., изд. 2-ое) четверостишие, которое покойный М.Ю. Лермонтов написал мне в альбом в 1837 году. Так как первые две строки этого экспромта переданы Г.П. Данилевским не совсем точно, то я и полагаю не лишним сообщить небольшое стихотворение это в том виде, как оно было написано автором. — Вот оно (далее следует текст. — *прим. авт.*).

Михаил Юрьевич был не только хорошим нашим знакомым, как говорит г. Данилевский, но и родственником: его родная бабка по матери (Елис. Алексеев. Арсеньева) и моя родная бабка по матери же (Екат. Алекс. Хастатова) были родные сестры. В 1837 году, во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, он

находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича; ежедневно навещая в это время отца моего, бывшего тогда начальником штаба, он совершенно родственно старался развлекать грусть его по кончине жены, приходившейся Лермонтову двоюродной теткой. А. Петров».

Николай I прибыл в Ставрополь 17 октября, а 18 октября 1837 года покинул город. Известно также, что во время пребывания Лермонтова в Ставрополе Михаил Юрьевич переписал для генерала П.И. Петрова стихотворение «Смерть поэта».

В «Дневнике» Аркадия Павловича Петрова обращает внимание на себя фраза: «Папенька обещал дать мне переписать «На смерть Пушкина» и письма Алексея Петровича» <Ермолова>, что ещё раз подтверждает, что у П.И. Петрова был не только авторграф стихотворения М.Ю. Лермонтова, но что поэт был желанным гостем в этом доме.

Позднее Михаил Юрьевич подарил Павлу Ивановичу авторграф «Последнего новоселья» («Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий...»). Стихотворение посвящено волновавшему тогда всех событию — перенесению праха Наполеона I с острова св. Елены в Париж 15 февраля 1840 года.

По свидетельству Аркадия Павловича в доме Петровых имелся рукописный список поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон». Не без основания можно предположить, что имевшийся у Петровых список был весьма точен и близок к оригиналу. Лермонтоведом известны восемь редакций «Демона». Поскольку и последний вариант «Демона» российская цензура запретила, он ходил в рукописных копиях, причём, в довольно огромном количестве. О «Демоне» знал весь Петербург. Им интересовалась императрица. В 1839 году Лермонтов специально для жены Николая I переписал «Демона», исключив из поэмы диалог о боге («Зачем мне знать твои печали?»).

«Княжна Гагарина (которую я не имею чести знать), — записал в «Дневнике» А.П. Петров 21 июля 1845 года, — прислала ко мне на днях Бирюкова (с которым я только по этому случаю и имел

счастье познакомиться) просить у меня «Героя нашего времени» и «Демон» Лермонтова (последний в рукописи); первую книгу я оставил в Ставрополе, прибавив посланному, что если это ей нужно не к спеху то я могу написать, чтоб мне прислали её, вторую отдал».

О каком издании «Героя...» идет речь, Аркадий Павлович не оставил свидетельств. Известно, что первое издание романа, который вышел в свет 27 апреля 1840 года, разошлось быстро.

В него вошли: Часть I. «I. Бэла. Максим Максимыч. Предисловие. Журнал Печорина. I. Тамань». Часть II. «II. Княжна Мери. III. Фаталист». Цензор Петр Александрович Корсаков — писатель, редактор журнала «Маяк». Отпечатано в типографии Ильи Глазунова и К^о. Оба выпуска изданы тиражом 1000 экз. Продавались по цене 5 рублей 60 копеек за обе части.

5 мая 1840 года в «Северной пчеле» опубликовано извещение о выходе в свет «Героя нашего времени».

6 мая 1840 года Аркадий Петров, судя по письму к нему А.П. Шан-Гирея, находился в Киеве: «...Как ты поживаешь, что делаешь в Киеве и где намерен служить? Ты ничего не пишешь об этом, а без тебя здесь у нас были большие перевороты: брат мой вышел из училища в Воронеж, в драгунский Его Высочества Наследника полк, в 8-й эскадрон юнкером; меня произвели в офицеры, и ко мне адресуй письма в Артиллерийское училище, на Выборгской г-ну прапорщику и т. д., а бедный Лермонтов сослан на Кавказ в Тенгинский полк; видишь брат, какие дела делаются!..»

Действительно, 25 мая 1840 года Лермонтов выехал из Москвы на Кавказ, а 10 июня 1840 года уже был в Ставрополе.

Цензурное разрешение на подготовленное Лермонтовым второе издание «Героя нашего времени» последовало 19 февраля 1841 года. Роман вышел в свет 3 мая 1841 года. Цензор тот же П.А. Корсаков. Отпечатано в типографии Ильи Глазунова и К^о. Учитывая отклики на роман, Лермонтов посчитал необходимым написать «Предисловие ко 2-му изданию». В роман вошли: «Предисловие ко 2-му изданию. Окончание журнала Печорина:

II. Княжна Мери. III. Фаталист». Тираж 1200 экземпляров. Что стало с экземпляром «Героя нашего времени», принадлежавшего семье Петровых, до сих пор не выяснено. Что это было за издание: 1840 или 1841 года? У кого в Ставрополе оставил книгу А.П. Петров, кому он мог написать, и ему её тотчас же выслали бы, тоже осталось тайной. Так же, как и кому отдал Аркадий рукопись «Демона», и в какой редакции была поэма.

В отделе редкой книги Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова хранится в единственном экземпляре прижизненное издание I части романа «Герой нашего времени», изданного в Санкт-Петербурге в 1840 году. В нём переплетены: «I. Бэла. Максим Максимыч. Предисловие. Журнал Печорина. I. Тамань». Цензор П. Корсаков. Отпечатано в типографии Ильи Глазунова и К^о. Но в ней нет никаких карандашных пометок, хотя по ним можно было бы выявить, кому принадлежала книга. II части романа с новеллами «II. Княжна Мери. III. Фаталист» 1840 года издания в фондах научной библиотеки нет.

В пользу того, что «Герой нашего времени» выходил двумя частями, говорит следующий факт: в конце апреля — начале мая 1840 года Лермонтов на экземпляре первой части романа сделал дарственную надпись, адресованную Ольге Степановне Одоевской (урождённая Ланская). Под заглавием «Герой нашего времени» рукой Лермонтова чернилами написано: «упадёт к стопам её прелестного сиятельства, умоляя позволить ему не обедать».

Летом 1843 года Петровы по дороге на Кавказ заехали к Шан-Гиреям и Елизавете Алексеевне Арсеньевой. О родной бабушке Лермонтова Аркадий Павлович Петров писал: «Вот женщина, на которую я не могу смотреть без слёз, а слушать её — для меня совершенное наслаждение: такое высокое самоотвержение. Она подарила мне одну из масляных картин — «Виды Кавказа» Миши Лермонтова (её внука), а это очень много значит: во-первых, по превосходству исполнения, во-вторых, потому, что писал её поэт Лермонтов и, в третьих, по цене, которую имеет она в её глазах».

После сообщения о посещении бабушки поэта Елизаветы Алексеевны Арсеньевой в «Дневнике» А.П. Петрова на 126–145 страницах можно прочитать стихи Лермонтова, переписанные Аркадием Павловичем: «Вы не знали князь Петра...», «Вы старшина собранья, верно...», «Всем жалко вас: вы так устали!..», «Повею ль я, чтоб вы хотели...», «Утѣс» («Ночевала тучка золотая...»), «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), «Они любили друг друга так долго и нежно...», «Тамара» («В глубокой тени Дарьяла...»), «Свиданье» («Уж за горою дремучею...»), «Листок» («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»), «Нет, не тебя так пылко я люблю...», «Выхожу один я на дорогу...», «Морская царевна» («В море царевич купает коня...»), «Пророк» («С тех пор как вечный судия...»).

Стихи переписаны Аркадием во время посещения Павла Петровича Шан-Гирея, отца троюродного брата Лермонтова Акима Павловича Шан-Гирея, и Елизаветы Алексеевны Арсеньевой.

В Ставрополь, судя по дневниковой записи Аркадия Павловича, приехали 5 июля 1843 года: «Вот я и в Ставрополе! Как он переменялся! Украсился! Могила незабвенной <Анны Акимовны>, хотя и в не таком положении, в каком бы я желал её видеть, однакож и не так дурною держится, как папинька ожидал. Я взял с неё розан, да будет он моим талисманом, моим пенатом... Был в бывшем нашем доме: он много выиграл постройками; сад содержится в чистоте; даже садовник всё тот же Ефим, который был и прежде. Однакож в саду я нашёл перемену: нет ни верхнего пруда, в котором я тонул, ни нижнего, стало быть и черепахи перевелись! Деревья в саду разрослись ужасно. На моей яблоне и до сих пор цел ещё мой вензель. Я вырезал его, когда уезжал в первый раз в Одессу, в 1836 году...»

Пропавшие ноты Кати Петровой

В «Дневнике» Аркадия Павловича есть любопытные сведения о его старшей сестре Екатерине Павловне, которая, будучи че-

ловеком музыкально одарённым, написала музыку к нескольким произведениям Лермонтова: «14 марта 1844 г... Папенька думает велеть напечатать музыку, сочинённую Катею на Лермонтова: «Колыбельную песнь» и «Молитву».

В июле 1844 года вся семья Петровых отправилась вновь на Кавказ к Кате, которая в это время ожидала рождение ребёнка. Ехали из Костромской губернии через Москву. Аркадий Павлович, как он сообщает в «Дневнике», «взял ноты Кати и раздал 85 экз. по разным музыкальным магазинам».

В известный нотный сборник «Романсы на слова М.Ю. Лермонтова», вышедший в 1974 году в Ленинградском отделении издательства «Музыкант» его составитель Евгений Михайлович Шендерович включил «Колыбельную» («Спи, младенец мой прекрасный...») на музыку А. Гречанинова. О том, что в семье Петровых хранились ноты «Колыбельной песни», которую положила на музыку Екатерина Павловна Петрова (Жигмонт), сноски нет. Как нет и комментария о том, что музыку к «Казачьей колыбельной песни» (под таким названием она печатается в четырёхтомном собрании сочинений М.Ю. Лермонтова) сочинил и сам автор. Об этом вспоминал однополчанин Лермонтова А.Л. Потапов, утверждавший, что в его воронежском имении Семидубравном хранились ноты «Казачьей колыбельной песни», которую поэт положил на музыку сам.

Нет ничего о нотах Кати Петровой и в литературном наследии известного лермонтоведа Ираклия Андроникова. Этих нот нет и в самом большом собрании музыкальных произведений на стихи Лермонтова, имеющемся в Пятигорском музее-заповеднике. Неужто, эти ноты пропали?

Первая постановка «Маскарада»

И ещё один довольно интересный факт из истории «Маскарада» Лермонтова. В «Дневнике» Аркадия Петрова есть следующая запись: «Читал вслух всю драму Лермонтова «Маскарад», и наш-

ли, что я прочёл её хорошо». А через пятнадцать страниц читаем: «31 января <1847 года> был дан благородный [видимо, благотворительный — прим. авт.] театр в пользу бедных жителей г. Галича, главным и почти единственным распорядителем которого был я сам. Играли: сцены из 2 действий драмы Лермонтова «Маскарад». Арбенин — Я, Нина — Маша, служанка — Н. А. Прокудина, слуга — П. А. Шигорин».

В тот же вечер шла «Тяжба» Н.В. Гоголя и «Воздушные замки» Н.И. Хмельницкого.

«Театр, — записал А. Петров, — сошёлся прекрасно, а «Маскарад» и «Тяжба» превосходно».

Лермонтоведы указывают, что первая постановка «Маскарада» состоялась в 1862 году в Москве на сцене Малого театра, начисто забывая о спектакле в Галиче, который был на пятнадцать лет раньше. Тот же «Дневник» утверждает, что музыку к этому спектаклю написала старшая дочь генерала П.И. Петрова Екатерина Павловна Петрова (Жигмонт).

После отъезда из Ставрополя

Как сложилась судьба членов семьи Петровых? Генерал П.И. Петров уехал из Ставрополя в конце 1838 года. Недолгое время был военным губернатором в Каменец-Подольском и Подольским гражданским губернатором. В отставку вышел 13 ноября 1840 года и поселился в Костроме, где у него был свой дом, который стоял рядом с губернаторским. Летом Павел Иванович проживал в родовом имении — селе Горском Галичского уезда Костромской губернии. После смерти тетки Татьяны Федоровны Ларионовой ему по наследству досталось большое лесное имение — село Чернышово Макарьевского уезда Костромской губернии. Имение это состояло из лесных дач общей площадью около десяти тысяч десятин.

В деревянном двухэтажном доме генерала П.И. Петрова в Чернышово насчитывалось двадцать комнат. До 1919 года там находи-

лась личная библиотека Павла Ивановича, которую он собирал на протяжении последних тридцати лет жизни. Интерес к русской литературе П.И. Петров сохранил до конца своей жизни. Выписывал много иностранных журналов, был знаком с писателем Алексеем Феофилактовичем Писемским, имение которого тоже находилось в Костромской губернии. Писемский подарил Петрову экземпляр своего романа «1000 душ».

В 1919 году библиотеку Петрова вывезли из Чернышово в Кострому. Этот факт подтверждается хотя бы тем, что «Дневник» А.П. Петрова и часть семейного архива попали в Москву, в Государственную библиотеку имени В.И. Ленина (ныне Российская Государственная библиотека — *прим. авт.*) в 1927 году из Центральной Костромской библиотеки. Но ведь была ещё библиотека и находилась она в другом имении Петровых - селе Горском. Здесь хранились книги, которые Павел Иванович собрал во время службы на Кавказе. Возможно, первый черновик повести «Тамань», подаренный Лермонтовым семье Петровых, лежал в какой-либо книге в библиотеке «любезного дядюшки» в Горском.

По воспоминаниям современников, в этой библиотеке были собраны книги на пяти языках, которыми владел П.И. Петров: на французском, немецком, итальянском, латинском и, конечно, на русском. Наряду с книгами, в ней хранились альбомы, отдельные рисунки Лермонтова, детей генерала Петрова, которые превосходно рисовали, рукописи. Что случилось с нею, неизвестно.

А в доме Петровых в Чернышово при Советской власти устроили сыроварню Юрьевецкого сельсоюза. Так было уничтожено последнее «дворянское гнездо» Петровых. Известный костромской краевед А.А. Григоров, автор книги «Из истории костромского дворянства» (Кострома, 1993), вспоминал, как большевики национализировали родовое имение его предков — село Александровское Костромской губернии. Владельцев имения выселили. А 8 ноября 1919 года в имении случился пожар, и в огне сгорела библиотека, которую собирало не одно поколение Григоровых.

У библиотеки Петровых вроде бы другая судьба. Попытки най-

ти её предпринимались не раз. В 1980 году саратовский краевед Леонид Прокопенко со страниц молодежной газеты Костромы обратился к краоведам, историкам, литературоведам с призывом: «Надо искать библиотеку Петровых. Надо искать не только книги, альбомы, портреты, бывшие в этой библиотеке. Надо искать черновик повести «Тамань», которому цены нет! Надо искать книги из библиотеки П.И. Петрова, которые побывали в руках великого поэта и, возможно, имеют его пометы! Надо искать ноты музыки Е. Петровой-Жигмонт на стихи Лермонтова и к его лучшему драматическому произведению. Надо искать экземпляр первого издания лермонтовского «Маскарада», по которому состоялась самая первая постановка сцен из него. Надо искать всё, что находилось в библиотеке «любезного дядюшки». Искать в Костроме, в Галиче, Судиславле и там, куда поведут её следы. Ведь в ней было так много любопытного, важного, ценного, связанного с именем и творчеством Михаила Юрьевича Лермонтова».

Генерал П.И. Петров скончался в Костроме 13 сентября 1871 года на 82-м году жизни и похоронен на кладбище Ипатьевского монастыря. На могиле Петрова, близ ворот монастыря, стоит беломраморный памятник, на котором указаны даты его рождения и смерти.

О единственном сыне генерала П.И. Петрова Аркадии Павловиче известно следующее: родился он на десять лет позднее Лермонтова, в 1824 году. Учиться начал в 1836 году в одесском пансионе швейцарца Тритена, где пробыл до апреля 1838 года. В 1840 году Аркадий поступил в Киевский императорский университет, а через год перевёлся на юридический факультет Московского университета. Но не окончил курса из-за дуэли. Недолго служил в Москве в архиве Министерства иностранных дел, 24 августа 1844 года поступил на службу писцом 1-го разряда в канцелярию Кавказского общего областного управления и после трёхгодичного там пребывания уехал с Кавказа.

Недоучившийся студент, но мечтающий о литературной славе, Аркадий Петров часто сердил отца свои несерьёзными отношени-

ем к жизни и халатным ведением денежных дел. Трудно сказать о каких-то определённых устоявшихся политических взглядах у двадцатилетнего юноши, но несомненно, что прогрессивный дух семьи отразился и на Аркадии Павловиче Петрове.

Во время Крымской войны 1853–56 годов А.П. Петров, вероятно, под влиянием всеобщего патриотического подъема, поступил на службу в армию. Об этом свидетельствует письмо отца Павла Ивановича Петрова от 21 марта 1854 года своему родственнику Алексею Илларионовичу Философову, адъютанту великого князя Михаила Павловича, из которого видно, что он вполне понимал патриотический порыв своего сына и одновременно высказывал озабоченность, чтобы он не привёл к напрасному самопожертвованию, просил по этому поводу доброго совета и содействия.

Аркадий Павлович Петров, выйдя в отставку после Крымской войны, в 1856 году женился на Ольге Николаевне Петровой — своей однофамилице, внучке русского поэта XVIII века Василия Петровича Петрова. От брака с О.Н. Петровой родился сын Николай. В качестве свадебного подарка Аркадий Павлович получил от отца по дарственной во владение имение — село Чернышево Макарьевского уезда Костромской области.

«В начале 60-х годов XIX века был выбран, — как свидетельствует комментатор Костромского издания И. Власов, — Макарьевским уездным предводителем дворянства и участвовал в проведении крестьянской реформы. В 1863 г. вышел в отставку и переехал в Кострому, где был председателем съезда мировых судей, гласным городской думы и любил выступать против местной губернской власти с речами оппозиционного характера».

Своего отца Аркадий Павлович Петров пережил почти на четверть века. Он умер в Петербурге 5 декабря 1895 года на 71-м году жизни, где и похоронен на кладбище при Воскресенском Новодевичьем монастыре. Внук генерала П.И. Петрова Николай Аркадьевич Петров — моряк, капитан I ранга, известен как морской писатель и дипломат. Он был военно-морским агентом в российском посольстве в Берлине. Похоронен тоже на кладбище при Воскре-

сенском Новодевичьем монастыре в Петербурге рядом со своим отцом Аркадием Павловичем Петровым.

Кладбище при Воскресенском Новодевичьем монастыре было одним из самых привилегированных в Санкт-Петербурге, на нём похоронены поэты Н.А. Некрасов, А.Н. Майков, К.К. Случевский, К.М. Фофанов, врачи С.П. Боткин, Э.Э. Эйхвальд, адмиралы Г.И. Невельской, генералы Г.О. Леер и М.И. Богданович, художники П.В. Басин, М.В. Врубель, А.Я. Головин, А.А. Иванов, композиторы Н.А. Римский-Корсаков (в 1930-х годах захоронение было перенесено в Некрополь мастеров искусств Александро-Невской лавры. — *прим. авт.*), А.Н. Лядов и Э.Ф. Направник, литераторы и издатели Н.Н. Страхов, Н.А. Пыпин, А.А. Краевский, В.А. Бильбасов, шахматист М.И. Чигорин...

Семён Осипович Жигмонт, зять генерала П.И. Петрова, оставался в Ставрополе вместе с Екатериной Петровой (Жигмонт) и сыном Павлом и после отъезда тестя с Кавказа. Скорее всего, экземпляр «Героя нашего времени», о котором пишет в «Дневнике» Аркадий Павлович Петров, хранился в семье Жигмонт.

В 1851 году С.О. Жигмонта перевели на службу в Одессу, с 1860 года командовал пехотной дивизией, которая несла охрану российских приморских берегов в Финляндии. В 1845 году произведён в полковники, в 1861 году в генерал-лейтенанты. Умер С.О. Жигмонт в 1886 году.

Дата смерти его жены Екатерины Павловны Петровой (Жигмонт), дочери генерала П.И. Петрова, до сих пор не установлена. Нет сведений и о Павле, сыне Семёна Осиповича и Екатерины Павловны Жигмонт и внуке генерала П.И. Петрова. Известно лишь, что в 1941 году, когда обращался в Институт мировой литературы, он был еще жив.

О дочери генерала П.И. Петрова Марии Павловне Петровой, сыгравшей в «Маскараде» роль Нины, по материалам Государственного архива Костромской области известно, что родилась она в 1822 году в станице Наурской на Кавказе, замужем не была, жила всё время с отцом. После смерти отца Павла Ивановича

унаследовала родовое имя Петровых — село Горское Галичского уезда. Умерла в 1890 году, похоронена в Костроме, на кладбище Ипатьевского монастыря, рядом с отцом. О дочери генерала П.И. Петрова Анне Павловне Петровой документов не обнаружено, но известно, что она была замужем за Павлом Алексеевичем Вороновым, генералом от артиллерии.

О самой младшей дочери генерала П.И. Петрова Варваре Павловне Петровой сведений также нет, за исключением, что она была замужем за вице-адмиралом Павлом Яковлевичем Шкотом (1816—1880), который похоронен на кладбище при Воскресенском Новодевичьем монастыре Санкт-Петербурга.

Такова судьба членов семьи генерала П.И. Петрова, среди которых М.Ю. Лермонтов провёл часть 1837 года, сохранив об этом времени «приятные воспоминания».

* * *

В письме поэту Я. Полонскому в 1888 году А.П. Чехов высказал мысль, что поэты, переходя к прозе, прекрасно справляются с новой задачей. При этом он ссылаясь на пример Пушкина и Лермонтова: «Лермонтовская «Тамань» и Пушкинская «Капитанская дочка», не говоря уже о прозе других поэтов, прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой».

Где написана «Тамань»? Похоже, что замысел «Тамани» родился в Тамани, затем Лермонтов начерно набросал её в Ставрополе, а завершил работу над ней в Петербурге, где она и была впервые напечатана в журнале «Отечественные записки».

Октябрь 2007 г.

ДЕЛО ЧИЧИКОВА

К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя

Люблю перечитывать «Мёртвые души» Н.В. Гоголя (1809—1852) с четвёртой главы, потом возвращаюсь в начало поэмы. Помните, с чего начинается четвёртая глава: «Подъехавши к трактиру, Чичиков велел остановиться по двум причинам. С одной стороны, чтоб дать отдохнуть лошадям, а с другой стороны, чтоб и самому несколько закусить и подкрепиться». Но была и третья причина, о которой Гоголь умолчал. Умолчал потому, что таков характер главного героя. Чичиков «избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностию, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначущий червь мира сего и не достоин того, чтобы много о нём заботились, что испытал много на веку своём, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищет наконец место для жительства, и что, прибывши в этот город, почёл за непременно́й долг засвидетельствовать своё почтение первым его сановникам». Вот и всё, что было известно горожанам о «приезжем».

Гоголь несколько раз называет Чичикова этим неопределённым словом. Тем не менее «приезжий» произвёл впечатление на

городских сановников, среди которых оказались губернатор, у которого он «был с почтением», вице-губернатор, прокурор, председатель палаты, полицмейстер, откупщик, начальник над казёнными фабриками... Чичиков посетил даже инспектора врачебной управы и городского архитектора. Все, как оказалось, нужные люди «в предприятии», которое задумал Павел Иванович, и все они приметили «приезжего».

На бал к губернатору Чичиков отправился во фраке «брусничного цвета с искрой». Опять же, неслучайно, Гоголь одел героя поэмы во фрак столь необычного цвета. Все приглашённые были одеты только в чёрные фраки. Войдя в зал, «не успел Чичиков осмотреться, как уже был схвачен под руку губернатором, который представил его тут же губернаторше». Это заметили все собравшиеся на балу. И все считали за честь познакомиться с «приезжим», который был «на одной ноге» с губернатором. На балу Чичиков познакомился «с весьма обходительным и учтивым помещиком Маниловым и несколько неуклюжим на взгляд Собакевичем». И даже, когда Чичиков «с вежливым поклоном» принимает карту для игры в вист, его внимание по-прежнему занимают помещики Манилов и Собакевич. У председателя палаты и почтмейстера Павел Иванович мимоходом выведал, «сколько у каждого из них душ крестьян и в каком положении находятся их имения, а потом уже осведомился, как имя и отчество» Манилова и Собакевича. На протяжении всей поэмы Чичиков выглядит довольно осведомлённым человеком и с хорошей памятью, запомнил бы всех по имени-отчеству, как запомнил Настасью Петровну Коробочку, Михаила Семёновича Собакевича и его жену Феодулию Ивановну, Степана Плюшкина, председателя палаты Ивана Григорьевича, Андрея Ивановича Тентетникова, Петра Петровича Петуха, Константина Фёдоровича Костанжогло, да Гоголь не назвал...

«На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицмейстеру, где с трёх часов после обеда засели в вист и играли до двух часов ночи», где Павел Иванович и познакомился с ещё одним помещиком Ноздрёвым. Третий вечер Чичиков провёл у пред-

седателя палаты, четвёртый — у вице-губернатора. Потом был «на большом обеде у откупщика», «на небольшом обеде у прокурора, который, впрочем, стоил большого», наконец, обедал у городского главы... На губернатора Павел Иванович произвёл впечатление «благонамеренного человека», прокурор изъяснялся о нём как о «дельном человеке», жандармский полковник считал его «учёным человеком», председатель палаты говорил, что он «знающий и почтенный человек», полицмейстер к определению «почтенный» добавил «и любезный человек». Жена полицмейстера так была очарована Чичиковым, что говорила о Павле Ивановиче, какой это «любезнейший и обходительнейший человек». Даже скупой на похвалу Собакевич, рассказывая перед сном жене о том, что на вечере у губернатора он познакомился «с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым», и что затем это знакомство продолжилось на обеде у полицмейстера, сказал о нём: «приятный человек!»

Но ни одна из этих характеристик не была полной правдой о Чичикове. В городе никто не знал, зачем на самом деле пожаловал Павел Иванович в их губернию.

В четвёртой главе, с которой мы начали разговор, Чичиков спросил хозяйку трактира, когда та накрывала стол, «сама ли она держит трактир, или есть хозяин, и сколько даёт доходу трактир, и с ними ли живут сыновья, и что старший сын холостой или женатый человек, и какую взял жену, с большим ли приданым, или нет, и доволен ли был тесть, и не сердился ли, что мало подарков получил на свадьбе, — словом, не пропустил ничего».

В этом эпизоде Павел Иванович предстаёт перед читателями знатоком российской действительности. Так, видимо, считала и хозяйка трактира, любезно отвечавшая на его расспросы. Главный вопрос Чичиков придержал до окончания сервировки стола. Павел Иванович любопытствовал, а какие в округности помещики живут, «и узнал, что всякие есть помещики: Блохин, Почитаев, Мыльной, Чепраков-полковник, Собакевич...»

В своей жизни я перечитывал «Мёртвые души» не раз и не пе-

реставал восхищаться гоголевским слогом, и, конечно же, мне поэма дорога ещё и потому, что Николай Васильевич упомянул фамилию, которая досталась мне от моего отца Фёдора Петровича, а отцу от его отца, моего деда Петра Антоновича, а деду от его отца, моего прадеда Антона Алексеевича, а прадеду от его отца, моего прапрадеда Алексея Ивановича...

Я не раз думал, что стало бы с литературным героем, заверни Гоголь его коляску к помещику Блохину, каким бы предстал он со страниц поэмы, как выглядел его двор, крепким ли было его хозяйство, сколько могло быть у него крестьян и часто ли они умирали, угостил бы он Чичикова, а если угостил бы, то какими блюдами?

Мы ничего не знаем о помещике Блохине, кроме одного маленького замечания трактирщицы, что в округе «всякие есть помещики».

Это «всякие» наводит на мысль, что, скорее всего, помещик Блохин не был похож ни на одного из тех, о ком мы узнаём со страниц поэмы, — ни на Манилова, который при совершении сделки сказал Чичикову, что он не станет брать деньги за души, «которые в некотором роде окончили своё существование», ни на Коробочку, которая взяла пятнадцать рублей ассигнациями за восемнадцать умерших крестьян и проданных Чичикову, как будто они живые, ни на Ноздрёва, кутилу, пьяницу, плута, пытавшегося выведать у Чичикова, с какой целью он скупает мертвецов, ни на Собакевича, который не проводит никакой грани между «несуществующими» и реальными ревизскими душами, запросившего «по сту рублей за штуку» подобно Коробочке, которая «уступила» Протопопову двух девок по сто рублей каждую, что Чичиков аж вскрикнул от удивления, услышав это, ни на Плюшкина, которого наш герой принял вначале «за бабу» и у которого «крестьяне умирали, как мухи».

И ещё обратим внимание на ночной разговор Чичикова с Коробочкой. Павел Иванович поблагодарил помещицу за предоставленный ночлег и поинтересовался, куда он заехал и как проехать к поместью Собакевича, на что Настасья Петровна ответила, что

она никогда не слыхала о нём и что помещика с такой фамилией в округе нет. А дальше прочитаем диалог, записанный Гоголем:

«— По крайней мере, знаете Манилова? — сказал Чичиков.

— А кто такой Манилов?

— Помещик, матушка.

— Нет, не слыхивала, нет такого помещика.

— Какие же есть?

— Бобров, Свинын, Канапатьев, Харпакин, Трепакин, Плешаков.

— Богатые люди или нет?

— Нет, отец, богатых слишком нет. У кого двадцать душ, у кого тридцать, а таких, чтоб по сотне, таких нет».

Последнее замечание Коробочки о том, что богатых среди местных помещиков нет, наводит на мысль о том, что писатель и не искал в этой среде состоятельных. Чичиков, несмотря на то, что «немел перед законом», — всё же мошенник, и искал себе подобных... Ведь помещики, продав Чичикову «мёртвых душ» как живых, снимали с себя обязанности платить за них подати.

Так что, заверни Гоголь коляску Чичикова к помещику Блохи-ну, мы увидели бы нищую, патриархальную Россию под соломенной или камышовой крышей, какой она была примерно за тридцать лет до реформы 1861 года.

Гоголь рассказывает о том, что «предприятие» Чичикова вызвано «вдохновеннейшей мыслью, какая когда-либо приходила в человеческую голову», называет «странным», «невероятным» составившийся в голове Павла Ивановича «сюжет», говорит, что ему «никто не поверит», однако в действительности спекуляция «мёртвыми душами» была издавна фактом довольно распространённым.

«...Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока ещё не подавали новых ревизских сказок... вот уже двести тысяч капиталу!» — так в России рассуждал не один Чичиков. С основания дворянского банка залог умерших крестьян как живых вошёл в обиход ловких дельцов. Ещё в 1754 году, в первый же год деятельности го-

сударственного заёмного банка, получившего в обиходе название дворянского, некий прапорщик И. Бочаров заложил имение в 25 душ за 250 рублей; и когда вследствие неуплаты в срок, была сделана опись его имущества, то в деревне оказалось живых только четыре крепостных крестьянина и пять четвертей земли. Бочарова по решению суда сослали в Сибирь на каторжные работы.

А.С. Пушкин (1799—1837) знал о залоге «убылых» крестьян. Такой случай произошёл около села Михайловского: один предприниматель попался на покупке и продаже умерших крестьян. Граф В.А. Соллогуб (1814—1882), писатель, также рассказывал, что Пушкину показывали на бегах некоего П., который нажил себе состояние на такой операции и не попал под суд. Подобные истории происходили и на Украине. Об одной из них рассказал В.А. Гиляровский (1853—1935). В Миргородчине, поведал Гиляровский, помещик Пивинский, знакомый Гоголя, накупил у соседей за горилку «мёртвых душ», записав их себе, чем обошёл закон, запрещавший мелкопоместным иметь собственные винокурни.

Мария Григорьевна Анисимо-Яновская, дальняя родственница Н.В. Гоголя, утверждала, что истоки сюжета поэмы следует искать в родном для писателя Миргороде: «Мысль написать «Мёртвые души» взята Гоголем с моего дяди Пивинского. У Пивинского было 200 десятин земли и душ 30 крестьян и пятеро детей. Богато жить нельзя, и существовали Пивинские винокурней. Тогда у многих помещиков были свои винокурни, акцизов никаких не было. Вдруг начали разъезжать чиновники и собирать сведения о всех, у кого есть винокурни.

Пошёл разговор о том, что у кого нет пятидесяти душ крестьян, тот не имеет право курить вино. Задумались тогда мелкопоместные: хоть погибай без винокурни. А Харлампий Петрович Пивинский хлопнул себя по лбу да сказал: «Эге! не додумались!» И поехал в Полтаву да и внёс за своих умерших крестьян оброк, будто за живых. А так как своих, да и с мёртвыми, далеко до пятидесяти не хватало, то набрал он в брличку горилки, да и поехал по соседям и накупил у них за горилку мёртвых душ, записал их себе и, сде-

лавшись по бумагам владельцем пятидесяти душ, до самой смерти курил вино и дал этим тему Гоголю, который бывал в Федунках, имении Пивинского, в 17 верстах от Яновщины; кроме того, и вся Миргородчина знала про мёртвые души Пивинского».

Сам Пушкин, несмотря на то, что не был бедным человеком — получал жалованье 5000 рублей в год, не был исключением и искал «способ создания новой отрасли», как он сам говорил, «промышленности». Впервые в русской литературе он понял, что такое авторское право, издательский договор и самое сладостное для любого писателя слово — гонорар. «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать», — и он умел продавать. Его гонорары по тем временам были баснословны. Только «Евгений Онегин» принёс Пушкину 37 тысяч рублей гонорара.

За шесть лет книгоиздатель А.Ф. Смирдин (1795—1857) выплатил ему 109 тысяч рублей, другие издатели за это время уплатили 20 тысяч рублей, журнальные издательства ещё 50 тысяч рублей. Но всё это были маленькие деньги по сравнению с расходами. Пушкин всё время нуждался в деньгах. В письме Н.И. Гончаровой, будущей теще, он писал 5 апреля 1830 года: «Перейдём к вопросу о денежных средствах, я придаю этому вопросу мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю на за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения...»

Но жизнь распорядилась иначе. 5 февраля 1831 года поэт заложил свои 200 душ в Московском опекуном совете, получив ссуду в 40 тысяч рублей под 5 процентов годовых. Но в 1832 году этих денег у него уже не было. И самое печальное, Пушкин на протяжении последних пяти лет жизни не платил ни процентов, ни пени, а это грозило продажей имения с молотка. За 1832—1833 годы Пушкин задолжал домовладельцу П.А. Жадимеровскому 1063 рубля за квартиру, которую у него снимал. Жадимеровский подал иск, поэт проиграл тяжбу, денег у него не было, и он вынужден был внести в залог семь своих крепостных душ. И их надо было ещё продать.

«Денежные мои обстоятельства, — писал поэт, — плохи. Я принуждён был приняться за журнал». Так из нужды возник «Современник».

Первый и второй тома «Современника» были отпечатаны небывало большим тиражом для нового издания — по 2400 экземпляров. Пушкин рассчитывал получить 60 тысяч рублей чистого дохода в год, но к концу июля 1836 года было распродано лишь по 700-800 экземпляров каждого тома. Это поставило Пушкина перед лицом финансовой катастрофы. Результат издания — непоплаченные счета: типографии — 3175 рублей, бумажной фабрике — 2447 рублей. Дуэль и смерть, как известно, освободила Пушкина и его семью от долгов, от разорения, от краха. Долги оплатил царь.

В такой «затруднительной ситуации», о которой литературовед П.Е.Щёголев (1877—1931) с грустью заметил, что «бухгалтерия, очевидно, очень беспокоила Пушкина», были многие российские дворяне. К 1833 году в различных кредитных учреждениях России было заложено около четырёх миллионов крепостных душ. Дворянство всеми способами «раздобывало деньги в условиях их растущего обесценения и растущей нужды», как заметил один из критиков. Все жили в долг. Каждый русский человек исходил из того, что «жить по доходам невозможно». Каждый русский человек не расходы соизмерял с доходами, а доходы стремился подверстать под расходы. Все брали в долг, закладывая в казну имения вместе с крепостными, живыми и мёртвыми, о которых секретарь опекунского совета на оговорку Чичикова о том, что половина крестьян, дескать, вымерла, скажет: «Да ведь они по ревизской сказке числятся?.. Ну, так чего же вы оробели? один умер, другой родится, а всё в дело годится».

До Гоголя подобное явление крепостнической действительности в русской литературе не было отражено. Пушкин первый задумал ввести в одно из своих произведений историю скупщика «мёртвых душ». Советуя Гоголю «приняться за большое сочинение», поэт в 1835 году подарил ему этот сюжет, вносящий яркий штрих в изображение крепостной эпохи: крестьянин, и живой, и

мёртвый, был объектом купли-продажи и наживы для дворянина. Гоголь воспользовался советом Пушкина, и на свет появилась его гениальная поэма.

Правда, историк литературы, русской общественной мысли, философ, переводчик Е.А. Бобров (1867–1933), один из исследователей творчества Гоголя, предположил, что «настоящим хозяином сюжета» является не Пушкин, не Гоголь, а В.И. Даль (1801-72). Один из героев его романа «Вахх Сидоров Чайкин, или рассказ его о собственном своём житье-бытье, за первую половину жизни своей» помещик Василий Иванович Порубов скупил до двухсот мёртвых душ по 5 и 10 рублей, «приписал их законным актом к лоскуточку болота», а потом заложил их в опекуновом совете по 200 рублей за душу, и, взяв 40 тысяч, предоставил совету «ведаться с болотом и покойниками».

Роман В.И. Даля был опубликован почти в одно время с «Мёртвыми душами», и это выдавалось за доказательство того, что Даль сообщил Пушкину, якобы мало знавшему русскую жизнь, о возможности такой спекуляции. О предположении Боброва можно прочесть в работах о Гоголе, например, в шестом томе Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя (М., Изд. АН СССР, 1951, стр. 900). Но в первом издании романа «Вахх Сидоров Чайкин...» за 1843 год нет описания такой проделки с «мёртвыми душами». Даль внёс ее в текст только в 1846 году, то есть через четыре года после выхода в свет первого издания «Мёртвых душ» и в год появления второго.

«Мёртвые души» Гоголя отличает и точность отдельных исторических фактов: «А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, немало». Осенью 1830 года центральные губернии России охватила эпидемия холеры. По этой причине Пушкин не мог выехать из Болдино и задержался в нём до самой зимы.

Чичиков рассчитывает, скупив мёртвых, заложить их в опекуновский совет по 200 рублей за душу. Из книги А.В. Романович-Славятинского «Дворянство России с начала XVIII века до отмены

крепостного права» (СПб., 1870, стр. 342-344) известно, что первый размер ссуды в 50 рублей за душу был установлен еще в 1754 году. Размеры ссуды и сроки их погашения менялись в 1758, 1759, 1761 годах. В 1786 году сроки погашения ссуды увеличивались до 20 лет. Дворяне получали ссуду на 20 лет под 5 процентов годовых. Манифестом Павла I от 1797 года «банк должен делать вспоможения тем дворянским фамилиям, имения которых обременены долгами», и давать в залог за крестьянскую душу 1-го класса — по 75 рублей, 2-го — 65 рублей, 3-го — 50 рублей и 4-го — 40 рублей.

Размер ссуды в 200 рублей установлен указом 1824 года и держался до 1839 года, когда были даны новые ссудные льготы дворянам и сумма залога увеличена. Поездка Чичикова, видимо, не могла происходить раньше 1824 года и позже 1839 года. Чичиков покупает крестьян «на вывод», то есть без земли, и только «мужской пол». Такая покупка не могла происходить и позже 1833 года, так как в 1833 году Сенатом был издан закон, запрещающий продавать крепостных крестьян «с разлучением от семьи», а в 1841 году полностью «прекращён поодиначный торг людьми». До 1833 года такая продажа была обычным явлением: крестьян «продавали на ярмарках вместе с баранами и другими животными». Из Рязанской губернии «привозились на Урюпинскую ярмарку скованные помещичьи люди, для продажи их в розницу», поручик Голлобов «продавал крепостных без земли, а некоторые с разлучением от семейств».

А генерал Бетрищев (помещик из второго тома поэмы), которого рассмешила выдумка Чичикова, готов отдать ему «мёртвых душ» вместе с землёю и жильём: «Возьми себе всё кладбище!»

После закона 1833 года покупка Чичикова была бы явным преступлением. Но поэма Гоголя вышла из печати в 1842 году, когда «правила» продажи крестьян изменились, и на писателя посыпались упреки в неточностях. С. Т. Аксаков (1791—1859), в частности, заметил: «...крестьяне на вывод продаются семействами, а Чичиков отказался от женского пола; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя продать чужих крестьян, да и пред-

седатель не может быть в одно и то же время и доверенным лицом и присутствующим по этому делу», как при покупке душ у Плюшкина.

А Гоголь и не отрицал сего факта: «Правда, без земли нельзя ни купить, ни заложить». Чичиков, предлагая сделку сомневающемуся Манилову, говорит: «Я привык ни в чём не отступать от гражданских законов... обязанность для меня дело священное, закон — я немею пред законом». Но в законе была лазейка, и поэтому наш герой покупает «на вывод»: земли в Таврической и Херсонской губерниях отдавались даром, только заселяй. Переселение в те годы шло и в Кавказскую область, но Чичиков, отвечая на вопросы председателя палаты, врёт, глазом не моргнув, что «своих крестьян» он решил поселить в Херсонской губернии, дескать, земли там «отличные» и «в достаточном количестве», там «и река и пруд есть», и травы тамошние отличаются «рослостью»...

«В Херсонскую их! пусть их там живут! А переселение можно сделать законным образом, как следует по судам. Если захотят освидетельствовать крестьян: пожалуй, я и тут не прочь, почему же нет? я представлю и свидетельство за собственноручным подписанием капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка или по имени, данному при крещении: сельцо Павловское», — примерно так рассуждал в уме герой «Мёртвых душ».

Да, ещё и подъёмные на переселение получил бы за них. Каждому переселившемуся крестьянину из Воронежской губернии в Кавказскую область Кавказская палата госимуществ выплачивала по 26 рублей 50 копеек серебром. Немалые деньги! Так что слободка Чичикова или сельцо Павловское могло появиться и в пределах современного Ставрополя.

Конечно, Павлу Ивановичу было страшно, как бы какая «история» из этого не вышла. На что рассчитывал он, приступая к своему «предприятию»?

«Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует; всё полезло в Петербург служить; имения брошены, управляются как ни попало, подати уплачиваются с каж-

дым годом труднее, так мне с радостью уступит их каждый уже потому только, чтобы не платить за них подушных денег...», — полагал Чичиков.

Да и «...предмет-то покажется всем невероятным, никто не поверит». Узнав, что Чичиков скупает «мёртвые души», не поверили этому ни «дама приятная во всех отношениях», ни «просто приятная дама». «Дама, приятная во всех отношениях», решила, что покупка «мёртвых душ» выдумана только «для прикрытия», на самом деле Чичиков «хочет увезти губернаторскую дочку».

Чиновников губернского города тоже не обеспокоил факт покупки 400 душ крестьян — одних мужчин, почти на 100 тысяч рублей. Перебирая все возможные и невозможные предположения, припоминая все незаконные дела, чиновники губернского города ни разу не задумались над этой стороной покупки. Лишь Иван Антонович Кувшинное рыло из крепостной экспедиции на просьбу Чичикова, «нельзя ли, например, кончить дело сегодня», ответил: «...сегодня нельзя. Нужно навести ещё справки, нет ли ещё запрещений». «Запрещения» появятся, но позднее. Из этого, видимо, можно предположить, что происходила сделка до 1833 года. Ограничить время «предприятия» Чичикова именно 1833 годом следует ещё и потому, что именно в 1833 году в России началась очередная, восьмая ревизия, или перепись податных сословий, в первую очередь крестьянства.

Перепись податного сословия России, введённая Петром I Великим (1672—1725), проходила: 1-я — в 1722—1724 годах, 2-я — в 1743—1747, 3-я — в 1761—1765, 4-я — в 1781—1787, 5-я — в 1794—1808, 6-я — в 1811—1812, 7-я — в 1817—1826, 8-я — в 1833—1835 годах. Потом были 9-я в 1850 году и последняя 10-я в 1858—1860 годах. Переписные листы назывались «ревизскими сказками». Они сохранились до наших дней, пусть даже и не в полном объёме, но они есть практически в каждом областном архиве центральной части России. Есть они и в Государственном архиве Воронежской области. Именно из Воронежской губернии в 1848 году пришли на Маныч переселенцы, носившие фамилию Бло-

хин. Я находил их в «Списке жителей села Дивенского» (ныне с. Дивное), хранящемся в Государственном архиве Ставропольского края. Они оказались моими прадедами и прапрадедами...

По переписи 1833–1835 годов помещики губернии, куда приехал Чичиков, вычеркнули бы из списков своих крестьян всех умерших, и Чичикову не было бы что покупать. Он поехал за своим «товаром», когда ревизии давно не было: предыдущая, седьмая ревизия происходила в 1817–1826 годах. Изображение среди персонажей поэмы выборных чиновников «нижнего земского суда», который состоял из земского исправника и земских заседателей, избиравшихся дворянами, убеждает, что действие происходило до 1837 года, когда «нижние земские суды» были упразднены. Этот факт нашёл отражение в следующем: в коляску Чичикова было запряжено две лошади, у одной из них была кличка Заседатель.

В жизни плутоватого героя «Мёртвых душ» было ещё одно событие, которое можно довольно точно определить. Это его служба в комиссии «для построения какого-то казённого, весьма капитального строения», или в «комиссии построения храма божьего», как была она названа в одной из ранних редакций поэмы. Это была комиссия по сооружению огромного храма Христа-Спасителя в Москве. Скандальная история воровства и взяток, всяческих злоупотреблений чиновников этой комиссии была широко известна и вызвала ревизию во главе с генерал-адъютантом Николая I С.С. Стрекаловым (1781–1856), произведённую «по высочайшему повелению» в 1826 году. Степан Степанович доложил государю о том, что комиссия по сооружению храма Христа-Спасителя в Москве завершила свою работу 16 апреля 1827 года, а её члены отданы под суд Московской уголовной палаты. Это громкое дело тянулось около десяти лет. В возмещение ущерба, причинённого казне, доходившего до 580 тысяч рублей, были конфискованы имения подсудимых. Можно предположить, что Чичиков, у которого, как и у других членов «комиссии построения», «очутилось по красивому дому гражданской архитектуры», был отрешён

от должности, а его имущество было обращено в казну в 1827 году, так как под суд он не попал. После долгих хлопот ему удалось добиться при помощи взяток «уничтожения запачканного послужного списка», перейти на другую службу — в таможенную на польской границе, примерно, в 1828—1829 годах. Гоголь не скрывает, что Павел Иванович давно мечтал перейти в таможенную, да «удерживали текущие разные выгоды по строительной комиссии». Теперь же, когда не стало и комиссии, и выгод, решился и перебрался в таможенную. Там он служил не очень долго, по крайней мере, года два — 1828—1830 годы, или 1829—1831 годы, но до 13 января 1831 года, когда сейм Польши «объявил династию Романовых лишённой польского престола».

Чичиков «в три-четыре недели уже так набил руку в таможенном деле», что «не было от него никакого житья контрабандистам». «Такая ревностно-бескорыстная служба не могла не сделаться предметом общего удивления и не дойти наконец до сведения начальства»: Чичикову дали чин, повысили должностной оклад, одобрили его проект, как «изловить всех контрабандистов», вручили команду и «неограниченное право производить всякие поиски». Этого только и ждал Павел Иванович.

Если раньше «подосланным подкупить» отказал, сухо ответил: «Ещё не время», а, получив же неограниченную власть, решил: «Теперь пора». В один год Чичиков сумел сколотить состояние, которое перевалило за 500 тысяч рублей, «потому что был побойчее» других. Для сравнения: годовой доход графа Безухова из романа «Война и мир», у которого имения были по всей России, составлял тоже 500 тысяч рублей.

Но всё открылось после ссоры Чичикова с другим чиновником таможенной, которого он втянул в своё «предприятие». Чичиков назвал товарища, с которым был в сговоре, «поповичем», а тот не согласился, сказав, что он «статский советник, а не попович, а вот ты так попович». И в отместку послал «куда следует» на Павла Ивановича тайный донос. Приехала комиссия, тайные отношения с контрабандистами открылись, награбленное конфисковали. Оба

чиновника оказались в дураках. «Статский советник» с горя спился, а коллежский, то есть Чичиков, устоял, припрятав от следствия десять тысяч рублей, две дюжины голландских рубашек, бричку, в которой ездят холостяки, да два крепостных - кучера Селифана и лакея Петрушку.

«Потерпев за правду» и увернувшись от уголовного суда за проделки на таможне, Чичиков, коллежский советник по чину, «принужден был заняться званием поверенного» (опять же в Москве) в 1830—1831 годах, не раньше. Поездки его и первые покупки начались в 1831—1832 годах, перед самой ревизией 1833 года. Эту дату подтверждают и слова Чичикова: «А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, немало...» Это, очевидно, сказано про страшную холерную эпидемию 1830-1831 годов, распространившуюся по всей России.

В справочнике «Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях» инспектора народных училищ А. И. Твалчрелидзе (1854—1930), напечатанном в Ставрополе в 1897 году в типографии М. Н. Корицкого, среди сведений о сёлах губернии упоминаются и «достопамятные события», к которым автор относит и холеру 1830 года.

«Предприятие», затеянное Чичиковым, герой «Мёртвых душ» убеждённо считает делом честным и потому продолжает его даже после разоблачения и побега из губернского города. Испугавшись, как бы Ноздрёв не убил его, Чичиков думает о том, что, пропав, он не оставит будущим детям ни состояния, ни честного имени: «Почему ж я? зачем на меня обрушилась беда? Кто ж зевает теперь на должности? — все приобретают. Несчастливым я не сделал никого: я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру, пользовался я от избытков, брал там, где всякий брал бы; не воспользуйся я, другие воспользовались бы. За что же другие благоденствуют, и почему должен я пропасть червем? И что я теперь? Куда я гожусь? какими глазами я стану смотреть теперь в глаза всякому почтенному отцу семейства? Как не чувствовать мне угрызания совести, зная, что

даром бременю землю, и что скажут потом мои дети? Вот, скажут, отец, скотина, не оставил нам никакого состояния!»

Честное имя для Чичикова связано не с честью, а с капиталом. Стремление «приобрести копейку» превратилось в смысл жизни. Этому с детства его учил отец: «Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту бог не дал, всё пойдешь в ход и всех опередишь. С товарищами не водись, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водись с теми, которые богаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными... больше всего береги и копи копейку: эта вещь надёжнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой». Чичиков с юных лет следовал завету родителя своего.

И будучи взрослым, «когда пронёсился мимо его богач на пролётных красивых дрожках, на рысаках в богатой упряжи, он как вкопанный останавливался на месте и потом, очнувшись, как после долгого сна, говорил: «А ведь был конторщик, волосы носил в кружок!» У богатого и имя честное, считал Павел Иванович.

Ещё в 1845 году русский литературный критик и публицист В.Г. Белинский (1811—1848) писал, что «Чичиков как приобретатель не меньше, если ещё не больше Печорина, — герой нашего времени» (Белинский В. Г. ПСС, 1954, т. IX, стр. 79). И чем дальше годы отдаляли читателей от времени, в какое жил главный герой «Мёртвых душ», тем острее ощущалась «неиссякаемая жизненность гоголевской поэмы».

В 1861 году увидела свет повесть «Молотов» русского писателя Н. Г. Помяловского (1835—1863), где он впервые ввёл понятие «честной чичиковщины». Главный герой его повести мечтает о «мещанском счастье» и безгрешном приобретательстве. Фабрикант из романа И.С. Тургенева (1818—1883) «Новь», изданного в 1877 году, тоже наделён гоголевской характеристикой: «Сам шкуру дерёт — и сам приговаривает: «Повернитесь-ка на этот бочок, сделайте одолжение; тут есть ещё живое местечко... Надо его по-

обчистить!» Подобных примеров в русской литературе множество.

Как ни пытался Гоголь «припрячь подлеца», Чичиков выплывал из всяких ситуаций, потому он продолжает со спокойной совестью свою деятельность приобретателя и в XXI веке.

Разве сегодняшняя Россия не полна разоблачений, совершаемых махинаторами при строительстве квартир, продаже акций, покупке автомобилей, выдаче и погашении кредитов? В поле зрения правоохранительных органов оказываются начальники управлений, генеральные директора, мэры городов, губернаторы, банкиры, депутаты, заместители министров... На всех этажах нашего общества рядом с нами живут Чичиковы, от них зависит оформление и регистрация дачного земельного участка, автомобиля, квартиры, дома, подача и приём декларации, начисление пенсий... «Доходные места» в современной России заняли Молчалины, Хлестаковы, Чичиковы, Жадовы, Лопахины, Остапы Бендеры... Чиновников в России, о денежных окладах которых дённо и ночью печётся современная кремлёвская власть, больше, чем во времена Советского Союза. Это означает, что дело Чичикова, из которого мог бы выйти «весьма гладенько выточенный обыкновенный, опрятный человек», если бы не было у него «стремления приобрести копейку», живёт и побеждает не только в столице, но и в провинции. Как только в кресло садится новый руководитель, он забывает о своих обещаниях и вся его деятельность подчинена одной цели — самому стать богатым.

Гоголь хотел показать «всю Русь» в своей поэме. Но, начиная работу над «Мёртвыми душами», Николай Васильевич не предполагал, что его поэма обретёт бессмертие, и что он предскажет судьбу России на столетия...

Умирая, Николай I (1796—1855) скажет сыну: «В этой стране только мы с тобой не крадём». Отсюда и мудрый вывод пушкинского скупого рыцаря: «Деньги нельзя доверять кому-нибудь, их надо прятать, всегда держать при себе».

Ну, а что же случилось с делом Чичикова? Ответ, господа читатели, ищите у Гоголя. Может быть, даже в этих словах заключается

он: «...гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управления, образовалось другое правление, гораздо сильнее всякого законного».

Размах хищнического предпринимательства и накопительства в современной России приобрёл такие размеры, о которых не мог мечтать и Чичиков. Более того, оно перешагнуло границы современной России. Достаточно вспомнить, что за рекламным слоганом: «Московская недвижимость всегда в цене!» появится другой, не менее привлекательный: «Пражская недвижимость всегда в цене!».

Ещё князь, русский революционер, теоретик анархизма, географ и геолог П. А. Кропоткин (1842–1921) отмечал международное значение гоголевского персонажа: «Чичиков может покупать мёртвые души или железнодорожные акции, он может собирать пожертвования для благотворительных учреждений... Это безразлично. Он остаётся бессмертным типом: вы встретитесь с ним везде; он принадлежит всем странам и всем временам: он только принимает различные формы, сообразно условиям места и времени».

Так что дело Чичикова, думается, не окончено. «Мёртвые души» — вечная книга!

Октябрь 2008 г.

«ОТКЛИКНЕТСЯ ВСЯКОЕ СЕРДЦЕ...»

О творчестве Алексея Кольцова
и Януария Неверова

I

От забвения Алексея Кольцова спас Виссарион Белинский. Перу великого критика принадлежат всего лишь две статьи о русском поэте — «Стихотворения Кольцова» и «О жизни и сочинениях Кольцова». Но каких! Первая статья опубликована при жизни поэта в журнале «Телескоп» в 1835 году, вторая увидела свет в 1846 году, через четыре года после его смерти. По свидетельству одного из современников, Кольцов говорил о Белинском: «Я обязан всем ему: он меня поставил на настоящую дорогу».

После кончины Алексея Васильевича Виссарион Григорьевич собрал его стихотворения, написанные в 1827—1842 годах, и издал их отдельной книгой. «Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским» — таково полное название книги. Вышла она в Санкт-Петербурге в 1846 году.

Издателями книги выступили известный русский поэт, редактор Николай Алексеевич Некрасов и поэт, редактор Николай Яковлевич Прокопович, более известный как редактор первого

четырёхтомного «Собрания сочинений» Н.В. Гоголя. Характерно, что в дореволюционной России стихотворения А.В.Кольцова издавали многие известные книгоиздатели, что свидетельствовало о большой популярности и массовом распространении произведений воронежского поэта.

В фондах Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова хранится девять дореволюционных изданий стихотворений А.В. Кольцова.

Самый ранний сборник стихотворений А.В. Кольцова, хранящийся в отделе редкой книги, датируется 1877 годом. Это второе издание книги «А.В. Кольцов: его жизнь и сочинения». Осуществил его известный московский издатель Николай Иванович Мамонтов. В ней статья о жизни и творчестве Алексея Кольцова (без указания автора) и 17 стихотворений поэта.

Еще один сборник «Стихотворения А.В. Кольцова» датируется 1880 годом и представляет собой седьмое издание, которое осуществил другой не менее известный московский издатель Козьма Терентьевич Солдатенков. В нем 200 страниц. В этом сборнике опубликованы отрывок из статьи В. Белинского о жизни и сочинениях поэта и 124 стихотворения, среди которых получившие широкую известность: «Кольцо», «Песня пахаря», «Урожай», «Разлука» и другие. Солдатенков, собственно говоря, повторял из года в год издание стихотворений А. Кольцова, подготовленное В. Белинским.

На книге сохранился хорошо читаемый штамп «Ученическая библиотека Ставропольской гимназии».

Сборник «Стихотворения А.В. Кольцова», напечатанный в московской типо-литографии О.И. Лашкевича в 1892 году, повторяет издание 1880 года. В этом издании опубликованы тот же отрывок из статьи В. Белинского о жизни и сочинениях поэта и 124 стихотворения А. Кольцова.

В 1892 году Санкт-Петербургское книгоиздательство Германа Гоппе (улица Садовая, 22) предложило читателям первое полное собрание стихотворений А.В. Кольцова с предисловием, биографическим очерком, критическими статьями В.Г. Белинского и В.Н.

Майкова, примечаниями, портретами отца, матери поэта, портретом самого Кольцова в юности, снимком почерка и 39-ю рисунками и виньетками, исполненными членами Товарищества русских иллюстраторов.

Книга издана под редакцией Петра Васильевича Быкова, редактора журнала «Русское богатство», русского поэта, прозаика, переводчика, историка литературы, известного библиофила. Быков впервые предложил, оформил и расположил в этой книге 146 стихотворений Кольцова по годам их создания — с 1827 по 1840 годы.

В 1905 году в серии «Русская классная библиотека», издаваемой под редакцией А.Н. Чудинова, в Санкт-Петербургской типографии И. Глазунова (улица Казанская, 8) напечатали книгу «А.В. Кольцов (1809-1842). Стихотворения». В нее вошли этюды В.Г. Белинского и В.Н. Майкова о Кольцове и 87 стихотворений поэта. Книга издана как пособие при изучении русской литературы. Это был XXIX выпуск.

Следующая книга «А.В. Кольцов. Полное собрание сочинений. Под ред. и с примеч. А.И. Лященко. Акад. б-ка русских писателей» вышла к 100-летию со дня рождения поэта в Санкт-Петербурге в 1909 году. Это было издание из разряда изящной словесности Императорской Академии наук. В нем 472 страницы. В книгу вошло 158 стихотворений поэта, расположенные по годам с 1827 по 1840 годы, 70 писем А.В. Кольцова, портреты, рисунки, факсимиле, репродукция знаменитого 1838 года рисунка П.Ф. Бореля «Литературный вечер у П.А. Плетнева, на котором присутствовал А.В. Кольцов».

Это был первый выпуск «Академической библиотеки русских писателей». В продажу он поступил в сентябре того же года. 15-тысячный тираж разошелся мгновенно. В октябре того же года издание было повторено тиражом 20 тысяч экземпляров. Разошлось оно в течение 1909—1910 годов. Третье академическое издание сочинений А. Кольцова подготовлено Императорской Академией наук в 1911 году. Печаталось оно в типографии Императорской

Академии наук и в Государственной типографии. Один экземпляр этого издания и хранится в отделе редкой книги Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова. В следующих выпусках «Академической библиотеки русских писателей» напечатали сочинения М.Ю. Лермонтова (с 2-го по 6-й), А.С. Грибоедова (с 7-го по по 9-й).

II

Алексей Васильевич Кольцов прожил короткую жизнь — тридцать три года. Родился он 3 (15) октября 1809 года в Воронеже, а умер 29 октября (10 ноября) 1842 года, похоронен на Митрофаньевском кладбище, в Воронеже. Но за столь короткую жизнь он успел сделать столько, что заслужил в веках благодарную память потомков. Его литературное наследие, тщательно собранное почти за два века исследователями, включает стихотворения, песни, думы, пословицы и поговорки, записанные им, письма, адресованные современникам.

Отец поэта Василий Петрович Кольцов (1775—1852) был прасолом, В наше время разве что специалист может объяснить значение слова «прасол». В «Толковом словаре» В.И. Даля можно прочитать, что «прасол» — это «скупщик мяса и рыбы для розничной, мелочной распродажи; гуртовщик, торговец скотом; перекупщик». Иными словами — воронежский мещанин Василий Кольцов был посредником между базарным продавцом с возу и местным скупщиком, между последним и оптовым покупателем. Занимаясь в девятнадцатом веке «прасольством» — значит «прашить», «прашничать», если проще, то «добывать» и «промышлять».

Отец поэта слыл в Воронежской губернии честным партнером в торговых делах. По воспоминаниям Алексея Кольцова, отец его — «человек простой, купец, спекулянт, вышел из ничего, рожь молотил на обухе». Кроме прасольства, он занимался скотоводством, арендовал земли для посева хлебов, скупал леса под сруб, торговал дровами, поставлял сырье на салотопенные заводы. Торговое

дело отца было не из легких. И ему нужен был надежный помощник в его купеческих делах. Мария, старшая дочь Василия Петровича — отрезанный ломоть, на младших — сына Владимира и дочерей Анну, Анисью, Александру — не приходилось рассчитывать по их малолетству.

О матери поэта Прасковье Ивановне Кольцовой (1784—1861) современники отзывались как о доброй, но необразованной женщине. Она не знала даже грамоты. «Мать была неграмотна, но всеми почитаема за здравый ум», — рассказывал Иван Федорович Андронов, муж Александры Васильевны, младшей сестры Алексея Кольцова. Мать занималась домашним хозяйством, воспитанием детей, спасала Алексея, была «во всем с сыном заодно», нежно заботилась о нем, оберегая его от крутого нрава «батеньки». Из писем Кольцова к Белинскому видно, как поэт глубоко уважал и любил свою мать, ценил ее природный ум и доброе сердце.

Отец же поэта любил, чтобы в семье его боялись, трепетали и раболепствовали перед ним. И от Алексея, на которого пал выбор Василия Кольцова, он требовал почтительности и беспрекословного повиновения.

«Мы все считали его за чистого самодура. Человек он был грубый, упрямый до того, что по отзыву одного из приказчиков..., если и видел, что говорят правду, так все-таки настаивал на своем, не смей перечить, что бы ни говорил хозяин...» — писал о Василии Петровиче близко знавший его П.Д. Трясоруков (письмо от 6 марта 1877 г.) литератору М.Ф. Де-Пуле, издавшего в 1878 году книгу «Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке».

А вот какой портрет отца поэта оставил близко знавший его купец И. Г. Милентьев: «Худой, сильно сгорбленный старик ходил летом в халате оливкового цвета, в высокой поповской пуховой шляпе, зимой в теплом тулупе и опять в меховой поповской шапке; и зимой и летом подпоясан красным с бахромой кушаком. Взгляд у старика умный, но лукавый, и речь была лукавая, льстивая. Со своею поговоркою «Сокол ясный» он проводил всякого. Но был

аккуратен в делах и всегда оправдывал доверие. Доверяли ему все богачи Воронежа, и купцы, и дворяне. Этим доверием он составил себе состояние» (письмо от 25 января 1877 года).

Поначалу В.П. Кольцов отдал одиннадцатилетнего сына в Воронежское уездное училище. Алексей овладел грамотой и чтением самостоятельно, на дому. И, минуя приходское училище, сразу поступил в двухклассное уездное.

Виссарион Белинский об уровне образования Алексея Кольцова писал буквально следующее: «Не знаем, каким образом был он переведен во второй класс, и вообще чему он научился в этом училище, потому что как ни коротко мы знали Кольцова лично, но не заметили в нем никаких признаков элементарного образования».

Суровую оценку В. Г. Белинского смягчает архивный документ. В Государственном архиве Воронежской области почти два века хранится ведомость об учениках первого класса Воронежского уездного училища от 1 февраля 1821 года, составленная учителем титулярным советником Василием Емельяновичем Емельяновым. В ней значатся имена и фамилии 37 мальчиков. Среди них — Алексей Кольцов. Он записан между восемнадцатой и девятнадцатой фамилиями учеников. В графе «Лета» напротив его фамилии стоит цифра «10». В следующей графе «Когда поступил в класс» читаем: «1 августа 1820 года».

В графе «Состояние родителей» отмечено: «Купец». Способности каждого ученика в те времена отмечались четырьмя оценками: «остр», «понятен», «средствен», «слаб». Оценка по поведению «хорош». Оценка «остр» — самая высокая. Из 37 учеников первого класса такой оценки удостоились лишь четверо. Среди них Алексей Кольцов. В программе, кроме вероучения, Кольцов изучал начала российской грамматики, арифметики, латинского и немецкого языков, упражнялся в чистописании, рисовании. Вместе с Алексеем Кольцовым в классе учились сыновья дворян, обер-офицеров, купцов, разночинцев, казенных поселян. Из 37 учеников первого класса, в котором учился Кольцов, во второй класс были переведены только 23. Но способности старшего сына в уче-

бе отец не оценил. Он забрал его из второго класса: читать и писать, мол, научился, чего же еще больше знать надо прасолу? На этом его образование и закончилось. Кольцов, не освоивший толком даже орфографии, почти не знавший грамматики, всю жизнь наверстывал недостаток знаний самообразованием.

Юный Кольцов особенно любил чтение. Его первые прочитанные книги — про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича, Емелю-дурачка, — которые он купил на полученные от родителей деньги на лакомства и игрушки. У Кольцова, как отмечали его современники, велика была тяга к культуре. И по мере того, как он овладевал культурой, чтение стало его главной отрадой.

Как только у Алексея появлялись деньги, он шел в книжную лавку известного на весь Воронеж книгопродавца Дмитрия Кашкина. Книжная лавка располагалась на улице Пушкинской, на углу Щепной площади. В ней продавались книги, ноты. Это была первая в Воронеже книжная лавка. При ней же Дмитрий Кашкин открыл и библиотеку. Публичной библиотеки в Воронеже в те годы не было. Книжная лавка Д. Кашкина была для городской молодежи своего рода клубом. Книги в ней выдавались на дом, принималась подписка на журналы.

Дмитрию Кашкину — тридцать три, Алексею Кольцову — шестнадцать, когда они познакомились. Дмитрий Кашкин интересовался русской литературой, много читал и сам писал стихи. На этой почве он и сошелся с юным Алексеем Кольцовым, который с 1825 года регулярно посещал книжную лавку, давал юноше возможность бесплатно пользоваться книгами из своей библиотеки. В лавке Кашкина Кольцов познакомился с поэзией Ломоносова, Державина, Богдановича, а затем Мерзлякова, Дельвига, Жуковского, Пушкина...

О Дмитрие Кашкине современники отзывались, как о прямом, умном и честном человеке, за это и любила его молодежь города. Исследователи жизни и творчества Алексея Кольцова полагают, что свои первые опыты в стихосложении он показывал Дмитрию Кашкину. Известно, что в 1825 году, в шестнадцать лет, Кольцов

написал свое первое стихотворение «Три видения». Написанное в подражание поэта Ивана Дмитриева, сборник стихов которого он приобрел на базаре в том же 1825 году, оно не сохранилось. Алексей Кольцов уничтожил его.

Из дошедших до наших дней самые ранние стихотворения Кольцова относятся к 1827 году: «Сирота», «Ровеснику», «Песня». Стихотворения «Разуверение», «Плач» — юношеский опыт Алексея Кольцова 1829 года, «Земное счастье» — 1830 года. По мнению исследователей творчества поэта, ранние стихотворения Кольцова слишком «литературны, вторичны, написаны в подражание популярной сентиментально-романтической поэзии». И все же даже в ранних стихотворениях, таких, как «Путник», «Ночлег чумаков» 1828 года, они отмечали проблески самобытного дарования.

В 1829 году Кольцов посвятил два стихотворения Дмитрию Кашкину, оказавшему на него в самом начале творческого пути сильное влияние. Стихотворения «На отъезд Д.А. Кашкина в Одессу» и «Письмо к Д.А. Кашкину» — это была благодарность Дмитрию Антоновичу, библиотекой которого Алексей Васильевич пользовался безвозмездно в течение пяти лет. Чтение в эти годы было для него «лучом света в темном царстве» прасольских, купеческих дел отца. С двенадцати лет поэт помогал отцу и часто брал на себя всю тяжесть его торговых и тяжбленных дел.

«Батенька два месяца в Москве продает быков, — писал Алексей Кольцов. — Дома я один, дел много: покупаю свиней, становлю на винный завод на барду; в роще рублю дрова; осенью пахал землю; на скорую руку езжу в сёлы; дома хлопочу с зари до полночи».

Перед его глазами проходили гурты скота, который скупал его отец, он видел жестокие картины расправы над быками на бойне, видел кровь, ездил по базарам, «обманывал людей и иногда подличал», как скажет позднее он сам. Алексей Кольцов отлично знал воронежскую Россию, нравы местного купечества, представителей мещанства, психологию пахаря-труженика... Алексей Кольцов, по рассказам его современников, — мечтатель, поэтическая натура,

чуткая и впечатлительная душа, вынужден был заниматься делами низменного торга, вникать в суды-пересуды купцов, в лукавство и азарт купли-продажи, входить в скотные дворы... В одном из писем, адресованных издателю А.В. Краевскому, поэт назовет себя «торгашом-горемыкой».

О своих переживаниях, о печали, которая заполняла до краев народную жизнь, Алексей Кольцов однажды напишет: «...вся причина — эта суша, это безвременье нашего края, настоящий и будущий голод. Все это как-то ужасно имело нынешнее лето на меня большое влияние или потому, что мой быт и выгоды тесно связаны с внешней природою всего народа. Куда ни глянешь — везде унылые лица; поля, горелые степи наводят на душу уныние и печаль, и душа не в состоянии ничего на мыслить, ни думать».

Пережитая поэтом в юности драма, когда его отец Василий Кольцов, узнав, что сын влюбился в служанку-красавицу, продал ее, глубокой болью отозвалась в душе Алексея Кольцова. Девушку насильно выдали замуж. Она не вынесла такого унижения, и вскоре умерла. Алексей Кольцов, заболев горячкой, так и не оправился до конца дней жизни от мук его несчастной любви.

«...поэт разделил судьбу многих тысяч таких же, как он, горьких, обездоленных людей, страстно пожелавших счастья, но встретивших непреодолимые препятствия», — писал Владимир Прокопьевич Аникин, литературовед, филолог-фольклорист, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

От семейной тираннии, жестокосердия и невежества поэта спасала природная чуткость и ощущение прекрасного. Жизнь, несмотря на трудности, груз житейских забот, одаривала, очаровывала Кольцова, вызывала у него прилив творческих сил. Разъезжая по купеческим делам отца, Алексей все чаще и чаще оставался один на один с природой. Детские, отроческие и юношеские впечатления — воронежская степь, напоенный запахом трав ветер, ночи, проведенные под открытым небом, езда верхом, журчание ручья, дым костра, запах сваренной каши, услышанные песни, прочитанные

книги из библиотеки его товарища, бредущее по степи стадо, речь погонщиков — делали из Кольцова поэта. Поддержанный в начале творческого пути воронежским семинаристом, начинающим поэтом, почти ровесником Андреем Сребрянским (А. Сребрянский родился в 1808 г. — *прим. авт.*), который впоследствии стал самым близким другом, Кольцов стал посещать основанный им литературно-философский кружок, где познакомился с профессорами семинарии П.И. Ставровым и А.Д. Вельяминовым. Именно Андрею Сребрянскому, автору статьи «Мысли о музыке» и популярной некогда студенческой песни «Быстры как волны дни нашей жизни», Алексей Кольцов обязан первым урокам философского мышления и рождению стихотворений «Великая тайна», «Божий мир», «Молитва» — предвестников будущих «дум». Сребрянский относился к другу серьезно, помогал ему словом и делом.

«Вместе с ним мы росли, вместе читали Шекспира, думали, спорили», — вспоминал Кольцов. В 1829 году Кольцов посвятит одно стихотворение другу юности «Не посуды: чем я богат, последним поделиться рад...»

Другой начинающий русский поэт Василий Сухачёв, остановившийся у Дмитрия Кашкина проездом из Одессы в Москву, познакомился с Кольцовым и поместил четыре его стихотворения «Не мне внимать напев волшебный...», «Мщение», «Приди ко мне», «Разуверение» в сборнике «Листки из записной книжки Василия Сухачёва», изданном в 1830 году. Опубликовать-то опубликовал, но без имени автора.

А в 1831 году Кольцов вышел со своими произведениями в большую литературу. Московская газета «Листок» опубликовала первые стихотворения поэта-самородка под его фамилией «Вздых на могиле Веневитинова», «Мой друг, мой ангел милый...», «К N...»

В том же 1831 году, 20 мая, стихотворение Алексея Кольцова «Кольцо. Песня» напечатала столичная «Литературная газета», основанная А.С. Пушкиным и А.А. Дельвигом. Стихи в газету передал восемнадцатилетний Николай Станкевич, впоследствии из-

вестный российский философ и литератор, основатель и руководитель московского литературно-философского кружка. Случайное знакомство с Николаем Станкевичем оказало большое влияние на творчество и последующую судьбу поэта из Воронежа.

Николай Владимирович Станкевич (1813–1840) родился в дворянской семье в городе Острогожске, закончил там уездное училище, продолжил образование в частном пансионе в Воронеже, окончил Московский университет по словесному отделению.

Помещичье имение Станкевичей находилось в селе Удеревке недалеко от Острогожска (ныне это село Ухо-Удеревка в Алексеевском районе Белгородской области. — *прим. авт.*). В этом селе и состоялось знакомство Станкевича с Кольцовым, когда он пригнал свое коровье стадо для откорма бардой на принадлежавший Станкевичам винокуренный завод. О необычном прасоле-стихотворце Станкевичу рассказали его работники. Он пригласил поэта к себе, долго с ним беседовал. Правда, есть и другие сведения о знакомстве молодых людей. Якобы, Станкевич впервые увидел в читальном зале воронежской библиотеки юношу в простонародной одежде. На вопрос Станкевича, кто этот юноша, библиотекарь сказал ему, что это мещанин Кольцов — сын прасола, посещал уездное училище только год, но очень часто приходит читать книги. Позднее, в одном из писем Белинскому Кольцов писал, что мечтает хорошенько изучить русскую и мировую историю, научиться говорить и писать по-немецки, что хочет прочитать Шекспира, Гете, Байрона, Гегеля, изучить астрономию, географию, ботанику, физиологию и зоологию...

При первом знакомстве Станкевича удивили, поразили и очаровали песни-стихи Кольцова. Они вместе отобрали несколько стихотворений, и Станкевич отправил их в Петербург со своим рекомендательным письмом. Одно из них «Кольцо. Песня» и было напечатано в «Литературной газете». Это была одна из первых «русских песен» Кольцова. А через четыре года на деньги, собранные по подписке среди московских друзей, Николай Станкевич издал первый поэтический сборник «Стихотворения Алексея

Кольцова. Москва, в типографии Н.Степанова, 1835». В книгу вошли «Видение наяды», «К другу», «Люди добрые, скажите», «К маленькому брату», «Не шуми ты, рожь», «Первая любовь», «Песня» («Ты не пой, соловей...»), «Путник», «Осень», «Размышления поселянина», «Пирушка сельских поселян» (в поздних изданиях «Сельская пирушка» — *прим. авт.*), «Сестре», «Совет старца», «Удалец»; в сборнике также опубликовано несколько стихотворений, ранее напечатанных в российских газетах и журналах: «Вздых на могиле Веневитинова» (газета «Листок» за 1831 г., № 22, 25 марта), «К N...» (газета «Листок» за 1831 г., № 42-43, 3 июня), «Великая тайна» (журнал «Телескоп» за 1835 г., ч. 26), «Песнь пахаря» (в поздних изданиях «Песня пахаря»; газета «Молва» за 1835 г., № 11,) — всего восемнадцать стихотворений молодого поэта, которому в тот год исполнилось 26 лет

Первую книгу Алексея Кольцова прочитали издатель «Литературной газеты» Александр Пушкин, поэт Василий Жуковский, поэт и публицист князь Петр Вяземский, писатель и критик Владимир Одоевский, журналист, критик, издатель и редактор журнала «Московский телеграф» Николай Полевой, публицист Петр Чаадаев, литературный критик Василий Боткин, художник Алексей Венецианов, основатель газеты «Молва» и журнала «Телескоп» Николай Надеждин и редактор этих изданий Виссарион Белинский, писатель, литературный критик, помощник редактора «Журнала Министерства народного просвещения» Андрей Краевский, сотрудник «Журнала Министерства народного просвещения» Януарий Неверов...

III

Неверову, как и Белинскому, принадлежат тоже две статьи о творчестве Кольцова. В российской литературной критике Неверов откликнулся на издание сборника стихотворений воронежского поэта вскоре после Белинского. Откликнулся по просьбе Станкевича, который писал Неверову 9 марта 1835 года из Мо-

сквы в Санкт-Петербург: «Мы издаем стихотворения Кольцова. Когда они выйдут, напиши об них в «Северной пчеле», что думаешь. <...> Пиши беспристрастно, ты, верю, найдешь в них хорошее, а недостатков не скрывай, ты выскажешь их так, как может высказать их человек, уважающий чувство, в какой бы форме оно ни явилось».

В 1836 году в рубрике «Новые книги, изданные в России», «Журнал Министерства народного просвещения» (часть девятая) напечатал небольшую заметку Неверова. В ней он отмечал талант и природный ум поэта из народа: «Русские всегда славилась смышленностью, составляющей одну из отличительных черт народного их характера: нередко случалось им простым выводом свежего ума своего достигать до результатов, с трудом достигаемых наукою». Впервые в этой заметке Неверов сообщил биографические данные поэта: «Алексей Васильевич Кольцов, воронежский мещанин, 26 лет отроду, ремеслом прасол, т.е. торгующий скотом. Родители Кольцова не могли дать ему никакого образования, и, пробывши с небольшим год в уездном училище, он едва только выучился грамоте; а занятия, ожидавшие его за порогом учебного заведения, отнимали средства к утолению жажды к чтению и науке, зароненные в душу его самую природою. <...> На шестнадцатом молодой прасол, ознакомившись с произведениями Дмитриева, Жуковского и других поэтов, начал сочинять стихи, слагая их по размерам читаемых им авторов. Труд, сперва неблагоприятный, не охладил его рвения, ибо душа сильно требовала гармонического выражения своих видений и своих целей: за дурными стихами последовали лучшие; наконец, начали изливаться стройные и прекрасные песни».

Отмечая главную особенность творчества Кольцова, Неверов писал: «...произведения поэта-прасола дышат оригинальной свежестью мыслей и картин, словом сильным и прекрасным, чувством верным и истинно русским».

Предвидя, что читателей «Журнала Министерства народного просвещения» будет интересовать, чему посвящает свои про-

изведения воронежский поэт, Неверов писал: «Кольцов преимущественно поэт сельской природы и русского быта. Он пейзажист оригинальный, неподражаемый, который в простых группах и очерках, снятых, по-видимому, наудачу с первого попавшегося на глазах предмета, умеет вдохнуть и прелесть, и жизнь, и даже мысль, иногда высокую, но всегда простую и натуральную — черта таланта истинного, тем боле удивительно, что внушена поэту самою природою...»

В пример Неверов приводит «Песнь пахаря». «Но не одни сельские картины изображает нам новый поэт наш, — писал Неверов, — взор его широк и свободен; он проникает в тайны природы и в таинства души человеческой; любовь, радость, горе, веселье, разгул иногда являются у него в простой наивно-народной форме, иногда же извлекают звуки строгие и важные, такие, какие мы слышим от каждого истинного поэта».

Более подробная оценка поэтическому сборнику «Стихотворения Алексея Кольцова» содержится в статье Неверова, опубликованной в журнале «Сын Отечества», издававшегося известными в России журналистами первой половины XIX века Гречем и Булгариным.

«У нас так много является книжек и книг с надписью «Стихотворения», — писал Неверов в журнале «Сын Отечества» за 1836 год, — и в них так мало бывает того, чего мы требуем от стихотворений, что нельзя ставить в вину критикам, если они такие явления оставляют без внимания. Но книжка г. Кольцова стоила рассмотрения и оценки, потому уже, что она есть произведение поэта-самоучки, поэта-прасола (торговца скотом); притом же в ней встречается стих не выученный, не подслушанный, не выдуманный от нечего делать или из суетного желания записаться в длинную шеренгу так называемых поэтов, а простое, чистое и свободное изливание души, труд чистосердечный, которому автор жертвовал всем, не ожидая ничего в награду, даже не надеясь на известность, ибо не думал видеть свои стихотворения в печати...»

Неверов в статье «Поэт-прасол, Алексей Васильевич Коль-

цов» довольно подробно рассказал читателям его биографию: «Жизнь поэтов и художников должна быть известна публике; иначе она не может вполне понимать их, вполне им сочувствовать». Рассказывая о жизни 26-летнего поэта, Неверов писал: «Г. Кольцов — поэт лирический. Сельский быт, природа, любовь, мечты, горе и радость жизни — вот естественные предметы, с которыми могла сродниться его муза; здесь он в своем кругу, на своем месте. Но иногда полет его расширяется: он парит далее, в ту сферу, доступ к коей возможен только при пособии науки или чтения внимательного, отчетливого. Там он снимает свою сельскую одежду и надевает общее европейское платье; но вы не заметите, чтоб ему было неловко в этом костюме, — он в нем свободен, оборотлив, не изменяет себе ни мыслью, ни выражением. Этот высший, если можно так назвать, тон заимствовал он прилежным чтением у Дмитриева, Жуковского и других поэтов, бывших его любимцами и образцами, и потому все стихотворения его разделяются на два рода, часто оригинальные и написанные под посторонним влиянием».

В последних, отмечал Неверов, у поэта «сглаживаются оригинальные черты его и мысль; в изложении форма, язык — все принимает общий колорит; поэт-прасол вмешивается в толпу поэтов обыкновенных, в коей трудно его отметить какою-либо особою чертою». И, несмотря на это, Неверов писал, что и здесь «мысли его свежи, новы, отличаются какою-то особенною наивностью и простотою, а выражения приличны, грациозны. Одно уже это показывает в нем талант высшего разряда и заставляет нас думать, что если бы ему дано было образование, мы увидели бы его на высших ступенях поэтической славы».

Анализируя стихотворения Кольцова, включенные им в сборник 1835 года издания, Неверов писал, что поэт много писал, но напечатал только восемнадцать из них: «Собственный вкус поэта сказал ему, что ранние его стихотворения были скорее опыты, нежели произведения полные, оконченные, а потому он не представил их на суд публики». Тем не менее, критик сожалел о том, что может лишь приблизительно судить о первых поэтических трудах

Кольцова, и что он может лишь догадываться о том, какой путь проделал поэт, «свыкаясь со стихом и покоряя его себе».

Неверов, прочитав книгу стихотворений Алексея Кольцова, встретился с ее редакторами и издателями. И был поражен, когда увидел, что рукопись написана человеком, не знающим даже грамматики. «Конечно, — писал Неверов, — грамматические ошибки автора исправлены издателем; но мысль, но развитие мысли, иногда в высокой степени логическое, но истина выражения, грация стиха, его прелесть и сила — все это инстинкт таланта, уроки природы».

У Кольцова, утверждал Неверов, был самый редкий и дорогой наставник — природа. С ее помощью и помощью своего поэтического инстинкта, он «иногда возвышается до высокого в поэзии...»

Оценка Неверова о сборнике стихотворений Кольцова полностью совпала с мнением Белинского. В рецензии критика, опубликованной еще в декабре 1835 года, утверждалось: «Дар творчества дается немногим избранным любимцам природы, и дается им в неравной степени». Большая часть статьи Белинского посвящена исследованию вопроса, что же такое гений в литературе и чем он отличается от таланта. Кольцов, писал критик, «владеет талантом небольшим, но истинным, даром творчества не глубоким и не сильным, но неподдельным и не натянутым». «Кольцов <...> принадлежит к числу поэтов-самоучек, с тою только разницею, что он владеет истинным талантом», — такой вывод делает Белинский. Ему вторит Неверов: приветствуя выход сборника «Стихотворения Алексея Кольцова», критик писал: «Кольцов идет вперед: талант его крепнет; этому доказательство мы имеем в находящейся у нас тетрадке новых его стихотворений». Заканчивая статью о Кольцове, Неверов ничего не посоветовал поэту, скажем, оставить ему свои торговые занятия и посвятить себя искусству.

«Пусть он останется честным и уважаемым гражданином, — писал Неверов, — и пусть идет тем путем, который указала ему природа и сила собственного таланта; пусть распевает свои прекрасные песни и вверяет нам свои мечты, жизнь души своей; мы с

участием будем внимать этим простодушным и милым отголоскам и дадим ему только один совет: более читать, более обдумывать свою мысль, давать себе полный в ней отчет и внимательнее прислушиваться к гармонии стиха своего». Неверов считал, что самые лучшие для Кольцова наставники — инстинкт поэзии, которым он обладает, его собственное чувство и вкус. Именно они скажут ему, «что и как должно писать».

IV

О Януарии Михайловиче Неверове, критике книги «Стихотворения Алексея Кольцова», известно, что родился он по официальным документам в 1810 году, но вероятнее всего в 1812 году. Выходит, что ко дню знакомства с Кольцовым Неверову на самом деле было 23 года, а не 25. За плечами критика было безрадостное детство: в доме процветало пьянство, родители его постоянно ссорились. Сказывалось неравенство положения отца и матери, о которых известно немного. Мать Александра Петровна была внебрачной дочерью какого-то нижегородского помещика. Отец Михаил Григорьевич происходил из семьи священника, к тому же пьющей. Рассказывают, как однажды пьяная бабушка кинула в беременную сноху тарелку. Та хотела убежать из дому, но споткнулась на пороге и упала. Януарий родился слепым на один глаз...

О своих детских годах спустя годы Неверов поведал в автобиографических записках. Отрывки из его «Воспоминаний» публиковались в журнале «Русская старина» за 1880 и 1883 годы: «Тимофей Николаевич Грановский, профессор Московского университета: воспоминания Я.М. Неверова, 1834—1856 гг.», «Иван Сергеевич Тургенев в воспоминаниях Я.М. Неверова», «Страница из истории крепостного права: записки Януария Михайловича Неверова, 1810—1826 гг.» и другие.

Лето Неверов проводил в селе Верякуши Ардатовского уезда Нижегородской губернии, в имении деда. Спустя десятилетия он взволнованно писал о жизни в доме деда, о любви к нему, мальчи-

ку, дворни, научившей его начальной грамоте, о грубом деспотизме и самодурстве деда, содержавшего гарем, изуверское наказание конюшего и дворовой девушки... Все это потрясло шестилетнего Неверова, он возненавидел крепостное право: «...с тех пор рука моя осталась чиста на всю жизнь».

Неблагополучная обстановка в семье привела в конце концов к разводу родителей Януария. Неверов жил с матерью то в Верякушах, то в Арзамасе, где у Александры Петровны был небольшой дом. Но в 1822 году отец через суд вытребовал сына к себе. Мальчик был оставлен с отцом. Учебу в Арзамасском уездном училище Нижегородской губернии, куда его по настоянию матери отдал отец, Неверов завершил с отличием в 1825 году. Юноша мечтал о продолжении образования в гимназии. Но отец прибавил сыну два года и определил его канцелярским чиновником в Нижегородский магистрат. Служба у юного Неверова не заладилась: законов он не знал. Принимать решения помогал ему отец, сидевший в соседней комнате.

После восстания декабристов 1825 года Николай I уволил с должности губернатора Нижегородской губернии А.С. Крюкова, двое сыновей которого были причастны к событиям на Сенатской площади. Губернатора А.Н. Бахметева сменил губернатор Н.И. Кривцов. Шла чистка и в Нижегородском магистрате.

Уволенный со службы Неверов-младший занялся самообразованием. В усадьбе его деда была большая библиотека. Неверов, самостоятельно изучив французский язык, читал французские романы и мечтал поступить в Московский университет. После кончины отца, последовавшей 7 марта 1827 года, Неверов решил податься в Москву. Мать, уступив просьбе сына, продала венчальный жемчуг, и на вырученные деньги собрала сына в дорогу. Память о материнском самопожертвовании не раз удерживала сына от безумных московских развлечений.

Неверов пришел в университет и узнал, что свидетельства об окончании Арзамасского уездного училища недостаточно для того, чтобы стать студентом. Абитуриент должен окончить еще курс

гимназии или «выдержать соответствующие экзамены» в объеме гимназического курса.

«О некоторых науках, из которых я должен был экзаменоваться, я не имел ни малейшего понятия», — напишет Неверов в своей книге «Воспоминания».

В Москве Неверов познакомился с выпускником университета М.Н. Лихониным и студентом И.Н. Средним-Камашевым. Они согласились подготовить абитуриента к поступлению в университет. Но денег для жизни в Москве у Неверова не было, и он уговорил мать продать дом в Арзамасе. Получив деньги из рук матери, Неверов вмиг осознал, что «прежний дилетантизм в занятиях уступил чувству долга». «Я понял, — писал позднее Неверов, — что мне необходимо вознаградить потерянное время и <...> подготовиться к главной моей цели — поступлению в университет».

Ежедневно за чаем Януарий давал отчет Лихонину об изученном материале предыдущим вечером, а за ужином показывал письменные работы. В мемуарах Неверов писал: «Я не позволял себе ни малейшего уклонения от изучения необходимых для экзамена предметов, и в течение всего времени моей подготовки к университету не был ни разу даже в театре, а с утра и до поздней ночи сидел за учебниками». С математикой все обстояло иначе. «В занятиях моих с Камашевым математикой, — вспоминал Неверов, — часто добрый мой наставник прерывал урок и по поводу какого-нибудь пропущенного мною нуля пускался в объяснения: что такое ноль? — символ бесконечности. Отвлеченное число... Что такое отвлечение? И тому подобные рассуждения часто наполняли большую часть урочного времени... При окраске преподавания в философские отвлеченности мои успехи в ней (математике. — *прим. авт.*) были очень слабы».

Весной 1828 года из Арзамаса пришло печальное известие: 28 марта умерла мать Неверова. В наследство сыну досталось 4200 рублей.

В августе 1828 года он подал прошение о допуске к экзаменам. На экзаменах юноша показал отличные познания в русской

словесности, особенно по поэзии Державина, а с математикой вышел конфуз. Друзья советовали Януарию позаниматься еще год точными науками. Но за талантливого абитуриента вступился преподаватель Московского университета известный поэт, профессор-словесник Алексей Федорович Мерзляков, как писал о нем историк литературы, биограф П.А. Висковатов, «приземистый, широкоплечий, с свежим, открытым лицом, с доброй улыбкой, с приглаженными в кружок волосами, с пробором вдоль головы, горячий душой и кроткий сердцем». Алексей Федорович увлеченно декламировал стихи и прозу, предлагал слушателям содержательные критические разборы прочитанного и пользовался большой популярностью у слушателей. Восхищенный ответом юноши, Алексей Федорович попросил экзаменаторов по математике и физике «оказать мне снисхождение», «сказав, что я очень развитой юноша»... и «поступаю на словесный факультет», где математику и физику не изучают... «и я был принят», вспоминал Неверов.

Как свидетельствует формулярный список о службе директора училищ Ставропольской губернии коллежского советника Януария Михайловича Неверова за 1850 год, сохранившийся в Государственном архиве Ставропольского края, 10 сентября 1828 года он стал студентом Императорского Московского университета. Его приняли на словесный факультет. Учеба на первом и втором курсах радовала Неверова: общаясь с университетской молодежью, Януарий посещает литературные и танцевальные вечера, концерты. Примечательно, что в эти же годы в университете учились Белинский, Герцен, Гончаров, Лермонтов, Огарев...

На танцевальном вечере у приятеля Неверов познакомился со студентом-первокурсником Николаем Станкевичем, сыном воронежского помещика из обрусевших сербов. Это мимолетное знакомство переросло затем в тесную дружбу. В тот вечер Неверов еще не знал, что через Станкевича судьба сведет его с Кольцовым. Когда в Москве возник организованный Станкевичем литературно-философский кружок, сыгравший огромную роль в идейной жизни России, Неверов стал его активным участником. Кружок

посещали великий критик Виссарион Белинский, литератор Василий Боткин, востоковед Павел Петров, поэты Иван Кюшников и Василий Красов.

В квартире Станкевича, которую он снимал в доме профессора Московского университета Михаила Григорьевича Павлова на Большой Дмитровке, вначале бывали его сокурсники. Но подружился он со студентом другого курса — Неверовым. По документам Януарий Неверов на три года старше Станкевича. Но разница в годах не помешала им сохранить дружеские отношения на долгие годы. «Они сошлись», но не как «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень». Их духовные интересы и стремления были близки: Неверов мечтал стать писателем, Станкевич сочинял стихи. Их внимание привлекали литература, искусство, сфера изящного, вопросы жизни. Сохранилось тринадцать записок Станкевича к Неверову, в которых он в шутку называл Януария Генварем. Неверов жил за Садовым кольцом в доме известного в Москве литератора и музыканта Николая Александровича Мельгунова. Сюда, на этот адрес, и приходили записки Станкевича.

«Любезный Генварь! Приезжай, прошу тебя, ко мне побеседовать о бессмертии души и о прочем. Сегодня пятница: мы всегда видимся в этот день; меня так и тянет побеседовать с тобою».

«Лебезный Генварь! Сделай милость, приезжай ко мне, хоть на короткое время...»

«Любезный Генварь! Сейчас, по получении письма моего, отправляйся ко мне...»

Дни, проведенные в Москве в обществе Станкевича, Неверов вспоминал до конца жизни, как самые яркие и радостные.

Но были не только радостные, были и горестные дни в жизни Неверова. На следующий год после смерти его матери, в 1829 году в Оренбурге была зарегистрирована вспышка холеры. А 1830 году она охватила Центральную часть России. Особенно пострадала Москва: с сентября 1830 по март 1831 года от холеры умерли 4846 человек. К лету 1831 года холерная эпидемия охватила 48 губерний. Министр внутренних дел России повсюду ввел карантин:

повсюду было разослано «Наставление к распознаванию признаков холеры, предохранению от оной и к первоначальному ее лечению». Практически было прекращено сообщение между городами, деревнями и селами. Повсюду на заставах, на почтовых станциях стояли карантинные посты. Была создана Центральная комиссия по борьбе с холерой, в которую вошли видные российские ученые. Они обобщили эпидемиологические наблюдения и пришли к выводу о том, что распространение болезни происходило в процессе контактов с больными, через воздух, вещи больного и трупы. За два года холера унесла в России 235 тысяч жизней.

Судьба уберегла Неверова: он не заболел. Занятия в университете, прерванные эпидемией, возобновились зимой наступившего 1831 года, но так как они велись с недочетами, этот учебный год Январю не зачли. Весной 1832 года, когда Станкевич переходил на третий курс, Неверов закончил университетский курс русской словесности, успешно сдал «публичные экзамены» и в звании кандидата стал готовиться к поступлению на службу.

Но обстоятельства сложились таким образом, что ему предложили место в Министерстве народного просвещения. В 1833 году Неверов, оставив Москву, переехал в Санкт-Петербург и получил назначение на должность помощника редактора создаваемого «Журнала Министерства народного просвещения».

Молодой журналист готовил обзоры литературных журналов, полемизировал с В.Г. Белинским о творчестве Н.В. Гоголя, в свободные часы читал письма Станкевича, который жаловался ему: «С тех пор как ты уехал, мне не с кем говорить об искусстве...» Но жизнь продолжалась. После отъезда Неверова в Санкт-Петербург Станкевич обрел новых друзей.

«Ко мне ходят Строев, Беер, Красов, Почека и чаще Ефремов... — писал Станкевич Неверову в мае 1833 года. — Много есть людей с чувством, но не многие способны симпатизировать, углубляться в чужое чувство и усвоить его...»

Через месяц Неверов получил от Станкевича новое письмо: «Строев, Почека, Ключников, Оболенский, Красов, Ржевский,

все тебя кланяются, Ефремов тож, Шидловский тож. Горчаков тоже свидетельствует тебе низающее».

В апреле 1835 года Станкевич сообщил Неверову о том, что редактор журнала «Телескоп» Николай Иванович Надеждин уехал за границу и передал права на его издание В.Г. Белинскому, а «все мы беремся помогать ему». Коллективное участие в делах журнала проявилось и в помощи Алексею Кольцову. Александр Станкевич, брат Николая Станкевича, вспоминал о его отношении к самобытному поэту: «Кольцов, человек и поэт, были предметом его любви». Николай Станкевич и его друзья открыли для русской литературы поэта, книжка стихотворений которого и знакомство с ним так восхитили Неверова. На стихи Кольцова, писал Неверов, «откликнется всякое сердце, способное сочувствовать простой и свободной поэзии, не закутанной в условное платье».

В письмах, адресованных литературному критику В.Г. Белинскому, издателю А.А. Краевскому, востоковеду, профессору Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьеву, Алексей Кольцов поминает добрым словом Я.М. Неверова.

Из письма В. Белинскому от 8 марта 1836 года: «Известный вам довольно Януарий Михайлович г. Неверов о быте моем составил биографию (которая печатается в «Сыне Отечества»).

Из письма А.А. Краевскому от 22 мая 1836 года: «Януарию Михайловичу с сею же почтою я послал «Молодую жницу»; пожалуйте, прочтите ее. Если она не годится в «Современник», то киньте в Неву. «Умолкший поэт» я отдал в «Телескоп», и, кажется, бранить не будете. Еще другие вам пришлю в скором времени. Теперь ничего стихотворного не делаю, и проза в голове ходит черт знает все какая!»

Из письма А.А. Краевскому, Я.М. Неверову и В.В. Григорьеву от 2 июля 1836 года: «Добрые и любезнейшие мои Андрей Александрович, Януарий Михайлович и Василий Васильевич! Дай бог здоровья вам, дай бог веселья вам, — вот все, что желаю вам я от души. Благодарю, благодарю сердечно вас за память вашу обо мне, благодарю за письма ваши: много принесли они мне радости

и минут отрадных; да за ваши ласки, за все то, что вы для меня и сделали и делаете. Кажется, никто в целом свете скудней не платится, как я. Грустно и думать и не иметь силы выполнить то, что выполнить надо... В степи ездил только раз, и то на скорую руку...»

Из письма А.А. Краевскому от 12 февраля 1837 года: «Об издании моей книги очень жаль, что вы об ней так много беспокоитесь: невозможного сделать невозможно. Вы хлопочете, чтобы ее продать какому-нибудь книгопродавцу. За нее дорого дать никто не согласится, а если 300 или 500 рублей, то и хлопотать нечего: такие безделицы продавать дороже стыдно. В теперешнее время она более ничего, как ветошь; а ветошь когда была в цене? Если вы все те же и если ваше желание не переменилось, то позвольте просить вас вот о чем. Сберите все пьесы, какие остались у вас в рукописи, прибавьте к ним, какие я посылал Януарию Михайлович; после же разбросайте по ним напечатанную книжку, — и выйдет под шестьдесят. Расположите, как признаете лучше. Януарий Михайлович обещался прибавить к ним свою статейку, и вы, с своей стороны, прибавьте то, что прибавить хотели, — и будет славная книжка...»

Кольцов надеялся, что Краевский и Неверов помогут ему с новым изданием книги стихотворений. Ему очень хотелось напечатать книжку на хорошей бумаге и чтобы выглядела она пороскошней.

Когда Неверов по зову друзей и, прежде всего, Станкевича оставил Санкт-Петербург и отправился в Германию для продолжения образования, Кольцов в письме А.А. Краевскому от 16 июля 1837 года написал: «А об Януарии Михайловиче и слух совсем застыл: слышал мельком, что поехал он в чужие края путешествовать. Дай бог ему здоровья, в добрый час!»

В письме В.Г. Белинскому от 14 февраля 1838 года Кольцов еще раз вспомнит Неверова добрым словом: «Любезнейший Виссарион Григорьевич! Станкевич, Неверов и Грановский через почту пишут письма к Григорьеву, — письма из-за границы. Как видно, живут они весело втроем. Здесь Григорьев выхлопотал для

Неверова, чтобы его в Берлине приняли в университет на казенный счет слушать лекции два года. После он приедет в Россию; после испытания дадут профессорство, — это для Неверова, слава богу, хорошо. <...> Вчера у [художника] Венецианова за обедом пили здоровье в день рождения Неверова».

Станкевич, Грановский и Неверов были вольнослушателями в Берлинском университете, где два года изучали философию.

В 1839 году Неверов возвратился в Россию. Профессором он не стал, как предсказывал Кольцов. Профессором стал Тимофей Грановский: после возвращения в Россию его назначили преподавателем всеобщей истории в Московском университете. Станкевич уехал в Италию с надеждой вылечиться в ее целебном климате от туберкулеза. Но улучшения не последовало, и в ночь с 24 на 25 июня 1840 года Станкевич умер во сне, в гостинице небольшого городка Нови, знаменитом тем, что когда-то здесь Суворов одержал одну из своих побед.

V

Возвратившись в Россию, Неверов на приеме у министра народного просвещения С.С. Уварова неожиданно узнал, что он не сможет продолжать журналистскую карьеру и направляется в Ригу на должность инспектора гимназии. В Рижской гимназии Неверов прослужил шесть лет. Это были непростые для Януария Михайловича годы: здесь его застала весть о смерти Алексея Кольцова, она отозвалась в его сердце болью и грустью. Не складывались отношения и с преподавателями: первоначально они (в основном это были остзейские, т. е. прибалтийские, немцы) относились к новому инспектору с высокомерием. Но Неверов, неплохо владевший немецким языком, сумел найти подход и к преподавателям и к гимназистам, они стали проявлять интерес к русскому языку и русской литературе, просили его дать почитать русские книги. Возможно, Неверов так бы и остался в Риге, но его зрение резко ухудшилось, и он попросил перевести его в другую гим-

назию. В 1846 году Неверов получил назначение в Чернигов на должность директора училищ. В краеведческой литературе о Неверове пишут как о гуманисте, который улучшил преподавание в Чернигове, отменил телесные наказания учеников и унижительное «коленипреклонение». О Неверове писали, что он намного опередил (более, чем на десятилетие) великого хирурга и выдающегося педагога Н.И. Пирогова, который в своей статье «Надо ли сечь детей и притом в присутствии других детей?» высказался за резкое сокращение физических наказаний и, в первую очередь, порки, но не за полную отмену ее. С ним дружил Черниговский гражданский губернатор П.И. Гессе. Именно Павел Иванович добился отмены 12-летнего негласного полицейского надзора, о котором Неверов даже и не знал.

Но и в Чернигове здоровье вновь подвело Януария Михайловича: зрение его снова ухудшилось, и он, узнав, что министр ищет кандидата на должность директора училищ Ставропольской губернии, подал прошение о переводе.

Приказ о переводе Неверова в Ставрополь последовал 26 октября 1850 года, подписал его император Николай I. С этого дня и вплоть до ноября 1878 года народное просвещение в Закавказье и на Северном Кавказе связывают с именем Януария Михайловича Неверова. 28 лет жизни он посвятил Кавказскому краю и вошел в его историю как выдающийся организатор народного просвещения.

Неверов приехал в Ставрополь 28 декабря 1850 года, повторив маршрут Александра Пушкина, когда поэт с семьей генерала Раевского впервые, в 1820 году, посетил город, который именовали не иначе, как «Парижем Кавказа».

Вступив в должность 2 января 1851 года, для представления начальству Неверов выехал в Тифлис. Неверов встретил «в Тифлисе весьма благосклонный прием как от попечителя, так и от главного начальника края князя Воронцова».

Наместник кавказский, князь и генерал-фельдмаршал Михаил Семенович Воронцов, генерал-губернатор бессарабский и ново-

российский, участник Отечественной войны, тяжело раненый при Бородино, ознакомившись с формулярным списком Неверова, отзывами о его службе, подписал документы о назначении Януария Михайловича на должность директора народных училищ в Ставрополе. Конечно же, он знал о его учебе в Московском университете, затем в Берлине, успешной педагогической деятельности в Риге и Чернигове. И, похоже, был доволен, что Ставропольскую гимназию возглавит столь высокообразованный и знающий педагог, владеющий несколькими языками.

Неверов тоже остался доволен встречей с Воронцовым. Знал, что Михаил Семенович способствовал развитию культуры и образования на Кавказе. В частности, в Ставрополе в 1845 году был открыт первый на Северном Кавказе театр, с 1 января 1850 года стала издаваться газета «Ставропольские губернские ведомости». При Неверове в 1852 году открыта Публичная библиотека (в 2017 году она отметила свое 165-летие. — прим. авт.), в 1853 году — первый музей. Елизавета Ксаверьевна, супруга Воронцова, — покровительница женского образования, создала в Ставрополе женское благотворительное общество Святой Александры. 6 июля 1849 года его взяла под свое покровительство императрица Александра Федоровна, жена Николая I. А 12 октября 1849 года при обществе возникло и первое женское учебное заведение в Ставрополе...

Возвращаясь из Тифлиса, Неверов побывал в некоторых подведомственных ему училищах. В сборнике постановлений по Министерству народного просвещения за 1840—1855 годы говорится: «В ведении Ставропольской дирекции училищ, — согласно параграфу № 7 «Положения о Кавказском учебном округе учебных заведений», оному подведомственных», входили «уездные училища в городах: а) Кизляре, б) Моздоке, в) Георгиевске, г) Пятигорске». Согласно книге «Акты археографической комиссии» первое учебное заведение в Ставрополе — уездное училище было открыто в 1811 году, преобразованное в 1834 году в высшее уездное. 26 мая 1835 года Николай I подписал указ о «различных преимуще-

ствах» для тех, кто ехал на службу в «отдаленные края империи», в том числе и на Кавказ. А 1 июля 1837 года император утвердил положение «о доставлении чиновникам, в отдаленных местах служащих, способов воспитания детей их».

Второй раздел этого положения посвящен Кавказской области, центром которой являлся Ставрополь. Девятый пункт гласит: «Ставропольское высшее уездное училище имеет быть преобразовано в гимназию с присовокуплением законовещения и судопроизводства, татарского и армянского языков». В двенадцатом пункте предусматривалось «20 воспитанников на казенном содержании из детей чиновников, а пансионеров сколько позволят местные обстоятельства, с платою той суммы, в какую обходится содержание казенного воспитанника».

Для гимназистов Ставрополя предусматривалось и высшее образование: «Чтобы каждый год отправляемо было по одному воспитаннику из отличившихся по окончании полного курса способностями, успехами и поведением, в Харьковский университет».

Воспитанники, учившиеся в гимназии или только в университете «на казенном содержании», обязаны были «выслужить в Кавказской области или в Астраханской губернии по какому-либо ведомству 6», а учившиеся «как в гимназии, так и в университете — 8 лет».

Официальное открытие гимназии в Ставрополе, первое здание которой располагалось на пересечении Большой Черкасской и Афросимовского переулков, произошло 180 лет назад во время посещения Кавказа Николаем I. В 1837 году император побывал с инспекционной поездкой в Тифлисе. Возвращаясь в Санкт-Петербург по Военно-Грузинской дороге, вечером 17 октября 1837 года он прибыл в Ставрополь, а на следующий день 18 октября побывал в «храме наук». Николай I осмотрел свежеекрашенные классы, спальни пансиона, исполнявшему должность директора училища М.Ф. Беляеву посоветовал открыть окна для «истребления краски», распорядился пополнить библиотеку, ввести в программу изучение татарского (тюркского), а затем и чер-

кесского языков, укомплектовать пансион до ста человек, сказав при этом командующему войсками Кавказской линии и в Черномории генералу А.А. Вельяминову: «...на первый раз достаточно». Встретившись с гимназистами, строго одетыми в новенькую форму, Николай I пожелал им, «чтобы плоды занятий» они «употребляли с пользою и сделались достойными чиновниками».

Император видел в гимназистах будущих государственных служащих. На Кавказе не хватало чиновников для исполнения обязанностей в присутственных местах, в судопроизводстве. По определению Лермонтова, молодые люди отправлялись на службу на Кавказ, «на ловлю счастья и чинов». В повести «Путешествие в Арзрум» Пушкин отмечал, что молодые титулярные советники приезжали в Тифлис за чином асессорским, добавив при этом: «Те и другие (офицеры и чиновники. — *прим.авт.*) смотрят на Грузию как на изгнание». Русские в Тифлисе не считали себя местными жителями: в городе проживали до 2500 армянских семейств и до 1500 грузинских. А военные жили, потому что им было «так велено».

Знаток Кавказа, историк, этнограф, архивист, краевед XIX — начала XX веков Е.Г. Вейденбаум в «Путеводителе по Кавказу» 1888 года издания писал: «На кавказскую службу стали проситься чиновники, жаждавшие штаб-офицерского чина (чин коллежского советника соответствовал чину майора в армии, первому штаб-офицерскому. — прим. авт.), но не чувствовавшие себя выдержать требовавшиеся в те времена экзамен...»

Для привлечения чиновников на кавказскую службу правительство дало им ряд льгот. В 1835 году Николай I отменил экзамен на асессорский чин. После его отмены для получения асессорского чина достаточно было окончить университет или специальное высшее учебное заведение — Горный, Лесной корпус, Технологический институт и т. д.

Е.Г. Вейденбаум отмечал: «Весьма естественно, что этот административный персонал был не лучшим в нравственном отношении, многие из жаждавших первого штаб-офицерского чина под

влиянием лихорадок, которыми славился тогда Георгиевск, и неумеренного употребления вина оканчивали свое служебное поприще и находили вечный приют на кладбище коллежских ассессоров».

Во время поездки на Кавказ Николай I лично удостоверился в том, что чиновники получали ассессорское достоинство по сути дела за «неумеренное потребление» дешевого вина. Открывая гимназию в Ставрополе, император полагал, что из гимназистов, сыновей местных чиновников и офицеров, вырастут исполнительные, хорошо знающие Кавказ и в меру инициативные служащие.

Но на практике со дня образования и до приезда Неверова гимназия в Ставрополе, как писал известный историк народного образования на Кавказе М.С. Коршунов, «отличалась чрезвычайно низким уровнем преподавания и успеваемости, катастрофическим состоянием дисциплины». В частности, Михаил Семенович обнаружил найденный им в Государственном архиве Ставропольского края документ, составленный в 1843 году помощником попечителя Харьковского учебного округа князем Николаем Андреевичем Цертелевым по итогам его инспекции: «1) умственные способности учеников Кавказской гимназии (с 1847 года — Ставропольской. - Н.Б.) малоразвиты; 2) число успевающих (успевающих. — прим. авт.) учеников к общему числу учеников весьма ограничено; 3) вообще успехи учеников только что удовлетворительны, в некоторых же предметах даже слабы, в особенности учеников во французском языке, так что, за исключением двух или трех учеников, прочие, даже в высших классах не могут правильно читать».

В 1844 году гимназию в Ставрополе посетил инспектор казенных училищ Харьковского университета Тюрин. В отчете об итогах инспекции он отмечал, что «успехи учеников в науках весьма удовлетворительны, а по некоторым предметам даже слабые. В учениках замечены грубость, несоблюдение порядка и должного повиновения. Педагогические совещания проходят редко. Прием в гимназию 1843 года сделан без всякого внимания».

Вскоре, после посещения Ставрополя Николаем I, исполняв-

ший должность директора училища М.Ф. Беляев умер, его сменил подполковник, бывший мариупольский полицмейстер С.И. Купенков, но и он не смог навести порядок в гимназии. Затем гимназию возглавляли воспитанник морского корпуса, выпускник Петербургского университета Г.П. Базанин, моряк С.В. Голенищев-Кутузов, которые раздавали наказания направо и налево, доставалось и правым и виноватым... Плохая успеваемость, оставление на второй год, массовые кулачные бои гимназистов с семинаристами, битье стекол в доме командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории хулиганами-гимназистами — явления довольно распространенные в те времена. Обстановка в гимназии стала более менее спокойной, когда ее возглавил Н.С. Рындовский.

Дети любили Рындовского: он посещал их на квартирах, беседовал с родителями, больных определял в гимназическую больницу, проявлял пристальное внимание к добросовестным гимназистам, посещал уроки, давал советы... Коллеги тоже уважали инспектора за то, что тот проявлял интерес к их урокам, вместе с педагогами разбирал методику преподавания, организовывал и участвовал вместе с ними в первых археологических раскопках к югу от Ставрополя, где было обнаружено древнейшее поселение скифов.

Когда Неверов приехал в Ставрополь, Рындовского в городе не было: он был переведен в Екатеринодар, где возглавил Черноморскую дирекцию, а Неверов — Ставропольскую дирекцию училищ.

«Осмотревшись несколько в гимназии и вообще в дирекции, — писал Неверов в автобиографических заметках, — я убедился в неотложной необходимости произвести в них радикальные изменения, так как уездные и вообще низшие училища наполнены были учителями, большинство коих понимали дело обучения в задавании уроков по учебнику и требовании, чтобы они зазубривались слово в слово, нимало не заботясь о том, понимают ли учащиеся этот материал».

Знакомясь с нравами в училищах, Неверов отметил некачественность учителей, низкий уровень преподавания и успе-

ваемости, зубрежку учеников по учебникам «от сих до сих», как говорится, «слово в слово». Еще в Чернигове Неверов пришел к пониманию, что преподавание должно быть более осмысленным, а «зубрильные» ответы гимназистов отличались бы живой речью.

VI

Перечитывая «Положение о Кавказском учебном округе», Неверов обратил внимание на 57 параграф, согласно которому «при Тифлисской и Ставропольской гимназиях учреждаются, сверх положенных восьми общих, еще по два специальных класса для приготовления учеников к поступлению в университеты и для образования учителей в уездные училища и низшие классы гимназий, а равно и для домашних учителей». «Положение...» было принято в 1848 году, но до приезда Неверова в Ставрополь, специальные классы так и не были организованы, якобы, из-за отсутствия денег.

Неверов вспоминал: «Первым делом моим было открытие специальных классов при Ставропольской гимназии для подготовки учителей в низшие ее классы и в уездные, и в начальные училища».

Неверов составил план учреждения специальных классов, не потребовав на него никаких добавочных сумм, ограничившись только наличными средствами гимназии. План этого учреждения Неверов описал в статье, опубликованной в восьмом номере «Русского педагогического вестника» за 1857 год.

План «был одобрен попечителем и утвержден наместником, и классы открылись в Ставрополе в 1851 году», — читаем в воспоминаниях Неверова.

Один такой класс — педагогический — готовил из гимназистов преподавателей уездных училищ, другой класс — университетский — в течение полутора лет готовил выпускников к поступлению в университеты и другие высшие учебные заведения России. При чем учились в этих классах бесплатно, за казенный счет.

В реформировании образования на Кавказе Неверов пошел дальше. В Тифлисской дворянской и Ставропольской мужской гимназиях училось несколько десятков горских юношей. Они принадлежали к знати: дети князей, аульных старшин, офицеров. Неверов создал для них специальное горское отделение. В 1854 году Неверов ездил в Санкт-Петербург, изучал планы обучения горцев в Москве, в городах Центральной России. После изучения практического опыта преподавания дисциплин представителям горских народов Неверов составил специальную программу. Он предложил заменить изучение латинского языка на изучение естественной истории (биологии. — *прим. авт.*). Предложенный Неверовым план «был одобрен попечителем и утвержден наместником». Затем последовало распоряжение преподавать естественную историю всем гимназистам. Выпускниками горского отделения гимназии были армяне, осетины, карачаевцы, чеченцы, ингуши, представители народов Дагестана.

Во времена Неверова Ставропольская (губернская) мужская гимназия стала духовным центром всего Северного Кавказа. Она прославилась ежегодным конкурсом на лучшее сочинение по истории и родному языку. В них участвовали учащиеся 6-8 и специальных классов. В фонде № 15 «Дирекция народных училищ Ставропольской губернии» Государственного архива Ставропольского края хранятся протоколы заседаний педагогических советов, рассматривавшие сочинения. В этом же фонде — переписка Неверова с попечителем учебного округа о результатах конкурса.

До Неверова сочинения такого рода писали выпускники российских университетов. Из биографии русского и украинского писателя, выпускника Санкт-Петербургского императорского университета Даниила Лукича Мордовцева известен такой факт: в 1854 году за сочинение по кафедре славянских наречий «О языке «Русской правды» он был удостоен золотой медали.

В 1851 году на праздновании четырнадцатой годовщины открытия гимназии Неверов сообщил, что ежегодно 18 октября будут подводиться итоги конкурса на лучшее сочинение на русском

языке. Поддержав нововведение Неверова, управление попечителя Харьковского учебного округа позволило Януарию Михайловичу тратить 35 рублей серебром «для награды за лучшее сочинение на русском языке». До Неверова большая часть сочинений гимназистов писалась на иностранных языках.

Князь Николай Андреевич Церетелев писал из Харькова в Ставрополь Неверову: «Я признаю полезнейшим, чтобы учащиеся сочинения свои по всем вообще предметам писали на русском языке. При этом для поощрения учащихся к большему занятию сочинениями и переводами, прошу Вас отличнейшие из них, поданные в течение года, по надлежащем рассмотрении, представлять ко мне не позже сентября месяца для препровождения в редакцию «Журнала Министерства народного просвещения» с целью помещения оных в прибавлениях к сему журналу».

Новация Неверова заключалась в том, что гимназисты представляли не классные сочинения, которые они писали чуть ли не ежемесячно, а конкурсные, которые могли готовить чуть ли не целый год и подчеркивать «самобытное развитие учащихся», самим делать выводы из прочитанного.

О том, как организовывался конкурс сочинений, преподаватель словесности Ф.В. Юхотников, служивший в Ставропольской мужской гимназии в 1856-1862 годах, рассказал на страницах «Русского педагогического вестника»: «Незадолго до наступления летних каникул совет гимназии, согласуясь со средствами гимназической библиотеки, предлагает учениками четыре темы: две по предмету русской словесности и две по истории. Разумеется, при задачах такого рода учитель предварительно излагает требования от заданного сочинения и с этой целью он указывает не только источники, но и две или три беседы, более или менее знакомит и со взглядом на сам предмет».

Перед уходом на летние каникулы 1852 года конкурсанты выбрали темы сочинений. Преподаватель словесности Ф.Д. Илляшенко проконсультировал каждого гимназиста, порекомендовал список литературы по теме. В сентябре гимназисты-старшекласс-

ники сдали тексты сочинений. Итоги первого конкурса сочинений педагогический совет гимназии огласил 18 октября 1852 года. Лучшим, по мнению педагогического совета, признали сочинение «О русской народной поэзии» Георгия Кананова. На юбилейном торжественном собрании Неверов вручил победителю полное собрание сочинений В.А. Жуковского в бархатном переплете. Четвертого ноября 1852 года сочинение Кананова «О русской народной поэзии» напечатали «Ставропольские губернские ведомости». Получив письмо Неверова о результатах конкурса сочинений, попечитель учебного округа прислал распоряжение о проведении ежегодного конкурса между учащимися на лучшее сочинение на русском языке.

Так конкурс вошел в гимназическую жизнь. Весной 1853 года гимназисты старших получили новые темы. Осенью 25 гимназистов представили свои сочинения. Из них четверо были удостоены чести читать перед публикой свои сочинения — Александр Герхард, Владимир Ситов, Петр Диков и Александр Трачевский. Отдав предпочтение сочинению ученику шестого класса Александра Трачевского «О значении синонимов в связи с вопросом об изучении языка и объяснении синонимов воспитание, учение, просвещение, образование», педагогический совет гимназии посчитал заслуживающим похвалы и сочинение «Дневник» ученика седьмого класса Петра Дикова.

Часть сочинений сохранилась в архивных делах гимназии, но далеко не все. Долгое время исследователям не было известно содержание сочинений Трачевского и Дикова. Их нашли далеко от Ставрополя. Они были обнаружены в Москве.

По инициативе Я.М. Неверова в гимназии выходил рукописный «Литературно-учебный журнал». «Эти конкурсы, — вспоминал Неверов, — возбудили такое сильное сочувствие, что они (гимназисты. — *прим. авт.*) с моего разрешения завели гимназический журнал, в котором переписывались эти сочинения для чтения всех товарищей».

К сожалению, журнал до сих пор не обнаружен. Но в Москве,

в личном архивном фонде Я.М. Неверова, хранящемся в Государственном историческом музее, как установил исследователь истории образования на Кавказе, краевед М.С. Коршунов, есть рукописный альманах «Елка», подаренный гимназистами директору под новый 1854 год. В нем содержатся лучшие сочинения гимназистов за 1853 год.

В учебном отделе альманаха, в частности, «опубликована» другое сочинение Александра Трачевского «О тропах вообще и метафорах в особенности», в которой автор утверждал, что «каждое слово, каждое выражение у места употребленное, прекрасно». В литературном отделе на первом месте стоит «Дневник» Петра Дикова, содержащий сведения о событиях, предшествовавших дуэли Лермонтова с Мартыновым. А в одной из глав «Дневника» — «Аул Кирк» Петр Диков описал саму дуэль. Краевед М.С. Коршунов высказал предположение, что записи были сделаны Петром, скорее всего, в 1852 году, во время летних каникул, которые гимназист провел у своего дяди В.Н. Дикова. В «Лермонтовской энциклопедии» про него сказано: «Диков Василий Николаевич (1812—1875), знакомый Л.; ногайский пристав, поручик, впоследствии генерал; жених (1842 — муж) А.П. Верзилиной. В экспромте «За девицей Емилие», который приписывается Л., назван «дикий человек». Есть сведения, что Д., вместе с поэтом и Н.С. Мартыновым вышел из дома Верзилиных 13 июля 1841 и оказался свидетелем вызова на дуэль».

Как установлено краеведом М.С. Коршуновым, в 1850 году В.Н. Диков в чине штабс-капитана занимал должность городского Пятигорской городской полиции. Скорее всего, Петр Диков узнал подробности вызова Лермонтова на дуэль и о самой дуэли от дяди Василия Николаевича Дикова, от тетки, ее сестер, от хозяйки квартиры Василия Чиляева.

Учитывая, что темы сочинений утверждались Неверовым, не исключено, что именно он порекомендовал юноше собрать материал о последних днях жизни великого поэта. Это предположение представляется вполне вероятным.

Приведем небольшую цитату из сочинения Петра Дикова: «... бездушный труп поэта лежал на сырой земле, лежал, и не было там ни одной души, которая сжалась бы от тоски и хладное тело омочило слезами. Лишь одно лицемерное сочувствие окружало, быть может, священный труп, сосуд великой поэтической души ...быть может, чей-нибудь дерзкий язык проговорил: «Ну! теперь уже не будет над всеми насмехаться, поделом тебе!» Я говорю, что, может быть, было это. Было, было оно, ибо я слышал и теперь речи, отягощающие священную память поэта...» Автору этих строк было в ту пору всего лишь семнадцать лет.

Лермонтоведы вводили сочинение «Дневник» Петра Дикова в научный оборот постепенно: с 1989 года стали появляться сноски на него, в частности, в издании серии литературных мемуаров «Лермонтов в воспоминаниях современников», в комментариях к факсимильному изданию книги П. Висковатого «Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество».

Двадцать седьмого декабря 1853 года состоялся первый неветровский выпускной акт. Слово перед гимназистами и преподавателями держали старший учитель татарского языка Иосиф Адамов, прочитавший речь «Характеристический очерк тюркского периода кавказской истории», будущий директор Лазаревского института иностранных языков Георгий Кананов читал сочинение «О влиянии изящных искусств на образование нашего духа», будущий востоковед Кероп (Керопэ) Патканов — «О сатире вообще и о сатирах Кантемира в особенности», будущий врач Петр Трачевский, брат Александра Трачевского, — «Значение Ломоносова в русской литературе». Все трое юношей поступили в университеты и получили высшее образование.

Новый 1854 год ознаменовался открытием уездного училища в Ставрополе, а осенью подвели итоги очередного конкурса. Лучшим сочинением педсовет гимназии признал работу ученика седьмого класса Владимира Ситова «О значении Жуковского в русской литературе». Победителю вручили полное собрание сочинений Карамзина. «Об отношении поэзии к прочим изящным

искусствам» — тема сочинения ученика шестого класса Владимира Любимова. «О причинах упадка французского классицизма в Европе» писал в сочинении его одноклассник Александр Трачевский. Последние два сочинения увидели свет на страницах «Ставропольских губернских ведомостей».

Конкурсы сочинений были ежегодными, вплоть до 1862 года. Позднее, они тоже были, но проходили нерегулярно. Многие темы сочинений связаны с творчеством М.Ю. Лермонтова, его «кавказскими» произведениями. Лучшие сочинения гимназистов печатали в газете «Ставропольские губернские ведомости», а выдержки из сочинения осетина Иналуко Тхостова «Кавказ по Марлинскому, Пушкину и Лермонтову» опубликовали «Отечественные записки». Сочинений ставропольских гимназистов о творчестве воронежского поэта Алексей Кольцова не обнаружено. Но известно следующее: в квартире Януария Неверова в Ставрополе висел портрет поэта, выполненный художником Алексеем Венециановым. Неверов упоминает о портрете Кольцова в письме исследователю жизни и творчества поэта М.Ф. Де-Пуле, отправленном из Железноводска 10 июля 1872 года: «...подарок Кольцова — его портрет сохранился у меня до сего времени». К сожалению, портрет Кольцова работы А.Г. Венецианова не найден, более того, он вообще неизвестен искусствоведам.

Конкурсные сочинения для гимназистов, организованные Я.М. Неверовым, побудили их к действию, к новым открытиям и обогатили русскую литературу и русскую педагогику.

Через 92 года в России сочинение по русскому языку и литературе для выпускников средних школ стало обязательным. «По русскому языку и литературе, по родному языку и литературе, по алгебре, геометрии и тригонометрии экзамены проводятся письменные и устные; по всем остальным предметам — только устные. Устный экзамен по языку проводится одновременно с экзаменом по литературе», — гласила Инструкция наркома просвещения СССР о проведении экзаменов на аттестат зрелости от 9 октября 1944 года. Новая система школьного образования во многом сле-

довала дореволюционному гимназическому уставу. Через 150 лет, в 2002 году, в Ставрополе вспомнили о сочинениях гимназистов выдающегося организатора просвещения Я.М. Неверова. Преподаватели Ставропольского государственного университета достали их тексты из архивов и опубликовали в книге «Глагол будущего». Интерес к ним у читателей, исследователей был настолько велик, что за четыре года книга выдержала три издания.

VII

В отчете попечителя Харьковского учебного округа за 1853 год о развитии системы образования на Кавказе отмечалось, что в состав Ставропольской дирекции народных училищ входят мужская гимназии, четыре уездных училища (в 1854 году откроется пятое — в Ставрополе. - Н.Б.), в них обучалось 337 детей. Самое большое из них — Кизлярское — 103 ученика. В селе Армавир существовало приходское училище, которое посещали 85 учеников. В церковно-приходских училищах, принадлежавших епархиальному правлению, обучалось 462 ученика. В сельских училищах, подчиненных палате государственных имуществ, — 781 ученик. Всего в разных учебных заведениях Ставропольской губернии, как писали в 1853 году «Ставропольские губернские ведомости», посещали занятия 1943 человека.

Университетский и педагогический классы, организованные Я.М. Неверовым, дали Ставрополю, губернии и России видных ученых, педагогов, врачей, адвокатов...

«...эти классы, — вспоминал Неверов, — принесли большую пользу, так как большинство окончивших курс в них поступили в университеты с тщательной подготовкой, а некоторые из них достигли действительно до высшего научного развития и из них двое теперь занимают с отличным успехом профессорские кафедры: Симоненко в Варшавском и Трачевский в Новороссийском (Одесском) университете».

Выпускник Ставропольской мужской гимназии Георгий Ильич

Кананов, сын штаб-капитана из Кизляра, в 1861 году стал инспектором, а в 1881 году — директором Лазаревского института иностранных языков. Среди выпускников гимназии талантливый литератор абазин Адиль-Гирей Кешев, первый переводчик «Капитала» Карла Маркса Герман Александрович Лопатин, ученый, исследователь природы Кавказа Николай Яковлевич Динник, путешественник, исследователь Арктики Михаил Иванович Бруснев, историк Александр Семенович Трачевский, востоковед Кероп (Керопэ) Петрович Патканов, выдающийся осетинский поэт, драматург, публицист и живописец Коста Леванович Хетагуров. Последний писал о Неверове:

Мы шли за ним доверчиво и смело,
Забыв вражду исконную и месть, -
Он нас учил ценить иное дело
И понимать иначе долг и честь...
Он нам внушил для истинной свободы
Не дорожить привольем дикарей...

Можно назвать и других видных выпускников гимназии, которые разъехались по всей России...

О Неверове сегодня больше пишут, как о выдающемся организаторе просвещения, но он еще и педагог-просветитель, публицист, литературный критик, оставивший после себя огромное, бесценное литературное и педагогическое наследие.

Среди его статей «Взгляд на историю русской литературы», «Поэт-прасол, Алексей Васильевич Кольцов», «Стихотворения Алексея Кольцова», «К вопросу о наших гимназиях», «О том, что нужно для народного образования в России», «Статистические сведения об учебных заведениях на Кавказе и за Кавказом», «Практические замечания провинциального педагога на проект устава низших и средних училищ ведомства Министерства народного просвещения», «Специальные классы при Ставропольской губернской гимназии», «Ставрополь на Кавказе», «Подвижник и

подвижница» (о святом Серафиме Саровском) исследователи особо выделяют «Нравственный кодекс для учеников высших классов гимназий, начиная с V класса, и вообще для юношеского возраста», положения которого актуальны и для школы XXI века.

Неверов сформулировал для гимназистов всего четырнадцать правил: «Люби Бога больше всего»; «Люби своего Государя и Отечество»; «Люби науку и посвяти ей себя вполне»; «Люби наставников и уважай их»; «Люби труд и не теряй понапрасну времени»; «Люби училище и береги честь его»; «Люби своих товарищей и живи с ними в мире»; «Люби ближнего и будь вежлив со всем»; «Помни слова Священного Писания: «Блажен иже и скоты милует» (Это значит это: не обидь вола, который работает на тебя, и счастлив тот человек, что милует животное.); «Смотри за самим собой»; «Храни чистоту души и тела»; «Остерегайся от займов и вообще всяких денежных сделок»; «Вверенную тебе должность исправляй честно и добросовестно».

«Кто любит Россию, тот должен, прежде всего, желать расширения в ней образования», — таков главный лейтмотив кодекса Неверова.

В 1878 году здоровье Неверова резко ухудшилось: он почти потерял зрение. Неверов вынужден был подать в отставку. Александр II, присвоивший ему титул тайного советника, предложил Януарию Михайловичу должность сенатора. Но Неверов отказался, считая, что недостаточно хорошо знает законы. Император все же назначил его членом Совета Министерства народного просвещения.

Покидая Ставрополь, Неверов оставил о себе добрую память, педагогические статьи, разработки, планы. А «Нравственный кодекс» Неверова и через 160 лет после его первой публикации учит учащихся нормам общечеловеческой морали, обязывает наставников направлять их на путь добра, поощрять к труду, внушать любовь к прекрасному.

Как и многие прогрессивные русские деятели культуры, Неверов понимал высокое назначение учителя в обществе, поэто-

му требовал для него соответствующего материально-правового положения. «Где та внимательность, та предупредительность, то нужное участие, — писал Неверов, — которыми вознаграждают наставника за его труд у наших западных соседей?». Вместе с тем он предъявлял высокие требования и к учителю, его образованию, профессиональной подготовке, нравственным и моральным качествам.

Гуманистические идеи Неверова актуальны и в наши дни, поскольку основаны на вечных ценностях: добре, справедливости, уважении к личности ребенка и преподавателя. Нельзя не заметить: 140 лет отделяет нас от времени деятельности Неверова, а ситуация в российском образовании по-прежнему оставляет желать лучшего. Учителю и сегодня во многом зависит от прихоти чиновника. Януарий Михайлович считал, что школа должна готовить не узких специалистов, а людей с широким кругозором, мыслящих и переживающих за судьбу своего Отечества...

О Януарии Михайловиче Неверове сегодня в Ставрополе почти ничего не напоминает. На старом здании Ставропольской мужской гимназии есть мемориальная доска, но его имени на ней нет.

Более повезло основателю гимназии. По инициативе Императорского Православного Палестинского Общества и митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла в 2015 году на территории Казанского кафедрального собора в Ставрополе установили бронзовый бюст Николаю I. На постаменте выгравирована так называемая «теория официальной народности», провозглашенная графом Сергеем Семеновичем Уваровым, министром народного просвещения в годы правления императора Николая I, — Православие. Самодержавие. Народность.

Открытие бюста приурочили к 190-летию восшествия на российский престол Николая Павловича Романова, который оставил заметный след в истории Ставрополя. Бюст Николаю I — это еще и напоминание о том, что в 1837 году, проезжая из Тифлиса в Санкт-Петербург, император сделал остановку в городе и открыл мужскую гимназию. Его указами в 1842 году учреждена Кавказ-

ская и Черноморская епархия и утвержден проект Казанского кафедрального собора, который возвели в 1847 году. Имя небесного покровителя императора — святителя Николая — до 1918 года носил проспект Карла Маркса в Ставрополе. А о Неверове ни слова: ни проспекта, ни улицы, ни гимназии его имени, ни мемориальной таблички.

От полного забвения Неверова спас Михаил Семенович Коршунов (1930–2016), неутомимый исследователь истории развития образования в Ставропольской губернии, Ставропольской мужской гимназии, на протяжении сорока лет публиковавший о нем статьи, очерки. В 2013 году при поддержке Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета и Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова «рыцарь истории», как называли М.С. Коршунова, издал «Избранные труды по истории просвещения на Северном Кавказе» Объем книги 730 страниц. Свою книгу он посвятил 175-летию Ставропольской губернской мужской гимназии и 200-летию со дня рождения Я.М. Неверова.

***

До наступления XIX века в Воронеже не было ни одного памятника. Первый памятник воронежцы поставили в 1860 году Петру I. Второй памятник был Алексею Кольцову, его установили в 1868 году. В те времена не ставили памятники поэтам, да еще в центре города. По всей Руси в те времена только четыре поэта удостоились такой чести: Ломоносов (памятник открыт в Архангельске в 1829 г., в Москве, в 1877 г.), Карамзин (в Симбирске, в 1845 г.), Державин (в Казани, в 1846 г.) и Крылов (в Санкт-Петербурге, в 1855 г.). Кольцов опередил даже Пушкина (в Москве, в 1880 г.), хотя умер спустя пять лет после смерти Александра Сергеевича.

На протяжении последних 110 лет при подготовке книг из литературного наследия А.В. Кольцова, будь то «Полное собрание сочинений» в серии «Академическая библиотека русских писателей» 1909 года или «Полное собрание стихотворений» в серии

«Библиотека поэта. Малая серия» издательства «Советский писатель» 1939 года; «Стихотворения» в серии «Библиотека поэта» издательства «Советский писатель» 1948 года; «Сочинения» Государственного издательства художественной литературы 1955 года; «Полное собрание стихотворений» издательства «Советский писатель» 1958 года, — издание Н. Некрасова и Н. Прокоповича со вступительной статьей В. Белинского служило образцом их соавителям и издателям.

Алексея Васильевича Кольцова часто называют визитной карточкой Воронежа. Действительно, имя поэта в городе звучит чаще остальных: Кольцовская улица, драматический театр имени А.В. Кольцова, гимназия имени А.В. Кольцова, Кольцовский сквер, два памятника Кольцову, кафе, рынок и даже конфеты «Песни Кольцова». В чем феномен такой влюбленности Воронежа в поэта? И почему воронежцы так трепетно хранят о нем память? А разве только они?

В первом послевоенном 1946 году Ставропольское книжное издательство начало издавать серию книг «Библиотека русских поэтов». Открывали серию «Избранные стихи А.В. Кольцова» тиражом десять тысяч экземпляров. Представляя книгу, издательство писало о Кольцове: «Он пропел гимны творческому труду, преобразующему природу, что особенно дорого нам, гражданам великой державы, где свободный труд стал «делом доблести, чести, славы и геройства», залогом грядущего изобилия с невиданным размахом культуры народа. Стихи Кольцова просты, как все подлинно прекрасное».

Мы живем в другое время: оно принесло в нашу жизнь новые потребности, новые идеи, меняется русское общество и обгоняет Кольцова, Белинского, Неверова... Но как бы далеко оно не ушло, перефразируя Белинского, оно всегда будет любить песни Кольцова, его стихи, всегда будет останавливать на нем, на его творчестве «исполненный любви и благодарности взор...»

Март 2018 г.

СОСЕД ДОСТОЕВСКОГО

О потомственном почётном гражданине Ставрополя

26 января 1881 года из Отделения по охранению общественного порядка и спокойствия в Санкт-Петербурге, находившегося в подчинении Санкт-Петербургского Градоначальника, в Санкт-Петербургское Губернское Жандармское Управление поступило донесение с грифом «Секретно» за № 1273 следующего содержания:

«В квартиру № 18 дома № 38 по Казанской улице, за которой имеется наблюдение, явился вчера, как это известно лично г. Начальнику С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления, молодой человек, назвавший себя Потомственным Почётным Гражданином Георгием Ивановичем Алафузовым, отказавшийся указать в С.-Петербурге лиц, знающих и могущих его удостоверить.

Сообщая об изложенном Жандармскому Управлению, Секретное Отделение имеет честь направить в Управление назвавшегося Алафузовым на зависящее распоряжение.

Причём препровождаются составленные о названной личности два протокола, с приложениями к одному из них, а равно оказавшиеся при нём деньги кредитными билетами пятьдесят восемь рублей, кожаный портмоне, золотые дамские часы с цепочкою,

золотой карандашик, записная книжка, перочинный ножик и различные газеты в особом пакете.

Начальник Секретного Отделения
Фурсов».

В Секретном отделении Алафузов провёл несколько часов. На допросе он заявил, что кроме его невесты и её родственников, «которых он назвать не желает», его в Северной столице никто не знает и потому удостоверить его личность не может. На вопрос, по какому адресу Алафузов проживает в Санкт-Петербурге, последний не стал скрывать своего места жительства, полагая, что Санкт-Петербургское губернское жандармское управление легко установит его через адресный стол.

Но, возможно, была и другая причина. Когда Алафузов сказал, что проживает в квартире № 11 дома № 5-2 по Кузнечному переулку и Ямской улицы, удивлению жандармов не было предела. Даже самый ленивый жандарм Санкт-Петербурга не мог не знать этого дома. В квартире № 10 в доме № 5-2 по Кузнечному переулку и Ямской улицы с октября 1878 года проживал с семьёй и прислугой известный российский писатель Фёдор Михайлович Достоевский.

Из письма Ф.М. Достоевского младшему брату Николаю: «Мы уже с неделю как приехали из Старой Руссы. Квартиру наняли на углу Ямской и Кузнечного переулка (близ Владимирской церкви) дом 2-й и 5-й, квартира № 10».

Переехали Достоевские со старой квартиры на Греческом проспекте, 5 после смерти младшего сына писателя Алексея.

«16 мая 1878, — писала жена писателя Анна Григорьевна Достоевская, — нашу семью поразило страшное несчастье: скончался наш младший сын Лёша». Смерть трёхлетнего мальчика была настолько внезапной, что потрясла Достоевского. В квартире на Греческом всё напоминало умершего сына. Фёдор Михайлович дал имя своего младшего сына любимому герою романа «Братья Карамазовы», не зная, что эта книга станет для него последней.

5 октября 1878 года после возвращения из Старой Руссы Достоевские въехали в новую квартиру. Анна Григорьевна вспоминала: «Квартира наша состояла из шести комнат, громадной кладовой для книг, передней и кухни и находилась во втором этаже. Семь окон выходили на Кузнечный переулок...»

Алафузов, как установила полиция, оказался соседом автора романа «Братья Карамазовы», который как раз в те дни бойко продавался в книжных лавках Санкт-Петербурга. Роман вышел отдельным изданием накануне Рождества.

В Санкт-Петербургских газетах появилось объявление: «9-го декабря вышел в свет отдельным изданием роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Два тома 76 печатных листов. Цена 5 р. Г. г. иногородние, выписывающие от автора (СПб, Кузнечный пер., д. 5, книжная торговля для иногородних Ф.М. Достоевского), пользуются бесплатною пересылкою».

Взыскательные читатели ждали отдельное издание романа. На протяжении 1879 и 1880 годов «Братья Карамазовы» печатались в журнале «Русский вестник». «Эпилог» романа Достоевский передал главному редактору в начале ноября, и он был напечатан в одиннадцатом номере «Русского вестника» за 1880 год.

«Это было... — вспоминала Анна Григорьевна, — последнее радостное событие в его столь богатой всяческими невзгодами жизни».

Немного ранее, до объявления в газетах, 8 ноября 1880 года, Достоевский напишет известному публицисту «Русского вестника» Н.А. Любимову (1827—1898): «Ну вот и кончен роман! Работал его три года, печатал два — знаменательная для меня минута. К Рождеству хочу выпустить отдельное издание. Ужасно спрашивают, и здесь, и книгопродавцы по России; присылают уже деньги».

Издательскими делами произведений мужа занималась Анна Григорьевна, а с 1873 года, в особенности. В тот год Достоевский подарил ей литературные права на все свои произведения. Фёдор Михайлович прекрасно понимал, что в случае его смерти у жены и его несовершеннолетних детей останутся лишь права на издание

его произведений. Других источников существования у Достоевского не было. Он всю жизнь зарабатывал только литературным трудом. Заработок доставался ему нелегко.

В одном из писем Фёдор Михайлович напишет жене о результатах переговоров в «Русском вестнике» по поводу предстоящей публикации ещё не написанных «Братьев Карамазовых»: «Мне 250 р. не могли сразу решиться дать, а Л. Толстому 500 заплатили с готовностью! Нет, уж слишком меня низко ценят, а оттого что работой живу».

Главный редактор М.Н. Катков (1821—1887) и его помощник по редакции Н.А. Любимов не церемонились с Достоевским и заплатили автору за один печатный лист «Братьев Карамазовых» по 250 рублей, а гордому и независимому Л. Толстому за один печатный лист «Анны Карениной» — по 500 рублей.

В семье Достоевских и этому гонорару были рады. Анна Григорьевна внимательно следила за тем, как расходуется роман «Братья Карамазовы», надеялась продажей отдельного издания поправить финансовые дела.

«Расходуется роман очень быстро, — писал племянник А.А. Достоевский своему отцу в Ярославль, — уже продано на три тысячи рублей (в четыре дня); всё же издание в четыре тысячи экземпляров обошлось в четыре тысячи рублей, так что скоро книга будет продаваться в чистый барыш. Анна Григорьевна рассчитывает получить чистого барыша десять тысяч рублей, — конечно, если всё издание будет распродано...»

В коммерческом успехе «Братьев Карамазовых» в семье никто не сомневался. Роман вышел без услуг издательских посредников. Анна Григорьевна сама ходила в типографию, договаривалась с наборщиками, метранпажем и печатниками об условиях оплаты, читала корректуру, вносила авторские исправления. Предполагаемая выручка за книгу в десять тысяч рублей — почти сказочная. Когда-то Достоевский мечтал о сумме капитала в шесть тысяч рублей.

Со дня выхода «Братьев Карамазовых» его автору оставалось

жить пятьдесят дней. За это время Фёдору Михайловичу так и не довелось прочитать сколько-нибудь серьёзный разбор его последнего романа. Столичная пресса писала о романе, но оценки газетчиков сдержанные, с умеренным недовольством.

«Г. Достоевский... весьма и весьма крупный талант, — писала «Неделя», — между тем его «Братья Карамазовы» совсем не удались, хотя прекрасных частностей в них много. Это потому, что они сами, при всей их обширности, представляют лишь частность; что не захвачен в них внутренний смысл жизни, во всей его полноте и разносторонности; что они полны обличений и горьких укоров, русского же современного человека касается лишь слегка».

Если столичные газеты были сдержаны в оценках романа Достоевского, то совершенно по-другому вела себя публика на встречах с писателем. 14 декабря 1880 года писатель принял участие в вечере «в пользу Бестужевских курсов», так как без него «он положительно немислим в смысле сбора». В первом отделении Фёдор Михайлович читал «Пророка» Пушкина. Его собственный рассказ «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевский доверил читать Д.В. Григоровичу (1822—1899/1900), автору антикрепостнических повестей «Деревня», «Антон-Горемыка». «Гуттаперчевого мальчика», принёсшего всероссийскую известность автору, Григорович напишет после смерти Достоевского. Во втором отделении Фёдор Михайлович вместе с Дмитрием Васильевичем читали сцену из «Женитьбы» Гоголя, причём роль Подколёсина взял на себя Достоевский, а Кочкарёва — Григорович. Чистый сбор от вечера составил 1800 рублей.

С Григоровичем Достоевский подружился ещё в Главном инженерном училище, куда Фёдор Михайлович поступил в 1837 году. Там же, в Инженерном учился и Григорович.

«Сближение моё с Ф. М. Достоевским, — рассказывал Григорович, — началось едва ли не с первого дня его поступления в училище... Ему радостно было встретить во мне знакомого в кругу чужих лиц, не упускавших случая грубо, дерзко придраться к новичку. Фёдор Михайлович уже тогда выказывал черты необщи-

тельности, сторонился, не принимал участия в играх, сидел, углубившись в книгу, и искал уединённого места; вскоре нашлось такое место и надолго стало его любимым: глубокий угол четвёртой камеры с окном, смотревшим на Фонтанку; в рекреационное время его всегда можно было найти там, и всегда с книгой».

Позднее Григорович напишет: «...Я не ограничился привязанностью к Достоевскому, но совершенно подчинился его влиянию. Оно, надо сказать, было для меня в то время в высшей степени благотворно. Достоевский во всех отношениях был выше меня по развитости; его начитанность изумляла меня. То, что сообщал он о сочинениях писателей, имя которых я никогда не слыхал, было для меня откровением. До него я и большинство остальных наших товарищей читали специальные учебники и лекции, и не только потому, что посторонние книги запрещалось вносить в училище, но и вследствие общего равнодушия к литературе».

Достоевский и Григорович остались друзьями на всю жизнь. Григорович всегда был самым желанным гостем семейства Достоевских. И потому Фёдор Михайлович, когда его приглашали на вечера, неизменно спрашивал: «А Дмитрий Васильевич Григорович будет?»

«Современные известия» писали: «Вечер открылся чтением нашего талантливом романиста-психолога, уважаемого Фёдора Михайловича Достоевского. Трудно и даже невозможно передать словами впечатление, произведённое на публику мастерски-художественным, живым чтением романиста эпилога из своих «Карамазовых». То стоны и вопли, то слёзы радости, то страшная ненависть и христианское смирение, то, наконец, искреннее раскаяние слышались в голосе лектора, сумевшего неподражаемо передать всё психологическое движение человека. Нечего, конечно, и говорить о том, что г. Достоевский удостоился самых шумных оваций; ему поднесли лавровый венок...»

Писатель удостоился оваций после чтения главы «Похороны Илюшечки». Немногие присутствовавшие на том вечере знали, а, возможно, и вовсе не предполагали, что в этой главе Достоевский

описал похороны своего младшего сына Алёши. Сердце замирало, когда он произносил со сцены уменьшительно-ласкательные слова: «Алёша вошёл в комнату. В голубом, убранном белым рюшем гробе лежал, сложив ручки и закрыв глазки, Илюша. Черты исхудалого лица его совсем почти не изменились, и, странно, от трупа почти не было запаха. Выражение лица было серьёзное и как бы задумчивое. Особенно хороши были руки, сложенные накрест, точно вырезанные из мрамора.. В руки ему вложили цветов, да и весь гроб был уже убран снаружи и внутри цветами, присланными чем свет от Лизы Хохлаковой... Дети подняли гроб, но, пронося мимо матери, остановились перед ней на минутку и опустили его, чтоб она могла с Илюшей проститься. Но, увидев вдруг дорогое личико вблизи, на которое все три дня смотрела лишь с некоторого расстояния, она вдруг затряслась и начала истерически дёргать над гробом своею седою головой взад и вперёд...»

Заключительные строки романа «Братья Карамазовы» Достоевский читал, по воспоминаниям современников, эмоционально, искренне, напряжение в его голосе в сцене клятвы друзей Илюшечки Карамазова нарастало с каждым новым словом. И в то же время его чтение оставляло в сердцах слушателей что-то светлое, возвышенное:

«— Будем помнить и лицо его, и платье его, и бедненькие сапожки его, и гробик его, и несчастного грешного отца его, и о том, как он смело один восстал на весь класс за него!

— Будем, будем помнить! — прокричали опять мальчики, — он был храбрый, он был добрый!

— Ах, как я любил его! — воскликнул Коля.

— Ах, деточки, ах, милые друзья, не бойтесь жизни! Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!

— Да, да, — восторженно повторили мальчики.

— Карамазов, мы вас любим! — воскликнул неудержимо один голос, кажется Карташова.

— Мы вас любим, мы вас любим, — подхватили и все. У многих сверкали на глазах слезинки.

— Ура Карамазову! — восторженно провозгласил Коля.
— И вечная память мёртвому мальчику! — с чувством прибавил опять Алёша.
— Вечная память! — подхватили снова мальчики.
— Карамазов! — крикнул Коля, — неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мёртвых и оживём и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?
— Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу всё, что было, — полусмеясь, полу в восторге ответил Алёша.
— Ах, как это будет хорошо! — вырвалось у Коли.
— Ну, а теперь кончим речи и пойдёмте на его поминки. Не смущайтесь, что блины будем есть. Это ведь старинное, вечное, и тут есть хорошее, — засмеялся Алёша. — Ну пойдёмте же! Вот мы теперь и идём рука в руку.
— И вечно так, всю жизнь рука в руку! Ура Карамазову! — ещё раз восторженно прокричал Коля, и ещё раз все мальчики подхватили его восклицание».

В первых числах января 1881 года «Неделя» была особенно откровенна с читателями: «Кого, наконец, — если обратиться не к профессорам, а к писателям — продолжает особенно любить молодёжь, как не Ф.М. Достоевского, несмотря на то, что его давно преследует ярою бранью значительная часть так называемой «либеральной» прессы. Молодежь (по крайней мере у нас здесь) продолжает буквально носить Достоевского на руках, как это недавно произошло на вечере у студентов-технологов...»

Поэт Иннокентий Анненский вспоминал, как Достоевский «поспешно» выходил на сцену; «останавливался у самого края, шага этак за три от входа, — как сейчас вижу его мешковатый сюртук, сутулую фигуру и скуластое лицо с редкой и светлой бородой и глубокими глазницами, — и голосом, которому самая осиплость придавала нутряной и зловещий оттенок, читал, немного торопясь и как бы про себя, знаменитую оду».

Цесаревич, будущий Александр III (1845—1894) тоже был в

числе почитателей писательского таланта Достоевского. В приглашении Фёдору Михайловичу посетить цесаревича и его супругу обер-прокурор святейшего синода К.П. Победоносцев (1827—1907) напишет: «Великий Князь ожидал выхода целой книги, чтобы начать чтение, ибо не любит читать по кусочкам».

Фёдор Михайлович откликнулся на приглашение посетить Аничков дворец не сразу, так как «не находилось приличествующего случаю переплёта». В XIX веке, как известно, книги издавались и продавались в печатных листах. Переплёт заказывался отдельно. И стоил он довольно дорого. Как только книга была переплетена, Достоевский дал знать Победоносцеву. 16 декабря 1880 года Фёдор Михайлович посетил Аничков дворец, где был принят наследником престола и его супругой, и лично подарил роман «Братья Карамазовы» Великому князю Александру Александровичу.

О том, как принимали Достоевского на самом высоком уровне, узнаём из рассказа дочери писателя Любови Фёдоровны: «Его и Её Высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу. Очень характерно, что Достоевский, который в этот период жизни был пылким монархистом, не хотел подчиняться этикету двора и вёл себя во дворце, как он привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и её супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной...»

Январь 1881 года — последний месяц жизни Достоевского — прошёл в ежедневных хлопотах. Фёдор Михайлович напряжённо работал над подготовкой отдельным изданием «Дневника писателя». Торопился, хотел, чтобы он был напечатан 31 января. В пятницу, 23 января, между Фёдором Михайловичем и Анной Григорьевной состоялся разговор о будущем лете. Достоевский рассчитывал, что за «Братьев Карамазовых» и «Дневник писателя» выручит двенадцать — пятнадцать тысяч рублей. За эти деньги можно именованье купить под Москвой.

«Ну, так я поеду в Эмс, а ты поедешь в имение и будешь там хозяйничать и проживём до осени, а там сюда. Ты и дети отлично поправитесь», — скажет Фёдор Михайлович жене.

Из воспоминаний Анны Григорьевны о Фёдоре Михайловиче: «Всегда мечтал об имении, но непременно спрашивал: есть ли лес. На пахоту и луга не обращал внимания, а лес, хотя бы и небольшой, в его глазах составлял главное богатство имения... Не любил дуба, а любил лиственный лес, не расчищенный, а скорее запущенный, разросшийся».

...Но вернёмся к событиям 25 января, когда, как явствует из донесения начальника Секретного отделения Фурсова, был арестован молодой человек 26 лет, представившийся полиции «Потомственным Почётным Гражданином города Ставрополя Георгием Ивановичем Алафузовым», и на поверку оказавшийся соседом Достоевского.

Из постановления Секретного отделения С.-Петербургского Градоначальника:

«<...> Передать его, Алфузова, по месту объявленного им жительства по Кузнечному переулку и Ямской улицы, дом № 5-2 для личного осмотра его имущества, истребования письменного вида, по которому называющий себя Алафузовым прибыл в Петербург, для проверки такового, и затем возвращения со всем оказавшимся в Секретное Отделение для дальнейшего распоряжения».

Постановление № 25 от 25 января 1881 года об обыске на квартире № 11 в доме № 2/5 на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы подписал подполковник А. Никольский. В документе сказано, что обыск у Алафузова назначается именно на основании подозрения, что он не кто иной, как Александр Иванович Баранников.

«Протокол № 83

1881 года Января 25-го дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Маиор Кузьмин, вследствие предписания Начальника С.-

Петербургского Губернского Жандармского Управления от 25-го сего Января месяца за № 180 прибыв во 2-й участок Московской части, в дом № 2/5 на углу Кузьмичного переуллка и Ямской улицы, в квартиру № 11, нанимаемую Московской мещанкою Мариею Николаевою Прибыловою, состоящую из семи меблированных комнат, из числа коих за № 1 нанимает Потомственный Почётный Гражданин Георгий Иванович Алафузов, — совместно с Товарищем Прокурора С.-Петербургского Окружного Суда Н. М. Богдановичем, в присутствии местного пристава Надворного Советника Надежина, содержательницы меблированных комнат, ниже подписавшихся понятых и Георгия Иванова Алафузова произвели в имуществе последнего, на основании закона 19 мая 1871 года, тщательный обыск, по коему ничего преступного и относящегося к делу не найдено, но признано необходимым отобрать для соображения с делом нижеследующие предметы: 1) Свидетельство на жительство, выданное Потомственному Почётному Гражданину Георгию Иванову Алафузову из Ставропольской Городской Управы от 24 марта 1876 года № 1146. 2) Две фотографические карточки Алафузова и одна такая же карточка с какой-то женщины. 3) Пузырёк с каким-то лекарством и принадлежащей к нему сигнатурой на имя Господина Попова. 4) Два носовых платка с вензелевыми метками А.Г. и другая, по-видимому, А.К. 5) Серебряная чайная ложка с вензелем М.О., завёрнутая в газетную бумагу с надетым на неё обручальным золотым кольцом и 6) Записная книжка на 1880 год. Постановил: о выше изложенном заключить настоящий протокол за подписом всех присутствующих лиц.

Маиор Кузьмин

Товарищ Прокурора *Н. Богданович*

Пристав 2-й Московской части *Надежин*

Мария Николаевна Прибылова

Дворник понятой Яков *<Иевлев>*

при доме по Кузнечному переулку д. № 9

Дворник *Трофим Скрипин <I нрб.>*

при доме № 5/2 на углу Кузнечного

переулка и Ямской улицы
Потомственный Почётный Гражданин
Георгий Алафузов».

Вчитываясь в эти документы, исследователи отмечали одну странность. Нет, речь идёт не о грамматических ошибках, хотя они тоже обращают на себя внимание. Майор Кузьмин по аналогии с правописанием своей фамилии напишет наименование переулка тоже с мягким знаком: «на углу Кузьмечного...». Документ, в котором сообщалось о задержании Алафузова на квартире № 18 дома № 38 по Казанской улице, составлен начальником Секретного отделения Фурсовым 26 января. А обыск на квартире № 11 дома № 5-2 на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы, где, как установило С.-Петербургское губернское жандармское управление, проживал Алафузов, проведён якобы 25 января.

26 января 1881 года министр внутренних дел России М.Т. Лорис-Меликов (1825—1888), до 6 августа 1880 года исполнявший обязанности начальника Верховной распорядительной комиссии с чрезвычайными полномочиями, направил Александру II доклад. Сообщив об аресте Агатескулова, «оказавшегося в действительности евреем Фриденсоном», и о задержании на его квартире Алафузова, Михаил Тариелович написал, что на квартире самого Алафузова были найдены фотографические карточки жильца, причём обнаружилось сходство «с давно разыскиваемым, известным Вашему Величеству по имени путивльским дворянином Александром Ивановичем Баранниковым (он же Тюриков и Кошурников)».

Фотографии, обнаруженные при обыске Алафузова, полиция предъявила заключённому Ивану Окладскому, в прошлом рабочему, который проходил по «делу 16-ти» и осужденному в ноябре 1880 года. Он признал их сходство с Александром Баранниковым, членом Исполнительного комитета «Народной воли».

Из протокола следует, что для установления личности задержанного на квартире № 18 дома № 38 по Казанской улице гражданина, «назвавшегося Потомственным Почётным Гражданином

гор. Ставрополя Г.И. Алафузовым», «Окладский был доставлен из крепости и по указанию ему задержанного лица, незаметно для последнего, вновь подтвердил несомненное тождество его с Баранниковым».

Полиция устроила засаду в квартире № 18 дома № 38 по Казанской улице неслучайно. Жандармы искали государственного преступника Н.И. Кибальчича (1853—1881), который, как выяснилось, проживал летом 1880 года в Санкт-Петербурге по паспорту на имя Агатекулова. 24 января 1881 года на очередной полицейский запрос из городского адресного стола пришёл ответ, что Агатекулов проживает в столице по адресу: улица Казанская, дом № 38, квартира № 18.

Из постановления Секретного отделения С.-Петербургского градоначальника: «...если ныне по виду Агатекулова проживает не Кибальчич, то лицо настолько близкое к нему, что имело возможность получить от него вид, а потому <...> сего же числа произвести обыск в квартире № 18 <...> с лицами, застигнутыми в этой квартире, поступить по результатам обыска».

Подполковник Отдельного корпуса жандармов А. Никольский и товарищ прокурора Петербургской судебной палаты Н. Богданович нагрянули в квартиру № 18 дома № 38 по Казанской улице после полуночи. Часы показывали 2 часа 30 минут нового дня 25 января 1881 года. Обнаруженный в квартире жилец не имел ни малейшего сходства с разыскиваемым Кибальчичем. Однако при нём оказался паспорт Агатекулова. И проживал по нему купеческий сын Григорий Михайлович Фриденсон, 26 лет от роду. И всё же жандармам повезло: при обыске в квартире, в которой проживал Агатекулов (Фриденсон), они обнаружили номера подпольной «Народной воли». Агатекулова (Фриденсона) повязали, подвергли, как сказано в протоколе, «личному задержанию», «без допроса ввиду позднего времени».

Но постановление, несмотря на позднее время, всё же было оформлено по всем правилам полицейского сыска того времени: «...Поручить полиции иметь секретное наблюдение за обыскива-

емой квартирой Агатескулова и, задержав лиц, которые явятся в квартиру Агатескулова как его знакомые, довести об этом до сведения С.-Петербургского Жандармского Управления, не оставиваясь в принятии мер к выяснению их личностей и места жительства. В то же время просить Секретное Отделение Канцелярии С.-Петербургского Градоначальника распорядиться, чтобы этот приём наблюдения за квартирами был последовательно применяем в отношении всех остальных лиц, которые будут задерживаемы на обнаруживаемых квартирах подозрительных лиц».

В эту западню и попал Георгий Иванович Алафузов. Он пришёл к Агатескулову (Фриденсону) утром 25 января. Жандармы не поверили объяснениям Алафузова, не поверили найденному при нём «Свидетельству на жительство, выданному как Потомственному Почётному Гражданину Георгию Иванову Алафузову из Ставропольской Городской Управы от 24 марта 1876 года № 1146».

Подполковник Отдельного корпуса жандармов А. Никольский предположил, что перед ним другой человек, выдающий себя за Алафузова, а Свидетельство на жительство, в подлинности которого сомнений не было, принадлежало тоже другому человеку.

В январском номере газеты «Народная воля» за 1881 года был опубликован протокол № 89 от 26 января, который, как оказалось, тоже имеет прямое отношение к нашему герою: «В доме 5/2 на углу Ямской улицы и Кузнечного переулка в квартиру № 11, где в ночь на сегодня арестован живший там сын ставропольского почётного гражданина Георгий Иванович Алафузов, сего числа в 4-м часу пополудни пришёл неизвестного звания мужчина, спрашивая Алафузова, получив ответ, что его нет дома, вышел на улицу, где наблюдавший за квартирою Алафузова околоточный надзиратель Яковлев пригласил неизвестного в управление участка, по дороге куда задержанный намеревался уйти, чего сделать не допустил Яковлев. После этого неизвестный просил отпустить его, предлагал деньги. По приходе в участок неизвестный отказался объявить своё звание и место жительства, почему заключено тотчас же отправить его в Секретное Отделение. Пристав *Надеждин*».

Полицейские протоколы окончательно запутали читателя. Да, и «Народная воля» неверно указала место ареста Алафузова. Как же на самом деле происходили события?

В субботу, 24 января из городского адресного стола приходит ответ на полицейский запрос о том, что в квартире № 18 дома № 38 по Казанской улице по паспорту Агатескулова проживает давно разыскиваемый государственный преступник Кибальчич. В воскресенье, 25 января по этому адресу в 2 часа 30 минут полиция обнаружила купеческого сына Григория Михайловича Фриденсона, живущего по паспорту Агатескулова. В воскресенье, утром 25 января в квартиру № 18 дома № 38 по Казанской улице явился молодой человек, назвавшийся потомственным Почётным гражданином города Ставрополя Георгием Ивановичем Алафузовым. Выяснив на допросе в Секретном отделении его настоящее место проживания, полиция устроила обыск в квартире № 11 дома 5-2 на углу Кузнечного переулкa и Ямской улицы. Обыск в квартире Алафузова проходил в ночь с 25 на 26 января. Наступил новый день 26 января, понедельник. Заработала канцелярия. И все бумаги, скорее всего, были оформлены задним числом.

Кутру 26 января подполковник А. Никольский абсолютно был уверен в том, что молодой человек, назвавшийся Георгием Ивановичем Алафузовым, на самом деле Александр Иванович Баранников.

За Александром Баранниковым жандармы охотились давно, с 1878 года, который потряс Достоевского смертью младшего сына Алёши. И для России он тоже начинался с потрясений. В январе Вера Засулич стреляла в упор из револьвера системы «бульдог» в петербургского градоначальника генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова. 25 мая в Киеве революционерами был убит начальник Одесского жандармского управления полковник барон Г.Э. Гейкинг. В Москве от пули нападавшего погиб агент сыскной полиции А.Г. Никонов. В киевского прокурора М.М. Котляревского стрелял Валериан Осинский. Таких потрясений Россия не знала.

В Петербурге 4 августа, около девяти часов утра, на Михай-

ловской площади шеф жандармов и начальника III Отделения генерал-лейтенант Мезенцов, как свидетельствует архивный документ, «был... встречен неизвестным молодым человеком среднего роста, одетым в серое пальто и в очках». Молодой человек всадил предназначенный для медвежьей охоты тяжёлый кинжал в живот генералу. А в рядом шедшего с генералом отставного подполковника Макарова, как гласит то же официальное донесение, «другой молодой человек с чёрными усами в длинном синем пальто и чёрной пуховой круглой шляпе выстрелил в Макарова, но не попал, и затем оба убийцы вскочили на стоявшие в Итальянской, вероятно, их собственные дрожки, запряжённые вороной лошастью; на козлах сидел молодой кучер с чёрными усами без бороды. Сев на дрожки, злоумышленники понеслись по Малой садовой и скрылись из виду».

Как оказалось, тяжёлый нож всадил в Мезенцова Сергей Кравчинский, который вскоре эмигрировал, под псевдонимом Степняк выпустил за границей несколько книг о русской революции. Именно они принесли ему европейскую известность. В одной из них Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский (1851—1895) вспомнил Достоевского: «Единственные талантливые люди, которых она (реакция. — *прим.авт.*) закрепила за собой... — Достоевский в художественной литературе и Катков в журналистике — оба ренегаты революционного дела».

По поводу оценок деятельности М.Н. Каткова мнение литературных критиков однозначно: редактор «Русского вестника», в котором Ф.М. Достоевский впервые напечатал «Братьев Карамазовых», никогда не принадлежал к «революционному делу». Упрекая Достоевского в «ренегатстве», Степняк-Кравчинский, видимо, позабыл, что пережил Фёдор Михайлович, стоя на эшафоте в 1849 году: по делу «петрашевцев» он был приговорён к смертной казни, помилован и сослан на четырёхлетнюю каторгу, служил рядовым, в 1859 году вернулся в Петербург и создал один из лучших романов о трагических судьбах и достоинстве человека на каторге «Записки из Мёртвого дома». Затем из-под пера Достоевского вышли рома-

ны «Униженные и оскорблённые», «Преступление и наказание», «Идиот» и, наконец, «Братья Карамазовы». «Дневник писателя», над подготовкой которого к печати отдельной книгой Достоевский работал в январе 1881 года, вышел 31 января, в день его похорон.

Степняк-Кравчинский, чудом избежав виселицы, переживёт автора «Братьев Карамазовых». В 1895 году он погибнет случайно под колёсами пригородного лондонского поезда.

«Молодым кучером с чёрными усами без бороды» оказался, как установила полиция, Андриан Михайлов. Через два года его поймают и осудят. Процессом над Андрианом Михайловым, который состоялся накануне Пушкинского праздника, остро интересовался Достоевский.

8 июня 1880 года в Москве состоялось открытие памятнику А.С. Пушкину. Деньги на него собирались всем миром. Достоевский был на открытии памятника и произнёс свою ставшую знаменитой Пушкинскую речь. Она продолжалась около 45 минут. Споры о ней до сих не затихают, хотя со дня её произнесения прошло более 130 лет.

В августе 1878 года, то есть за 2,5 года до ареста Алафузова (Баранникова), редактор журнала «Гражданин» В.Ф. Пуцыкович писал Достоевскому: «От статей, печатающихся во всех газетах... об убийстве Мезенцова, мне делается тошно! Я понял все статьи так: если Вы хотите, чтобы мы помогли Вам, т. е. правительству... то дайте русскому народу конституцию!!! Вот голос печати».

Достоевский, видимо, и предположить не мог, что его соседом окажется участник убийства шефа жандармов и начальника III Отделения генерал-лейтенанта Мезенцова. Да и знал ли он его вообще? Исследователей жизни и творчества писателя всегда занимал этот факт, ведь соседом Достоевского Алафузов (Баранников) оставался почти три месяца: ноябрь, декабрь 1880 года и январь 1881 года.

Алафузов (Баранников) поселился в квартире № 10 дома 5/2 на углу Ямской улицы и Кузнечного переулка, как показала на допросе хозяйка квартиры М.Н. Прибылова: «Алафузов прожил в

квартире моей, занимая комнату № 1, со 2-го ноября прошлого 1880 года по день своего ареста, т. е. до 26 января настоящего года».

Крестьянка Василиса Бомбина, жившая «в услужении у г-жи Прибыловой», на вопрос об образе жизни Алафузова показала: «Из дома уходил рано, часов в 9, и возвращался лишь к вечеру. Ничего особенного в жизни его я не замечала».

Знал ли Достоевский о том, чем занимался его сосед, какой ведёт образ жизни, кто ходит к нему на квартиру? Их квартиры расположены на площадке дверь в дверь. Известный исследователь XX столетия, литературовед В.Б. Шкловский (1893—1984) в своей книге «За и против» предположил, что «смерть жильца квартиры номер десять так или иначе связана с арестом Баранникова». Но это предположение Виктора Борисовича так и осталось предположением: высказанная им версия не получила дальнейшего развития. В мемуарной литературе народовольцев имена Достоевского и Баранникова (Алафузова) упоминаются рядом лишь один раз.

«Как-то ночью, — писал член Исполкома «Народной воли» М.Ф. Фроленко (1848—1938), — они шли ещё с кем-то, и их поразила тишина, пустота улиц недалеко от квартиры Баранникова, и на прощание с ним они все посмеялись над страхами шпионов, боязнию слезки. На них напало то же спокойствие, уверенность в своей безопасности. В эту же ночь Баранников был арестован. Жил он на квартире Ф.М. Достоевского, и его спокойствие отчасти и в этом обстоятельстве находило себе поддержку».

Как мы только что выяснили, Баранников никогда не жил в квартире Достоевского, а под именем Алафузова снимал комнату в квартире № 11, хозяйкой которой являлась М.Н. Прибылова. И в ночь с 25 на 26 января 1881 года Михаил Фёдорович Фроленко не мог идти с друзьями и Баранниковым недалеко от дома 5/2 на углу Ямской улицы и Кузнечного переулка. Баранников (Алафузов) был арестован утром 25 января.

В полицейских протоколах ареста, допроса Алафузова (Баран-

никова) и обыска снимаемой им квартиры ни разу имя Достоевского не упоминается. В понятые никого из семейства Достоевских полиция не приглашала. В подписанном протоколе обыска фигурируют лишь имена и фамилии двух дворников. Это дворник Яков при доме по Кузнечному переулку д. № 9 (именно рядом с его именем написано: «понятой»), а второй указан

просто как дворник Трофим Скрипин при доме № 5/2 на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы.

Сам Алафузов (Баранников), отвечая, как на первом 25 января, так и на втором допросе 26 января имя Достоевского тоже не назвал. А мог бы сослаться, что, дескать, его личность может удостоверить известный российский писатель Фёдор Михайлович Достоевский. Алафузов (Баранников) не мог не знать, кто живёт в десятой квартире. Медная табличка с именем, отчеством и фамилией жильца постоянно висела на двери квартиры № 10. И Алафузов (Баранников) видел её, как минимум дважды в день, когда уходил утром из квартиры № 11 и когда возвращался в неё вечером. Трудно допустить, что за три месяца всероссийская известность и молодой, всегда со вкусом и по моде одетый сосед с восточными чертами лица, не встретились на лестничной площадке.

В 1933 году В.Б. Шкловский издал впервые повесть «Сомнения Фёдора Достоевского». В ней Виктор Борисович не удержался от соблазна нарисовать захватывающую картину: поздно ночью жандармы стучат в квартиру Достоевского. Открыв дверь, Достоевский видит жандармов, владелицу соседней квартиры, двоих дворников и ещё молодого человека... Писатель, увидев жандармов, подумал, что пришли за ним. Представившись, майор Кузьмин успокаивает Фёдора Михайловича и просит его оказать честь быть понятым при обыске в соседней квартире. Достоевский нехотя соглашается; он сильно взволнован и у него открывается кровотечение...

Версия занимательная. В тридцатые годы она вполне могла считаться достоверной. Лишь через полвека исследователями был обнаружен архивный документ «Протокол № 83», который пролил

свет на события той январской ночи. В донесении начальника Секретного отделения Фурсова, находившегося в подчинении Санкт-Петербургского градоначальника, обращает на себя внимание ссылка, «как это известно лично г. Начальнику С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления». В «Протоколе № 83» записано, что обыск в квартире № 11 дома № 2-5 на углу Кузнечного переуллка и Ямской улицы произведён «вследствие предписания Начальника С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления». Но ни разу ни в одном документе не названа фамилия этого всесильного начальника.

Имя этого человека Александр Владимирович Комаров. В настоящее время он абсолютно забыт. Его имени нет и в информации Интернета о самых известных царских жандармах. Бессонов есть, а Комарова нет. О Бессонове (Безсонове) Владимире Александровиче (1842—?) известно, что он получил образование во 2-м Московском кадетском корпусе, в Отдельном корпусе жандармов. С 1875 года он — адъютант губернского жандармского управления; с 1883-го — старший адъютант штаба Отдельного корпуса жандармов; с 1892-го — начальник губернского жандармского управления; с 20 июня 1904 года по декабрь 1905 года — начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления. Но к ночным событиям 26 января 1881 года Бессонов никакого отношения не имел, хотя к этому времени и состоял на службе в губернском жандармском управлении. А о Комарове таких биографических сведений нет.

В последнее время появился ряд новых исследований о том, что в государственном перевороте 1881 года А.В. Комарову пришлось играть одну из первых ролей. Этот человек с 1878 по 1881 годы занимал должность начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления (в те годы оно располагалось в одном доме с канцелярией градоначальника на улице Гороховой, 2).

Обладая несомненным талантом в области политического сыска, в достаточно короткое время ему удалось создать хорошо законспирированную агентуру из числа лиц, проходивших по «боль-

шому процессу» 1877 года и завербованных Третьим отделением ещё в период следствия. К середине 1879 года — времени создания «Народной воли» — Комаров посредством своей агентуры контролировал практически всё революционное подполье Петербурга и Москвы.

После покушения последнего террориста-одиночки Соловьева 2 апреля 1879 года Комаров принимает решение о создании «карманной» и абсолютно «прозрачной» для своего ведомства террористической организации. Цель его действий очевидно — собрать посредством своих агентов всех активных противников режима в одну структуру и в удобный для себя момент разом покончить с крамолой и заслужить высокую Монаршую награду.

В истории с соседом Достоевского, как показало дальнейшее развитие событий, Комарову удалось через Лорис-Меликова убедить Александра II, что арестом Баранникова (Алафузова) он упредил действия террористов. «Считаю результат этот весьма важным», — начертал на докладе Александр II, тем самым подписал себе приговор. 1 марта 1881 года Комаров руками народовольцев совершит покушение на Александра II.

Уже позднее, исследователи столкнутся с тем, что в «деле Баранникова» не окажется пресловутого «предписания Начальника С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления от 25 января 1881 года за № 180». Более того, выяснится, что решение об обыске на квартире Алафузова выносилось трижды: Секретным отделением градоначальника, начальником С.-Петербургского губернского жандармского управления и следователем по этому делу. Так что, будь что-то не так, и спрашивать не с кого. Комаров умел «заметать» следы.

А какие события происходили 25 и 26 января 1881 года в квартире Ф.М. Достоевского? В дневниковой записи Анны Григорьевны, относящейся к 25 января 1881 года, читаем: «Вечером ходил гулять, а затем...» Исследователям удалось расшифровать стенографические знаки, но в них нет и намёка на события, происшедшие в квартире № 11. В «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской

говорится о том, что в ночь с 25 на 26 января писатель отодвинул тяжёлую этажерку, чтобы достать упавшую за неё вставку с пером.

«...вставкой этой он очень дорожил, — вспоминала Анна Григорьевна, — так как, кроме писания, она служила ему для набивки папирос); чтобы достать вставку, Федор Михайлович отодвинул этажерку. Очевидно, вещь была тяжёлая, и Федору Михайловичу пришлось сделать усилие, от которого внезапно порвалась лёгочная артерия и пошла горлом кровь; но так как крови вышло незначительное количество, то муж не придал этому обстоятельству никакого значения и даже меня не захотел беспокоить ночью. Я страшно встревожилась и, не говоря ничего Федору Михайловичу, послала нашего мальчика Петра к доктору Я.Б. фон Бретцелю, который постоянно лечил мужа, просить его немедленно приехать. К несчастью, тот уже успел уехать к больным и мог приехать только после пяти».

В черновиках Анна Григорьевна утверждала, что Фёдор Михайлович поднял тяжёлый стул. Потом вписывает, что он хотел достать перо, упавшее за этажерку.

Окончательно в «Воспоминаниях» напечатано: «Очевидно, вещь была тяжёлая, и Фёдору Михайловичу пришлось сделать усилие, от которого внезапно порвалась лёгочная артерия и пошла горлом кровь...» В первой «Биографии...» писателя утверждалось, что кровь шла из носа.

Типографский наборщик М.А. Александров, рассказывая о встречах с Ф.М. Достоевским в 1872—1881 годах, так описал последние дни жизни писателя: «26-го января 1881 года я виделся с метранпажем, верставшим возобновившийся «Дневник писателя», и от него узнал, что Федор Михайлович болен; на расспросы мои о степени болезни, а также о ходе дела он рассказал мне, что когда он за день до того был у Федора Михайловича, то тот принял его лежа в постели... «Ну, что скажете, барин?», — спросил Федор Михайлович, прозвавший в шутку своего нового метранпажа «баринном» и не оставлявший этой шутки на одре болезни.

Метранпаж ответил, что пришел переговорить о заключении

1-го выпуска «Дневника писателя», ввиду приближавшегося срока выхода его в свет.

— А я вот заболел... видите...

— Вижу, Федор Михайлович... Что же с вами случилось?

— У меня кровь из горла идет; доктор говорит, что у меня где-то внутри жилка порвалась и из нее-то течет кровь... уж две рюмки, говорят, вытекло.

После я узнал, что заболел Федор Михайлович 26-го января от разрыва артерий в легких, вследствие чего открылось кровотечение горлом, — болезнь, не особенно опасная для организма более крепкого и менее нервного; на другой день он исповедался и причастился и, почувствовав значительное облегчение, между прочим, занимался чтением корректур 1-го выпуска своего «Дневника», долженствовавшего выйти в свет по-прежнему в последнее число оканчивавшегося месяца; но увидеть этот выпуск начисто отпечатанным ему было не суждено: 28-го января положение его ухудшилось, и в тот же день он тихо, постепенно слабая от истечения крови, скончался...»

Выходит, метранпаж посетил Достоевского 25 января, и писатель был уже болен. Анна Григорьевна же утверждает, что заболел Фёдор Михайлович в ночь с 25 на 26 января.

На следующий день, 26 января подполковник А. Никольский в присутствии товарища прокурора Добржинского приступил ко второму допросу задержанного. Никольский уточняет, сколько Алафузову лет. «26», — отвечает Алафузов (Баранников). На вопрос о месте рождения и месте постоянного жительства сообщает, что он «Потомственный Почётный Гражданин города Ставрополя», там, дескать, и ныне обитают его родители, «получающие средства к жизни от собственных нефтяных промыслов», а он, их сын, разъезжает «по торговым делам».

Алафузовы — известная в Ставрополе фамилия. Основоположник ставропольской ветви алафузовского рода Иван Антонович Алафузов, как свидетельствуют документы Государственного архива Ставропольского края, приехал в Россию «без письмен-

ного вида по случаю возмущения греков против турецкого правительства». Из «Ведомости иностранца, принявшего Присягу подданства Российскому престолу» узнаём, что Иван Антонов сын Алафузов — грек по происхождению, уроженец из Архипелагского острова Сантарио прибыл «к Таганрогскому порту к родственникам» в октябре 1827 года. В том же году обосновался на жительство в Ставрополе — городе, который лежал на пути, по которому шли и пешие и конные, и военные и гражданские, и торговые и простой люд.. Их всех манил Кавказ.

За довольно короткий срок имя Алафузова широко стало известно горожанам. Об этом свидетельствует ходатайство начальника Кавказской области Г.А. Еммануеля, направленное Главнокомандующему войсками на Кавказе И.Ф. Паскевичу, о награждении купцов Чернова и Алафузова: «В 1827, 1828 годах по городу Ставрополю приведено много построек служащих к общественной пользе и приведённых сегодня в лучшее против прежнего благоустройство... Таковое улучшение устройства города в разных частях справедливо доверено отнести к заботе и попечению сего города гражданина головы бывшего в 1827 г. купца Чернова, в 1828 году купца 3-й гильдии Алафузова, ибо они по ходу служения своего по выбору общества соединили в себе отличную честность гражданина, всячески способствуя благоустройству города, заслужили признательность начальством. Прошу Ваше сиятельство о награждении трудов их к благоустройству города от все милостивейшего Государя императора «Золотой медалью на Аннинской ленте...»

В приложенном к ходатайству реестре построек, выполненных в 1828 году на средства купца Алафузова, кроме новых казённых и частных, указано много починенных зданий.

В 1835 году Иван Антонович числится ещё купцом 3-й гильдии, а в 1860 году становится купцом 1-й гильдии и Почётным гражданином города Ставрополя. У него пятеро сыновей Иван (родился 31 ноября 1840 г.), Николай (31 ноября 1841 г.), Георгий (3 июня 1854 г.), Леонид (10 сентября 1869 г.), Антон (15 июня 1870 г.),

которые с большим успехом продолжают начатую отцом предпринимательскую деятельность. Они построили в Ставрополе несколько доходных домов с магазинами на первом этаже, мукомольную мельницу, три винокуренных завода, пивоварню, открыли на базаре торговые лавки, вели обширную торговлю в крупных городах России. В Санкт-Петербурге Алафузовы приобрели суконную фабрику. К 80-м годам XIX века род купцов Алафузовых входил в сто наиболее известных купцов и промышленников Ставрополя. Сведений о «собственных нефтяных промыслах» Алафузовых в архиве не обнаружено. Природный газ в Ставрополе открывает владелец пивоваренного завода Антон Груби 15(28) февраля 1910 года, промышленную нефть в восточных полупустынных районах Ставрополя обнаружат ещё позднее — 23 июля 1953 года.

Среди сыновей Ивана Антоновича Алафузова самый, пожалуй, известный Николай, местный Третьяков. Получив от отца значительный капитал, он увлёкся живописью: много путешествовал по России, европейским странам, где приобретал картины известных мастеров и предметы прикладного искусства. По преданию, коллекция была настолько огромна, что старший брат Иван предложил Николаю разместить её на втором этаже особняка, построенном им в 1880 году на улице Воронцовской (ныне пр. Октябрьской революции, 21. — *прим. авт.*). Точных сведений о составе алафузовской коллекции не сохранилось. О ней можно судить лишь по отдельным воспоминаниям современников Алафузовых. Так, известный исследователь прошлого Г. Н. Прозрителев вспоминал: «В доме Алафузовых была устроена прекрасная художественная галерея, где демонстрировались полотна известных мастеров России и Европы...»

Художественную галерею Алафузовых мог видеть лишь узкий круг лиц. Только в особо торжественных случаях её посещали учащиеся гимназий и училищ Ставрополя. Лишь однажды, в 1899 году, в здании, где в прошлом находился дом командующего войсками Кавказской линии, по ходатайству Общества содействия воспитанию и защиты детей была открыта выставка, на которой

алафузовское художественное собрание увидели практически все жители губернского города. На выставке были представлены изделия из серебра, фарфора, холодное оружие, полотна живописи И. Айвазовского, О.А. Гофмана, Ю.Я. Лемана, А.И. Мещерского, Л.Ф. Лагорио, Ш. Перона, К. Ровелли, А.Н. Шильдера, Н.Г. Чернецова (его картина «Дарьяльское ущелье» висела в кабинете А.С. Пушкина в доме на набережной Мойки, 12 в Санкт-Петербурге. — *прим.авт.*). Посетители увидели неизвестно как попавшие к Николаю Алафузову письма Пушкина, Жуковского, Вяземского, Ивана Панаева.

В двадцатых годах XX столетия дом Ивана Алафузова был разграблен, погибла большая часть уникального собрания. Уцелевшая часть коллекции картин (а это 21 полотно. — *прим. авт.*), собранная Николаем Алафузовым, составляет сегодня гордость и славу Ставропольского краевого музея изобразительного искусства.

Но нас интересует Георгий — третий сын Ивана Антоновича Алафузова. На день принятия решения Ставропольской городской управой 24 марта 1876 года о выдаче «Свидетельства на жительство как Потомственному Почётному Гражданину города Ставрополя» Георгию Ивановичу Алафузову шёл 22-й год. А на день ареста Алафузова (Баранникова), при котором было обнаружено Свидетельство на жительство, настоящему Алафузову шёл 26-й год. Это был успешный предприниматель своего времени и он, действительно, разъезжал «по торговым делам».

В «Журнале входящим и исходящим бумагам помощника Начальника Ставропольского жандармского управления в городе Владикавказе» за 1881 год не зарегистрировано писем или запросов из Санкт-Петербургского губернского жандармского управления по поводу установления личности Алафузова Георгия Ивановича. Возможно, его и не было. Но, учитывая, как работал политический сыск России того времени, не исключено, что такой запрос мог быть. В фонде «Помощника начальника Терского областного жандармского управления в городе Ставрополе Став-

ропольской губернии» сохранились запросы за 1881 год из Орловского губернского жандармского управления от 10 января, из Херсонского жандармского управления от 12 января, предписание начальника управления от 28 января «О порядке производства дознаний по Государственным преступникам и печатные инструкции для низших чинов, сопровождающих арестованных лиц».

В фонде купцов Алафузовых хранится деловая переписка, в частности, об отводе Ивану Антоновичу Алафузову, отцу Георгия, «места под постройку винокуренного завода», «на отдачу в вечное потомственное владение городского пустопорожного места, находящегося вблизи общественного винного подвала у речки Мутнянки»... В революционных делах семейство Алафузовых не замечено. Можно предположить, что Иван Антонович Алафузов и не знал о том, что в Санкт-Петербурге кто-то воспользовался документом его сына, и какие страсти кипели в последние дни января в столице Российской Империи вокруг его фамилии.

Вернёмся к событиям 26 января. Алафузов (Баранников) ничего не знает о показаниях заключённого Ивана Окладского и поэтому на допросе продолжает утверждать, что он никого не знает в Петербурге, что приехал в столицу «вслед за своей невестой, с которой хотел провести в этом городе зиму». На вопрос: «Семейное положение?» Алафузов (Баранников) отвечает: «Холост». Хотя, как выяснится позднее, задержанный Алафузов (Баранников) под фамилией Кошурникова обвенчался в 1879 году с Марией Николаевной Ошаниной (Оловенниковой). Как установит подполковник А. Никольский, она тоже входила в Исполнительный комитет «Народной воли». А. Никольский принимает условия игры, затеянной Алафузовым (Баранниковым). При обыске у него обнаружена серебряная чайная ложечка с вензелем «М.О.» и надетым на неё золотым обручальным кольцом, что свидетельствовало о непродолжительном союзе с таинственной дамой, скорее всего, с Марией Ошаниной (Оловенниковой). «Бывали ли за границей?», — спрашивает А. Никольский. Алафузов (Баранников) отвечает: «Нет, не был». Позднее на следствии выяснится,

что молодой человек, назвавшийся Алафузовым, в 1877 году оказался в Черногории, народ которой вёл неравную борьбу с турками за своё освобождение, и сражался на стороне восставших как русский доброволец. В протоколах записано, что он отправился в Черногорию с целью «ознакомиться поближе с условиями борьбы мелких партизанских отрядов с регулярными войсками и приобретенные там познания употребить с пользой в минуту народного восстания на родине». Достоевский тоже пристально следил и горячо поддерживал в «Дневнике писателя» освободительное движение в Черногории.

А в это время в Секретное отделение доставляют неизвестного мужчину, задержанного околоточным надзирателем Яковлевым и допрошенным полицейским приставом Надеждиным. Алафузов (Баранников) ещё не знает об этом.

На допросе в Секретном отделении выяснится, что неизвестный мужчина явился в квартиру, снимаемую Алафузовым (Баранниковым), 26 января около четырёх часов пополудни и что его настоящее имя Николай Колодкевич, член Исполнительного комитета «Народной воли». При Колодкевиче, как записано в протоколе его обыска, обнаружено двадцать пять наименований различных предметов. Среди них: Устав «Народной воли», Программа Исполнительного комитета, служебные бланки «с печатью и подписью должностных лиц», рукопись «Общие начала организации местной и центральной группы», записная книжка с адресами и различными заметками, которые заключали «сведения об изготовлении разных веществ для стопина, гремучего студня, гремучей ртути, а также таблица удельного веса динамитов разного состава».

Странно, для чего, зачем Колодкевич взял с собой столь опасный набор вещественных доказательств существования «Народной воли». Неужели только для того, что сосед Достоевский — всероссийская известность, и что он мог послужить хорошим прикрытием. Но, как говорилось выше, обыск на квартире Алафузова (Баранникова) ничего не дал: она оказалась «чистой».

Что происходило 26 января в квартире № 10? Знал ли Достоевский о засаде, устроенной полицией в 11-й квартире? В «Воспоминаниях» Анны Григорьевны говорится, что «часа в три» её мужа посетил господин, взволновавший спором о «Дневнике писателя», а ушёл «около пяти часов», после чего случился первый серьёзный приступ болезни. Ранее говорилось, что кровь пошла горлом после полуночи». Утром писателя, лежавшим в постели, застал метранпаж. В «Биографии...» состояние здоровья Достоевского описано более точно: «В 4 часа пополудни сделалось первое кровотечение горлом». Итак, первые признаки болезни у Достоевского проявились в часы обыска 11-й квартиры, второй приступ случился после ухода какого-то господина и ареста Николая Колодкевича.

На следующий день 27 января министр внутренних дел России граф М.Т. Лорис-Меликов пишет Александру II: «В дополнение к всеподданнейшей записке моей, долгом считаю долгом доложить Вашему Императорскому Величеству, что вчерашнего числа в квартире Агатескулова (в действительности Фриденсона) на Казанской улице, дом № 38 задержан снова под фамилией Сабанеева давно разыскиваемый студент Киевского университета Николай Колодкевич, в чём он уже и сознался. Колодкевич известен по производящимся делам, как деятельный член «Исполнительного комитета». На рапорте министра Александр II напишет: «Браво!».

Правда, донесение Михаила Тариеловича до сих пор вызывает недоумение: министр солгал своему Государю! Упомянутый Колодкевич в действительности арестован не на квартире Фриденсона, а на квартире Алафузова (Баранникова). Неужели и министр, зная о доброжелательном расположении к Достоевскому цесаревича и его супруги, уводит подозрения от писателя? В. Шкловский предположил, что адрес квартиры Баранникова остался «секретом III Отделения» (видимо, Департамента государственной полиции, ибо III Отделения к тому времени уже не существовало: Александр II подписал Указ о его ликвидации 6 августа 1880 года. — *прим. авт.*).

Жандармы «боялись неожиданности компрометантного свойства», поэтому указанный адрес и был удалён «из оглашаемых документов».

Возможно, если учесть, что через два дня после кончины Достоевского 30 января на дневную панихиду в Кузнечный переулочок приехал начальник Главного управления по делам печати гофмейстер Н.С. Абаза и вручил вдове писателя документ следующего содержания:

«Милостивая государыня Анна Григорьевна!

Государь Император в 30-й день сего января Всемилостивейше повелеть соизволил: во внимание услуг, оказанных покойным супругом Вашим русской литературе, в которой он занимал одно из самых почётных мест, производить Вам, Милостивая Государыня, нераздельно с детьми, пенсию в размере двух тысяч рублей в год.

Прошу Вас принять уверения в совершенном почтении и искренней преданности

А. Абаза.

30 января 1881 г.»

Письмо подписал министр финансов А. Абаза, родственник Н.С. Абазы.

Решение, конечно, беспрецедентное. Пенсии вдовам писателей назначались лишь за Пушкина и за Карамзина, но они оба состояли на государственной службе. Достоевский стал первым писателем, чьи литературные заслуги признавались на самом высоком уровне, так сказать, без учёта государственных деяний.

От арестов, произведённых полицией 25 и 26 января, потянулась целая цепочка провалов, которая сильно обескровила «Народную волю» накануне убийства Александра II 1 марта.

На допросах Алафузов (Баранников) немногословен. И на вопросах о лицах, посещавших его на квартире № 11 в доме № 5-2 по Кузнечному переулочку и Ямской улицы, продолжает утверждать, что он никого в Санкт-Петербурге не знает.

Полиция по-прежнему не снимает наблюдения за квартирой № 11 в доме, где лежит смертельно больной Достоевский.

День 27 января в квартире № 10 прошёл относительно спокойно. Дочь писателя вспоминала, что отец «проснулся бодрый и здоровый». Кровотечения не было. Достоевский повеселел, поговорил с детьми.

Владелец и редактор газеты «Новое время», книгопродавец Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912) напишет схожую картину: «Весь день был весел и спокоен, шутил, говорил о будущих своих работах, говорил о своих детях, успокаивал окружающих. «Чего вы меня отпеваете? Я ещё вас переживу».

Достоевскому оставалось жить сутки. Анна Григорьевна подробно расписала последние сутки мужа: что ел, пил, кто приходил и зачем. Бытовые подробности, возможно, и незначительные, но они столь дороги были ей, что спустя годы, она не могла не вспомнить о том, как поила больного мужа и писателя молоком, подавала ему хлеб с икрой, как сама ходила в магазин за виноградом (и это в январе). Вечером поднялась в квартиру этажом выше и попросила его жильца не ходить. Его вечная ходьба беспокоила Достоевского. А про квартиру № 11 ни слова, как будто и не знала, что в ней происходило.

В среду 28 января Анна Григорьевна проснулась около семи утра и увидела, что муж смотрит в её сторону.

«— Знаешь, Аня, — Фёдор Михайлович говорил тихо, почти полушёпотом, — я уже три часа как не сплю и всё думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру».

Попросил Евангелие. Открыл наугад и прочитал то, что было написано на первой странице слева: «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду».

— Ты слышишь — «не удерживай» — значит, я умру, — сказал муж и закрыл книгу».

Этого утреннего разговора Анна Григорьевна не могла забыть до конца своей жизни.

28 января в «Новом времени» А.С. Суворин опубликовал со-

общение о болезни Достоевского. И пошёл народ. Колокольчик у двери в квартиру № 10 постоянно звонил. Анна Григорьевна распорядилась: «Никого не пускать». Достоевскому же было приятно это внимание и сочувствие. «Любопытствовал, кто приходил, продиктовал бюллетень», - запишет Анна Григорьевна.

И всё же кое-кто из посетителей попал в квартиру: поэт Аполлон Николаевич Майков и его жена, племянник писателя Михаил Михайлович Григорович, издательница «Семейных вечеров» С.С. Кашпирева, знакомый Достоевского и поклонник его творчества Покровский, племянница Е.А. Рыкачёва...

В последние часы несколько раз просил Анну Григорьевну: «Зови детей».

«Я звала, — вспоминала Анна Григорьевна, — муж протягивал им губы, они целовали его и, по приказанию доктора, тотчас уходили, и Фёдор Михайлович провожал их печальным взором».

Феде было девять лет, Любе — одиннадцать. За два часа до кончины Достоевский распорядился передать Евангелие, подаренное ему в Сибири жёнами декабристов, своему младшему сыну Феде.

«Около семи часов у нас собралось много народу в гостиной и в столовой, — писала Анна Григорьевна, — и ждали Кошлакова, который около этого часа посещал нас. Вдруг без всякой видимой причины Фёдор Михайлович вздрогнул, слегка поднялся на диване, и полоска крови вновь окрасила его лицо. Мы стали давать Федору Михайловичу кусочки льда, но кровотечение не прекращалось. Около этого времени опять приехал Майков с своею женою, и добрая Анна Ивановна решила съездить за доктором Н.П. Черепниным. Фёдор Михайлович был без сознания, дети и я стояли на коленях у его изголовья и плакали, изо всех сил удерживаясь от громких рыданий, так как доктор предупредил, что последнее чувство, оставляющее человека, это слух, и всякое нарушение тишины может замедлить агонию и продлить страдания умирающего. Я держала руку мужа в своей руке и чувствовала, что пульс его бьётся всё слабее и слабее. В восемь часов тридцать восемь минут вечера Фёдор Михайлович отошёл в вечность. Приехавший доктор

Н.П. Черепнин мог только уловить последние биения его сердца».

В тот же день, 28 января на квартире Николая Колодкевича арестовали драгоценного агента народовольцев Николая Клеточникова: он служил в Департаменте полиции, и с конца 1878 года в течение двух лет передавал секретные сведения руководителю «Народной воли» А. Михайлову.

Михайлов самым тщательным образом оберегал свой источник информации, и лишь немногие революционеры имели доступ к Клеточникову. Он был причастен к высшим тайнам полиции, и этим обстоятельством народовольцы успешно пользовались. Практически жандармам удавались только случайные аресты, а долговременные акции заканчивались неизменным провалом. Среди поставляемой информации Клеточников передал народовольцам сведения о шифре многоалфавитной замены, использовавшемся III отделением и корпусом жандармов, и о ключе к нему. В августе 1880 года Клеточников на несколько дней был допущен начальством для шифровки секретных телеграмм. Этот факт впоследствии был специально отмечен в материалах «процесса 20 народовольцев», по которому проходили Михайлов с Клеточниковым.

На следующий день 29 января там же, на квартире Колодкевича, в засаду попал Лев Златопольский — разработчик шифровой системы народовольцев.

Знал ли о смерти своего великого соседа Баранников, по-прежнему утверждавший, что он Алафузов? В ожидании суда Баранников провёл в Петропавловской крепости более года — и ни в одном из писем он ни разу не обмолвился о Достоевском.

9 февраля 1881 года полиция вновь побывала в доме № 2-5 на углу Кузнечного переуллка и Ямской улицы. И потребовала для осмотра домовую книгу дома.

В протоколе сказано: «... Причём, оказалось в отделе под буквою А на обороте 8-го листа имеется 2-ая статья следующего содержания: Алафузов Георгий Иванович, сын Ставропольского Потомственного Почётного Гражданина 28 лет (не 26, как следует из

протоколов допроса. — *прим.авт.*), православный, прибыл 10 ноября 1880 года из 1-го участка Спасской части из дома № 66/21 по Невскому проспекту кв. № 39 в квартиру № 11 названного выше дома... 26 января 1881 года значится выбывшим под арест».

На следующий день, 10 февраля заключённому в Петропавловскую крепость Ставропольскому Потомственному Почётному Гражданину Г.И. Алафузову Санкт-Петербургское Губернское Жандармское Управление устроит свидание с Елизаветой Ивановной Баранниковой, доставленной из города Путивля Курской губернии. После минутного колебания он признает в ней свою родную мать. Круг замкнулся: Алафузов стал Баранниковым.

Полиция торжествовала: в её сети попался член Исполкома «Народной воли», участник покушения на генерала Мезенцова, делегат воронежского и липецкого съездов «Земли и воли», подрывник царского поезда, организатор подкупа на Малой Садовой, по которой часто проезжал Государь Император...

После свидания с матерью Баранников, называвший себя Алафузовым, два дня отказывался от допросов. Он не желал видеть ни подполковника, ни прокурора. Он не выходил на прогулку и почти не притрагивался к пище.

На третий день он потребовал бумаги и чернил.

— Кажется, мы одумались? — заботливо осведомился Никольский. И прибавил, не дожидаясь ответа: — Дальнейшее заpiresательство нелепо.

Баранников, называвший себя Алафузовым, смотрел мимо него.

— Прекрасно, — сказал подполковник. — Надеюсь на вашу полную откровенность.

Заключенному принесли стопку бумаги, перо, чернила...

27 февраля 1881 года в полицейскую засаду попал руководитель «Народной воли» А. Желябов. При аресте полиция обнаружила среди находившихся при нём бумаг два листка, исписанных цифровым шифром. Естественно, давать какие-либо пояснения по поводу обнаруженных у него документов Желябов не пожелал.

Казалось, «Народная воля» была разгромлена. Но 1 марта 1881 года в центре Санкт-Петербурга народовольцы Рысаков и Гриневицкий смертельно ранили императора Александра II. Первую бомбу метнул студент Николай Рысаков. Взрыв, произведённый ею, разворотил царскую карету, убил лошадей, не причинив императору ощутимого вреда.

Но попытка переговорить лично с террористом прямо на месте взрыва стоила царю жизни. Другой народоволец Игнатий Гриневицкий кинул царю под ноги ещё одну бомбу. Взрыв оказался смертелен для Александра II, его убийцы, нескольких охранников и случайных прохожих.

Вслед за убийством Александра II начался разгром революционеров — для правоохранительных органов стало делом чести отомстить за гибель императора. 10 марта в руках жандармов оказывается Софья Перовская — непосредственный организатор недавнего покушения. При ней обнаружили «листки бумаги с цифрами (по-видимому, шифром)». Но, как и ранее Желябов, никаких объяснений Перовская не даёт. Тем не менее, менее чем через двое суток записки Желябова и Перовской были расшифрованы жандармами.

Убийство Александра II стало пиком деятельности народовольцев, после чего организация фактически прекратила существование. 3 апреля 1881 года были казнены 5 народовольцев, среди которых С. Перовская и А. Желябов, многие другие отправлены на каторгу.

Баранников проходил по другому делу. Его судили годом позже — по делу «20-ти террористов» и приговорили к вечной каторге. Александр III сократил этот срок до двадцати лет. «Приговор, — как писал сам Баранников, — раздавил его». 6 августа 1883 года он скончался в Петропавловской крепости — от скоротечной чахотки. Такова судьба человека, который оказался по воле судьбы соседом великого русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского.

Прошло более 130 лет со дня ареста Александра Бараннико-

ва, но до сих так и не удалось выяснить, откуда ему были известны подробности биографии семейства Алафузовых. Как к нему попало Свидетельство на жительство, выданное как «Потомственному Почётному Гражданину на имя Георгия Иванова Алафузова из Ставропольской Городской Управы от 24 марта 1876 года за № 1146», тоже осталось загадкой.

В 1935 году в Москве вышла книга «Народоволец А.И. Баранников в его письмах», но в них тоже нет ответа на эти вопросы.

Июль 2011 г.

СЕМЬЯ ОРФАНОВЫХ

Вся семья Орфановых прекрасна.

А.П. Чехов.

В «Русском биографическом словаре» 1905 года издания русскому писателю Михаилу Ивановичу Орфанову отводится всего лишь двадцать две строки текста и восемь строк примечаний.

Литературная известность пришла к М.И. Орфанову ещё при жизни. Российские читатели узнали и полюбили Михаила Орфанова после публикации цикла его рассказов о сибирской жизни: «Из недавнего прошлого. Очерки Забайкалья», «Из сибирской службы», «Из писем каторжного», «Отрывки из дневника бывшего человека», «Сибирские колонизаторы», «Нечто о тюрьмах в России», «Среди «семейских» и «бурят», «В тайге», «Вояж сибирского купца», «Пасха в остроге», «Сменился», «Не наши» и другие.

Их печатали такие популярные издания, как «Отечественные записки», «Русская мысль», «Русский курьер», «Русские ведомости», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Забайкальские областные ведомости».

В 1883 году в Москве отдельным изданием выходила книга рассказов Михаила Орфанова «В дали: (Из прошлого): Рассказы

зы из вольной и невольной жизни». Книга состоит из двух частей: «Жизнь и служба в Восточной Сибири» и «Тюрьма и каторга».

В ней опубликованы рассказы писателя о тюрьмах Нерчинской каторги, каторжанах и вольных рабочих, их тяжёлом труде. Именно об этой книге Орфанова известный исследователь новейшей русской литературы второй половины XIX века, историк литературы Е.С. Некрасова (1847—1905) писала, что «она читается с начала до конца с неослабным интересом, в особенности, вторая часть, где почти всё ново и где автор даёт возможность читателю заглянуть в скрытую и далёкую от него жизнь каторжников». И далее: «Автор изображённую на обёртке виньеткой как бы приглашает читателя заглянуть в окно, на котором поставлена для «несчастных» кринка с молоком хлебом... Вдали имеется столбовая дорога: она ведёт в иной, мало знакомый, мир...»

Книга не сразу увидела свет. Российские власти препятствовали её изданию. В частности, Московский цензурный комитет приостановил выход книги «В дали». Весь отпечатанный тираж книги был арестован и опечатан непосредственно в типографии. Правда, через три недели публикация всё же была разрешена специальным распоряжением Министерства внутренних дел.

Впоследствии книга была включена в «Список изданий, запрещённых для публичных библиотек и общественных читален». Возможно, поэтому немногие российские библиотеки сохранили да наших дней главную книгу писателя.

В фонде Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова этой книги, к сожалению, нет.

Литературные критики XIX века называли Михаила Орфанова «талантливым бытописателем страны изгнания и ссылки». Тем не менее, интерес отечественного литературоведения к жизни и творчеству Михаила Орфанова очень ограничен.

Сведения о нём и его творчестве читатели черпают в основном из скурых словарных статей. Сегодня имя русского писателя Михаила Орфанова, его рассказы и очерки из сибирской жизни практически не известны читателям.

Биографические сведения о писателе тоже чрезвычайно скудны. Родился Михаил Иванович Орфанов 11 (23) января 1848 года в станице Темнолесской, близ Ставрополя. Авторы некоторых публикаций утверждают, что писатель якобы родился в Пятигорске, но этот факт вызывает сомнение, так как отец писателя Иван Иванович Орфанов с 13 марта по 5 декабря 1847 года служил в Темнолесском военном госпитале. Младшим врачом на Кавказские Минеральные Воды он назначен 6 декабря 1847 года. Приступил к исполнению должностных обязанностей 18 апреля 1848 года. Родом Михаил Орфанов из дворянского сословия.

I

В том же «Русском биографическом словаре» 1905 года издания штаб-лекарю Ивану Ивановичу Орфанову, отцу русского писателю М.И. Орфанову, отводится всего двадцать строк текста и две строки примечаний.

Отец писателя И.И. Орфанов (1810—1876) происходил из старинного рода. Предки его из Владимирской губернии. И сегодня во Владимире, Нижнем Новгороде фамилия Орфанов довольно распространённая. В Нижнем Новгороде ежегодно проходят Орфановские чтения. Посвящены они, правда, памяти Ивана Ивановича Орфанова, профессора, заведующего кафедрой экономической и социальной географии Нижегородского государственного педагогического университета — продолжателя рода Орфановых.

Первоначальное образование И.И. Орфанов получил в местном духовном училище. Его отец, дед писателя, Иван Орфанов был священником. Первого декабря 1831 года 21-летний Иван Иванович поступил в Московскую медико-хирургическую академию, у которой была славная история. Студентами академии были выпускники Рязанской, Владимирской, Ярославской и других семинарий, владевшие латинским языком. Знание латинского было обязательным при поступлении в академию. С 1809 по 1832 годы академия выпустила 972 врача. Среди известных выпускников ака-

демии хирург и анатом Илья Буяльский, профессор-акушер Г.И. Кораблёв, врач М.А. Достоевский (отец писателя Ф.М. Достоевского), декабрист Фердинанд Вольф, профессор-терапевт И.Е. Дьяковский, биолог К.Ф. Рулье, профессор Л.П. Алферьев... Курс академии был рассчитан на четыре года, пятый отводился практическим работам в госпитале. Выпускники, в том числе и И.И. Орфанов, который завершил полностью образование после сдачи экзамена 4 августа 1836 года, получали звание лекаря 2-го отделения. Чтобы получить звание младшего врача «с полным правом свободной практики», необходим был годовой стаж работы в военном госпитале.

С маршевыми батальонами Орфанова направили служить по военному ведомству на Кавказ, где в то время шла война с горцами: 21 сентября 1836 года И.И. Орфанова отправили в Кавказский отдельный корпус. С 9 января 1837 года И.И. Орфанов служил ординатором в Ольгинском военном временном госпитале, расположенном западнее Екатеринодара. Он был создан «для оказания медицинской помощи и лечения раненых и больных на театре военных действий».

Освоение Россией земель Северного Кавказа сопровождалось затянувшейся Кавказской войной. Несмотря на мирный Андрианопольский договор с Турцией 1829 года, России по-прежнему не удавалось установить полный контроль над западной частью Кавказа. Командование русскими войсками стремилось в первую очередь изолировать горцев от всевозможной им помощи со стороны Турции и её союзников. С этой целью согласно указу императора России от 18 февраля 1831 года и создавались военные укрепления Черноморской береговой линии. Исполнением плана расположения военных крепостей, утверждённого императором, занимался непосредственно командующий войсками на Кавказской линии, в Черномории и в Астрахани генерал-лейтенант Алексей Александрович Вельяминов (1785—1838), штаб и квартира которого находились в Ставрополе. В плане была и организация временных, но не полевых, с прочными помещениями, военных госпиталей при

Абинском, Апшеронском, Ольгинском укрепрайонах. Последнему и был подчинён Иван Иванович Орфанов.

Но прослужил он здесь недолго: с 9 февраля 1837 года Орфанов находился в Ставрополе и служил в военном госпитале. Примерно через год 7 апреля 1838 года Орфанов прибыл в Анапу. В Анапском военном госпитале Орфанов прослужил более семи лет. За «беспорочную службу» в 1843 году Орфанов был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени, а в 1844 году — орденом Св. Анны 3-й степени. Высоких наград Орфанов был удостоен за работу в Анапском военном госпитале, после службы в котором начался его стремительный взлёт по служебной лестнице. С 4 июля 1845 года Орфанов — старший ординатор Пятигорского военного госпиталя. В апреле 1846 года Орфанов сдал экзамен в Харьковском университете на штаб-лекаря. 23 февраля 1847 года ему присваивается чин коллежского асессора по табели о рангах.

Несколько месяцев с 13 марта по 6 декабря 1847 года Орфанов прослужил в Темнолесском военном госпитале при Темнолесской крепости, которая располагалась на горе Стрижамент — наивысшей точке Ставропольской возвышенности. Крепость состояла из двадцати четырёх казённых разного рода строений. В 1845 году, то есть за три года до рождения старшего сына Михаила Орфанова, в крепости под командованием трёх обер-офицеров несли постоянную службу 25 унтер-офицеров, 2 барабанщика и 250 рядовых. Это была так называемая инвалидная команда. Она была учреждена 3 марта 1845 года именным указом Николая I и объявлена приказом Военного министра.

В инвалидную команду Темнолесской крепости собрали раненых, увечных из ближайших войск отдельного Кавказского корпуса. Подчинялась инвалидная команда непосредственно командиру Кавказского линейного батальона № 1.

Внизу, у подножья горы Стрижамент, по руслу Егорлыка располагалась станица Темнолесская. Из архивных источников известно, что основана она в 1794 году одновременно с другими станицами — Воровсколесской, Прочноокопской, Темижбекской,

Григорополисской, Кавказской. Темнолесские казаки несли службу как на Кубани, так и на постах, расположенных вблизи станицы, — Темнолесском, Бабском, Извещательном, в редуте Недреманном. Созданная для охраны присоединённых земель станица не утратила свои оборонительные функции и во время службы на Кавказе лекаря Орфанова. В 1844 году в станице находился резерв из сорока вооружённых казаков, который всегда был готов отразить внезапное нападение горцев.

Жизнь лекаря Орфанова проходила в крепости, охраняемой солдатами, в обстановке их рассказов о таинственных разбойниках, ссыльных каторжниках, бунтарях, походах и приключениях военных, набегах горцев на станицу.

Однажды Орфанов услышал рассказ о том, как восемь черкесов пробрались берегом речки Янкуль в Янкульскую долину, где ходили табуны жителей станицы Темнолесской. Черкесы выскочили из оврага и, отхватив косяк в шестьдесят лошадей, погнали его в сторону Кавказских гор. Но урядник Косякин, стоявший с казаками в укрытии табуна, не растерялся, тотчас же послал одного казака в станицу за помощью, а сам и ещё пятеро казаков с ним бросился в погоню. И прежде чем из станицы и с ближнего поста, услышавшего выстрелы, прискакали резервисты, дело было кончено. Косякин возвратился домой с отбитым горцами табуном.

Жизнь И.И. Орфанова в крепости проходила однообразно: построения, разводы, утренний чай, осмотр больных, завтрак, лечебные назначения. Но походы в лес, где росли огромные деревья, достигавшие толщины в несколько обхватов, бьющие из скал родники, ручьи, сбегаяющие с восточных и северо-восточных склонов Стрижаменты в долину, — всё это скрашивало будни. Местность вокруг Темнолесской крепости, как отмечал уроженец станицы Темнолесской, впоследствии отставной генерал-майор русской армии, историк Кубанского казачьего войска Василий Григорьевич Толстов: «...имела вид горной страны», где «...в старину местами росли огромные дремучие леса, а по балкам и впадинам — гигантские камыши и бурьяны...»

От тёмного леса, произраставшего на вершине Стрижаменты, произошло и название крепости, а затем и станицы — Темнолесская.

С 18 апреля 1848 года Иван Иванович снова в Пятигорском военном госпитале. В штатном расписании госпиталя числились начальник, главный врач, помощник, старшие ординаторы, младшие врачи, фельдшеры. Орфанов служил старшим ординатором. Пятигорский военный госпиталь подчинялся Кавказскому окружному военно-медицинскому управлению и Управлению окружного инспектора госпиталей, оба управления находились в подчинении Кавказского военного ведомства. Такова была схема военно-медицинского управления на Северном Кавказе.

Ещё в Ставрополе Орфанов познакомился с девушкой Софией, дочерью провизора Ставропольского военного госпиталя титулярного советника Михаила Александровича Гагеля, будущей матерью писателя. О ней практически ничего не известно. В год знакомства с Иваном Орфановым ей было двенадцать лет. София Михайловна Гагель (Орфанова) родилась в 1825 году. Она была младше Ивана Ивановича Орфанова на пятнадцать лет. Но разница в возрасте не помешала им создать в 1847 году брачный союз. Всю свою жизнь София Михайловна посвятила семье, мужу, детям. В 1848 году у четы Орфановых родился сын Михаил. Кроме него, в семье было ещё двое детей: младшие сёстры Анна (1858—1936) и Софья (годы её жизни не установлены. — прим. авт.).

Согласно архивному делу, хранящемуся в Государственном архиве Ставропольского края, у Ивана Ивановича и Софии Михайловны Орфановых якобы были ещё дочери Елизавета, Евгения, Мария, которые родились на Кавказе. Но почему-то в том же в деле нет ни слова об Анне и Михаиле. Да и в воспоминаниях писателя Михаила Орфанова тоже нет упоминания о сёстрах, якобы родившихся после него.

Их мать София Михайловна вела домашнее хозяйство, занималась воспитанием детей, учила их грамоте, готовила к поступлению в гимназию.

Приезд И.И. Орфанова на Кавказские Минеральные Воды совпал с периодом их больших преобразований. В 1844 году вместо Строительной комиссии была создана Дирекция Кавказских Минеральных Вод. Она подчинялась непосредственно наместнику Кавказа и главнокомандующему Кавказских войск графу, генерал-фельдмаршалу М.С. Воронцову. И.И. Орфанов стал свидетелем и участником многих исторических событий, происходивших в те годы на Кавказских Минеральных Водах. В 1846 году на Воды приехал М.С. Воронцов, который, лично ознакомившись с положением дел, распорядился передать Бугунтинские воды в ведение Дирекции Кавказских Минеральных Вод. И с того времени они стали называться Ессентукскими. Орфанов видел, как у подножия Машука было начато строительство Михайловской галереи. В 1847 году впервые в мире в пятигорском военном госпитале великий русский хирург Н.И. Пирогов, в присутствии Орфанова и его коллег, провёл операцию с применением эфирного наркоза. В том же 1847 году в Пятигорске при большом стечении народа заложен фундамент Спасского собора, а в Санкт-Петербурге российский император Николай I утвердил «Положение об управлении Кавказскими Минеральными Водами» и назначил Дирекцию во главе с полковником Д.А. Всеволожским.

Управляющий Водами назначался из генералов и находился в прямом подчинении Кавказского наместника. В Дирекции было три части: медицинская, строительная, хозяйственная. Врачебной частью заведовал Главный врач Кавказских Минеральных Вод. В помощниках у него значились четыре врача: пятигорский, ессентукский, кисловодский и железноводский.

Столь стремительные преобразования на Кавказских Минеральных Водах побудили И.И. Орфанова сдать в 1848 году специальный экзамен в Императорском Харьковском университете на звание штаб-лекаря. Это военно-врачебное звание войсковых врачей, существовавшее в русской армии XVIII—XIX веков, открывало перед И.И. Орфановым дорогу по служебной лестнице. Штаб-лекаря входили в состав дивизий, полков и госпиталей,

носили специальную военную форму. Звание считалось высоким, давалось оно только лицам с полным высшим медицинским образованием. Причём, присваивалось оно медикам только после «продолжительной и беспорочной службы». Количество штаб-лекарей в армии было очень ограничено. Согласно императорскому указу 1728 года штаб-лекарь получал ранг капитан-поручика, лекарь — подпоручика. По табелю о рангах, существовавшему в России того времени, штаб-лекарь относился к девятому классу, ему присваивался титул титулярного советника.

В должности штаб-лекаря И.И. Орфанов пробыл недолго: в 1848 году Ивана Ивановича назначили учёным секретарём медицинской комиссии при Дирекции Кавказских Минеральных Водах.

В 1850 году согласно архивным документам И.И. Орфанов значится первым врачом при Ессентукских водах. Известно, что 30 ноября 1850 года штаб-лекарь И.И. Орфанов направил рапорт в Дирекцию Кавказских Минеральных Вод о необходимости осушения местности вокруг источников. В ней, в частности, он сообщал, что «Ессентукские воды... окружены с восточной, южной и западной стороны непросыхаемым болотом, местом, где обыкновенно гнездятся гнилостные и удушливые испарения, заражающие окрестный воздух до степени и силы лихорадочной миазмы». Он писал также и о том, что «Ессентукские щелочные ванны обстановкою коренных жизненных условий отличаются от всех прочих вод, и быт посетителей их, с этой стороны взятый, представляется более, чем жалкий... Фаворит больной ессентукской публики — источник № 17 — даёт много-много что: 100 вёдер в сутки; это количество было бы достаточно для 5—6 человек купающихся, но ничего не значит, когда их 20—40 человек. Домохозяйева, не желая лишиться выгод, доставляемых им безостановочной поставкою воды № 17 для ванн своих доверчивых постояльцев, заменяют её водою, набираемую в первой попавшейся луже, и при помощи брошенной в неё горсти соли, выдаваемой за воду № 17». В связи с этим, отмечал Орфанов, «от коих в августе и сентябре начинается повальная эпидемия лихорадки» (малярии).

Рапорт Орфанова не остался без внимания: князь М.С. Воронцов распорядился «обвести ограду места, принадлежащего минеральным водам, с внутренней её части, живой изгородью из акации и засадить деревьями полугору против галереи». По распоряжению Дирекции Кавказских Минеральных Вод в 1851 году были прорыты многочисленные канавы, что постепенно осушило почвы. Полностью болотистые места удалось уничтожить только к 1872 году. На их месте были разбиты дорожки и цветники.

В 1852 году И.И. Орфанов опубликовал на страницах «Ставропольских губернских ведомостей» статью «Взгляд на Кавказские минеральные воды в настоящем их состоянии».

Не увлекаясь перечислением подробностей сделанного на Кавказских Минеральных Водах в первой половине XIX века, штаб-лекарь Орфанов обращает внимание читателей на следующее обстоятельство: «Казалось бы, что все эти заботы Правительства и значительные издержания для того, чтобы приезжающим сюда посетителям доставить при лечении сколь можно более удобств, должны восторжествовать над равнодушием и предубеждением отечественной публики к здешним водам, и вызвать большинство страждущих к этим целительным струям из всевозможных уголков России; однако на самом деле мы видим, что число посетивших в последнее время здешние воды далеко не соответствует ни многолюдству, ни богатству нашего обширного отечества, тем более, что наше дворянство издавна обращается к пособию иностранных минеральных вод, несмотря на неоспоримое превосходство пред многими из последних целебных вод собственного отечества».

Размышляя о будущем Кавказских Минеральных Вод, штаб-лекарь Орфанов, пожалуй, одним из первых заговорил на страницах российской периодической печати того времени о том, как преодолеть старинное и упрямое предубеждение, что «чудесное действие Кавказских минеральных вод, как и всех подобных им вод прочих стран света, на исцеление человеческих недугов, есть одна мечта, которою врачи тешат своих легковерных больных» и «что только одному западу Европы заповедано владеть такими есте-

ственными и богатыми благами жизни, и что вне его, и кроме его нет спасения на земле бедному страдальцу, когда способы и искусство медицинской науки становятся бессильными помочь ему от снедающего его патологического зла?»

Штаб-лекарь Орфанов не скрывает, что свершившиеся военные события на Кавказе для русской читающей публики — уже не тайна: между тем, газеты постоянно сообщают о «благосостоянии здешнего края», о «свободном и безмятежном развитии в нём всякого рода мирных занятий между оседлыми жителями городов, станиц и селений», что дороги, ведущие на Кавказ, всё ещё находятся в «неудовлетворительном состоянии», что путешествие на Кавказ часто «оставляет неприятное впечатление», и что при первой же возможности правительство сделает всё возможное, чтобы устранить «все ныне существующие неудобства на путях сообщения с нашими водами». Штаб-лекарь Орфанов верит, что Кавказские Минеральные Воды могут соперничать с известными западноевропейскими курортами.

Следует отметить, что в те времена это было смелое выступление. На статью обратили внимание в военно-медицинском ведомстве Санкт-Петербурга. В 1854 году основные её положения были опубликованы в Библиотечке «Военно-медицинского журнала», который издавался по инициативе видного деятеля военной медицины первой половины XIX века, главного военно-медицинского инспектора русской армии, президента Медико-хирургической академии Якова Васильевича Виллие.

Детство писателя Михаила Орфанова совпало с развитием курорта, освоением его лечебных возможностей, поиском методик лечения. Самое популярное слово, которое знал Миша с детских лет и которое чаще других произносилось в семье, — «нардзан». Но, похоже, беседы отца и его сослуживцев на медицинские темы, свидетелем которых был Михаил, юношу не привлекали. Впоследствии Орфанов-младший изберёт другую дорогу.

В год рождения писателя произошло большое событие, кото-

рое очень обрадовало родителей Миши, как и родителей других детей — военных, чиновников, медиков: 18 декабря 1848 года император Николай I утвердил «Положение о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, оному подчинённых». В том же 1848 году в Пятигорске открылось трёхклассное уездное училище. Находилось оно в подчинении Ставропольской дирекции Кавказского учебного округа. Принимали в него мальчиков всех сословий не моложе восьми лет. С девяти лет их отдавали на учёбу в гимназию.

Но, похоже, Михаил не учился в реальном училище. Он получил домашнее образование. Родители и нанятые ими учителя подготовили его к поступлению в Первую Петербургскую гимназию, которую он окончил в 1865 году. В тот год Михаилу Орфанову исполнилось восемнадцать лет, его сестре Анне было восемь, подрастала младшая сестра Софья.

Отец Иван Иванович Орфанов, переведённый с Кавказских Минеральных Вод в Санкт-Петербург, прошёл по карьерной лестнице довольно большой путь: кандидат хирургии, лекарь, штаб-лекарь, учёный секретарь медицинской комиссии, помощник Главного врача Кавказских Минеральных Вод и одновременно первый врач Эссентукских вод.

В продвижении по карьерной лестнице ему очень помогало знание латинского языка. Латинский — язык медицины — Орфанов-старший, как и многие врачи того времени, знал в совершенстве.

С 1860 года И.И. Орфанов — столоначальник Медицинского департамента Министерства внутренних дел.

Медицинский департамент учреждён в 1834 году. За четверть века он прошёл несколько ступеней преобразований: в 1841 году был учреждён Медицинский совет Министерства внутренних дел, в 1842 году — должность вице-директора медицинского департамента, в 1859 году департамент казённых врачебных заготовлений из МВД передан в Военное ведомство.

В шестидесятых годах XIX столетия И.И. Орфанов являлся членом Медицинского совета Министерства внутренних дел, ис-

правлял должность начальника отделения военно-медицинского департамента, дослужился до чина действительного статского советника (IV класс), который соответствовал военно-морским чинам генерал-майора и контр-адмирала. Сослуживцы обращались к нему: «Ваше превосходительство». Его имя значится в справочнике «Российский медицинский список, издаваемый, по Высочайшему повелению, Медицинским департаментом Министерства внутренних дел», начиная с 1837 года.

Последний раз его имя упоминается в издании «Российского медицинского списка...» на 1877 год.

В 1874 году И. И. Орфанов вышел в отставку. Умер в 1876 году и похоронен в Санкт-Петербурге.

II

Михаил Орфанов, старший сын штаб-лекаря И.И. Орфанова, вошёл в историю Российского отечества как писатель. Вскоре после окончания Первой Санкт-Петербургской гимназии он переехал в Москву. О жизни 17-летнего юноши в Москве известно мало.

Самым авторитетным документом к научной биографии Михаила Орфанова, как установил исследователь из Омска В.М. Физиков, является «Дело следственной комиссии о студенте Малышеве, дворянине Михаиле Орфанове и Александре Белевиче-Станкевиче», хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации, созданном в 1992 году на базе Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР). Следует добавить, что дело это хранится в 272-м фонде Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу о покушении 4 апреля 1866 года Дмитрия Каракозова на Александра II.

Итак, 30 апреля 1866 года московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков получил распоряжение графа М.Н. Муравьёва, председателя Следственной комиссии по делу Дмитрия Каракозова, произвести обыск в Москве у студента Малышева, в го-

стинице Кокорева, и, если окажется его связь с делом Каракозова, арестовать и уведомить столицу. Как установило следствие, бывший студент Московского университета В.С. Малышев действительно проживал в гостинице «Кокоревское подворье», построенной в начале 1860-х годов в Москве на Софийской набережной известным купцом Василием Кокоревым. Эта гостиница сохранилась до наших дней. Вместе с Малышевым в номере проживали бывший студент Московского университета А.В. Белевич-Станкевич и сын... статского советника М.И. Орфанов. Как установило следствие, Малышев и Орфанов находились в Москве всего несколько дней, они приехали из Санкт-Петербурга 11 или 12 апреля 1866 года. При обыске ничего подозрительного у них не оказалось. Но на всякий случай, чтобы они не скрылись, за ними установили надзор.

В следственном деле сохранились копии показаний Михаила Орфанова и Василия Малышева. Последний писал, что в конце 1861 года он был арестован по делу «о беспорядках в Петропавловской крепости», за что его выслали на жительство в Тверскую губернию. В мае 1865 года Малышев приехал в Санкт-Петербург с целью найти работу и затем продолжить занятия юридическими науками. В городе на Неве Василий Малышев познакомился с Михаилом Орфановым. Тот, в свою очередь, познакомил Малышева со своими родителями Иваном Ивановичем и Софией Михайловной, сёстрами Анной и Софьей. Молодой человек произвёл на семейство Орфановых приятное впечатление, и они отпустили Михаила с Василием Малышевым в Москву, чтобы он помог подготовиться их сыну к экзаменам в университет. Сам Малышев намерен был «держатъ экзамен на степень кандидата».

На допросы в Следственную комиссию приглашали главным образом Василия Малышева. Следователь понял, что Михаил Орфанов «к делу Каракозова» непричастен. 26 мая 1866 года московский обер-полицмейстер Н.У. Арапов представил донесение, из которого следует: «Все эти лица (Малышев и Орфанов. — *прим. авт.*) ведут образ жизни довольно скромный; по недо-

статочности средств и в видах совместных занятий приготовления к экзаменам занимают один номер; особых посетителей у них незаметно... в подозрительном и в политической неблагонадёжности никто из них замечен не был».

Подозрение с Малышева и Орфанова снято, оба допущены к экзаменам. 28 ноября 1866 года следственное дело по Малышеву и Орфанову было завершено и отправлено шефу жандармов и начальнику Третьего отделения графу П.А. Шувалову. И хотя в сущности вины Михаила Орфанова не найдено, на всякий случай юношу отправили под надзор полиции по месту жительства его родителей, в Санкт-Петербург.

У отца с сыном состоялся неприятный разговор. Каково было Ивану Ивановичу Орфанову, статскому советнику, служащему Министерства внутренних дел, начальнику отделения военно-медицинского департамента, иметь старшего сына под надзором полиции!

В том же 1866 году Михаил Орфанов поступил на юридический факультет Петербургского университета. Жизнь в столице, завидное положение отца в российском обществе, учёба в престижном университете, лекции профессорско-преподавательского состава, общение со студенческой средой, казалось бы, всё располагало к тому, чтобы увлечь 18-летнего юношу к новым знаниям. Но этого не случилось. Позднее, в рассказе «Первая командировка» Михаил Орфанов напишет, что знания, которые он «вынес, прослушавши 3 курса на юридическом факультете, оказались совершенно излишним балластом». Орфанова влекла русская революционная среда. Общение с Василием Малышевым не прошло бесследно.

В исследованиях советских историков об участии молодёжи в революционном движении 60–70-х годов XIX столетия и, в частности, в материалах о так называемой «Сморгонской академии» находим скудные сведения и о Михаиле Орфанове. Это был тщательно законспирированный революционный кружок 1867–1869 годов. Своё шутовское название «Сморгонская академия» получила от местечка Сморгонь в Белоруссии, вблизи которого цыгане

дрессировали медведей. Но в «Сморгонской академии» Петербурга занимались не дрессировкой медведей. Это была одна из коммун, которые так часто устраивались радикальной молодёжью в 60-е годы XIX столетия. Коммуна занимала маленькую комнату в доме Хрущёва по Эртелевому переулку. Душой кружка был снимавший комнату Д.А. Воскресенский, бывший слушатель Петровской академии, привлечённый в июне 1866 года по делу Каракозова и просидевший восемь месяцев в Петропавловской крепости.

«Можно сказать, что в их коммуне, вокруг неё группировалась почти вся петербургская революционная молодёжь того времени», — писал один из исследователей революционного подполья того времени.

Книготорговец Николай Свешников, автор популярной в своё время книги «Записки пропадающего человека», писал, что членами коммуны состояли слушатели Московской земледельческой академии Алексей Сергиевский, Василий Соболев, князь Варлаам Черкезов. Все они были арестованы по делу Каракозова, приговорены к заключению в крепость. После освобождения проживали в Петербурге. В 1867—1869 годах, за исключением Соболева, входили в нелегальный кружок «Сморгонь».

К ним примкнули студент Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Дмитрий Волков, две нигилистки Любовь Коведяева-Воронцова (училась в Императорском клиническом повивальном институте, основанном в 1797 году), Тимофеева (о ней практически ничего не известно), сын «Его превосходительства» Михаил Орфанов, находившийся под негласным надзором полиции. В коммуне состоял и сын вольноотпущенного крестьянина Фёдор Щербатов. Обитатели коммуны называли себя «сморгонцами» и гордились этой кличкой.

В снимаемой «сморгонцами» комнате, как писал Свешников: «...все они спали вповалку. ...На середине стола, на подносе, наполненном золою и угольями, стоял буквально чёрный самовар, около него блюдечки и стаканы с набросанными в них окурками, а весь стол был покрыт какой-то сальной грязью, тут же лежало на бу-

маге чухонское масло, рассыпанная четвёртка табаку и куски хлеба, и всё это было покрыто пылью. На диванах, на стульях, на полу разбросаны были разные вещи и книги, а в кухне весь пол был усыпан угольями».

Петербургский обер-полицмейстер сообщал Следственной комиссии, что среди лиц, посещавших собрания у Воскресенского, были ещё Е.И. Засулич, старшая сестра В.И. Засулич, проходившая по каракозовскому делу А.Н. Колачевская.

Но об истинных целях кружка «сморгонцев» правительство ничего не знало: в его рядах вынашивались планы освобождения из Сибири русского философа-материалиста, революционера-демократа, литературного критика, публициста и писателя Н.Г. Чернышевского. В 1869 году он находился в Александровском заводе Нерчинского округа.

Отец Михаила Орфанова случайно узнал о том, что старший сын не бывает дома, посещает какие-то собрания. И, хотя сын был вне подозрений, Иван Иванович настоял, чтобы Михаил отправился к месту службы в... Восточную Сибирь и своими глазами увидел, что делает с людьми каторга.

Вот как об этом писал сам Михаил Орфанов: «В 1869 году я, ещё юношей, 20-ти лет, по разным обстоятельствам, должен был бросить университет и самый Питер и удалиться куда-нибудь подальше. Случай сделал то, что, в июне того же года, я очутился в отвратительном городишке Чите, считающемся главным городом Забайкалья, в качестве помощника столоначальника областного правления. Содержание, присвоенное этой почтенной должности, настолько было скудно, что, прожив кое-как 4 месяца, с помощью остатков от прогонов и подъёмных, я пришёл в совершенное отчаяние: мудрено в городе, где зачастую свечи доходят до 1 рубля за фунт, прожить на 22 р. с копейками в месяц! Из дома, от отца, я ничего не получал; посторонних занятий — никаких. Кроме материальных невзгод, самый род занятий был не по душе, и долго, с полгода, я был в областном правлении, как в лесу; знания, какие я вынес, прослушавши 3 курса на юридическом факультете, оказа-

лись совершенно излишним балластом, так как о разных: «слушали», «приказали», «а потому, дабы повелено было», «входящих и исходящих» и т. п., царящих и до сих пор в забытой, дореформенной Сибири, я не имел ни малейшего понятия. Не могу, при этом, не вспомнить, как начальство, видя моё круглое невежество по канцелярской части, вздумало меня ознакомить с ней. Мне поручили составить «записку» из старого, огромного дела — «о наделении хоринских инородцев землёю», состоявшего из 27-ми толстых томов, для чего освободили от хождения на службу, препроводив всё дело ко мне на квартиру. Раскрываю первый том, и — о, ужас! он начинается указом Императора Павла I, написанным тогдашним почерком, на толстой, синей бумаге. Понятно, что разобраться в этом канцелярском лабиринте было мне не по силам, и я возвратил его обратно, не поняв из него ровно ничего».

Что скрывалось за выражением «по разным обстоятельствам», Михаил Орфанов умолчал. Иван Иванович, создавший эти «разные обстоятельства», на первый взгляд, поступил с сыном сурово. Должность у сына — не денежная: коллежский регистратор. Помощи отец ему никакой не оказывал. Сын жил на 73 копейки в день! Было от чего прийти в отчаяние. Но Михаил не знал самого главного: следом за ним по государственной почте в Читу пришёл формулярный список о службе коллежского регистратора из дворян Михаила Ивановича Орфанова. И в нём значилось, что под судом и следствием Михаил Орфанов никогда не был! «Каракозовский» эпизод был забыт властями или здесь постарался отец Михаила Орфанова? «Его превосходительство» И.И. Орфанов ещё был вхож в высокие кабинеты и, видимо, мог устроить сыну чистоту служебного формуляра, хотя сделать это в те времена было очень сложно.

Чита стала местом первой сибирской службы его сына Михаила Орфанова, а Сибирь — настоящим «университетом жизни».

Заглянем в формулярный список коллежского регистратора Михаила Орфанова, хранящемся сегодня в Государственном архиве Читинской области. С 12 марта 1869 года Михаил Орфанов

— помощник столоначальника Забайкальского областного правления. По служебным делам он исколесил всю Восточную Сибирь. Побывал в Иркутске, Верхоленском округе, Чите, Верхнеудинске, Баргузине, снова в Чите, Нерчинске... За десять лет безупречной службы в формуляре М.И. Орфанова набирается почти полтора десятка перемещений: стряпчий, секретарь полицейского управления, смотритель типографии, редактор официальной части газеты «Забайкальские областные ведомости», чиновник по особым поручениям при управлении Нерчинскими каторжными рудниками...

На сибирской службе Михаил Орфанов оставался довольно долго и, как пишут об этом исследователи прошлого, «без принуждения». После смерти отца, последовавшей в 1874 году, сын мог бы сразу вернуться в Санкт-Петербург. Но он остался и продолжал исправно исполнять возложенные на него обязанности.

Что двигало Михаилом Орфановым, когда он отправлялся в поездки по самым глухим местам Восточной Сибири, особенно в места каторжных работ? Ведь само назначение в эти края в чиновничьей среде считалось неудачей или несчастьем. Представляется, что именно такие поездки по краю, наблюдения, встречи с людьми — чиновниками, приказчиками, ссыльными, каторжниками, ремесленниками — сыграли решающую роль при создании писателем очерков и рассказов о самых разных сторонах сибирской жизни.

Точно также, как художнику Александру Сохачевскому, оказавшемуся после польского восстания 1863 года на время каторжником в Усолье, затем ссыльным в Иркутске, пережитые им события и наблюдения дали огромный материал для написания картин «На каторгу», «Заковывание в кандалы», «На этапе», «Прощание с Европой». На этих картинах он изображал ссыльных и сопровождавших их солдат, верно подметив, что все они находятся в одинаково сложном положении. Для ссыльных дорога на каторгу — наказание. Но не меньшие страдания выпадали и на долю солдат, следовавших в зной и стужу вместе с ними пешком по этапу.

Знакомство Михаила Орфанова с Сибирью началось в гостинице Иркутска, которая содержалась «политическим ссыльным». И «все прислуживавшие в ней, — вспоминал Орфанов, — начиная от буфетчика и кончая работником, который возит дрова, воду и проч. — политические ссыльные; нанимаете извозчика, он оказывается политическим преступником; заходите в колбасную, молочную, к портному, к сапожнику, словом, к любому ремесленнику и медному торговцу — все политические!»

Все эти «политические», как писал Михаил Орфанов, — жертвы последнего польского восстания. А другого обслуживающего город персонала здесь нет. Поначалу Михаил Орфанов, обращаясь к извозчику или лакею за самыми простыми вещами, чувствовал себя неловко и боялся обидеть их. Но когда он ближе узнавал этот невежественный и грубый народ, неловкость эта исчезала. Были, правда, и исключения: попадались ему и действительно образованные люди, с которыми приятно было проводить время. Но таковых было немного. Отдавая справедливость ссыльным полякам, Михаил Орфанов отмечал, что они захватили здесь всё: они первенствуют в медицинской и адвокатской практике; в их руках магазины с готовым платьем, бельём, обувью и прочим ходовым товаром; рестораны и гостиницы, безусловно, польские; большинство служащих на золотых приисках, в коммерческих конторах, в банках — поляки.

Но среди каторжников и ссыльных были представители и других наций — русские, евреи, инородцы. На долю первых выпало искать золото и добывать его, евреям оставили только два рода деятельности — винокуренные заводы и скупку ворованного золота. Соперниками их в мелочной торговле являлись китайцы. Проложили свою дорогу в Восточную Сибирь и русские купцы, закупавшие на Нижегородской ярмарке товара на целый год, часто в кредит и на большие сроки, и зарабатывавшие по 20 копеек с рубля, а то и гривенничек. А везли в этот богом забытый край всё: железо и сталь с Урала, керосин из Баку, хлеб из южных европейских районов России, сукно с фабрик Петербурга. В Забайкалье

не было ни одного стеаринового завода, несмотря на обилие скота. «Была где-то за Байкалом какая-то несчастная суконная фабрика, да и та прекратилась!» — с горечью писал Орфанов. Чиновник по особым поручениям, которому в Сибири предоставлялась вся полнота судебной и исполнительной власти, редактор правительственной газеты видел, что иркутское купечество к общественным делам, к развитию новых предприятий относилось крайне безразлично. Купцу проще закупить большую партию чая у китайца и за один путь до Нижнего Новгорода, действуя по принципу: «Не обманешь — не продашь!», заработать больше десятка тысяч.

Такая торговля, вместо развития в крае благосостояния, прямо вела к его обеднению, отрывала от земли лучших работников, развращала их кажушимися громадными заработками, которые тут же пропивались. Михаил Орфанов в своих очерках и рассказах представал перед читателями знатоком сибирской жизни и её нравов. До него никто так не писал о Сибири. Его первые рассказы «из вольной и невольной жизни» очаровывали редакторов газет и журналов. «Угрюм-река» Вячеслава Шишкова явится читателям позже, в 1928 году.

Собирая, накапливая Михаил Орфанов эти знания во время поездок по Восточной Сибири. О своей первой командировке он писал так: «...ревизии моей подлежали три обширные округа: Читинский, Нерчинский и Нерчинско-Заводской. По маршруту, выданному из областного правления, приходилось мне сделать что-то около 4000 вёрст, причём в предписании, между прочим, стояло, что поручение это должно было быть исполненным в месячный срок непременно».

Попробуй-ка не выполни задание — Михаилу Орфанову тут же напомнили, что его поездка на контроле у генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова. Советник областного правления, отвечавший за командировку Орфанова, дал ему простые наставления: «Прогоны и суточные вам выдадут, а вы можете с исправником и заседателями разъезжать по округу; не придётся ни копейки платить, да и край посмотрите».

Выслушав наставления, Михаил Орфанов отправился в командировку с проверкой сельских и станичных запасных хлебных магазинов. А их было ни мало ни много: свыше 150. При посещении первого же магазина в селе Успенском близ Нерчинска Михаил Орфанов понял, что ему за месяц проверить хотя бы одну волюсть: книга учёта и отпуска старая, прошлогодняя, новой — нет, как пояснил вахтёр, не знающий грамоты, из полиции ещё не присылали. У смотрителя магазина, который ведёт всё счетоводство, свои правила учёта — бирками.

Когда вахтёр принёс из сусека массу палочек, четверугольных, различной длины, Михаил Орфанов, взяв одну из них, спросил: «Ну, что же ты по этой бирке скажешь?» Две её стороны были покрыты множеством разнообразных зарубок, то в виде ряда палочек, то крестов, то букв, то звёзд и т. д.

«Это вишь ты, бирка Гаврилы Трофимова, вишь, — показывал мне вахтёр на первый знак, на конце палки, — он, ещё лоньсь (т. е. прошлый год) брал три меры для посева, да вот четверть после, это на пищу, потому тогда у нас зяблого хлеба было довольно, а это вот в счёт этой четверти он отдал две меры, да вот ещё после меру...»

Когда Орфанов спросил вахтёра, сколько же хлеба числится в магазине, тот, глядя на дверной косяк, изрезанный вырубками, тут же доложил: «Теперь хлеба в гомазеи нашей 234 меры, да за крестьянами 680; вот сколько у нас хлебушка, всего-навсе».

«Я находился, — писал Михаил Орфанов, — в глупейшем положении: перемеривать хлеб не имело смысла, так как, очевидно, вахтёр, предвидя возможность этого, сказал сущую правду относительно наличности...»

Исправник, сопровождавший Орфанова в поездке, очень не глупый человек, но вполне «сибирский чиновник», по взгляду Михаила понял, что он недоволен результатами его первой ревизии.

«Да вы, я вижу, серьёзно думали проверить магазины в трёх округах за один месяц?..» — и, пригласив Михаила Орфанова к столу выпить и закусить, добавил, что утро вечера мудренее. Утром исправник рассказал о причине командировки, устроенной, как

оказалось, самым губернатором М.С. Корсаковым, который таким образом оказал денежную помощь сыну «его превосходительства» И.И. Орфанова из Петербурга. Перед отъездом Михаил получил на законных основаниях 200 рублей прогонных и суточных.

Исправник сопровождал Орфанова в поездке на Нерчинский завод, в Агинскую степную думу, Дарасун... По распоряжению исправника сведения о хлебных запасах и «Хлебные книги» из всех селений доставляли ревизору Михаилу Орфанову. Ему оставалось лишь написать: «Такого то числа, такой то, проверив наличное количество хлеба в магазине, с показанным в ведомостях, нашёл наличность верною, в чём подписом своим и свидетельствую NN». Сведения были самые достоверные, ибо никто из чиновников так в этом не заинтересован, как сам исправник, отмечал Михаил Орфанов.

Управившись за неделю с делами, Михаил Орфанов вернулся в Читу, где собирался честно рассказать члену областного правления, как прошла ревизия. Но тот, не выслушав Орфанова, спросил, какие сведения он привёз и, забрав их, отдал своим подчинённым. Они составили отчёт и рапорт, Орфанов подписал их, не читая, и представил губернатору. А спустя неделю прочитал в «Забайкальских областных Ведомостях» приказ губернатора о том, что ему, М.И. Орфанову, объявлялась благодарность «за отлично и успешно выполненное важное поручение». Полученные Михаилом Орфановым 200 рублей остались целыми и не израсходованными. «Как видите, служить в Сибири не тяжело», — с юмором закончил Михаил Орфанов рассказ о своей первой командировке.

В этих воспоминаниях важно то, что Михаил Орфанов не только изображал известные ему негативные стороны сибирской жизни, но и искал позитивное, даже в чём-то героическое начало в быте сибирского чиновничества, ссыльных и каторжных. Через руки безукоризненно честного молодого Михаила Орфанова, каким его помнили в Забайкалье, прошла огромное количество людей: то был и крестьянин, и богач-золотопромышленник, и сибирский раздобревший купец, и обнищавший инородец, и несчастный

колодник. В среде последних, прикрытых лохмотьями, типах Михаилу Орфанову попадались смелые характеры, отважные натуры, искатели приключений. Всё это впоследствии дало ему, как художнику слова, богатый материал для написания очерков и рассказов о сибирской жизни.

Чтобы понять масштабы этой деятельности, напомним, что в 1867 году, то есть за два года до приезда Михаила Орфанова в Читу, Правительствующий сенат издал указ о реорганизации полиции Сибири. На основании этого указа военный губернатор Забайкальской области издал постановление о преобразовании Читинского земского суда в Читинское окружное полицейское управление с непосредственным подчинением Забайкальскому областному управлению полиции в Иркутске. Забайкальскую область правительство разделило на три округа — Читинский, Верхнеудинский и Нерчинский. Читинский округ во времена Михаила Орфанова был разбит на два полицейских участка.

Вспомним ещё одну особенность, которую увидел Михаил Орфанов, — в Читинский округ отправляли на поселение ссыльных и каторжных. Отправляли их пешком по этапу со всей России. У этого поселения было одно общее название — Нерчинская каторга. Во второй половине XIX века в Забайкальской области насчитывалось четырнадцать тысяч ссыльных, в общих тюрьмах содержалось около пяти тысяч, а в каторжных — более двух тысяч заключённых. Приезд Михаила Орфанова в Читу в 1869 году совпал с учреждением управления Нерчинской каторги, подчинённой Министерству внутренних дел.

В течение десяти лет Михаил Орфанов служил судебным следователем и стряпчим. Сибирский публицист, писатель и общественный деятель второй половины XIX столетия Н.М. Ядринцев писал о М.И. Орфанове, что «перед ним была судьба людей, их счастье или несчастье.

Он хорошо сознавал свой долг, старался внести правду, чем-нибудь смягчить окружающие жестокие отношения; но действительность была слишком сурова, обстановка слишком безотрад-

на, а жертвы случайностей являлись перед ним тысячами». Изучая быт и нравы Забайкалья, Михаил Орфанов видел, что заседатели получали сверх жалования с волостей известную «дань», а исправники получали по два, а то и по три рубля с каждого нанятого рабочего на прииск, наживали на этом целые состояния.

А «работы на приисках, без всякого преувеличения — каторжные и требуют, кроме недюжинной силы, ещё нечеловеческой выносливости и необычайного здоровья, — писал Михаил Орфанов. — Всеми этими качествами обладают в достаточной степени наши крестьяне, и потому стоят в высокой цене на рынке человеческого труда».

И тут уж кто раньше, ранее других, доберётся в облюбованную волость, когда цены ещё не «напорчены» наплывом остальных нанимателей. А наниматель, в свою очередь, берёт с хозяина прииска по восемь рублей за каждого рабочего. Местный же волостной старшина, волостной писарь хотят половину этих денег себе в карман положить.

«Иннокентий Иванович с жаром доказывал, что 3 р. с каждого рабочего совершенно достаточно им, и что ему самому вряд ли останется «рубличко», — рассказывал Михаил Орфанов, наблюдавший сцену найма рабочих: «Ты сам человек деловой, — говорил он писарю, — не даром же мне работать; если мне дать вам четыре, то выходит, что я дурака сломал, поехавши в Урлук; мне в Бичуре за два бы сделали!»

Купцы бесконтрольно властвовали в тайге и на приисках: они чувствовали себя монополистами, называли себя золотопромышленниками, приобретённое ими золото не сходило с карточных столов, возили водку в инородческий район, несмотря на запреты. Волостным чиновникам давали взятки, опутывали инородцев и крестьян такими контрактами, которым нет разрешения в своде законов, препровождали должников на прииски. Для приезжавших из Иркутска или Читы чиновников устраивали обеды с вином, шампанским, сигаретами, стерлядями... Стоимость обедов, даваемых купечеством разным влиятельным лицам Восточной Сибири,

превышала тысячи. И называлось это сибирским хлебосольством. Но каждый при этом стремился урвать побольше, с тем, чтобы вернуться к себе домой с капиталом.

В свою очередь приезжающий в Иркутск или Читу народ, пишет Михаил Орфанов, «всё денежный: у редкого нет на руках тысяч тридцати или сорока хозяйских денег, в которых он всегда сумеет отсчитаться, и потому, в это время, мы веселимся и кутим напропалую».

В своих рассуждениях публицист Н.М. Ядринцев приходит к выводу о том, что сибирская действительность с её распущенностью и беззаконием сломила Михаила Орфанова. Но следует помнить о том, что Ядринцев, считавший, что что-то надорвалось внутри Орфанова, что ему становилось невыносимо тяжело, что в окружавшей его среде нет правды, что всё бессильно в этой несчастной стране, писал об этом с позиции публициста, жившего в XIX веке.

Горькая ирония над собственным донкихотством, добродушный юмор по поводу всяческих злоупотреблений — вот что, по мнению публициста, характеризует социальную и нравственную позицию Михаила Орфанова.

«При виде того, как кругом всё наживалось, пиршествовало и ликовало, честному, полному юных стремлений чиновнику осталось опустить руки и придти в отчаяние, — так объясняет эту драму Николай Ядринцев. — Как человек, изучивший все сцепления местной жизни, всю организацию зла, соблазн и суть злоупотреблений, художник не винил более уже никого. Никто не виноват! Он не винил уже более мелкого чиновника. Его отношения изменились, он добродушно смотрел в эту среду падения и, видя общие причины, не бичевал лиц, жертв местных условий, с добродушным юмором он относится к своим героям-исправникам, и только изредка у него срывается насмешливая улыбка и эпиграмма на счёт их походов. Эти эпиграммы и пародии остались памятниками в Восточной Сибири. Но вместе с тем в душе оставался какой-то горький осадок чего-то погибшего; это была похоронена вера в

правду, в свои силы, поставлен могильный памятник над лучшими мечтами молодости и её идеалами!»

Прошло более 130 лет со дня публикации Н.М. Ядринцевым статьи «М.И. Орфанов и его пребывание в Сибири». Много изменилось за это время. Меняются и оценки творчества Михаила Орфанова. Перечитывая произведения писателя сегодня, литературоведы обращают внимание на то, что Михаил Орфанов нигде и никогда не отзывался со злобой и ненавистью о Сибири. Он вспоминал её только добрым словом. Сибирь не сломила Михаила Орфанова. Оставив службу, он уехал в Петербург. Была жива его мать.

В 70-х годах XX столетия исследователь из Омска В.М. Физиков работал в Ленинградском историческом архиве и обнаружил документ, проливающий свет на новые факты из жизни Михаила Орфанова: «Секретное прибавление к приказу по Петербургскому градоначальству и полиции 4 апреля 1880 г.» Из этого документа следовало, что в Петербург в числе прочих лиц прибывает отставной коллежский регистратор М.И. Орфанов, который находится под надзором полиции. К сожалению, из этого документа больше ничего не удалось узнать, что произошло с Михаилом Орфановым в те годы. Станным, однако, является тот факт, что за десять лет безупречной службы в Восточной Сибири, ни один из генерал-губернаторов Восточной Сибири — ни М.С. Корсаков, ни Н.П. Синельников, ни П.А. Фредерикс, под началом которых служил Михаил Орфанов, не удосужился походатайствовать о снятии с него полицейского надзора.

В столице Российской империи Михаил Орфанов был нежелательным жильцом: продолжал вращаться в народнических кругах. Он был лишён права жительства в Петербурге. И поэтому поселился в Москве, где занялся исключительно литературной работой. Начиная в «Русских ведомостях». Именно в этом издании появились первые рассказы Михаила Орфанова из сибирской жизни. Его литературная звезда взошла в 1881 году. Подписанные псевдонимом Мишля, они обратили внимание читающей публи-

ки и критиков. В этих первых очерках и рассказах чувствовалось богатство жизненного материала, неизвестные им факты о быте и нравах Восточной Сибири. Михаил Орфанов предстал в них былым человеком.

В 1883 году у Михаила Орфанова вышла книга «В дали», после издания которой он испытал небывалый литературный триумф. Книга получила благоприятную оценку критики. Помимо Н.М. Ядринцева, на издание книги обратили внимание рецензенты известных российских журналов того времени таких, как «Вестник Европы», «Дело», «Русское богатство», «Русская мысль».

Правда, у цензора Московского цензурного комитета В.В. Назаревского было другое мнение о книге М.И. Орфанова. Автор представляет положение Восточной Сибири, писал цензор, «в безотрадном положении» и что «особенно мрачными чертами рисуются во второй части книги... положение ссыльных в Карийских рудниках». Цензор приходит к выводу о том, что «такое тенденциозное изложение дела не может не произвести на читателей мрачного и раздражающего впечатления».

В отличие от цензурного комитета, многие известные русские писатели того времени, с которыми жизнь свела Михаила Орфанова в «Русских ведомостях», поддержали его. Они отмечали простоту и правдивость рассказов писателя, взятых «прямо из действительной жизни», как писал неизвестный рецензент журнала «Вестник Европы».

В том же 1883 году у Г.И. Успенского начало выходить восьмитомное собрание его сочинений, последний том которого был напечатан в 1886 году. Д.Н. Мамин-Сибиряк закончил работу над романом «Приваловские миллионы», В.А. Гиляровский напечатал свой первый рассказ «Обыкновенный случай», называвший время своей работы в «Русских ведомостях» счастливейшим. П.Д. Бобрыкин годом раньше издал роман «Китай-город». С газетой в это время сотрудничал М.Е. Салтыков-Щедрин, напечатавший в 1881 году два сборника «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе».

Рассказывая об обитателях четырёхэтажного дома Олсуфьевых, который стоял в Москве на Тверской, напротив генерал-губернаторского дворца, Владимир Гиляровский вспоминал: «В эти годы самый большой номер, в две комнаты, занимал М.И. Орфанов-Мишля, бывший судебный следователь по должности, ярый народник-шестидесятник и автор «Сибирских рассказов», запрещённых для библиотек. Роста он был огромного, сложения богатырского, тёмная борода, в полгруды, по-видимому, никогда не ведала ножниц, а косматая грива подстригалась раз-два в год».

Ходил писатель в одной рубахе и в резиновых калошах на босу ногу. В номере у Михаила Орфанова (Мишля) стояли две кровати и диван вроде тургеневского «самосона», поперёк которого могло в ряд улечься пятеро. И, действительно, ночевали у Мишлы разные люди. Целый месяц жил бежавший из ссылки революционер-народник П.Г. Зайчневский. Не раз ночевали В.А. Гиляровский, Г.И. Успенский, автор книги «Год на севере», «стройный и красивый, с лицом, ещё недавно обвеянным недавними полярными бурями Ледовитого океана», С.А. Приклонский, тоже печатавшийся в «Русских ведомостях». В 1883 году журнал «Дело» напечатал первую книгу Сергея Приклонского «Хроника рабочего труда в России».

Все перечисленные выше личности часто бывали у Михаила Орфанова, который любил у себя в номере устраивать чтения. Обычно он говорил Гиляровскому: «Сегодня в час приходите ко мне завтракать. Будут Нефёдов, Приклонский и Глеб Иванович. Он вчера приехал из Питера и сейчас ещё спит у меня. Я хочу прочитать новый сибирский очерк. Ну так приходите, а я побегу к Генералову за закусками. Предупреждаю, водки не будет. Только пиво. Хочется серьёзно прочитать».

Книга «В дали» не принесла Михаилу Орфанову материального благополучия. Писатель бедствовал, перебивался с хлеба на квас. Из частично сохранившейся переписки видно, что нужда следовала за ним по пятам.

«Я приготовил рассказ из Сибирских воспоминаний в 11/4 л.

для журнала «Рус. мысль». Он должен был быть помещён в майской книжке, но за наплывом материалов из «Отеч. записок» отложен до осени, хотя был не только принят, но даже набран. Нашему брату-бедняку далеко не всё равно, когда вещь поместится, и потому хотелось бы поместить её скорей в другом месте, преимущественно в «Деле», так как получил приглашение от Станюковича работать у них», — писал Михаил Орфанов 10 мая 1884 года В.П. Острогорскому, редактировавшему после ареста К.М. Станюковича журнал «Дело».

Последним произведением Михаила Орфанова были очерки под общим заглавием «Сибирские колонизаторы», в которых он показал различные типы уголовных преступников и рассказал о их дальнейшей судьбе в условиях ссылки. Очерки печатались в 9-11 номерах журнала «Русская мысль» за 1884 год, когда их автора уже не было в живых. Михаил Орфанов умер 4 сентября 1884 года, в Мариинской больнице для бедных. Ему было 36 лет, похоронен на Ваганьковском кладбище Москвы, рядом с писателями Александром Левитовым и Михаилом Вороновым — авторами книги «Московские норы и трущобы».

«Теперь о Левитове никто не знает, не помнит, а он был когда-то в первых рядах русской литературы и был не случайно, а с полным основанием...» — писал Иван Бунин. Но его слова можно отнести и к Михаилу Орфанову. За 135 лет после его смерти из творческого наследия Михаила Орфанова в России не издано ни одной книги, не напечатано ни одного произведения. Но за истекшее время его очерки и рассказы не затерялись: опубликованные в разных журналах и газетах XIX столетия они ждут своего издателя. Сегодня к ним обращаются исследователи, краеведы, все те, кто изучает прошлое Восточной Сибири.

III

Перечитывая переписку Михаила Орфанова с издателями российских газет, журналов, хотелось бы заострить внимание чита-

телей на том, что ни одно из его обращений не было адресовано известному и влиятельному в России публицисту, редактору, владельцу знаменитой газеты «Новое время» А.С. Суворину. Её первый номер вышел в 1876 году. Освещая героизм русских солдат и офицеров в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, газета открыто выражала симпатии болгарскому восстанию 1876 года. К 1881 году газета набрала тираж 35 тысяч экземпляров и была самым популярным изданием того времени.

К тому же, ежегодно А.С. Суворин печатал сотни наименований книг по научной, художественной и справочной тематике. Он издавал как дорогие библиофильские книги ограниченным тиражом, так и массовые. Огромным спросом у читателей пользовались книги общедоступных серий «Дешёвая библиотека» русской и иностранной классики, «Научная дешёвая библиотека». Практически в каждой образованной московской и петербургской семье были справочники «Весь Петербург», «Вся Москва», «Вся Россия», «Русский календарь», труды по истории России и другие издания. А.С. Суворин первым в России заключил договор с железными дорогами на продажу газет и книг в киосках на всех крупных станциях.

Почему Михаил Орфанов никогда не печатался в суворинских изданиях? Только лишь потому, что его политические симпатии остались теми же, что и в молодости? Только лишь потому, что его взгляды не совпадали со взглядами монархиста Суворина? Оказывает, нет. Ответ очень прост: дело в том, что Алексей Сергеевич Суворин был женат на родной сестре писателя Анне Ивановне Орфановой.

Суворин познакомился с Анной вскоре после трагической гибели его первой жены в 1874 году и отлично знал, что она происходила из рода талантливого, темпераментного и беспокойного, что её отец Иван Иванович Орфанов сделал блистательную карьеру на медицинском поприще, что её родной брат Михаил Иванович Орфанов служит где-то в Восточной Сибири.

Он видел, что между братом и сестрой не было физического

сходства, да и культура и нравы их было совершенно разные. Суворин вступил в брак с Орфановой в январе 1877 года. Алексею Сергеевичу — 45, Анне Ивановне — 19. Многие из окружения Суворина не одобряли этот, как они считали, фатальный, то есть роковой шаг, дескать, недостатка в невестах у Алексея Сергеевича не было.

Отношения с Анной Орфановой — «весёлой и богомольной, доброй, как хлеб, вспыльчивой, как порох, благодушной и капризной», как писал о ней русский прозаик, театральный критик А.В. Амфитеатров в парижской газете «Возрождение» за 26 апреля 1936 года, складывались непросто. Ещё в 1874 году при первом знакомстве Суворин обратил внимание на певческие способности Анны и советовал ей учиться в консерватории.

Блестящая, изящная, светская, немного взбалмошная, она покорила сердца друзей Алексея Сергеевича своей энергией и жадной жизни. Она поддерживала отношения со многими русским писателями, художниками и актёрами.

На знаменитых суворинских «четвергах» во дворце «Нового времени», Эртелев, 6, как писал А.В. Амфитеатров, «сбирались вокруг неё, сказать стихом Майкова, «послы, софисты и архонты, и артисты» — и все пред нею преклонялись, все окружали её почтительно влюблённым обожанием». Она стремилась быть независимой, что не всегда приветствовалось российским обществом того времени. На эту манеру поведения Анны Ивановны Сувориной обращал внимание и А.П. Чехов.

«Две недели, прожитые у Суворина, прошли как единый миг, — писал Чехов беллетристу и драматургу И.Л. Леонтьеву (Щеглову). — Суворин в высшей степени искренний и общительный человек. Всё, что говорил он мне, было очень интересно.

Опыт у него громадный. Анна Ивановна угощала меня пощёчинами, нравоучениями и шартрёзом. Из всех женщин, которых я знаю, это единственная, имеющая свой собственный, самостоятельный взгляд на вещи. Она урождённая Орфанова, сестра литератора Мишлы Орфанова, чудеснейшего человека. Вся семья

Орфановых прекрасна. Остальная публика у Суворина — тёплые люди и не всегда скучные».

В одном из писем Чехов писал о Сувориной сестре Марии Павловне: «Она... мыслит не по-женски. Говорит много вздора, но если захочет говорить серьёзно, то говорит умно и самостоятельно. Влюблена в Толстого по уши и поэтому всей душой не терпит современной литературы... Вообще человек она интересный, умный и хороший».

Между Анной Ивановной и Антоном Павловичем была долгая, хорошая дружба. Начало переписки Сувориной с Чеховым относится к 1889 году, а познакомились они двумя годами раньше, в 1887 году, в Петербурге. Первое из сохранившихся писем А.П. Чехова к А. И. Сувориной датируется 1896 годом. Известно 21 письмо А.И. Сувориной к А.П. Чехову за 1889, 1890, 1893—1895, 1897, 1899, 1903 годы. Все они хранятся в Российской Государственной библиотеке в Москве, на Воздвиженке.

Чехов писал письма Сувориной из Италии и Франции. В первом же после поездки на Сахалин письме к А.С. Суворину от 9 декабря 1890 года он спрашивает: «Когда я увижу вас и Анну Ивановну? Что Анна Ивановна? Напишите подробнее обо всём, ибо я едва ли попаду к вам раньше праздников? Насте и Боре поклон; в доказательство, что я был на каторге, я, когда приеду к вам, брошусь на них с ножом и закричу диким голосом. Анне Ивановне я подожду её комнату, а бедному прокурору Косте буду проповедовать возмутительные идеи...»

Многим ли сегодня известно, что А.П. Чехов намерен был посвятить «Чайку» Анне Ивановне Сувориной?

«Я не забыл о том, что обещал Анне Ивановне посвятить «Чайку», — писал Чехов Суворину 4 января 1897 года из Мелихова, — но воздержался от посвящения умышленно. С этой пьесой у меня связано одно из неприятнейших воспоминаний, она отвратительна мне, и посвящение её не вяжется ни с чем и представляется мне просто бестактным».

Да и сама Анна Ивановна оставила об Антоне Павловиче тё-

плые воспоминания: «Как Григорович и муж мой, я тоже подда-лась обаянию Чехова. Первое мое чувство... было, что он должен походить на одного из любимых моих героев — на Базарова. Так почему-то мне представилось. Чехов был высокого роста, тонкий, очень стройный, с тёмно-русыми волнистыми волосами, серыми... смеющимися глазами и с привлекательной улыбкою. Он говорил приятным мягким голосом и чуть-чуть улыбался, когда обращался к тому, с кем вёл беседу... Мы с Чеховым быстро подружились, никогда не ссорились, спорили же часто и чуть не до слёз, — я по крайней мере. Муж мой прямо обожал его, точно Антон Павлович околдовал его...»

Кто кого околдовал, тут можно поспорить. Но одно точно: именно Суворин уговорил Чехова издавать свои произведения под собственными именем и фамилией, забыв навсегда про Антошу Чехонте. Суворин открыл Чехова читателям, а Чехову открыл двери в большой литературный мир.

В своём творчестве Чехов эксплуатировал образ своего покровителя, и не только его. Анна Ивановна писала Чехову, как она любила смеяться, когда смотрела «Дядю Ваню», потому что узнавала в этих сценах из деревенской жизни всех «своих». Да и всему суворинскому кругу было ясно, что в «Дяде Ване» угрюмый старик отставной профессор Серебряков, нагрубивший скучающей молодой 27-летней жене Елене, похож на Суворина, а Елена — копия Анны Сувориной (Орфановой).

Смерть молодого режиссёра Треплева в комедии «Чайка» сильно расстроила Суворина: она напомнила ему гибель его сына Володи. Даже Трезор — собака Нины Заречной — носит кличку любимой собаки Сувориных.

Несколько строк об Анне Орфановой находим в дневнике писательницы С.И. Смирновой-Сазоновой, жены известного актёра Александринского тетра Н.Ф. Сазонова: «Недавно пришла к [Суворину] какая-то барыня, — по облику и по всем манерам нигилистка, — просить работы. Суворин теперь барынь боится; он думает, что которая-нибудь из них застрелит его, как Трепова...

Суворин не посмел отказать, дал ей переписывать свои книги, которые уже давно были переписаны... Её [Анны Ивановны Сувориной (Орфановой)] мечта поступить на сцену».

О Сувориной писал Ф.М. Достоевский. Фёдор Михайлович встречался с Анной Ивановной на Пушкинском празднике в Москве в начале июня 1880 года. Он упоминает об этой встрече в письмах к жене Анне Григорьевне Сниткиной.

Встреча с А.И. Сувориной (Орфановой) вдохновила живописца и рисовальщика «Нового времени» Н.И. Кравченко на создание её портрета. Правда, работа эта осталась незавершённой. Анна Ивановна перестала позировать художнику, но он всё же успел написать её глаза. Художник превратил её портрет в этюд «Дама с голубыми глазами».

Анна Ивановна прожила долгую жизнь. Почти на четверть века она пережила своего знаменитого супруга А.С. Суворина. Алексей Сергеевич умер в 1912 году, оставив Анне Ивановне издательство и четырёхмиллионное состояние. К тому времени из детей Суворина от первого брака в живых оставались сыновья Михаил Алексеевич Суворин 1860 года рождения и Алексей Алексеевич Суворин 1862 года рождения. После смерти мужа Суворина тоже стала, наравне с Михаилом и Алексеем, наследницей его авторских и издательских прав. Анна Ивановна продолжила дело Алексея Сергеевича, но от него вскоре ничего не осталось. На следующий день после Октябрьской революции 26 октября (8 ноября) 1917 года большевики закрыли газету «Новое время».

Предприятие Суворина большевики национализировали, и на основе Акционерного общества «Новое время» (после смерти Суворина оно действовало под контролем Волжско-Камского коммерческого банка) были заложены структуры советского книгоиздательства. «Ограбленная дочиста большевиками», как писал о её материальном положении А.В. Амфитеатров, она находилась «в горькой нужде».

В 1920 году её ещё можно было видеть на петроградской барахолке, на которой она продавала единственную ценную, уцелев-

шую от некогда бывшего богатства и великолепия, вещь — портрет А.С. Суворина работы художника К.Е. Маковского.

О том, как сложилась судьба вдовы и детей А.С. Суворина в эмиграции, известно немного. Анна Ивановна Суворина, сестра народника М.И. Орфанова, умерла 23 марта 1936 года в страшной нужде в парижском госпитале «Божон» в возрасте 78 лет, похоронена на кладбище в Нейи на средства, собранные среди эмигрантов по подписке.

Старший сын издателя Михаил Алексеевич Суворин от первого брака эмигрировал в 1920 году, жил в Белграде. С 22 апреля 1921 года издавал монархическую газету «Новое время». Последний номер вышел 30 апреля 1930 года. Скончался 17 августа 1936 года, на 78-м году жизни, похоронен в Белграде на Новом кладбище.

Младший сын издателя Алексей Алексеевич Суворин от первого брака жил в Париже, производил над собой опыты, чтобы доказать, что человек может длительное время обходиться без пищи. В конце концов отравился в отеле светильным газом. Умер 17 декабря 1937 года, на 76-м году жизни, похоронен в Париже.

Третий сын издателя Борис Алексеевич Суворин от второго брака участвовал в антибольшевистских организациях. В Гражданскую войну оказался в 1-м Кубанском походе, издавал печатный листок. В 1918 году при поддержке генерала Б.А. Алексеева возродил газету «Вечернее время» в Новочеркасске, позже — в Ростове-на-Дону, а с продвижением Добровольческой армии на север — в Харькове и Курске.

В 1920 году Борис Алексеевич после кратковременного пребывания в Новороссийске перенёс издание газеты «Вечернее время» в Феодосию и одновременно основал в Симферополе газету «Время». В середине того же года генерал Врангель командировал Бориса Суворина в Париж для связи с французскими газетами.

Находясь в эмиграции, Борис Алексеевич в 1924 году возродил «Вечернее время» в Париже, но из-за материальных трудностей

газета вскоре закрылась. Некоторое время Б.А. Суворин редактировал вместе с А.И. Филипповым «Русское время», одновременно сотрудничал с «Энтрансижан», «Фигаро», «Ревю де Монд» и «Возрождением». В 1926 году Борис Алексеевич отправился на Дальний Восток. Жил в Шанхае, где редактировал «Шанхайскую зарю» и «Время», затем переехал в Харбин, редактировал «Русское слово».

Однако его пребывание на Дальнем Востоке было недолгим, и он снова вернулся во Францию. А в 1938 году по настоянию левого французского правительства пятеро русских, в их числе и Б.А. Суворин, были высланы из Франции. Б.А. Суворин избрал местом своего жительства Белград, где был сотрудником журнала «Часовой». Умер 18 января 1940 года в возрасте 61 года, похоронен на местном кладбище.

Дочь издателя Анастасия Алексеевна Суворина от второго брака (по мужу — Мясоедова-Иванова) стала актрисой (сценический псевдоним — Астра Суворина). Автор нескольких пьес, книги очерков. Переписывалась с А.П. Чеховым. Владелица Театра литературно-художественного общества на Фонтанке, 65 в Петрограде, более известного как Театр Суворина. Театр просуществовал с 1895 по 1917 годы. Сегодня в этом здании работает Большой Драматический театр им. Г. Товстоногова.

В 20-х годах Анастасия Суворина снялась в первых советских фильмах «Пегая тёлка», «За монастырской стеной», «Плотина прорвана». А.А. Суворина умерла в 1930 году 53 лет от роду в Нью-Йорке.

Что же касается судьбы дома А.С. Суворина, то после революции в нём располагался торговый техникум, а в годы войны — госпиталь. Занятия в техникуме возобновились после снятия блокады в 1944 году. Многие выпускники погибли, среди них — Герой Советского Союза Ф.В. Марин, памятник которому установлен в Львовской области, там, где он погиб в первый же день войны. О нём и других героях — педагогах и студентах — рассказывают материалы музея, открытого в 1988 году.

К сожалению, сегодня ничто не напоминает о прежних обитателях дома — ни о крупнейшем российском издателе А.С. Суворине, ни о его родных, ни о посещавших его современниках. Правда, память одного из современников Суворина сохранена: в 1923 году Эртелев переулок был переименован в улицу Чехова.

IV

Другая дочь штаб-лекаря И.И. Орфанова — Софья Ивановна Орфанова (Мамышева) была замужем дважды. О её первом замужестве известно, что у неё от этого брака была дочь Вера. Второй раз Софья Ивановна вышла замуж за Василия Семёновича Мамышева, судебного следователя в Звенигороде.

Мамышев, женившись на Софье Ивановне Орфановой, удочерил её дочь Веру. По всем найденным источникам она числится как Вера Васильевна Мамышева, приёмная дочь В.С. Мамышева. Но ни года рождения Веры Васильевны, как и года рождения её матери Софьи Ивановны и приёмного отца Василия Семёновича, установить не удалось. О Софье Ивановне, младшей сестре Анны Ивановны Сувориной (Орфановой) вообще мало что известно.

Обращает на себя внимание письмо А.П. Чехова от 17 января 1887 года брату Александру Чехову: «...Видал Сувориху? На праздниках у меня был с визитом муж её сестры. Поневоле пришлось отдать визит и познакомиться с её сестрой и маменькой».

Итак, в 1887 году Чехов, познакомившись с молодой женой издателя Суворина, знакомится и с мужем её сестры Василием Мамышевым, затем с её сестрой Софьей Мамышевой и её матерью Софьей Ивановной Орфановой.

В собрании писем Чехова имя Мамышева упоминается на протяжении 1888, 1889 и 1890 годов. В примечаниях к письмам указывается: «Мамышев Василий Семёнович, судебный следователь в Звенигороде, муж сестры А.И. Сувориной Софьи Ивановны Орфановой».

Имя судебного следователя В. Мамышева есть в «Памятной

книжке Московской губернии за 1890 год». Судя по письму Чехова Суворину от 20 февраля 1890 года, можно сделать вывод о том, что Мамышев в то время жил в Волоколамске. А в 1895 году Мамышев числился в Верейском уезде членом окружного суда. Вспомним, что А.С. Пушкин, скорее всего, неслучайно, наделил князя, соседа русского барина Кирилы Петровича Троекурова из романа «Дубровский», фамилией Верейский. В составе Московской губернии Верейский уезд с центром в городе Верея просуществовал до 1922 года. Окружной суд Верейского уезда «прославился» громкими делами. Одно из них оказалось в центре внимания Чехова.

Летом 1884 года, то есть за три года до знакомства с Мамышевым, Чехов приехал в Звенигород. На время отпуска он заменил доктора Успенского. Лето выдалось дождливое. Вечерами тоскливо. Днём Антон Павлович принимал больных, а вечерами работал над романом «Драма на охоте»: писал, затем правил рукопись, переписывал набело.

По воспоминаниям современников, Чехов отдал роман издателю газеты «Новости дня» А. Липскерову, когда работа над ним была полностью завершена.

«Новости дня» выходили в Москве ежедневно. В газете печатались новости общественно-политической и литературной жизни столицы России. Лидирующее место в ней, по замыслу издателя, должны были занимать судебные истории, фельетоны, телеграммы. На практике же получилось, что четверть газетных площадей в «Новостях дня» отводилась публикациям повестей и романов «с продолжением».

«Новости дня» начали печатать «Драму на охоте» 4 августа 1884 года. Она шла один раз в неделю. В 1884 году было двадцать публикаций, в 1885 году — двенадцать. Редакция завершила печатание романа 18 марта 1885 года, в последнем номере без подписи, во всех остальных номерах за подписью А. Чехонте.

Младший брат писателя Михаил Чехов вспоминал, что за печатание романа редакция обязалась выплачивать Антону Павло-

вичу три рубля в неделю. Но гонорар за роман, печатавшийся в «Новостях дня», редакция задерживала и подолгу его не выплачивала.

«Бывало, придёшь в редакцию, ждёшь-ждёшь, когда газетчики принесут выручку», — писал Михаил Чехов.

Опубликовав «Драму на охоте» в газете, Чехов никогда к ней не возвращался и не писал о ней. «Драма на охоте» имела газетный подзаголовок «Из записок судебного следователя» и напоминала уголовный роман. Сегодня роман печатают с подзаголовком «Истинное происшествие».

В романе идёт речь от первого лица — от редактора, к которому попадает рукопись судебного следователя Ивана Петровича Камышева.

Автор, называющий себя в рукописи Сергеем Петровичем Зиновьевым, по мнению редактора, изобличает сам себя. Редактор, на основе своих умозаключений, приходит к выводу о том, что преступление совершил автор рукописи, а на каторгу отправлен невиновный человек.

В конце 1885 года 25-летний Чехов приедет в Петербург и познакомится с издателем А.С. Сувориным. При знакомстве с семейством Алексея Сергеевича выяснится невероятное: оказывается, у Суворина есть родственник по фамилии Мамышев.

Пройдёт ещё два года после публикации последней части романа, и к Чехову придёт... судебный следователь Мамышев. Но ещё раньше в январе 1886 года в письме брату Александру он пишет: «...Не употребляй в рассказах фамилий и имён своих знакомых. Это некрасиво: фамильярно, да и тогда знакомые теряют уважение к печатному слову».

Может быть, поэтому Чехов не вспоминал «Драму на охоте». В полном собрании сочинений писателя нет никаких комментариев, нет ссылок на воспоминания о романе. Лишь однажды в письме Суворину от 28 октября 1889 года Чехов напишет: «...Был у меня В.С. Мамышев, звенигородский Лекок. Он сильно похудел, постарел и как-то согнулся».

Откроем «Драму на охоте» и сравним письмо графа Карнеева судебному следователю Камышеву: «Милый мой Лекок! Если ты ещё жив, здравствуешь и ещё не забыл своего всепьянейшего друга, то, ни минуты не медля, облакайся в свои одежды и мчись ко мне».

***

Вот так неожиданно переплелись судьбы Орфановых с судьбами многих известных людей России, с русской историей и литературой, о главных лицах из семейства которых в «Русском биографическом словаре» 1905 года издания, содержится всего лишь по два десятка строк.

Октябрь 2018 г.

«СОБИРАТЕЛЬ РУССКОГО СТИХА....»

Осип Мандельштам об Александре Блоке

Весть о смерти Александра Блока застала Осипа Мандельштама в Батуме. Как ни странно, но мы очень мало знаем о том, как она была воспринята Мандельштамом.

Александр Блок скончался в Петрограде в воскресенье 7 августа 1921 года. Во вторник 9 августа в газетах появились первые сообщения о его кончине.

9 августа сравнительно большой некролог «А. А. Блок» за подписью П. Когана опубликовали «Известия». В «Петроградской правде» за 9 августа в заметке без подписи «Смерть поэта А. Блока» сообщалось: «Последние 2 ½ месяца поэт был прикован к постели тяжкой болезнью сердца, которая и привела к роковому концу».

В московском выпуске «Правды» за 9 августа не стали вдаваться в медицинские подробности и лишь констатировали кончину поэта, опубликовав без подписи некролог «Смерть Александра Блока».

Организации, взявшие на себя похороны поэта, известили жителей Петрограда о кончине Александра Блока и о том, что его похороны состоятся 10 августа.

В театральной типографии на улице Моховой за четыре часа

напечатали тысячу экземпляров афиши с таким текстом:

Дом Искусств, Дом Учёных, Дом
Литераторов, Государственный Большой
Драматический театр, Издательства:
«Всемирная Литература», Гржебина и «Алконост»
ИЗВЕЩАЮТ
что 7-го Августа в 10 ½ часов утра
скончался
Александр Александрович
БЛОК
вынос тела из квартиры (Офицерская, 57, кв. 23)
на Смоленское кладбище
состоится в Среду 10 Августа, в 10 часов утра.

К семи часам вечера 9 августа афиши расклеили на главных улицах Петрограда. Расклейщикам помогали студенты Первого Петроградского университета.

«Небольшая афиша на голубой бумаге, напечатанная жирным чёрным шрифтом, привлекала внимание прохожих, — вспоминал организатор издательства «Алконост» С.М. Алянский. — Люди останавливались, группами обсуждали горестное сообщение, а некоторые, прочитав, молча, поспешно расходились».

Именно в издательстве «Алконост» в 1918 году по предложению Самуила Мироновича Алянского впервые была напечатана поэма «Двенадцать» с рисунками художника Юрия Павловича Анненкова.

Как известно, Блок писал поэму между 8 и 28 января 1918 года. Но большую её часть Блок написал в два дня. «Записка» Блока о «Двенадцати», где поэт рассказал об истории создания поэмы, заканчивается словами: «Сегодня я — гений». Запись сделана 29 января 1918 года.

3 марта (18 февраля) 1918 года поэму Блока впервые напечатала на обёрточной бумаге газета ЦК партии левых социалистов-

революционеров «Знамя труда». В апреле 1918 года поэму опубликовал литературно-политический журнал нового социализма «Наш путь». Журнал принадлежал тоже ЦК партии левых социалистов-революционеров и выходил под редакцией Р.В. Иванова-Разумника, Б.Д. Камкова, С.Д. Мстиславского.

В мае в издательстве «Революционный Социализм», которое было организовано при ЦК партии левых социалистов-революционеров, вышло впервые отдельное издание поэмы. Напечатана она была вместе со стихотворением «Скифы». Предисловие к ней под заголовком «Испытание в борьбе и буре» написал известный левозэровский литератор Р.В. Иванов-Разумник, друг поэта, как он именовал себя. Несмотря на то, что поэма «Двенадцать» А. Блока увидела свет не в большевистской печати, её заметили.

«Поэма, — вспоминал Алянский, — вызвала бурные разноречивые отклики. О «Двенадцати» говорили и спорили везде: среди интеллигенции и передовых рабочих, в партийных кругах и в беспартийных».

Бурно обсуждало поэму петроградское студенчество. Писатели из окружения Блока встретили её взрывом негодования. От Блока отвернулись даже близкие друзья, осудившие «Двенадцать».

Поэму прочтёт нарком просвещения А.В. Луначарский и скажет: «Этой поэме суждено бессмертие».

Однажды, послушав, как Любовь Дмитриевна, жена поэта, читает «Двенадцать» в «Привале комедиантов» — клубе деятелей литературы и искусств, Алянский предложит Блоку издать поэму «Двенадцать» с рисунками художника Анненкова. Блок осторожно отнёсся к предложению молодых издателей: Алянскому было 27 лет, Анненкову — 29. И тем не менее Блок согласился, сказав Алянскому: «Ну что ж, попробуем».

Просмотрев рисунки Анненкова, Блок писал художнику: «Рисунков к «Двенадцати» я страшно боялся и даже говорить с Вами боялся. Сейчас, насмотревшись на них, хочу сказать Вам, что разные углы, части, художественной мысли — мне невыразимо близки и дороги, а общее — более чем приемлемо, — т. е. просто я ничего

подобного не ждал, почти Вас не зная... мне было бы страшно жалко уменьшать рисунки. Нельзя ли, по Вашему, напротив, увеличить некоторые и издать всю книгу в размерах «убийства Катки», которое, по-моему, настолько grand stile, что может быть увеличено ещё хоть до размеров плаката и всё-таки не потеряет от того».

Успех книги был огромный: с ноября по декабрь 1918 года иллюстрированная поэма Блока «Двенадцать» издавалась трижды. Первый тираж 300 нумерованных экземпляров был осуществлён по подписке. В 25 из них издатели пообещали, что рисунки будут раскрашены рукою художника. На самом деле раскрашены были только 12 экземпляров, о чём вспоминал художник в книге «Портреты». По воспоминаниям Юрия Алянского, племянника С. М. Алянского, несколько нумерованных экземпляров хранилось в их семье. Сегодня, в начале XXI века, эти раскрашенные экземпляры стали библиографической редкостью и каждый из них оценивается в 80 тысяч рублей.

Рисунки Юрия Анненкова к изданию поэмы Блока «Двенадцать», по признанию искусствоведов, стали вершиной графического искусства художника. До сих пор поэма Александра Блока «Двенадцать», её образы ассоциируются с иллюстрациями Юрия Анненкова. Третье издание поэмы Блока «Двенадцать» вышло тиражом 10 тысяч экземпляров! И это в голодном и холодном восемнадцатом году!

Блок высоко ценил рисунки Анненкова, видел в них «параллельный графический текст». Блоку нравилось, как Анненков, «показывая распадающийся старый мир, стихию революции, использовал принцип монтажа, свободного соединения отдельных реалий быта, деталей и частей изображения». Этот принцип отвечал размышлениям Блока о том, как «спасти мир от разрушения». «...обращение к общечеловеческим ценностям — одна из главных мыслей поэмы», — писал Блок.

В Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова хранится единственный экземпляр блоковской поэмы «Двенадцать» из третьего издания за 1918 год. Ка-

ким образом он попал из Петрограда в Ставрополь, мне неизвестно. Библиотека хранит издание, которому без малого почти 100 лет!

...В день похорон в среду 10 августа некрологи на смерть Блока опубликовали «Труд» (Москва), «Красная газета» (Петроград), «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск), «Красноармейская правда» (Смоленск),

10 августа через газету «Агит-Роста» на смерть Блока откликнулся Владимир Маяковский:

«Умер Александр Блок.

Творчество Александра Блока — целая поэтическая эпоха, эпоха недавнего прошлого. Славнейший мастер-символист Александр Блок оказал огромное влияние на всю современную поэзию.

Некоторые до сих пор не могут вырваться из его обволакивающих строк — взяв какое-нибудь блоковское слово, развивают его на целые страницы, строя на нём всё своё поэтическое богатство. Другие преодолели его романтику раннего периода, объявили ей поэтическую войну и, очистив души от обломков символизма, прорывают фундаменты новых ритмов, громоздят камни новых образов, скрепляют строки новыми рифмами — кладут героический труд, создающий поэзию будущего. Но и тем и другим одинаково любовно памятен Блок.

Блок честно и восторженно подошёл к нашей великой революции, но тонким, изящным словам символиста не под силу было выдержать и поднять её тяжёлые реальнейшие, грубейшие образы. В своей знаменитой, переведённой на многие языки поэме «Двенадцать» Блок надорвался.

Помню, в первые дни революции проходил я мимо худой, согнутой солдатской фигуры, греющейся у разложенного перед Зимним костра. Меня окликнули. Это был Блок. Мы дошли до Детского подъезда. Спрашиваю: «Нравится?» — «Хорошо», — сказал Блок, а потом прибавил: «У меня в деревне библиотеку сожгли».

Вот это «хорошо» и это «библиотеку сожгли» было два ощущения революции, фантастически связанные в его поэме «Двенадцать». Одни прочли в этой поэме сатиру на революцию, другие – славу ей. Поэмой зачитывались белые, забыв, что «хорошо», поэмой зачитывались красные, забыв проклятие тому, что «библиотека сгорела». Символисту надо было разобраться, какое из этих ощущений сильнее в нём. Славить ли это «хорошо» или стенать над пожарищем, – Блок в своей поэзии не выбрал.

Я слушал его в мае этого года в Москве: в полупустом зале, молчавшем кладбищем, он тихо и грустно читал старые строки о цыганском пении, о любви, о прекрасной даме, – дальше дороги не было. Дальше смерть. И она пришла.

На утверждение Маяковского о том, что «Блок надорвался», что «Двенадцать», вероятно, «рождено в муках», что на поэме лежит «печать больших творческих усилий», сам поэт однажды ответил: «Нет, наоборот, это сделано в порыве, вдохновенно, гармонически цельно».

При жизни Блока поэма «Двенадцать» вместе со стихотворением «Скифы», то есть по изданию «Революционного социализма», выходила в 1919 году дважды в Тифлисе, затем в Баку, в 1920 году дважды в Париже с иллюстрациями Н. Гончаровой и М. Ларионова. С иллюстрациями Юрия Анненкова «Двенадцать» напечатаны в ноябре-декабре 1918 года трижды в издательстве «Алконост». Со вступительной статьёй Р. Иванова-Разумника в 1918 году в Одессе, в 1919 году в Красноярске в форме листовки, в 1920 году с предисловием П. Сувчинского в Софии. В 1921 году «Двенадцать» в четвёртый раз напечатало издательство «Алконост», правда, без рисунков, объёмом 34 страницы. И в том же 1921 году поэма Блока увидела свет в Харькове и Севастополе. В Харькове «Двенадцать» напечатали на множительном аппарате.

10 августа некрологи на смерть Блока опубликовали «Труд», «Красная газета» (официальное издание Петросовета), «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск), «Красноармейская правда» (Смо-

ленск), Московские и петроградские газеты в Батум приходили с опозданием. Следовательно, выпуски газет за 9 августа Мандельштам прочитать не мог. О смерти Блока он узнал, скорее всего, в посольстве РСФСР в Грузии, куда его в 1921 году взял на службу сам посол Б.В. Легран, журналист и гимназический товарищ Н. Гумилева. Мандельштам в течение дня просматривал все газеты, которые приносила почта в посольство. Газет в посольство поступало немало: они были на русском, грузинском, армянском, турецком...

Мандельштам вспоминал: «Вот заходит газетчик. У него припасены газеты на всех языках. Каждому — своё.

Старый почтенный турок покупает турецкий «Коммунист» и медленно читает вслух другим. Что поймет он, купец и патриарх, в предлагаемом ему новом учении? Он морщит лоб, но не улыбается. Как и весь народ, он хорошо воспитан и привык уважать чужое мнение».

В Батуме после установления Советской власти выходила газета «Известия Военно-революционного комитета города Батума и Политотдела 11-й Красной армии». «Эхо Батума» и «Батумская жизнь» закрылись.

Мандельштам делал вырезки из газет по определённым направлениям.

Именно от Леграна он узнал о расстреле Гумилёва. В сентябре между Леграном и Мандельштамом состоялся секретный разговор. Легран рассказал Осипу Эмильевичу, что Петроградская ГУБЧКа арестовала Гумилёва в августе: чекисты предъявили поэту обвинения в участии в контрреволюционном заговоре. И что Гумилёв по постановлению Петроградской ГУБЧК расстрелян.

Точная дата и место расстрела Гумилёва до сих пор неизвестны. Известно лишь, что постановление о расстреле одного из лучших поэтов «серебряного века» Николая Степановича Гумилева Петроградская ГУБЧКа приняла 24 августа 1921 года.

Мандельштама потрясла гибель поэта Николая Гумилёва, его друга, основателя акмеистической школы. Казнь Гумилёва, кото-

рому было всего тридцать пять лет, — первое убийство поэта, совершенное большевиками, своего рода сигнал.

Август 1921 года решительно подтолкнул многих поэтов к решению покинуть страну.

Известный фотограф Николай Оцуп писал: «...после августа 21-го года в Петербурге стало трудно дышать, в Петербурге невозможно было оставаться — тяжело больной город умер с последним дыханием Блока и Гумилёва».

Осенью 1921 года Мандельштам на известие о смерти Блока откликнулся стихотворением «Умывался ночью во дворе...». Реакцией на смерть Блока, на его слова об удушье поэта и замолкшей музыке, было также и стихотворение «Концерт на вокзале». Мандельштам возвращается памятью к своему детству — к концертам на Павловском вокзале, этому архитектурному сплаву стекла и железа, где так болезненно сталкивались друг с другом музыка и технический прогресс, Чайковский и свистки локомотивов. Стихотворение начинается с фразы «Нельзя дышать, и твердь кишит червями» и завершается исчезновением музыки:

И мнится мне: весь в музыке и пене,
Железный мир так нищенски дрожит.
В стеклянные я упираюсь сени.
Горячий пар зрачки смычков слепит.
Куда же ты? На тризне милой тени
В последний раз нам музыка звучит!

...Мандельштам приехал в Тифлис вместе с женой Надеждой Яковлевной в июле 1921 года. Поезд «Центроэвака» — учреждения, которое должно было заниматься расселением и устройством эмигрировавших из Турции армян, — шёл через Ростов-на-Дону и Баку.

Во главе «Центроэвака» стоял художник К. А. Лопатинский из художественного объединения «Мир искусства», с которым Мандельштам был знаком по совместной работе в Наркомпросе.

Лето и осень 1921 года Мандельштамы провели в Тифлисе. Непродолжительное время — в августе и сентябре — они жили в Батуме. Здесь с Мандельштамом впервые познакомился Михаил Булгаков, который рассказывал Сергею Ермолинскому о своей жизни с женой Татьяной Николаевной в Грузии как о «бедной, гордой и поэтически беспечной».

Днём 9 августа в Батумском Центросоюзе Мандельштам прочёл лекцию об авторе поэмы «Двенадцать».

Батумский Центросоюз — организация, «объединявшая потребителей для совместных закупок, производства и продажи потребительских товаров». Мандельштам с иронией писал: «Вот спешит «центросоюзник» на службу в свой родной Центросоюз в охотничьих сапогах — последняя кооперативная выдача. Он смело переходит вброд самые опасные места и даже нарочно выбирает там, где поглубже.

Центросоюз внешне процветает, работа кипит с утра до ночи в маленьком чистеньком особнячке у самого приморского бульвара с пихтами, олеандрами и пальмами, в том самом доме, где — по свежему преданию — англичане держали военный суд. С раннего утра неутомимые кооператоры в непромокаемых плащах и макинтошах снаряжают автомобили для осмотра чаквинских чайных плантаций и плодовых имений. С раннего утра в приёмных толкуются иностранные купцы, ведомые, как агнцы на заклание, местными коммерсантами (всегда можно отличить того, кого ведут, и того, кто ведёт), и не без лёгкого подобострастия проникают в кабинет заведующего, где встречаются острый и пронизательный суд библейского Соломона или кади из «Тысяча и одной ночи».

— Мы — «общественные купцы», — с гордостью говорят батумские кооператоры. — Нам ни тепло, ни холодно от Центросоюза, — твердит простой обыватель. Но обыватель требует синицу в руки, ему нужно сейчас же что-нибудь осязательное. Между тем, если бы не Центросоюз, тесно связанный с Внешторгом, не было бы никакого удерживания, никакой управы на иностранных хищников, которые находят здесь отпор своей алчности и авторитет,

перед которым они должны склониться». Подробностей о чём говорил Мандельштам на встрече в Центросоюзе, нет. Лекция не сохранилась. И исследователям неизвестно её содержание.

Но вот что любопытно. Год спустя Мандельштам принёс в редакцию общественно-литературного журнала «Россия» статью, озаглавив её «А. Блок». У статьи был подзаголовок в скобках: «2 августа 21 г. — 7 августа 22 г.»

«Первая годовщина смерти Блока должна быть скромной, — писал Мандельштам, — 7 августа только начинает жить в русском календаре».

Но, начиная с восьмого абзаца, Мандельштам почти слово в слово, с небольшими изменениями, повторяет то, что сказал в статье «Барсучья нора», которую написал вскоре после выступления в Центросоюзе.

Рассматривая в целом поэтическую деятельность Блока, Мандельштам различал в ней «две струи, два отличных начала — домашнее, русское, провинциальное и европейское».

Мандельштам писал: «Домашнее и европейское — два полюса не только поэзии Блока, но и всей русской культуры последних десятилетий. Начиная с Аполлона Григорьева наметилась глубокая духовная трещина в русском обществе. Отлучение от великих европейских интересов, отпадение от единства европейской культуры, отторгнутость от великого лона, воспринимаемая почти как ересь, в которой боялись себе признаться, стыдясь, была уже свершившимся фактом. Словно спеша исправить чью-то ошибку, загладить вину косноязычного поколения, чья память была короткой и любовь горячей, но ограниченной, и за себя, и за них, за людей восьмидесятых, шестидесятых и сороковых годов, Блок торжественно клянётся:

Мы любим всё: парижских улиц ад
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далёкий аромат
И Кёльна мощные громады».

Отмечая у Блока «историческую любовь и историческую объективность к домашнему периоду русской истории», Мандельштам скажет, что поэт всё же «был человеком девятнадцатого века», дни которого были сочтены. Да, поэт хорошо знал европейское народное творчество: английское, французское, германское, утверждал Мандельштам, но границы могущества Блока — это поэтика девятнадцатого века: «вот где он царь, вот на чем крепнет его голос». В той же статье, написанной после лекции в Центросоюзе, Мандельштам назовет вершиной исторической поэтики Блока его стихотворение «Шаги командора».

Год спустя, в первую годовщину смерти Блока, Мандельштам напишет вторую часть к известной статье «Барсучья нора», дав ей новый заголовок «А. Блок», скажет впервые о поэме «Двенадцать».

«В литературном отношении, — писал Мандельштам, — Блок был просвещённый консерватор».

Но, по мнению Мандельштама, самым неожиданным и резким из всех произведений Блока стала его поэма «Двенадцать». Мандельштам определил её жанр как монументальную драматическую частушку.

«Независимо от различных праздных толкований, — писал Мандельштам, — поэма «Двенадцать» бессмертна, как фольклор».

Известны нелестные отзывы Мандельштама о поэтах-символистах, к которым примыкал и Александр Блок. В спорах Мандельштам нападал на символистов. Акмеисты, к которым принадлежал Мандельштам, объединились и восстали против символистов за их стремление к модернизации христианства, за их призыв слиться то с античностью, то с язычеством. Акмеисты же, напротив, ориентировались на архитектуру, скульптуру, живопись.

В статье «А. Блок» Мандельштам не удержался от нападок на поэзию русских символистов, назвав её «экстенсивной, хищнической».

«...они, то есть Бальмонт, Брюсов, Андрей Белый, открывали

новые области для себя, опустошали их и подобно конкистадорам стремились дальше», — писал Мандельштам.

Исключение: «поэзия Блока от начала до конца, от «стихов о Прекрасной Даме» до «Двенадцати» включительно была интенсивной, культурно-созидательной». Вот так неожиданно для всех Мандельштам определил место Блока в истории русской литературы.

Четверть века спустя, в 1946 году, в Ленинградском Драматическом театре состоится вечер памяти Александра Блока, и другой русский поэт Анна Ахматова прочтёт только что написанные ею стихи:

Он прав: опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит -
Когда он Пушкинскому Дому
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

Прав, видимо, оказался и Мандельштам, когда говорил о Блоке не только как поэте Незнакомки и русской культуры, подчёркивая, что его поэтическая потребность «нашла своё высшее удовлетворение в служении русской культуре и революции». Но и не только в этом.

В другой статье «Буря и натиск» Мандельштам, размышляя о русской поэзии первой четверти двадцатого века, определит место Блока в ней, как «собирателя русского стиха, разбросанного и растерянного исторически разбитым девятнадцатым веком».

В 1924 году журнал «Русский современник» опубликовал воспоминания двоюродного брата Г. П. Блока, которому Александр Блок однажды сказал: «Двенадцать» — какие бы они ни были — лучшее из того, что я написал».

И через годы — почти через столетие, глядя на очередные нападки на Россию, — слышится голос Блока: «Господа, вы никогда не знали России и никогда её не любили».

***

В марте 2015 года Ставропольская краевая универсальная научная библиотека имени М.Ю. Лермонтова внесла третье издание поэмы А. Блока «Двенадцать» с иллюстрациями художника Юрия Анненкова, изданного издательством «Алконост» в 1918 году, в Общероссийский свод книжных памятников (первые прижизненные издания).

Март 2015 г.

ГОРОДА И ГОДЫ ГЕОРГИЯ ЕВАНГУЛОВА

В 1952 году, сидя на скамейке бульвара Сен-Жермен, Георгий Евангулов напишет: «Помню давно, ещё в юные годы глаз мой прельщало всё изумрудное...»

В двадцатом году он смотрел на мир глазами влюблённого. Ему всего лишь двадцать шесть. Но, взвесив всё — и за, и против, он выбрал Париж. Евангулов войдёт в историю мировой литературы как поэт русской эмиграции. Но прежде были другие города и годы, прожитые в них.

Тифлис

Георгий Сергеевич Евангулов родился в Тифлисе в 1894 году. По метрике о рождении он — Георги Саркисович Евангулов. О его детстве, отрочестве написано немного. До эмиграции жил в армянском районе Тифлиса Сололаки, известном своей старинной архитектурой. Жил на Сергиевской улице, в доме инженера Мирзоева.

В этом же доме жил с родителями и братьями Николай Гумилёв. С 1900 по 1903 годы будущий поэт учился в Первой Тифлисской гимназии. В воспоминаниях Ирины Одоевцевой есть рассказ Гумилева: «Кавказ просто ошеломил меня. На меня вдруг хлынули стихи Пушкина и Лермонтова о Кавказе. Я знал их и лю-

бил уже прежде. Но только здесь я почувствовал их магию. Я стал бредить ими и с утра до вечера твердил их... В Тифлисе мы провели два года. Там-то я впервые и почувствовал себя поэтом».

В год окончания гимназии Гумилёву семнадцать лет, Евангулову — девять. Были ли они знакомы, встречались ли? Возможно, но что могло быть общего у подростка Евангулова и взрослеющего Гумилёва, уже писавшего стихи? Первое стихотворение шестнадцатилетнего Николая Гумилёва «Я в лес бежал из городов...» опубликовано в «Тифлисском вестнике».

В 1939 году Евангулов опубликует в парижском журнале «Русские записки» рассказ «Пчеловод». В нём он вспомнит Кавказ, Грузию, вспомнит блюда национальной грузинской кухни — чихиртму, сациви, хаш, шашлык по-карски, бастурму. И с улыбкой заметит, что «у желудка хорошая память». Чуть раньше, в 1921 году, в поэме «Детство» поэт вспомнит родину своих отцов Кахетию и своего далёкого предка по имени Евангул, который служил при царе Вахтанге:

Всё помню я через столетья
И прошлому гляжу в лицо...
О, родина моих отцов,
Далёкая моя Кахетия

Твоё мне имя душу греет
И вспоминать тебя я рад,
В твоих садах зелёных зреет
Пахучий, чёрный виноград.
(Из поэмы «Детство»)

Стихи начал писать рано. Из его ранних стихотворений до нас дошло «Банкет в разгаре. Гости рады...» Когда оно написано, точно неизвестно. Известны лишь место и дата первой публикации: «Армянский вестник» за 1916 год.

Стихотворение посвящено Зоравару Андранику — одно-

му из лидеров армянского национального освобождения конца XIX — начала XX веков. В Российской Империи Зоравар Андраник имел звание генерала. О нём пишут как о национальном герое. С 1897 по 1904 годы он стоял во главе восставшего армянского народа против турецкого правительства. Участвовал в Первой Балканской войне 1912 года, в Первой мировой войне. На правительственном уровне организовал помощь беженцам из Армении, нашедшим кров на Северном Кавказе. Армянское население Пятигорска встречало его как героя и устроило по этому случаю банкет. В ответной речи Андраник поблагодарил собравшихся за «красные слова» и попросил дам... снять бриллианты, обменять их на лиры и помочь Отчизне, помочь многострадающему народу Армении «и с этим выпил он бокал». Речь Андраника потрясла молодого поэта. Так родилось это проникновенное стихотворение:

Им не забыть подобной встречи
И чести — им, его друзьям.
«Народ армянский» и «свобода» —
Слова текут из уст к устам...

Трагедией своего народа
Здесь ткут успех своим речам...
И вот, когда всё смолкло, дали
Герою слово и бокал...

А там народ страдает сырый,
Там армянина голова
Оценена златою лирой!
О них подумайте, вы — франты.

Оставьте, дамы, этот пир!
Снимите ваши бриллианты —
В них много, много звонких лир!
И ими много вы отчизне

Ещё вернёте славных жизней!
Я кончил... я вам всё сказал...»
(«Банкет в разгаре. Гости рады...»)

В 1918–1919 годах волна беженцев из Петрограда, Москвы, городов Центральной и Южной России докатилась до Грузии. Тифлис оказался на перепутье дорог. Здесь начало Русского зарубежья. Ещё не было Константинополя, Праги, Белграда, Софии, Берлина, Парижа, Харбина, Шанхая... В Тифлисе жили русские писатели, журналисты, редакторы, издатели, художники, режиссёры, актёры, артисты, композиторы, музыканты, политики...

Тифлис стал временным пристанищем для поэтов Сергея Городецкого, Рюрика Ивнева, Алексея Кручёных, Осипа Мандельштама, Игоря Терентьева, прозаиков Алексея Толстого, Ильи Эренбурга, художников Василия Каменского, Сергея Судейкина, Савелия Сорина, театрального постановщика и режиссёра Николая Евреинова...

Позднее в город приедут Михаил Булгаков, Исаак Бабель, Константин Паустовский, Сергей Есенин... Тифлис жил большой литературной жизнью. Некоторым авторам, жившим в ту пору в Тифлисе, удастся выпустить по одному сборнику, а кое-кому, как Игорю Терентьеву, — шесть. Восемь книжек издаст Сергей Рафалович. Первенство держал Алексей Кручёных: он издаст альбом «1918», две литографированные книги, три сборника стихов, отпечатанные в типографии, около сорока книжек на правах рукописи напечатает гектографическим способом по десять экземпляров каждую.

Несмотря на дороговизну бумаги, невероятно высокие цены на полиграфию, выходили журналы «ARS», «Братство», «Закавказская рампа», «Куранты», «Мой журнал», «Мода», «Радуга», «Русская дума», «Тифлисская игла», «Искусство»...

В первом номере журнала «Искусство» за 1919 год неизвестный автор писал: «Уже второй год мы живём в полной отрезанности от внешнего мира. И за это время жизнь искусства у нас разви-

лась и расцвела. Два больших театра, множество мелких, большой концертный сезон, консерватория, литературные кружки, студии, художественные салоны — всё это создаёт атмосферу подлинного искусства, атмосферу большого центра... Вместе с тем переживаемый момент характеризуется расцветом искусств национальных, которым раньше ставились серьёзные препоны и которые переживают сейчас свой медовый месяц».

Первое публичное выступление футуристов, организованное Алексеем Кручёных и Юрием Дегеном, состоялось в Тифлисской консерватории 20 ноября 1917 года. Отчёты о вечере опубликовали газеты «Республика», «Тифлисский листок», «Кавказское слово», «Искусство»... Был ли на этом вечере Георгий Евангулов, неизвестно, но, скорее всего, был. Сидел в зрительном зале и наблюдал, как реагировала публика на доклады Дегена о новом искусстве, на лекцию Кручёных о женской красоте, на чтение Зданевичем пьесы «Янко круль Албанский», написанной на «заумном» языке... Выступления футуристов прерывались аплодисментами, в зале раздавался смех, когда Деген заявил, что «футуризм не глупость и не сумасшествие, а истинная грядущая ценность», а Кручёных говорил о том, что «основной тезис футуризма в его быстроте и презрении к женщине...»

Заключительным аккордом первого выступления футуристов стало создание в Тифлисе «Синдиката футуристов». В него вошли поэты и художники Алексей Кручёных, Илья Зданевич, Кирилл Зданевич, Сигизмунд Валишевский, Ладо Гудиашвили, Кара-Дарвиш (Акоп Генджян), Николай Чернявский...

Все они были безумно талантливы и знали своё дело блестяще, когда читали лекции на публике, делали доклады, устраивали диспуты, сочиняли стихи, выпускали печатные издания, писали картины. Юрий Деген считал, что футуризм как новое течение в искусстве станут преподавать в гимназиях. Это вызывало улыбку и смех в зале.

«Синдикат футуристов» просуществовал недолго. На смену «синдикату» придёт группа «+41°». В неё входили Алексей Кру-

чёных, Илья Зданевич, Николай Чернявский. К ним присоединится Игорь Терентьев, автор сборника стихотворений «Херувимы свистят». Тогда же Илья Зданевич основал газету «+41°», название которой объяснял следующим образом: «Большинство великих светоносных городов — Мадрид, Неаполь, Константинополь, Пекин, Нью-Йорк — расположены на 41°. Иисус провёл в пустыне 40 дней; Заратустра — тоже; из 41-го дня они вышли окрепшими. 41 является символическим числом».

Поэты группы «+41°» прочтут множество докладов о современной литературе и искусстве, издадут более пятидесяти книг. Более того, объявят Тифлис городом поэтов.

В 1918 году центр русской культурной жизни Тифлиса переместился в «Фантастический кабачок», где безраздельно царствовали представители русского футуризма Алексей Кручёных, Илья Зданевич, Игорь Терентьев, Николай Чернявский.

Размещался «Фантастический кабачок» на Головинском проспекте (современное название — проспект Шота Руставели. — прим.авт.), в доме № 12 — бывшей столярной мастерской. Здесь футуристы читали лекции, стихи, пьесы, представляли картины, устраивали презентации новых журналов. Сергей Городецкий редактировал журнал «ARS», Сергей Рафалович — журнал «Орион», Юрий Деген издавал журнал «Феникс», Борис Корнеев — журнал «Куранты»...

Поэты «Фантастического кабачка», по оценке Алексея Кручёных, — самая активная и плодовитая литературная группа Тифлиса тех лет.

Георгий Евангулов принимал самое живое участие в работе «Фантастического кабачка», поддерживал издание журналов. В первом номере журнала «ARS» за 1919 год Сергей Городецкий напечатал стихотворение Георгия Евангулова «Горели на стене узоры...»

«Фантастический кабачок», судя по содержанию стихотворения грузинского поэта Паоло Яшвили, был задуман по образцу петербургского кабака «Бродячая собака»:

Бродячих и худых собак
Пригнали с северной столицы,
И в Фантастический кабак
Кузмин желает вновь вселиться.

И в виде нежного залога
Из Петербурга мчится Miss
Как жуткий возглас, радость Блока,
В наш фантастический Тифлис.

В тоннеле пёстром мы согреты
И не виновен в том коньяк,
А лишь улыбочки Пьеретты
И Арлекина пёстрый фрак.

И ко всему мы слишком чутки,
И далеки от сборищ гула:
Да, справил честно праздник жуткий
Маэстро Жоржик Евангулов.

И мы в гостях, что вечно строги,
Но мы в стихах, и мы не немые.
И голубые наши Роги
В честь фантастической богемы.
(«*Фантастический кабачок*»)

Исследователи отмечали, что «Фантастический кабачок» оставил заметный след в литературной жизни Тифлиса двадцатых годов. Имя Георгия Евангулова как активного участника и всегдашняя «Фантастического кабачка» ещё не раз мелькнёт в произведениях поэтов Тифлиса тех лет.

Ему посвящено немало прозаических и стихотворных произведений, воспоминаний. Георгий Евангулов в них — едва ли не главный герой.

Александр Порошин посвятил «Фантастическому кабачку» стихотворение одноимённого названия, в котором вспомнил о Георгии Евангулове:

Приятель радостных кинто,
Знаток духанов и разгулов,
Прочтёт Георгий Евангулов
Про то, как чистил он пальто
    И как с кузиною ходили
    Они в театр «Пикадилли».
(«*Фантастический кабачок*»)

В этих строках явно просматривается отзвук на стихотворение Георгия Евангулова «Розовый дом» из книги «Второе сердце»:

Шмыгнём как мыши в галерею
как будто вычистить пальто.
Но как мы чистили — об этом
лишь только знали мы вдвоём.
(«*Розовый дом*»)

О «Фантастическом кабачке» писала и Нина Васильева — секретарь грузинского объединения «Фантастический кабачок». Она тоже не обошла вниманием Георгия Евангулова:

Пел Лили знойные восторги
И деспотическую страсть
Поэт кино, кинто и оргий,
И женщин баловень, Георгий,
Свою испытывая власть.
(«*Фантастический кабачок*»)

Грузинский поэт Григол Робакидзе вспоминал: «Тбилиси стал фантастическим городом. Фантастическому городу был нужен и

фантастический уголок, и в один прекрасный день на проспекте Руставели № 12, во дворе, поэты и художники открыли «Фантастический кабачок», который состоял из маленькой комнаты, рассчитанной на 10–15 человек, куда каким-то чудом набивалось до 50 душ <...> стены комнаты украшали фантазмагии. Почти каждый вечер «Кабачок» был открыт, и поэты и художники со своими стихами и докладами...»

«Под крышей «Фантастического кабачка» мирно сосуществовали три группы поэтов — «41^о», Цех поэтов «Кольчуга», «Голубые роги», — отмечала Татьяна Никольская в книге, посвящённой русской культурной жизни в Тбилиси в 1917–1921 годах. Здесь выступали не только поэты всех направлений того времени, но и всех языков, вплоть до «заумного», изобретённого Алексеем Кручёных, и эсперанто.

Поэты, входившие в группу «Фантастического кабачка», устраивали не только вечера поэзии, диспуты, но и читали лекции о футуризме — Илья Зданевич «Об итальянском футуризме», «О заплетающихся языках Ф. Тютчева и В. Брюсова», «Лорнет Доди Бурлюка», Алексей Кручёных «О безумии в искусстве», «Слово как таковое», «Фиоль Игоря Северянина», «История русского футуризма».

Поэты «Фантастического кабачка» издавали книги, выпускали журналы «Куранты» и «Феникс», пытались наладить выпуски альманаха «Фантастический кабачок». В первый выпуск альманаха за 1918 год, составителями которого выступили Юрий Деген, Борис Корнеев и Дмитрий Гордеев, Георгий Евангулов предложил подборку своих стихотворений, но ни одно из них не увидело света. Альманах был напечатан, но его составители не смогли оплатить типографские расходы и потому в продажу он не поступил. Уцелело лишь несколько свёрстаных экземпляров альманаха «Фантастический кабачок», по которым можно судить о его содержании. В альманахе опубликованы пьеса Юрия Дегена «Смерть и буржуй», стихотворения Бурлюка, Зданевича, Каменского, Кручёных, Хлебникова...

В 1919 году была предпринята ещё одна попытка выпустить альманах «Фантастический кабачок». Он был издан по инициативе артистки тбилисского Театра миниатюр Софии Михайловны Мельниковой. Стихов Евангулова в этом альманахе нет.

Георгий Евангулов напечатает в Тифлисе две книжки: в восемнадцатом издаст трагическую поэму «Барон в заплатанных штанах», в двадцатом — сборник стихов «Второе сердце».

В трагической поэме «Барон в заплатанных штанах» современники отмечали его незаурядное поэтическое мастерство. Это был то ли отклик на поэму Владимира Маяковского «Облако в штанах», то ли на песню о чёрном бароне...

И всё же Евангулова больше запомнили как знатока старого Тифлиса, собирателя городского фольклора, вывесок.

Поэта привлекали в первую очередь, как писала литературовед Татьяна Никольская, «уходящий в прошлое колорит грузинской столицы, экзотические фигуры кинто».

На встрече в содружестве «Альфа-лиры», организованной поэтессой Татьяной Вечоркой, Георгий Евангулов прочитал доклад «Уходящий Тифлис».

Эта тема нашла отражение в стихотворении Евангулова «Тифлисское», опубликованном в его первой книге стихов «Второе сердце»:

Люблю кутить — весёлый демон
в садах и летом и зимой,
читать на вывесках «Эдема» —
«Не уезжай, голубчик мой!»

Привычной слух нам там лелеют
орган и шумная зурна,
где так мечтательно хмелеют
от кахетинского вина,

где день так солнечен и долог,
где ночью слышно: веселись!
Родной мой город, ты мне дорог,
ленивый, праздничный Тифлис!

На Головинском, средь живого
потока штатских и манто
люблю встречать его,
здорового и с бронзовым лицом, кинто.

Словечки модные так важно
всегда перенимать он рад,
когда он запоёт протяжно:
ай, декадентский виноград!

А вот он пьян... В угарном стоне
Журчит орган Аллаверды...
Кути, кинто! И в фаэтоне
лети в Верийские сады!

Под гулкий тост «Любовь и братство
пей, опьяняйся до утра!
На чёрный день ведь есть богатство
твой пояс — он из серебра...

Хмельной, в исканьи бесконечном,
влюблённый в то, что только миг
в кинто свободном и беспечном
я вижу, вижу свой двойник.
(«Тифлисское»)

Алексей Кручёных ещё раз вспомнит «Фантастический кабачок» и посвятит ему статью, которую опубликует во втором номере журнала «Куранты» за 1919 год.

В ней он вспомнит добрым словом всех, кто принимал участие в его работе. Назовёт и имя Георгия Евангулова.

«Работа «Фантастического кабачка», — писал Алексей Кручёных, — продолжение начатой в Москве и Петербурге, но думаем, что теперь она явится началом для будущих работ этих столиц.

Новый, заумный язык и сдвиги исчерпаны за этот год почти до конца! Для меня (думаю, что также и для других участников «Кабачка») истекший год незабываем. Никогда ещё я не работал так полно и продуктивно, главным образом, над темами, бурлившими в «Фантастическом кабачке». Написано много за этот год больше, чем за все предыдущие 5 лет! А то ли ещё будет!»

Владикавказ

В 1920 году невесть какими ветрами Евангулова занесло во Владикавказ. О его появлении Михаил Булгаков рассказал в «Записках на манжетах»:

«Что это за проклятый город Тифлис! Второй приехал! В бронзовом воротничке. В бронзо-вом. Так и выступал в живом журнале. Не шучу я!!

В бронзовом, поймите!

Беллетриста Слёзкина выгнали к чёрту, несмотря на то, что у него всероссийское имя и беременная жена. А этот сел на его место. Вот тебе и изо, мизо. Вот тебе и деньги за ковёр».

Подотдел искусств отдела народного образования Ревкома Владикавказа заявил о начале своей деятельности в апреле 1920 года. Заведовал подотделом искусств писатель Юрий Слёзкин, автор известного романа «Ольга Орг». Михаил Булгаков руководил сначала литературной секцией, затем — театральной. Слёзкин исполнял обязанности заведующего подотделом искусств, видимо, до середины мая. В Государственном архиве Северной Осетии сохранилось письмо от 28 мая 1920 года, адресованное отделу народного образования и подписанное следующим образом: «За Заведывающего Подотделом Искусств Михаил Булгаков».

Имя Георгия Евангулова впервые появится на страницах газеты «Коммунист» в отчёте «Вечер Пролетарского Творчества» за 9 июня 1920 года. Стихи на этом вечере читали Георгий Евангулов, Людмила Беридзе, Николай Щуклин, Константин Юст и другие поэты. Подобные вечера пролетарского искусства проходили во Владикавказе еженедельно. Отдельные вечера посвящались Пушкину, Лермонтов, Чехову...

В номере газеты «Коммунист» за 10 июня 1920 года Георгий Евангулов впервые представлен как «Заведующий подотделом искусств».

«Великая Революция, — писал Евангулов, — широко открыла двери храма искусства — театра — всем трудящимся.

Но театр надо обновить, надо создать новый кадр артистов!

Раньше артистами могли сделаться те, кто мог платить за учение.

Пролетариат, обременённый 14-часовым рабочим днём, не мог посвятить и 2-х часов в день искусству.

Товарищи! Те из вас, которые чувствуют в себе желание посвятить себя театру, те из вас, которые ощущают в себе жажду к творчеству, — отдайте свободные часы искусству!

Рабоче-крестьянской стране нужны свои актёры!

Стране, управляемой самим народом, нужны актёры из народа!

Товарищи, двери драматической студии открыты для вас.

Запись ежедневно принимается в канцелярии подотдела искусств в 1-м Советском театре от 10-4 ч. дня у заведующего Студией т. Соболевского... Подробности в канцелярии».

Имя Евангулова ещё не раз мелькнёт на афишах подотдела искусств, в газете «Коммунист» того времени. Так, 11 июня 1920 года Терроста и Цех пролетарских поэтов организовали чтение лекции на тему: «Футуризм». Состоялась она в клубе имени Я. Свердлова (бывший Приказчиков, Лорис-Меликовская, 29). В прениях, как напечатано в газетном объявлении, выступал заведующий подотделом искусств Георгий Евангулов. Содержание лек-

ции, как и текст выступления Евангулова, неизвестны. Интересно следующее: в Государственном архиве Северной Осетии исследователями обнаружен документ за 12 июня 1920 года. Это список «ответственных работников» отдела народного образования. В нём в должности заведующего театральной секцией числится М.А. Булгаков, заведующего подотделом искусств Г.С. Евангулов. Имя Ю.Л. Слёзкина в этом документе не упоминается.

Владикавказ двадцатых годов, по определению Георгия Евангулова, напоминал Ноев ковчег. Свою небольшую повесть, изданную во Владикавказе в 1920 году, Евангулов так и назовёт «Ноев Ковчег».

Проездом из Тифлиса в Москву во Владикавказе останавливались поэты Рюрик Ивнев, Осип Манделъштам, Илья Эренбург, режиссёр Николай Евреинов....

Рюрик Ивнев прочитал во Владикавказе лекцию «Любовь и смерть», а 25 августа 1920 года участвовал в живом журнале искусства и литературы «Карусель». На этом вечере Евангулов говорил вступительное слово, читал свои стихи, сделал сообщение о новой книге «Всё сочинённое Владимиром Маяковским», изданной в Петрограде в 1920 году.

Рюрик Ивнев вместе с Георгием Евангуловым, Константином Юстом, Людмилой Беридзе подготовил для «Теркавцентропечати» сборник стихотворений «Костёр», напечатал в третьем номере журнала «Творчество» два стихотворения — «Петербург» и «Сейфы», продал для постановки спектакля пьесу «Глаза, которые не видят» и... укатил в Москву.

По командировке «Правды» и по поручению В.И. Ленина приезжал во Владикавказ Александр Серафимович, встречался с местными литераторами. В течение нескольких дней поставил спектакль по своей новой пьесе «Марианна». В центре спектакля — крестьяне-середняки, красноармейцы и священник — контрреволюционер. Спектакль получился на злобу дня.

Во Владикавказе, как и в Тифлие, летом двадцатого года нашли приют многие поэты, прозаики, драматурги, режиссёры, актёры,

художники, композиторы, музыканты, оперные солисты... Подотдел искусств использовал их творческие силы для организации вечеров поэзии, диспутов, лекций, постановок спектаклей, концертов. В июне объявил набор в драматическую студию и организовал со слушателями трёхмесячные занятия по театральному искусству. В драматической студии преподавали Лина Башкина, Борис Бёме, Михаил Булгаков, Георгий Евангулов, Юрий Слёзкин...

Евангулов читал лекции по истории театра. Свой взгляд на театр прошлого и современный он изложил в статье «Театр прежде и теперь», опубликованной в газете «Коммунист» 24 июля 1920 года. Пролетарское театральное искусство делало робкие шаги.

«Ещё никогда в России — да вряд ли и на Западе — не было такого множества театров, — писал с пафосом Евангулов. — Нет ни одной армии, а в армии ни одной дивизии и полка, где не было бы своей театральной труппы.

Правда, репертуар этих театров слаб, правда — пока приходится пользоваться старым грузом, но из него извлекается всё, что может воспитать, всё, что может вдохновить массы на устройство и создание новой жизни».

Во Владикавказе двадцатых существовало несколько объединений творческой интеллигенции: футуристы, пролеткультовцы, дебоширы в поэзии, символисты, имажинисты, союз «Рабис»... Собирались они зачастую в кафе на Александровской площади, которое именовали «ХЛАМ», что означало: «Художники, Литераторы, Артисты. Музыканты». Об этом писал в романе «Столовая гора» Юрий Слёзкин: «Хлам» — называют они себя — художники, литераторы, артисты, музыканты, — коротко и ясно — хлам!»

«...во Владикавказе нераздельно царит Маяковский, — писал Ю. Слёзкин. — Вообще, как это ни странно, Владикавказ весьма «футуристичен» во всех областях своей жизни. То, что давно уже пережила Советская Россия, сейчас здесь тема дня.

Устраиваются диспуты, где поносится Пушкин как «буржуазный», «контрреволюционный» писатель; цех пролетарских поэтов демонстрирует своих сочленов с произведениями, похожими

на битый щебень; Мольер и Гоголь в театре — на большом подозрении...»

Слѣзкин вспоминал, как получил «приглашение», характеризующее местные литературные нравы:

«Цех пролетарских поэтов и литераторов приглашает вас записаться оппонентом на прения о творчестве Пушкина, имеющие быть в программе 4 вечера поэтов.

Несогласие ваше цехом поэтов будет сочтено за отсутствие гражданского мужества, о чём будет объявлено на вечере»

Почему нужно обладать гражданским мужеством для того, чтобы выступить на диспуте в «защиту» Пушкина, мне и донны неизвестно. Как бы то ни было, вечер состоялся, и Пушкина «разнесли в пух и прах». Молодой беллетрист М. Булгаков «имел гражданское мужество» выступить оппонентом, но за это на другой день в «Коммунисте» его обвинили чуть ли не в контрреволюционности...»

Первый концерт, организованный подотделом искусств на сцене 1-го Советского Владикавказского театра, состоялся 15 апреля 1920 года. В течение апреля — ноября жизнь Владикавказ была относительной, насыщенной литературой и театром. Несмотря на это, в ноябре будет создана «Комиссия по обследованию деятельности Подотдела Искусств», которая представит в отдел народного образования доклад и сделает неутешительные выводы о работе театральной секции и драматической студии, актёрской группы и консерватории, музыкальной секции и музыкальной школы, секции изобразительных искусств и художественной школы, плакатно-художественной мастерской и секции кино, охраны памятников старины и литературной комиссии.

В тридцать седьмой главе машинописного варианта романа «Столовая гора» Юрий Слѣзкин отобразил сцену профсоюзного собрания Рабиса, на котором обсуждалась работа подотдела искусств отдела народного образования Терского ревкома: «Все недовольны подотделом искусств. Подотдел не работает в контакте с союзом. Подотдел не выказывает достаточной пролетарской

твёрдости — таково непоколебимое мнение комячейки. — Нужно убрать буржуазный элемент и ввести железную дисциплину... За два месяца наш подотдел три раза менял помещение, два месяца реорганизовывался и сменил двух заводов...» Первым был Юрий Слёзкин, вторым — Георгий Евангулов.

Париж

Евангулов приехал в Париж в 1921 году, проделав тот же путь, который проделали все, кто уходил в эмиграцию: Тифлис, Батум, порт, итальянский пароход, огни ночного города, Чёрное море, Константинополь, корабли на рейде. Затем жизнь в лагере для беженцев.

В Константинополе Евангулов несколько месяцев ожидал визу для выезда в Париж. Приехал утром на Лионский вокзал и услышал запахи Парижа.

Евангулов сразу же включился в повседневную жизнь русского Парижа, прочитал несколько лекций о русской поэзии, о футуризме и заработал свои первые франки.

Его имя в литературной среде русских эмигрантов сразу же обрело популярность. Современники отмечали незаурядные организаторские способности Георгия Евангулова. Во второй половине 1921 года Александр Гингер, Марк Талов, Валентин Парнах и Георгий Евангулов организовали литературное объединение «Палата поэтов». По воспоминаниям Довида Кнута, название «Палата поэтов» придумал Георгий Евангулов. Правда, Марк Талов в книге «Воспоминания. Стихи, Переводы» приписывает этот факт себе. В «Палату поэтов» приняли Сергея Шаршуна, Бориса Божнева, Михаила Струве.

Судьба навсегда связала этих эмигрантов с Парижем, кроме Марка Талова. Позднее он уедет в Советский Союз.

Тогда же, в 1921 году, при литературном объединении возникло и книжное издательство. В том же, 1921 году, в издательстве «Палата поэтов» Георгий Евангулов напечатал свою первую за-

граничную книгу стихов «Белый духан». В неё вошли четырнадцать стихотворений: «Кинто», «Продавец ковров», «Кинто-рыболов», Тифлисский кутёж», «Спящая царевна», «Когда остались вдвоём», «В казино», «Серные бани», «Кура». «Мравал-жамийё», «Наурская лезгинка», «В духане», «Фокстрот и лезгинка», из них два перепечатаны из книги «Второе сердце». В книгу вошли также отрывки из поэмы «Детство», которую Евангулов начал писать по пути из Константинополя в Париж. Завершали книгу стихи о кавказской трости. Поэт выстукивает ею по бульварам Парижа: «тумба, тум, Ба-тум!» На обложке титульного листа напечатана библиография произведений молодого поэта, где были названы ранее вышедшие книги Г. Евангулова «Барон в заплатанных штанах», «Второе сердце» и «Ноев ковчег». Рисунок для обложки книги выполнил художник Di Lado (возможно, это Ладо Гудиашвили). Напечатана книга в типографии «Франко-Русская Печать».

Выход книги «Белый духан» друзья Георгия Евангулова торжественно отметили в кафе «Хамелеон». Пили вино, произносили тосты и желали автору не забывать «Тифлис далёкий и родной... и кахетинское вино».

В литературном журнале «Сполохи», издававшемся в Берлине, русский критик Марк Слоним писал в 1922 году о книге Георгия Евангулова, что она, наряду со сборниками Александра Гингера, Валентина Парнаха, выглядит «менее всего эмигрантской», назвав её «русско-провинциальной». В ней «автор, кавказский житель, не без таланта передаёт местный колорит», утверждал Марк Слоним. Лирический герой книги Георгия Евангулова, по мнению рецензента, парит над «уходящим Тифлисом» и не замечает ни войн, ни революций. Цитируя «Тифлисский кутёж» — одно из лучших стихотворений сборника, рецензент заостряет внимание читателя всего на двух строках:

Ай, тот не знал счастливых дней,
Кто раз у Белого духана не останавливал коней...

Восхищаясь стихотворением «Мравал-жамийё. Заздравный тост» с подзаголовком «Алаверды Ал. Гингеру», Марк Слоним утверждал, что «пока ещё Евангулову опасно уходить от местных тем. Ибо для этого нужна долгая литературная традиция и, конечно, гибкость и независимость языка». Грузинский напев книги Георгия Евангулова, писал Марк Слоним, сплетается с мелодией Парижа, но эта «экзотика, пересаженная на европейскую почву, звучит у автора неверно, и расслаблено».

Однажды читатели, знакомые с рецензией Марка Слонима на первые эмигрантские сборники русской поэзии, спросили: «Пришла ли новая поэзия?» Он ответил твёрдо: «Пока ещё нет...» Марк Слоним считал, что «оторванный от отечественной жизни поэт, как любой артист, теряет почву под ногами, потому что акклиматизироваться чрезвычайно трудно, почти невозможно, а главное — пагубно».

Иного мнения о книге Георгия Евангулова был рецензент А. Арданов из французского журнала «Монпарнас»: «Только что вышедшая книга стихов г. Евангулова несомненно заслуживает внимательного отношения со стороны читателя.

Правда слишком часто ещё чувствуется отсутствие опытной руки «мастера» стиха, часто срывается неудачный образ, неудачный оборот, но вместе с тем в ней так много ярких, свежих красок, такой сочный, блестящий колорит».

И потому совсем непонятными для духа книги казались рецензенту стихи «под Ахматову»:

Когда остались вдвоём,
Глаза взглянули строже...
Я знаю — тебе дороже
Спокойствие твоё.
Мы в сердцах одно слово носим,
Как лёгкое пламя, как бремя...
Я в апреле предчувствую осень
И хочу оттянуть время.

«Если Георгию Евангулову и суждено обрести свой поэтический облик, — писал А. Арданов, — он найдёт его не в тихой, молитвенной лирике Ахматовой, а в «Белом Духане», под бой большого турецкого барабана и протяжное пение зурны».

Ж. Шюзвиль, обозреватель из литературного журнала «Mercure de France» («Французский Меркурий»), в 1921 году писал: «Несколько молодых поэтов, живущих в Париже, вслед за своими французскими коллегами открыли цикл вечеров в «Хамелеоне», небольшом кафе на бульваре Монпарнас, превратившемся в выставочный зал. Здесь проходят поэтические чтения. В спешке организаторы не определили свою программу, поэтому помимо удачных поэм, которые нам довелось услышать, прозвучали также несколько посредственных эссе. Валентин Парнах прочёл отрывки из своей заумной новой композиции, посвящённой Эйфелевой башне и джаз-банду. Марк-Людовик Талов — несколько трогательных стихов о своей жизни. Евангулов — колоритные стихи в тёплых тонах Кавказа. Следует также запомнить имена Шаршуна и Гингера».

Один экземпляр книги «Белый духан» Георгий Евангулов подарил поэту Марку Талову с автографом:

Марку-Людовику Талову,
певцу двух стихий — Любви и Голода,
с пожеланием, чтобы Любовь
пожрала Голод.
Преданный
Автор
22 ноября 1922
Париж

Спустя годы, Георгий Евангулов каким-то чудом получит письмо от Марка Талова из Советского Союза.

Из письма Марка Талова от 16 ноября 1964 году Георгию Евангулову: «...у меня хранится [Ваша] книга «Белый Духан», изданная

в 1921 году в Париже. В тёплой надписи Вы пожелали мне, чтобы Любовь пожрала Голод... Однако Вашему доброму пожеланию не суждено было сбыться, а случилось совсем иное — Голод пожрал Любовь. Вернувшись в Советский Союз, я женился на любимой девушке. Моя жена умерла 10 января 1944-го года от последствий голода. Это были суровые военные годы!..»

Там же, в «Палате поэтов», через год, в 1922-м, Александр Гингер, с которым Георгий Евангулов участвовал в литературных вечерах, издал книгу «Свора верных». Имя Евангулова напечатано первым в посвящении к этой книге:

Моим товарищам по Палате Поэтов
Геorgию Евангулову
Валентину Парнаху
Марку-Людовику Талову
Сергею Шаршуну

Евангулов не остался в долгу, посвятив одну из элегий Гингеру, в которой, как отмечали критики, были «и морские волны, и гул ветра, и внезапные капли дождя...» Ко времени встречи с ним Евангулов стал популярной личностью в литературном Париже. Его можно было встретить на вечерах, устраиваемых кружком «Гатарапак», объединениями «Палата поэтов», «Через», «Кочевье».

В группу «Через» входили поэты Борис Божнев, Георгий Евангулов, Валентин Парнах, Борис Поплавский, Владимир Свешников (Кемецкий), Глеб Струве, Анатолий Юлиус, художники Виктор Барт, Лазарь Воловик, Наум Габо, Самуэль Грановский, Ладо Гудиашвили, Соня Делоне, Исаак Добринский, Давид Какабадзе, Ида Карская, Сергей Карский, Павел Кремень, Андрей Ланской, Иван Пуни, Вера Рохлина, Константин Терешкович, Исаак Френкель, Осип Цадкин и другие.

В деятельности группы принимали участие французские литераторы Поль Элюар, Тристан Тцара, художник Робер Делоне.

В исполнительный комитет входили Сергей Ромов, Илья Зда-

невич, Виктор Барт. Группа проводила еженедельные собрания с литературными чтениями и небольшие выставки в парижском кафе «Caméléon» («Хамелеон»), затем в основном в «Port-Royal» («Порт-ройаль»). На собраниях заслушивались доклады: Ивана Пуни о творчестве Пабло Пикассо (19 декабря 1923), Виктора Барта «О современном состоянии живописи» (6 февраля 1924), Сергея Ромова о творчестве французского поэта, писателя, публициста Гийома Аполлинера (20 февраля 1924), Мориса Рейналя о современном искусстве (5 марта 1924), Наума Габо о конструктивизме (26 марта 1924) и другие.

В феврале 1923 года группа совместно с редакцией художественно-литературной хроники «Удар» провели выставку в галерее «La Licorne» («Единорог»). 29 апреля там же прошёл вечер поэта Бориса Божнева (программу составляли доклады, поэтические чтения, выставка художественных произведений). В марте 1923 года группа выступила в числе организаторов Недели Камерного театра, приехавшего с гастролями в Париж, и однодневной выставки эскизов и макетов декораций театра. Выставка открылась 23 марта в кафе «La Closerie des Lilas» («Сиреневый хуторок»).

Пиком сезона 1923 года стал вечер в «Theatre Michel» (театр «Мишель»), организованный 6 июля совместными усилиями французских дадаистов и русских авангардистов. Зрителям был представлен спектакль по пьесе Тристана Тцара «Воздушное сердце» в оформлении Хаима (Самуэля) Грановского. Вечер закончился скандалом, дракой и вмешательством полиции.

В марте 1924 группа провела ещё одну выставку в кафе «Port-Royal» («Порт-ройаль»). Совместно с Союзом русских художников в Париже группа участвовала в устройстве благотворительных балов в пользу нуждающихся художников. Но планы членов группы на сотрудничество с ЛЕФом так и не осуществились.

Георгий Евангулов входил и в литературное объединение «Кочевье». Вместе с ним в него входили поэты Борис Поплавский, Александр Гингер, Борис Закович, Дмитрий Кобяков, Александр

Струве. Возглавлял объединение Марк Слоним, который ориентировал его деятельность на литературную эмигрантскую молодёжь. Встречи проходили по четвергам в Таверне «Dumènil» («Дюмениль») на Монпарнасе. Со дня организации «Кочевья» Марк Слоним рассматривал его как «свободную литературную трибуну», лишённую каких-либо партийных пристрастий.

Молодые литераторы, участвовавшие в заседаниях «Кочевья», изучали, в частности, русскую советскую литературу, лучшие произведения Максима Горького, Михаила Зощенко, Валентина Катаева, Леонида Леонова, Владимира Маяковского, Юрия Олеши. В поле зрения членов объединения была политика ВКП(б) в области литературы и искусства, изучение наиболее заметных работ советских литературоведов и критиков, чтение советских литературных журналов, ежегодные обзоры советской литературы. Марк Слоним собрал в «Кочевье» всю русскую литературную молодёжь Парижа. Предоставлял молодым место для публикации своих произведений в издаваемом им журнале «Воля России».

«Ставка на молодёжь, как называли нашу политику и сами её участники, — писал Марк Слоним, — привела к двум последствиям: во-первых, мы дали молодёжи возможность появления в печати; во-вторых, мы пробили ей путь в другие журналы, например, в «Современные записки», которые привлекли к сотрудничеству ряд молодых, после того, как они прошли «чистилище» «Воли России».

«Кочевье» возник в 1928 году. Просуществовал довольно долго: последнее заседание кружка состоялось осенью 1938 года. Члены поэтического объединения издавали сборники стихотворений. Позднее о кружке «Кочевье» литературовед Г. С. Ерёмин напишет как о литературном объединении «незамеченного поколения» русской эмиграции.

Георгий Евангулов был желанным гостем в семье Гингер и Присмановой. На «Литературные среды» в их квартиру приходило много посетителей.

Специально для них Гингер и Присманова завели по старой

русской традиции «Альбом», в котором Евангулов однажды написал такие строки:

Как раковинка с морем и в разлуке
Ещё у моря в сладостном плену
Перепевает в повторенном звуке
И ветра гул, и вольную волну —

Так о тебе храню воспоминанье...
И стоит лишь задуматься слегка —
Твой голос ли, или твоё дыханье
Сперва неясно и издалека,

Но вдруг нахлынет, как среди лазури
Внезапный дождь, и сердце задрожит,
Как раковинка взвояет, загудит
Далеким рёвом неутихшей бури.

Георгий Евангулов
13 апр<еля> 1948

Позднее Георгий Адамович, которого называли летописцем эмиграции, вспоминал, что «в первое время эмиграции была смесь парижских эксцентрических утончённостей с увлечением дубовым отечественным футуризмом, уже кончавшимся в Москве. Париж и Москва были восприняты как бы из вторых рук и слиты механически, с расчётом кого-то удивить, кого-то раздражить и эпатировать... Факт эмиграции ещё не ощущался как тяжесть, как долг, как ответственность. История казалась результатом досадных случайностей, и избранники искусства не желали обращать на неё внимания. Господствовало легкомыслие».

Стихи молодого поэта пользовались успехом в салоне Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского. Ему, как и другим поэтам русской эмиграции, «выпало жить и творить на изломе эпох». Георгий

гий Евангулов был вдали от любимой Грузии, от России, но душою и сердцем он всегда оставался с ними.

В 1922 году Евангулов организовал свой первый творческий вечер. И пригласил на него друзей. Вечер прошёл в небольшом кафе «Caméléon» («Хамелеон») на бульваре Монпарнас.

Кафе «Хамелеон» облюбовали артисты и поэты, близкие к русскому литературному авангарду. Многие из них жили по соседству. Здесь же, в этом кафе, устраивали выставки молодые и ещё малоизвестные художники. Среди них и Виктор Барт, уроженец села Величаево Ставропольской губернии, прославивший себя как художник-авангардист.

В «Хамелеоне» встречались представители «Палаты поэтов» Александр Гингер, Георгий Евангулов, Александра Меликова, Валентин Парнах, Михаил Струве, Марк Талов, Сергей Шаршун, поэты из группы «Гатарапак» Борис Божнев, Довид Кнут, Владимир Познер, Борис Поплавский... Так как представители «Палаты поэтов» надеялись только на себя, поэтому на все устраиваемые ими мероприятия вход был платным — пять франков.

Творческие вечера, устраиваемые в честь какого-либо поэта, прозаика, художника, актёра музыканта, давали средства для их существования. Так, 23 февраля 1923 года художник Илья Зданевич организовал в зале Бюлье (Salle Bullier; 31, avenue de l'Observatoire) «Большой заумный бал-маскарад». Привлёк в состав организационного комитета художников, поэтов, драматургов, издал к бал-маскараду специальную программку, на её третьей странице был напечатаны автографы русских парижских поэтов Георгия Евангулова, Ивана Рискина, Владимира Свешникова (Кемецкого), Владимира Познера, Анатолия Юлиуса.

В ноябре 1925 года в парижском издательстве Д. Грединова вышел новый сборник стихотворений Георгия Евангулова «Золотой пепел». В нём насчитывалось всего лишь 37 страниц. Поэт включил в него стихотворения «Как рыжий кот...», «Всё равно», «Notre-Dame», «Ноябрьский дождь», «Бегство», «Разговор», «Есть в осени...» «В гостинице», «В глазах твоих...», «Стихи об

одной собаке», «Разлука», «До конца», «Уговаривание», «Сентиментальные похороны», «Подражание Гейне», «Открещивание от предыдущего стихотворения», «Сусанна», «Самомнение», «Вдохновение», «Мольба к звёздам», «Спокойствие».

По случаю выхода книги друзья устроили вечер Георгия Евангулова. Объявление о нём было напечатано 14 ноября 1925 года в газете «Дни».

Вечер состоялся на следующий день. В «Золотом пепле», как отмечали критики, «слышатся отголоски интонаций Маяковского». И стихи Евангулов читал, по воспоминаниям его современника, «выкрикивая их на манер Маяковского».

Участникам творческой встречи 1925 года тот ноябрьский вечер запомнился ещё и тем, что И. Сидерский читал французский перевод новой пьесы Георгия Евангулова «Человек без галстука».

Правда, после этого, писал Глеб Струве в книге «Русская литература в изгнании», «Евангулов... как-то сошёл на нет (ни одно его стихотворение даже не попало ни в одну из зарубежных антологий, что, конечно, несправедливо...)»

Многие поэты и художники, входившие в творческие объединения русского Парижа двадцатых годов, родились в Грузии или каким-то образом были связаны с ней. Георгий Евангулов родился в Тифлисе, Александра Меликова взяла себе грузинский псевдоним «Дзамтари», художник Сергей Судейкин был родом из Санкт-Петербурга, но долгое время вместе с женой Верой проживал в Тифлисе. Тифлисский цех поэтов, организованный в апреле 1918 года Сергеем Городецким, через год возглавлял поэт Сергей Рафалович. С 1922 года и до самой смерти жил в Париже.

Кафе «Хамелеон» посещали грузинские художники Давид Какабадзе, написавший в 1920 году серию картин «Париж», и Ладو Гудиашвили, который с грустью вспоминал:

«Моя самая большая любовь — после моей родины — принадлежит Парижу. Париж ... Я могу без конца повторять это слово. Оно имеет для меня магическую силу... Париж — частица моей собственной души...»

Позднее, в поэме «Необыкновенные приключения Павла Павловича Пупкова в С.С.С.Р. и в эмиграции», изданной в Париже в 1946 году, Георгий Евангулов вспоминал:

Был когда-то, например,
На бульваре Монпарнассе,
На углу Campagne Première
Кабачок (исчезнул он)
с вывеской «Хамелеон».
В этом кабачке впервые,
старые храня заветы,
собирались молодые
эмигрантские поэты.
Мы читали по средам
то стихи, то рефераты.
Многих видели мы там —
на собраниях «Палаты».

(«Необыкновенные приключения Павла Павловича Пупкова в С.С.С.Р. и в эмиграции»)

«Ещё до «Союза писателей и поэтов» бывали другие литературные кружки. На тех, доисторических вечерах гремели звёзды раннего периода: Евангулов, Божнев, Гингер, (Зданевич, Шаршун). В подвале кафе, на столике во весь рост стоял жизнерадостный Евангулов и выкрикивал стихи на манер Маяковского. Когда в подвал спускалась дама в мехах, он прерывал строфу и говорил очень почтительно: «Сюда, графиня, сюда, пожалуйста!» Из этих поэтов только один Гингер, пожалуй, остался», — вспоминал Василий Яновский в книге памяти «Поля Елисейские», изданной впервые в Нью-Йорке.

«Даму в мехах», перед которой благоговел Георгий Евангулов, звали Анна Присманова. Она была замужем за Александром Гингером и родила ему в 1925 году первенца Василия, а через три года — второго сына Сергея. Евангулов, как и окружение Присмановой

и Гингера, звал их на французский манер Базиль и Серж. Иногда на вечерах Георгия Евангулова она тоже читала свои стихи, которые вначале всерьёз никто не воспринимал, вроде вот этих:

О бабушка, жила ты в жёлтом доме,
где рукава сходились на спине.
Остался жёлтый облик твой в альбоме,
а рукава — ты завещала мне.
(«Бабушка»)

В 1928 году Георгий Евангулов закончил работу над повестью «Четыре дня» и предложил её журналу «Современные записки». Она увидела свет в 37 книжке журнала. Это была его вторая публикация в «толстом» журнале.

На повесть молодого автора обратил внимание Владимир Набоков: «...читатель найдёт немало хорошего в повести Евангулова «Четыре дня» (о том, как страдал от голода русский эмигрант в Париже)... Повесть Евангулова очень проста, написана без всяких ухищрений, чистым слогом. Прекрасно передана слабость от голода, тошнота, головокружение, хорош зелёный отсвет листьев в Булонском лесу на лице голодного человека».

Размышляя над положительными аспектами повести Евангулова «Четыре дня», Набоков тем не менее писал: «У автора были, вероятно, затруднения — как кончить повесть (она написана от первого лица). Не мог же герой умереть голодной смертью. Последняя строка объясняет, как он был спасён: «две пары сильных рук хватают меня за плечи и за ноги и несут куда-то». «Удачно ли это?» — спрашивает Набоков.

На страницах газеты «Последние новости» литературный критик Георгий Адамович дал тоже развёрнутую оценку повести Евангулова: «О тридцать седьмой книжке «Современных записок» писать особенно приятно: в ней нет «балласта». Она, конечно, не вся равноценна, но во всех своих частях интересна. Два молодых беллетриста, представленных в ней, Евангулов и Темирязов, дали

вещи живые — художественно-убедительные и человечески-искренние. Их, действительно, стоило напечатать, и надо радоваться, что напечатаны они в журнале, который внимательно читается и долго сохраняется. Особенно это относится к Евангулову».

Двумя годами Адамович, прочитав рассказ Евангулова «Смерть Джона Хоппуса», опубликованного в двадцать девятой книжке «Современных записок», был более сдержан в оценках творчества молодого автора: «В последней книжке журнала напечатаны два рассказа авторов малоизвестных — Щербакова и Евангулова. И что же? Никто, кажется, не доволен этим долгожданным нововведением, самые яростные обличители самоубийственного консерватизма «Записок» презрительно морщатся. Нет ли тут недоразумения? Нельзя ведь было ждать, что редакция журнала сразу найдёт каких-то юных гениев и какие-то их новые шедевры. Нельзя было надеяться, что в новых рассказах сразу блеснут несомненные, всем явные надежды и обещания... Щербаков и Евангулов вполне традиционны, ничего не ломают и не нарушают».

Адамович не утверждал, что рассказ «Корень жизни» Михаила Щербакова лучше или удачнее «Смерти Джона Хоппуса» Георгия Евангулова. Он напишет, что рассказ Евангулова, напротив, «излишне «шикарен», т. е. ловок и хлёсток, по существу же скудают».

Повесть же «Четыре дня», утверждал Адамович, «впервые заставляет обратить внимание на этого молодого писателя, до сих пор помещавшего в разных газетах и журналах вещи гладкие, но легковесные. Это — повесть о том, как голодает человек, русский беженец, одинокий в Париже. Тема — не новая, трудная, потому что сразу вспоминается Гамсун и сразу хочется сделать сравнение. Тема трудная ещё и потому, что «болезненная», не допускающая никакой подмены человечности литературностью. Вообще — тема, похожая на испытание. Надо сказать сразу, что Евангулов испытание выдержал. Очень хороший рассказ, чисто и умно написанный. Чутьё и талант помогли Евангулову удержаться как раз на той грани, где кончается искусство и начинаются просто «документы».

Чутьё вообще оказало услуги ему: в смене настроений, в переходе от отчаяния к бодрости, в появлении образа матери в конце рассказа — везде оно присутствует. До сих пор мы с именем Евангулова особых надежд не связывали. Не стоит обсуждать, кто в этом виноват, мы ли, до недостатку зоркости, он ли, по недостатку строгости к себе, — важно только эту несправедливость исправить».

Отвечая критикам по поводу того, что «Современные записки» не печатали или недостаточно печатали молодых авторов, главный редактор журнала Марк Вишняк писал: «Выходя 3—4 раза в год, «Современные записки» не могли, конечно, объять необъятное — удовлетворить всех полностью. Как правило, произведения «молодых» нам казались недоработанными.

Тем не менее всё более или менее талантливое «Современные записки» старались печатать, не справляясь о возрасте или литературном стаже автора... часто после того, правда, как они дебютировали в других изданиях».

Перечисляя фамилии авторов, произведения которых печатали в «Современных записках», Вишняк упомянул и Георгия Евангулова, небольшие рассказы которого к тому времени уже напечатаны журналы «Звено», «Иллюстрированная Россия», «Ухват».

Зинаида Гиппиус была довольно категорична в оценках ранних рассказов Евангулова. В частности, о рассказах Щербакова «Корень жизни» и Евангулова «Смерть Джона Хоппуса», она пишет: «Рассказы не плохи: они просто... никакие. Оба при том, «экзотика». В одном из номеров газеты «Последние новости» Георгий Евангулов резко ответил Зинаиде Гиппиус: «Экзотика тут не случайна, больше того: экзотика притянута к рассказу, и эту канву, на которой вышит рисунок рассказа, авторы выбрали потому, что она ближе, естественнее для них, чем то, что Вы, очевидно, имеете в виду: русскую жизнь <...> Я завидую старшим писателям <...> но как быть нам, которым доступнее быт французов, негров, китайцев, чем тот быт — наш? <...> в этом быте для меня гораздо больше экзотики, чем в неграх, которых я встречаю в парижских кабачках».

В этом же номере «Современных записок» напечатаны третья книга романа «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина, будущего лауреата Нобелевской премии по литературе, повесть Бориса Зайцева «Анна», трилогия «Тезей» Марины Цветаевой, три стихотворения Николая Оцупа, главы «Из воспоминаний» Александра Керенского, стихотворения Георгия Адамовича, статья Владислава Ходасевича «В спорах о Пушкине», воспоминания «Дедушка Лев Николаевич» Анны Толстой-Поповой, внучки Льва Толстого, дочери Ильи Львовича Толстого. статьи Павла Милюкова «Традиционная религия и свободная мысль», редактора и ответственного секретаря журнала Марка Вишняка «Демократия в Европе»... Следует отметить, что повесть Георгия Евангулова «Четыре дня» не затерялась в этом слоённом журнальном пироге.

Редакция журнала «Современные записки» и его контора несколько раз меняли адрес. В 1927 году они располагались в шестнадцатом округе Парижа на улице de la Tour (улица Башни). Из окон редакции была видна Эйфелева башня. В контору приходили авторы опубликованных произведений. Здесь с ними производились расчёты. При редакции был небольшой магазинчик, где посетителям предлагалась печатная продукция, издаваемая журналом и всевозможными литературными объединениями того времени. За один экземпляр 560-страничного журнала «Современные записки» покупатели вносили в кассу 25 франков.

Журнал печатался в типографии на улице Пьера Мешена, 13. Улица названа в честь известного французского астронома конца XVIII — начала XIX веков.

В судьбе Евангулова «Современные записки», безусловно, сыграли решающую роль в признании его литературного дарования. Но были и другие эмигрантские литературные издания, где печатался Евангулов и которые не следует сбрасывать со счетов. Среди них еженедельный литературный журнал «Звено», журналы «Русские записки», «Современник», «Иллюстрированная Россия», сатирический журнал «Ухват», позднее еженедельные газеты «Парижский вестник», «Русская мысль», «Новое русское

слово», Нью-Йоркский «Новый журнал». В 1929 году Георгий Евангулов совместно с художниками устроил в Париже большой костюмированный бал-маскарад по произведениям русских писателей.

Ницца

В 1930 году Георгий Евангулов переехал в Ниццу. Этот город был вторым по значению центром русской эмиграции во Франции. «Ницца оказалась самым «русским» городом вне России», — писал известный французский профессор-славист Ренэ Герра. В 1930 году в Ницце проживали 5300 русских.

В Ницце жили бежавшие от большевиков русские дворяне, военные, представители казачества, учёные, художники, композиторы, музыканты, писатели... Ницца после Крыма казалась им раем.

Поэт, драматург, постоянный автор театра-кабаре «Летучая мышь» Леонид Мунштейн, печатавший свои стихотворения под псевдонимом Лоло, автор книги «Пыль Москвы», поэт и прозаик Георгий Евангулов организовали в Ницце литературное объединение «Четверг». В инициативную группу входили театральный критик, историк русского балета Александр Плещеев, прозаик Дмитрий Крачковский, поэтесса София Таубе, автор книг «Загадка Ленина» и «Записки молодящейся старухи». Председателем объединения избрали Мунштейна, секретарём — Евангулова. Постоянные члены объединения — Н.М. Беляев, поэтесса Е.А. Блинова, историк, литературовед Константин Вогак, прозаики Нина Вольская, Николай Роцин, автор нашумевшего сборника рассказов «Журавли».

По воспоминаниям представителей русской литературной эмиграции тех лет культурная жизнь в Ницце уступала парижской. Но и здесь она устраивала вечера, зачитывала как свои, так и чужие произведения. В первых числах мая 1930 года был организован вечер, посвящённый русскому писателю Леониду Андрееву.

В номере газеты «Возрождение» за 8 июля 1930 года сообще-

лось, что «последний «четверг» ниццкого литературного кружка (зала Мерсье) прошёл очень оживлённо. Г. Евангулов читал свой новый роман, Е. Короткова стихи Лоло из его, готовящейся к печати, книги «Пыль Москвы», Е. Блинова читала свою поэму «Иегова». Чтение сопровождалось дискуссией членов кружка и гостей, охотно посещающих входящие в моду «четверги».

На «Четвергах» слушали главу из романа Нины Вольской «Дансер», юмореску Лоло «Милый мальчик», рассказы Дмитрия Крачковского и Николая Рощина, стихи Георгия Евангулова, «Воспоминания о встречах с Блоком и Гумилевым» Константина Вогака, стихи, миниатюру «Куранты» и пьесу-сказку «Милитриса Кибирьевна» Блиновой.

В Ницце Георгий Евангулов провёл свой первый литературный вечер. Оно состоялось 13 декабря 1930 года. В гости к Георгию Евангулову пришли русские и французские друзья литературного кружка. Поэт читал по-русски свою поэму, стихи, по-французски новый рассказ. Второй литературный вечер Георгия Евангулова состоялся в 1934 году.

30 ноября 1930 года Евангулов появился на литературном вечере, посвящённом памяти Александра Блока, произнёс вступительное слово. Доклад на тему «О значении Блока в русской литературе» прочитал Константин Вогак. После доклада прозвучали стихи Александра Блока в исполнении Е.А. Блиновой.

В декабре 1933 года Георгий Евангулов по случаю присуждения Нобелевской премии по литературе русскому писателю Ивану Алексеевичу Бунину подготовил доклад о нём и о его творчестве, который зачитал на одном из заседаний литературного «Четверга». У Дмитрия Крачковского было совершенно другое мнение о решении Нобелевского комитета присудить премию по литературе Ивану Бунину: «Да. да... пошлость торжествует, настоящая литература — в тени. Не удивляюсь. Так было, так будет!»

На еженедельные лекции и доклады, посвящённые главным образом творчеству Ивана Тургенева, Льва Толстого и Фёдора Достоевского, собиралась вся русская Ницца. С интересом слушали

выступления литературоведа Константина Вогак, философа, литературного критика Владимира Ильина, языковеда Сергея Карцевского, философа Николая Цыпкина-Дедушки.

Георгий Евангулов не просто участвовал в литературных «четвергах, в литературно-философских беседах. Он ещё и организатор этих встреч. вёл их протоколы, чтец, лектор.

После выхода в свет сборника «Якорь» — первой антологии русской эмигрантской поэзии — Объединение писателей и поэтов организовало вечер, который запомнился рекордным количеством его участников. Поэт Георгий Иванов рассказывал, что «такого парада поэтов» не было в истории подобных вечеров: стихи читали то ли сорок авторов, то ли больше. Георгий Евангулов оказался в окружении «звёзд» русской поэзии: Зинаида Гиппиус, Марина Цветаева, Ирина Одоевцева, Нина Берберова, Анна Присманова... Евангулов читал стихи после Леонида Ганского. Следом выходили Довид Кнут, Георгий Раевский... Читали стихи Иван Бунин, Владислав Ходасевич, Георгий Адамович... Вместе с тем Георгий Евангулов впервые почувствовал разобщённость в эмигрантской среде. Впереди русских эмигрантов ждали новые испытания.

Снова Париж

О жизни Георгия Евангулова в оккупированном немцами Париже известно немного. С приходом немцев в Париже закрылись все газеты и журналы, печатавшиеся на русском языке. Зарабатывать литературным трудом практически стало невозможным. Часть русских эмигрантов покинула Париж и через Лиссабон уехала в Америку. Другие, как поэт Георгий Иванов и его жена Ирина Одоевцева, провели военные годы на Юго-Западе Франции в Биаррице, Иван Бунин и его жена Вера Николаевна жили на вилле «Жаннет» в Грасе.

Самым «русским» городом Франции оказалась Ницца. Здесь была одна из самых больших русских колоний. В годы войны Ницца стала новым домом для многих известных русских писателей,

художников, музыкантов, актеров, военных, покинувших Париж.

Евангулов оставался в столице, оккупированной немцами. Писал для «Парижского вестника», издание которого было возобновлено в июне сорок второго года управлением по делам русской эмиграции во Франции. Это был небольшой шанс заработать себе на жизнь. Однажды он даже выступил на вечере в редакции «Парижского вестника». Время не сохранило текста его выступления. Сам же Евангулов постарался забыть об этом эпизоде его жизни и покинул Францию, поселившись в послевоенном Мюнхене, затем перебрался в Гамбург.

Вторая мировая война и оккупация Парижа для Евангулова, как и для тысяч его соотечественников, стали наиболее тяжёлым и противоречивым периодом, испытанием её физических и моральных сил. Подневольная жизнь под оккупантами, постоянное ожидание ареста, не покидающее чувство холода и голода толкнули часть русской эмиграции на «сотрудничество с врагом». Все послевоенные годы Евангулова не покидал комплекс вины и стыда за себя и за ту часть русской эмиграции, которая пошла служить в полицию Ниццы, работала у немцев.

Когда оккупация закончилась и Париж был освобождён, чета Александр Гингер — Анна Присманова, задумали составить альбом из стихотворений поэтов-эмигрантов, чудом выживших в военные годы. Гингер предложил всем, кто его знал, поддержать эту идею. Таким образом, утверждал Гингер, мы сохраним для будущего имена русских писателей и поэтов-эмигрантов и хоть какое-то представление о их творчестве. В создании альбома приняли участие Георгий Адамович, Вадим Андреев, Нина Берберова, Иван Бунин, Тамара Величковская, Георгий Евангулов, Владимир Корвин-Пиотровский, Довид Кнут, Виталий Ладинский, Виктор Мамченко, Ирина Одоевская, Николай Оцуп, Георгий Раевский, Владимир Смоленский, Перикл Ставров, Юрий Терапиано, Игорь Чиннов, Зинаида Шаховская, Евгений Щербаков...

Много стихотворений посвящено самому Гингеру и его жене Присмановой. Евангулов записал в альбом посвящённую Алек-

сандру Гингеру ещё в 1922 году свою элегию, где отобразил «и морские волны, и гул ветра, и внезапные капли дождя, радующие человека». Вписанные собственноручно в 90-страничную обыкновенную бухгалтерскую книгу в тёмной обложке стихи, разные по тональности, стихотворному размеру, стилю и жанру, они ждут своего издателя.

После войны Георгий Евангулов почти не писал, его книги не издавались. В сорок седьмом на вечере «Союза советских патриотов» Евангулов выступил с докладом о советской литературе. В августе «Союз советских патриотов» был распущен, вместо него возник «Союз советских граждан». Организация насчитывала около одиннадцати тысяч человек. Евангулов активно участвовал в работе нового Союза. В том же сорок седьмом Евангулова постигло большое горе — 11 сентября умерла его жена.

В ноябрьские дни, когда по Франции прокатилась волна забастовок против роста цен, на русскую эмиграцию обрушилась новая беда. Французская полиция арестовала наиболее активных членов «Союза советских граждан», сотрудников газеты «Советский патриот». Из французских газет Евангулов узнал, что их обвиняют «во вмешательстве во французские внутренние дела», в организации «социальных беспорядков», в подготовке какого-то «заговора против Французской республики».

Евангулов чудом избежал ареста и, покинув Францию, поселился в послевоенном Мюнхене, затем перебрался в Гамбург. Сведений об этом периоде жизни Евангулова немного. В 1959 году «Новый журнал» поэт русской эмиграции, как его называли современники, напечатал небольшую поэму «Кентавр».

Мюнхен, Гамбург

За несколько лет до кончины Евангулов отметился в журнале «Мосты», издававшемся в Мюнхене, опубликовав несколько глав из своего нового романа «Игра». Редакция журнала, видимо, придавала этому произведению исключительно значение. Сразу после

статьи «Толстой и большевизм» Василия Маклакова, стихотворения «На смерть Б. Пастернака» Лидии Алексеевой, шла «Игра» Георгия Евангулова.

Роман написан, видимо, не случайно. Одно время Евангулов, как и герой романа, увлёкся игорными домами. И пережил трагедию, о чём свидетельствует письмо поэта Бориса Божнева от 18 июня 1947 года, адресованное поэту Александру Гингеру:

Дорогой Александр Самсонович

Я получил совершенно отчаянное письмо от Г. Евангулова — ликвидировав последнее своё достояние и получив 100.000 — он в ту же ночь всё это последнее проиграл в карты.

У него больше нет ни квартиры, ни денег, ни помощи «друзей» — всем должен.

Так что со вчерашнего дня он «на улице».

«Адрес» его — куда он, надеюсь, зайдёт — обещает в письме — «Les Nouvelles Russes», 16, rue du Croissant, Paris, II³. Полагаю, что надо, не теряя ни минуты, ему написать хоть несколько строк — пригласите его зайти к Вам, накормите и ободрите его — крошками «Палаты Поэтов» и словами не чёрствыми. Только — потопитесь.

Сердечный привет Анне Присмановой.

Искренне Ваш *Божнев*

В этом же номере редакция опубликует статью «Памяти Анны Присмановой». Так они — Евангулов и Присманова — вновь встретились, но только на страницах журнала.

Последние годы Евангулов числился сотрудником газеты «Русские новости». Газета выходила еженедельно в Париже. Издавалась с 1945 по 1970 годы.

Георгий Евангулов умер в Гамбурге 31 июля 1967 года. Ему было 73 года. На его смерть откликнулась лишь газета «Русская мысль», опубликовавшая некролог, подписанный Союзом русских писателей и журналистов в Париже, в номере за 24 августа 1967

года. Так закончилась жизнь русского поэта Георгия Евангулова, большую часть которой он прожил в эмиграции, где создал свои главные произведения. Но творчество его так и осталось незамеченное критикой.

***

В рамках года Франции в России и России во Франции с 23 ноября по 21 декабря 2010 года в двух небольших залах Государственного литературного музея в Трубниковском переулке Москвы проходила выставка «Русско-французские литературные связи в XX веке». Уникальные экспонаты из собрания музея — рукописи, письма, книги, фотографии — рассказали постелям о переплетении судеб русских и французских писателей, о взаимопроникновении двух великих культур в XX столетии. В одном из разделов выставки можно было видеть материалы о литературном кабаре «Палата поэтов», созданном поэтом Марком Таловым совместно с Георгием Евангуловым, Валентином Парнахом и Александром Гингером, и сыгравшем важную роль в культурной жизни Русского зарубежья во Франции в начале двадцатых годов.

Ноябрь 2020 г.

ЗАВЕЩАНИЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

По свидетельству Л. Е. Белозёрской, «Консультант с копытом» (первый вариант романа), лёгший в основу «Мастера и Маргариты», написан в 1928 году на Большой Пироговской.

«Насколько помню, — писала Любовь Евгеньевна, — вещь была стройней, подобранней: в ней меньше было «чертовщины», хотя событиями в Москве распоряжался всё тот же Воланд с верным своим спутником волшебным котом. Начал Воланд также с Патриарших прудов, где не Аннушка, а Пелагеюшка пролила на трамвайные рельсы роковое постное масло. Сцена казни Иешуа была так же прекрасно-отточено написана, как и в дальнейших вариантах романа.

Из бытовых сцен очень запомнился аукцион в бывшей церкви.

Аукцион ведёт бывший диакон, который продаёт шубу бывшего царя...»

Но 18 марта 1930 года Булгаков сжёг рукопись почти написанного романа. Поводом послужил запрет постановки его новой, а не прошлой, пьесы «Кабала святош», посвящённой французскому драматургу Жану Батисту Мольеру. В письме Правительству СССР 28 марта 1930 года Булгаков писал: «И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе...» Причём, вырывал листы из рукописи несколько раз и сжигал. Остатки от

первых двух редакций хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

А через два года писатель вновь вернулся к роману и уже не повторял трагической ошибки 1930 года. Находясь в Ленинграде, Булгаков взял клеёнчатую общую тетрадь и на титульном листе написал: «М Булгаков. Роман 1932». На первой странице вывел: «1932. Фантастический роман. Великий канцлер. Сатана. Вот и я. Шляпа с пером. Чёрный богослов. Подкова иностранца». В Ленинграде Булгаков продиктовал Елене Сергеевне семь первых глав. Так начался новый этап в создании бессмертного романа.

1 марта 1938 года Елена Сергеевна Булгакова записала в дневнике: «У М.А. установилось название для романа — «Мастер и Маргарита». Надежды на напечатание его — нет. И всё же М.А. правит его, гонит вперёд, в марте хочет кончить. Работает по ночам».

Из дневника жены писателя известно, что Булгаков в те дни перечитывал готовые главы, вечерами рассматривал в бинокль луну, говорил, что ему это нужно для романа. Когда в квартиру к Булгаковым заходили гости, по их просьбе читал отрывки из уже почти готового романа.

Тридцать восьмой год — не лучший год жизни Михаила Булгакова. Его преследовали неудачи. Литературное агентство по авторским правам ответило отказом на просьбу польского театра разрешить постановку «Мольера» в Варшаве. Не шла пьеса и в Москве. На сцене МХАТа шёл спектакль лишь по пьесе «Дни Турбиных».

22 февраля Елена Сергеевна записала в дневнике: «Дни Турбиных» живут, принимается каждая реплика, раскаты смеха в смешных местах, полнейшая тишина и напряжённость внимания — в гимназии, в приносе Николки. Слышала, как Боярский [Яков Осипович Боярский — театральный деятель, до назначения директором МХАТа служил во Всесоюзном комитете по делам искусств, руководил редакцией Театрального энциклопедического словаря, возглавлял ЦК профсоюзов работников искусств. — *прим. авт.*]

в антракте спрашивал у Феди [Фёдор Николаевич Михальский (1896–1968) — главный администратор-распорядитель МХАТа, позднее — директор музея МХАТа. — прим. авт.]: «Что это — всегда так принимают спектакль или только сегодня?» После конца — восемь занавесов. Для рядового спектакля — это много».

Из дневниковой записи Елены Сергеевны, сделанной ею 3 мая 1938 года, видно, что ситуация с романом Булгакова «Мастер и Маргарита» к этому времени не улучшилась:

«Ангарский [Николай Семенович Клестов-Ангарский (1873–1941) — литературный критик, руководил издательством «Недра». — прим. авт.] пришёл вчера и с места заявил:

— Не согласитесь написать авантюрный советский роман? Массовый тираж. Переведу на все языки. Денег — тьма, валюта. Хотите, сейчас чек дам — аванс? — М.А. отказался, сказал — это не могу.

После уговоров Ангарский попросил М.А. читать роман (Мастер и Маргарита).

М.А. прочитал три первые главы. Ангарский сразу:

— А это напечатать нельзя.

— Почему?

— Нельзя».

Михаил Булгаков видел, что Елена Сергеевна устала от бытовых и житейских неурядиц. Но больше всего она страдала от литературных неудач Булгакова. Её преследовали головные боли, бессонница. Булгаков, как врач и превосходный психолог, прекрасно понимал её состояние, и настойчиво предлагал уехать ей куда-нибудь на отдых. 26 мая 1938 года Елена Сергеевна уехала с младшим сыном Сергеем в Лебедянь (Липецкая обл. — прим. авт.) на отдых на всё лето.

Булгаков и сам нуждался в отдыхе. Но отказался. Отказался из-за напряжённой работы в Большом театре по поводу постановки оперы «Минин и Пожарский». Отказался ещё и в силу твёрдого желания завершить в кратчайший срок роман «Мастер и Маргарита».

К маю 1938 года Булгаков завершил последнюю рукописную редакцию романа, который включал тридцать глав. Но роман не был готов. Надо было откорректировать рукопись перед последней перепечаткой. Булгаков намеревался выполнить эту работу в ходе диктовки романа. На просьбу побыть одновременно машинисткой и корректором согласилась сестра Елены Сергеевны Ольга Сергеевна Бокшанская.

В письмах Елене Сергеевне в Лебедянь Липецкой области Булгаков чуть ли не ежедневно рассказывает ей о каждом прожитом дне. 2 июня Михаил Афанасьевич сообщает, что почти третья часть романа перепечатана. 4 июня пишет о том, что перепечатано одиннадцать глав. Десятого июня писатель диктовал восемнадцатую главу. И, наконец, 15 июня Булгаков пишет Елене Сергеевне: «Передо мною 327 машинных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится... «Что будет?» Ты спрашиваешь? Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы и иногда будешь вспоминать о нём. Впрочем, мы не знаем нашего будущего.

Свой суд над этой вещью я уже совершил и, если мне удастся ещё немного приподнять конец, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной в тьму ящика.

Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому не известно».

Летом 1938 года Булгаков завершил свою главную книгу, которую создавал, зная, что она не будет напечатана при его жизни. И, тем не менее, писатель верил, что она увидит свет, которой отдал десять лет, после его жизни.

Однажды, уже в пору своей предсмертной болезни, видя, как Елена Сергеевна измучилась с ним, и, желая немного её отвлечь, Булгаков попросил её присесть на краешек постели и сказал: «Люся, хочешь я расскажу тебе, что будет? Когда я умру (и он сделал жест, отклонявший её попытку возразить ему), так вот, когда я умру, меня скоро начнут печатать. Журналы будут ссориться из-за меня, театры будут выхватывать друг у друга мои пьесы. И тебя

всюду станут приглашать выступить с воспоминаниями обо мне. Ты выйдешь на сцену в чёрном бархатном платье с красивым вырезом на груди, заломишь руки и скажешь низким трагическим голосом: «Отлетел мой ангел...»

«И оба мы, — вспоминала Елена Сергеевна, — стали неудержимо смеяться: это казалось таким неправдоподобным».

Елена Сергеевна рассказала о клятве, которую она дала умирающему Булгакову:

«За пять дней до смерти я заметила, что Михаил Афанасьевич очень забеспокоился. Я спрашиваю его: «Пить?» Нет, замотал головой. «Серёжу?» Тоже нет. «Мастер?» И я поняла, что его беспокоит. И тогда я ему сказала: «Клянусь, буду жить до тех пор, пока роман не будет издан полностью...»

По свидетельству писателя Владимира Лакшина, после смерти Булгакова Елена Сергеевна, то ли шесть, то ли семь раз пыталась опубликовать главную книгу писателя. Но каждый раз получала отказ. Друг семьи, первый биограф Михаила Афанасьевича Булгакова Павел Сергеевич Попов считал, что роман «Мастер и Маргарита» будет опубликован не ранее чем через сто лет.

...Можно себе представить волнение и беспокойство Елены Сергеевны Булгаковой, когда она передала Константину Симонову рукопись «Мастера и Маргариты». Он прочитал её, находясь в Международном Доме отдыха журналистов на озере Балатон в Венгрии. С восторгом говорил о романе в редакции журнала «Москва».

Главный редактор журнала «Москва» Евгений Ефимович Поповкин размышлял: печатать «Мастера и Маргариту» или не печатать, у Елены Сергеевны всё же появилась надежда на публикацию. Поповкин был безнадежно болен. Принимая решение о публикации «Мастера и Маргариты», скажет: «Я войду в историю мировой литературы, как редактор, первым напечатавший роман Михаила Булгакова».

Через двадцать семь лет после смерти автора роман «Мастер и Маргарита» с предисловием Константина Симонова и послес-

ловием Абрама Вулиса впервые опубликовала редакция журнала «Москва», в одиннадцатом номере за 1966 год и в первом номере за 1967 год.

Этой публикации предшествовали чтения, хождения по инстанциям, встречи, разговоры, обещания, переписка, ожидания... Роман был опубликован не просто так: ещё на Втором съезде Союза писателей СССР в 1954 году Валентин Каверин первым заговорил о необходимости издавать Михаила Булгакова. Правда, пройдёт ещё несколько лет, прежде чем вдова писателя добьётся создания новой комиссии по литературному наследию Михаила Булгакова.

Первая комиссия создана 21 марта 1940 году постановлением Президиума Союза советских писателей. В неё входили поэт Николай Асеев, вдова писателя Елена Булгакова, театровед Виталий Виленкин, сценарист, драматург Сергей Ермолинский, прозаики Всеволод Иванов, Леонид Леонов, секретарь издательства «Недра» Борис Леонтьев, театральные критик, режиссёр Павел Марков, поэт Самуил Маршак, философ и литературовед Павел Сергеевич Попов, драматург Алексей Файко, прозаик Константин Федин, актёр Николай Хмелёв, Шефров (юрисконсульт). Но она, по мнению Елены Сергеевны, практически ничего не сделала для сохранения творческого наследия М. Булгакова.

Новую комиссию возглавил Константин Симонов. Просуществовала комиссия с 1956 по 1970 годы. Следует отметить, несмотря на то, что её возглавлял писатель, авторитет которого в литературных и издательских сферах был бесспорным, она с трудом пробивала вопросы сохранения творческого наследия М. Булгакова. В 1955 году по инициативе Елены Сергеевны в издательстве «Искусство» был издан десяти тысячным тиражом сборник пьес М. Булгакова. В него вошли «Дни Турбиных» и «Последние дни (Пушкин)». Вениамин Каверин назвал этот выбор «скупым и осторожным».

В 1962 году Елене Сергеевне удалось «пробить» издание сразу двух книг Булгакова. Издательство «Молодая гвардия» опубли-

ковало повесть «Жизнь господина де Мольера» в серии «Жизнь замечательных людей», а в издательстве «Искусство» вышел сборник «Пьесы». В сборнике впервые увидели свет пьесы «Бег», «Кабала святош» и «Дон Кихот». В следующем, 1963 году, в Библиотеке «Огонька», в 23-м номере, были опубликованы «Записки юного врача».

Литературовед Абрам Вулис в монографии «Советский сатирический роман. Эволюция жанра в 20-30-е годы», изданной в Ташкенте в 1965 году, посвятил неизданному роману «Мастер и Маргарита» около двадцати страниц. 26 марта 1965 года секретариат Правления Союза писателей СССР, Дирекция московского художественного академического театра им. Горького и Правление Центрального Дома литераторов провели вечер, посвящённый творчеству Михаила Афанасьевича Булгакова. Вечер открывал Валентин Катаев. На вечере присутствовала Анна Ахматова. Выступили прозаик Вениамин Каверин, издатель Борис Леонтьев, драматург Павел Марков, народные артисты СССР Вахтанговец Рубен Симонов и МХАТовец Василий Топорков, вдова писателя Елена Булгакова, председатель комиссии по литературному наследию Михаила Булгакова Константин Симонов.

В том же 1965 году в журнале «Новый мир», в восьмом номере, первая публикация «Театрального романа», который в дневнике Елены Сергеевны Булгаковой он чаще называется «Записки покойника». В июльском номере ташкентский журнал «Звезда Востока» за 1966 год опубликовал пьесу Михаила Булгакова «Блаженство» с предисловием Абрама Вулеса. В том же 1966 году в издательстве «Художественная литература» вышел и первый сборник «Избранная проза» Михаила Булгакова с предисловием Владимира Лакшина «О прозе Михаила Булгакова и о нём самом». В книгу вошли «Записки юного врача», «Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера», «Театральный роман».

И потому, когда Симонов передал в журнал «Москва» рукопись романа «Мастер и Маргарита», у главного редактора Евгения Поповкина сомнений в публикации практически уже не было.

«Комиссия по литературному наследию Булгакова (председатель — Симонов) положила мою книгу рядом с рукописью «Мастера и Маргариты» на стол перед реактором журнала «Москва» Евгением Поповкиным, — вспоминал позднее Абрам Вулис. — Тот прочитал рукопись. Познакомился с толкованием романа в книге. И сказал: «О романе так подробно пишут, пора печатать».

Тем не менее из редакции журнала позвонили Абраму Вулису и передали, что его звонка ожидает Евгений Поповкин. Между главным редактором и литературоведом состоялся такой разговор: «Мы хотим печатать «Мастера и Маргариту»...» И подстраховал публикацию вступительным словом Константина Симонова и заключительным словом Абрама Вулиса.

После публикации первой части романа читатели ожидали увидеть его окончание в декабрьском номере журнала. Но как не искали читатели окончание романа в декабрьском номере «Москвы», его не было. Окончание романа читатели увидели в январском номере журнала «Москва» за 1967 год, правда, в сокращённом варианте. Елене Сергеевне, как она ни боролась, пришлось пойти на уступки. Причём ей совершенно были непонятны требования редакции, её мотивы, да она до конца и не знала о той борьбе, которую провела, якобы, редакция в Главлите за роман. Она считала, что в романе, опубликованном даже в таком виде, всё равно остались замысел, идея. По её мнению, в редакции журнала «Москва» только «испортили стиль, изранили тело». Как подсчитали литературоведы, из романа вылетело четырнадцать тысяч слов. Но дух булгаковского произведения остался. Да и издан роман приличным тиражом — 150 тысяч экземпляров.

После выхода булгаковского романа Евгений Поповкин продолжал ещё некоторое время работать главным редактором журнала «Москва». Поповкин умер 15 февраля 1968 года на 61-м году жизни.

Спустя годы, на страницах «Российской газеты» за 4 октября 2002 года, появляется интервью «Рукописи и вправду не горят», в котором о Михаиле Алексееве журналисты писали, что «ему вы-

пала ответственная миссия подготовить вторую часть романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» к публикации», что «ему пришлось продолжать битву за публикацию самой сложной части романа». Действительно, после кончины Евгения Поповкина редакцию журнала «Москва» возглавил Михаил Алексеев, автор известных в советское время романов «Вишнёвый омут», «Хлеб — имя существительное». Но произошло это назначение в 1968 году.

Михаил Алексеев так рассказывал о своём участии в судьбе романа «Мастер и Маргарита»: «С душевным трепетом отправлял я вёрстку январского номера в Главлит. А когда она вернулась — ахнул: красный карандаш изрядно погулял по полосам. Цензура представила нам весьма обширные сокращения. Я немедленно отправился к председателю Главлита. Бой шёл за каждую снятую страницу. Главный цензор страны Павел Константинович Романов с большим трудом шёл на уступки, всячески давая понять, что это не его личная воля, что над ним довлеет Идеологический отдел ЦК КПСС. Надо сказать, что Романов и сам попал под обаяние булгаковского романа, и как порядочный человек — а в этом я убеждён — пытался смягчить вторжение цензорских ножниц в живую ткань произведения. Во всяком случае мне удалось немало отстоять... Мы были первыми».

После интервью, данного Михаилом Алексеевым «Российской газетой», рядом с именем Евгения Поповкина всё чаще стали упоминать его имя, который, якобы, завершил публикацию главного романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и тем самым «совершил настоящий редакторский подвиг».

Но в 2007 году на страницах седьмого номера журнала «Знамя» появляется статья Андрея Туркова «И пошло себе гулять по белу свету...» Для литературоведов и читателей она была как гром среди ясного неба. В этой статье автор поведал грустную историю о том, что, оказывается, никакого «редакторского подвига» Михаила Алексеева не было. Первой об этой лжи написала Диана Тевекелян, которая работала в журнале «Москва» в 1962–1975 годах. Именно по её отделу прозы с большими трудностями и поте-

рями проходил роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Вот что пишет Диана Тевекелян в своей книге «Интерес к частной жизни»: «Никак не мог Михаил Алексеев «совершить свой редакторский подвиг. Не ходил к <...> главному цензору Романову с «Мастером». Не был среди тех, кто явил булгаковский шедевр читающему миру».

Действительно, первый номер журнала «Москва» Михаил Алексеев подписал в печать в апреле 1968 года, последний — в 1990 году. Когда он пришёл в журнал, ему было под пятьдесят, а когда уходил, — 72. Алексеев пришёл в редакцию журнала «Москва», когда роман «Мастер и Маргарита» уже был напечатан.

В те дни 1967 года Михаил Булгаков не просто приблизился во времени, а вернулся к читателям. Читатели ходили по Москве, бродили по улицам и переулкам, заходили во двory, заглядывали в подъезды домов. Прогулку по булгаковским местам, как правило, начинали с Патриарших прудов, где впервые появился Воланд. Потом шли к трамвайным рельсам, которые давно сняли, но где по Булгакову погиб председатель МАССОЛИТа Михаил Александрович Берлиоз. Останавливались у дома на Садовом кольце, в одной из квартир которого Булгаков поселил Воланда со своей свитой. Москва со страниц романа стала узнаваема.

«Мастер и Маргарита» — одна из тех беспокойных книг, в которых разным людям разное нравится, и, добавлю, разное — не нравится; в которых, читая их, одно приемлют, с другим спорят, с третьим не соглашаются...» — писал Константин Симонов после выхода романа.

Тогда же, в шестьдесят седьмом, Елена Сергеевна начала переговоры с Гослитом об издании полного «Мастера». Но до этого издания «Мастера и Маргариты» на русском языке вдова писателя не дождала: Елена Сергеевна умерла 18 июля 1970 года.

В СССР книжный вариант романа без сокращений напечатало в 1973 году издательство «Художественная литература», тиражом тридцать тысяч экземпляров.

В однотомник вошли три произведения писателя «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита».

И всё же первое полное издание романа «Мастер и Маргарита» на русском языке вышло при жизни Елены Сергеевны. В 1967 году парижское издательство «УМСА-Press» напечатало роман на русском языке. В 1968 году в западногерманском издательстве «Luchterhand» вышло первое полное издание «Мастера и Маргариты» на немецком языке. После выхода этих изданий Елена Сергеевна считала последнюю волю Михаила Булгакова выполненной. Издание же «Мастера и Маргариты» в восточногерманском издательстве «Volk und Welt» точно соответствовало напечатанному в журнале «Москва» роману с теми же цензурными купюрами, хотя к тому времени уже были привезены в Германию вырезанные куски текста. Главным редактором этого издания «Мастера...» оказался Леонард Кошут. Он родился в 1923 году в киевском пригороде Буче, где у Булгаковых до 1918 года была дача, на террасе которой будущий писатель ставил пьесы.

В 1931 году родители Леонарда Кошута переехали в Вену — родной город отца. Потом была война, после окончания которой Леонард оказался в Восточной Германии. Знание русского языка привело его в издательство «Volk und Welt», где впоследствии он стал главным редактором. А о своём великом соседе Кошут узнал много позднее, когда посетил Киев и Бучу, разыскивая украинских родственников по материнской линии.

Но вернёмся к истории первой публикации «Мастера...» Елена Сергеевна посчитала, что первенство публикации полного «Мастера...» принадлежит издательству «Luchterhand», которое к марту 1968 года завершило публикацию перевода романа «Мастер и Маргарита» в полном объёме, без сокращений.

После выхода романа в издательстве «УМСА-Press» Елена Сергеевна съездила в Париж, куда так стремился Булгаков. Она ходила по Парижу и говорила себе: «Миша, я вижу всё это, всё, что хотел ты видеть». А потом роман вышел на итальянском, английском, чешском...

Так Елена Сергеевна сдержала клятву, данную Михаилу Булгакову. За тридцать лет, на которые Елена Сергеевна пережила Михаила Афанасьевича, она сделала даже больше, чем обещала ему. Она опубликовала большую часть творческого наследия Булгакова. Для его памяти она сделала бы больше, если бы преодолела все преграды Главлита.

7 сентября 1962 года Елена Сергеевна писала в Париж брату писателя Николаю Афанасьевичу Булгакову: «...Я делаю всё, что только в моих силах, для того, чтобы не ушла ни одна строчка, написанная им, чтобы не осталась неизвестной его необыкновенная личность... Это — цель, смысл моей жизни. Я обещала ему многое перед смертью, и я верю, что я выполню всё...»

Одна за другой стали выходить статьи литературоведов о творчестве Михаила Булгакова в журналах «Огонек», «Сибирские огни», «Октябрь», «Москва»... Елена Сергеевна принимала авторов, помогала им готовить статьи и рецензии в печать, разрешала делать выписки из её дневников.

«После того, как роман «Мастер и Маргарита» впервые появился на страницах журнала «Москва», — вспоминал Константин Симонов, — о нём, а в связи с ним и о творчестве Булгакова появилось в нашей печати множество статей. При всём разнообразии высказанных в них взглядов и оценок я, помнится, однако, не встретил ни одной, где бы негативно оценивался сам факт введения этой книги в обиход современного читателя».

Но была ещё одна клятва, которую Елена Сергеевна дала умирающему Булгакову. В один из вечеров, когда Булгаков, несмотря на болезнь, ещё мог говорить, он сказал Елене Сергеевне, что хочет составить завещание. И пусть в нём будут такие строки: человек, который придёт к нему, Булгакову, после того, как будет опубликован роман «Мастер и Маргарита», придёт в день, когда Михаил Афанасьевич сжёт первый вариант рукописи романа, и положит цветы на могилу, — этот человек должен получить определённый процент гонорара от авторского...

Это была очередная, хотя и горькая шутка Михаила Афанасьевича.

вича. Но Елена Сергеевна пообещала мужу, что она выполнит его волю. 10 марта 1940 года Михаил Булгаков умер.

...Весной 1969 года, наутро после сноса в Москве последнего дома уже исчезнувшего к тому времени Охотного ряда, в котором находилось первое «Стереokino», на Новодевичьем кладбище появился молодой человек. Он был один. И искал он могилу. Точного её места он не знал. Помнил лишь, что этого человека похоронили в вишневом саду неподалёку от могилы Антона Павловича Чехова, среди могил старейших артистов Художественного театра.

Он прошёл от ворот старого кладбища до степной придорожной часовенки на могиле Чехова. Кто же не знает её? Она находится ближе к западной ограде монастыря.

Молодой человек перечитывал надписи. Позади могилы Чехова погребён Александр Иванович Эртель, автор романов «Гарденины», «Смена», «Две пары». Рядом могила Льва Поливанова, московского педагога, издателя ряда учебников по русскому языку и словесности. У самой западной ограды покоится Алексей Плещеев, поэт, проходивший по делу «петрашевцев»...

И всё же молодой человек нашёл то, что искал. Позднее он узнал, что чёрный с прозеленью ноздреватый камень-надгробие, лежащий на могиле, прежде был на могиле Гоголя — писателя, которого покойный обожал и к которому как-то обратился во сне со словами: «Учитель, укрой меня чугунной шинелью!» Это потом он сосчитал, что от ворот старого кладбища до могилы автора «Мастера и Маргариты» семьдесят его шагов. Именно могилу Михаила Булгакова искал в тот весенний день молодой человек. Нашёл и расстроился: ни одного цветка. Молодой человек вернулся к выходу, к цветочному магазину, принёс, положил цветы, постоял немного и уже собирался уходить, как вдруг услышал тихий голос: «Молодой человек, подождите».

Молодой человек оглянулся и увидел пожилую даму. Она поднялась со скамейки, стоявшей чуть дальше по тропинке, и пошла ему навстречу: «Простите, как вас зовут? Мне очень нужен ваш домашний адрес и номер телефона».

«Зачем он вам?» — смутился молодой человек.

«Сейчас я не стану ничего объяснять. Поверьте, мне действительно нужен ваш домашний адрес. Вам ничто не угрожает», — ответила незнакомка.

Молодой человек представился: «Владимир Невельский, журналист из Ленинграда». Дама записала фамилию, имя, отчество, ленинградский адрес, телефон и, поблагодарив, пошла к выходу. А молодой человек стоял и терялся в догадках: кто это был, что всё это значит?

«Мистика какая-то. Чертовщина», — подумал он.

Молодой человек вернулся в Ленинград. О встрече с незнакомкой он вскоре забыл. Но недели через две на его домашний адрес из Москвы пришёл почтовый перевод. Он пришёл в почтовое отделение, получил деньги. Страшно удивила сумма. Деньги были огромные.

«От кого они?» — молодой человек снова терялся в догадках. Повертел бланк почтового перевода: в разделе «Для письменного сообщения» ни слова.

...Через день-два в ленинградской квартире раздался телефонный звонок: «С вами говорит Елена Сергеевна Булгакова...»

Владимиру Невельскому позвонила жена и друг писателя, кто был с ним все последние годы...

«Вы получили перевод? — спросила Елена Сергеевна. — Да, его послала я, выполняя волю покойного Михаила Афанасьевича. Он был великим шутником и выдумщиком. Даже когда заболел, устраивал розыгрыши».

И Елена Сергеевна рассказала Невельскому о необычном заведении Булгакова:

«Вы оказались на кладбище именно в тот день, когда Михаил Афанасьевич сжёг первый вариант «Мастера и Маргариты». Вы положили цветы на его могилу, когда роман полностью напечатан и за него выплачен гонорар. И вы оказались именно тем человеком, которому предназначалась часть гонорара за опубликованный роман».

Так, спустя двадцать девять лет, Елена Сергеевна выполнила последнюю волю Михаила Афанасьевича.

В следующем, 1970-м, году она умерла, её тело кремировали, а прах уложили под камень с могилы Гоголя. На нём теперь можно прочесть:

Писатель
Михаил Афанасьевич
БУЛГАКОВ
1891—1940

Елена Сергеевна
БУЛГАКОВА
1893—1970

Владимир Невельский не оставил сведений, в какой же именно день весной 1969 года он оказался на Новодевичьем кладбище. Нет воспоминаний об этом событии ни в дневнике Елены Сергеевны, ни в её воспоминаниях. Есть лишь одна зацепка: необыкновенное приключение с Владимиром Невельским произошло в тот день, когда на Охотном ряду взорвали дом, в котором находилось «Стереокино».

«Мы подошли к окну, перечёркнутому, как в военные годы, двумя наклеенными на стекло бумажными полосками, и стали всматриваться в темноту, стараясь разглядеть, что же происходит внизу, на улице, — вспоминал Невельский. — А там уже ничего не происходило.

В час ночи раздался глухой хлопок, и мы увидели, как приподнялась на мгновение крыша небольшого, примыкавшего к нашей гостинице дома, вздрогнула и осела почти вровень с тротуаром».

На глазах Невельского и его коллег дом превратился в груды щебня, а вместе с ним исчезло и первое «Стереокино». Кажется, в ту ночь, а может, чуть позже Владимир Невельский написал такие строки:

Взрыв грохнул в час.
Затрепетали шторы.
Задрезбезжало жалобно стекло...
И охнул мир,
И рухнул мир, который
Зарядами на щебень
разнесло...

В старых справочниках нахожу московский адрес дома, в котором находилось «Стереокино»: площадь Свердлова, 3/6. Это и есть бывший и нынешний Охотный ряд. Этого дома сегодня нет. Нет и гостиницы «Москва», где в ту весеннюю ночь на глазах Владимира Невельского исчез кусочек старой Москвы.

В газете «Московская правда» за 19 марта 1969 года в рубрике «Москва: день за днем» напечатано небольшое сообщение о том, что по решению Мосгорисполкома 18 марта на площади Свердлова начат снос здания «Стереокино». В то утро Невельский и пришёл на могилу Михаила Булгакова... Всё совпало: именно в этот день 18 марта 1930 года, то есть тридцать девять лет назад Булгаков сжёг первый вариант «Мастера и Маргариты».

...Владимир Невельский не знал, что ему делать с немалыми деньгами, которые он получил по завещанию Михаила Булгакова. Посоветовавшись с отцом, купил деревянный катер. Художник по просьбе Невельского нарисовал буквы. Потом их вырезали из латунной пластины и прикрепили к борту катера — огромные сверкающие золотом буквы — «Михаил Булгаков». «А потом катер отправился в своё первое плавание — по Неве, по Фонтанке, — вспоминал Владимир Невельский. — Он шёл мимо здания публичной библиотеки. Была весна, и у входа стояла большущая очередь студентов. Увидев надпись на борту, они кинулись к набережной и долго аплодировали идущему по реке «Михаилу Булгакову».

Прошли годы. Теперь уже нет того катера. Со временем и он состарился. Остались на память лишь фотографии да буквы, снятые с его борта...

Кто знает, может быть, они пригодятся когда-нибудь настоящему кораблю, который будет носить имя «Михаил Булгаков».

Однажды Владимир Невельский рассказал читателям «Известий» о необычном завещании Михаила Булгакова, и как он оказался невольным участником событий, связанных с изданием «закатного романа» писателя, но публикация прошла незамеченной.

Тем не менее, предсказание Владимира Невельского сбылось. Между Москвой и Санкт-Петербургом курсирует белоснежный теплоход «Михаил Булгаков».

Июнь 2007 г. - март 2020 г.

МЛАДШИЙ БРАТ ЕЛЕНЫ БУЛГАКОВОЙ

О русском писателе Михаиле Афанасьевиче Булгакове написано довольно много. Книги о нём и о его творчестве продолжают выходить по сей день: и в России и за рубежом. Известный московский исследователь Владимир Иванович Рокотянский собрал библиографию публикаций о Михаиле Булгакове, которая умещается в шесть томов. К сожалению, этот огромный труд до сих пор не издан.

Не обойдена вниманием исследователей и жена писателя Елена Сергеевна Булгакова (урождённая Нюренберг). О ней читателям тоже известно немало. Её дневники, воспоминания о ней переиздаются уже не одно десятилетие.

А что знал Булгаков о происхождении Елены Сергеевны? Думаю, больше, чем мы с вами, уважаемый читатель. Она с удовольствием говорила с ним на эти темы, и он — слушал.

«Ты знаешь, он очень любил слушать мои рассказы о детстве, о нашей семье. Я всегда считала папу энциклопедией, в которой всё можно узнать. Миша тоже был таким же всеведущим», — писала Елена Сергеевна старшему брату Александру в феврале 1961 года в Германию, в Ведель.

«Мы постоянно говорим о тебе, о папочке — с Мишей, с Серёжей. Я им рассказываю про вас обоих, моих дорогих, ведь я

так горжусь вами. А сейчас я особенно нежно, особенно любовно стремлюсь всё время рассказывать о вас. И оба, и Миша и Серёжа, ужасно любят, когда я им рассказываю про вас», — писала Елена Сергеевна матери 15 ноября 1933 года в Ригу.

«По моим постоянным рассказам он знает и ценит тебя», — а это из письма Елены Сергеевны матери 15 февраля 1939 года в Ригу.

По рассказам Елены Сергеевны получалось, что её отец — балтийский немец, мать была русской поповной. Один дед — еврей Мордко-Лейба из Бердичева. Другой — строптивый священник Псковской губернии. А бабушки? Кто были её бабушки? А прабабушки? А прапра?.. Через какую из этих линий выискивал дерзкий и насмешливый Булгаков её кровное родство с династией Маргариты де Валуа? Маргарита де Валуа известна в истории более как «Королева Марго», французская принцесса, дочь короля Франции Генриха II и Екатерины Медичи. Родилась 24 мая 1553 года. «Мы назовем её Маргаритой», — сказал король.

«Ах, королева, — игриво трещал Коровьев, — вопросы крови — самые сложные вопросы в мире!.. Я ничуть не погрешу, если, говоря об этом, упомяну о причудливо тасуемой колоде карт. Есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни даже границы между государствами».

«Да, прав Коровьев! Как причудливо тасуется колода! Кровь!» — вторил ему Воланд.

«Королева моя французская», — шептал умирающий Михаил Булгаков...

Елена Сергеевна Булгакова родилась 21 октября (2 ноября) 1893 года в Риге, в интеллигентной семье. Её отец Сергей Маркович Нюренберг (1864—1933) родился в Киеве, в семье адвоката. У Сергея Марковича были ещё три брата и сестра: Владимир, Вера, Павел, Иван. Сергей был вторым ребёнком. После окончания курсов в Житомирском и Санкт-Петербургском учительских институтах преподавал в Дерптском шестиклассном училище, по-

сле переезда в Ригу занимался адвокатской практикой, служил податным инспектором (т. е. собирающий налоги), имел чин коллежского советника.

29 мая (10 июня) 1889 года заключил брак с дочерью православного священника Александрой Александровной Горской. От этого брака у него было четверо детей (даты их рождения указаны по старому стилю. — *прим. авт.*): Александр (22 февраля 1890 г.), Ольга (8 декабря 1891 г.), Елена (21 октября 1893 г.), Константин (3 июня 1895 г.).

В Риге Сергей Маркович был известным человеком. Чиновничья работа не помешала ему сотрудничать с российским журналом «Театр и искусство», газетами «Русь» и «Новое время». Эти издания публиковали его критические статьи о театре. В 1893 году, окончательно забросив преподавательскую деятельность, он стал секретарём редакции газеты «Рижский Вестник», участвовал в создании 1-й русской платной библиотеки и «Русской ссудной сберкассы», был членом русского просветительского общества, вносил пожертвования на храмы Риги и слыл увлечённым театралом. В доме всегда было много артистов. Дети росли в творческой среде, сами ставили пьесы и играли в них. Такое воспитание было весьма привычным для многих интеллигентных семей того времени.

Оттокар Александрович Нюрнберг, внук Сергея Марковича, писал о дедушке: «...отец Елены, человек весьма одарённый, не только основал местный русский драматический театр, но и помимо своей работы в течение некоторого времени писал критические статьи о театре для нескольких газет в Петербурге. К тому же в доме Нюренбергов усердно ставились пьесы, как это было принято в семьях русской интеллигенции. Александр был режиссёром и всегда претендовал на заглавные женские роли. Главные женские роли играла тщеславная Ольга, реже менее эгоистичная Елена, в то время как Константин к актёрской деятельности не допускался и должен был управлять занавесом».

В год своей смерти Серей Маркович проживал в Риге по адре-

су: Альбертовская улица, 2, квартира 1. Этот адрес упоминается в письме М.А. Булгакова, адресованном в издательство «С. Фишер-Ферлаг». В нём Булгаков просит издателя книги о Мольере перевести с его счёта пятьдесят марок в Ригу Сергею Марковичу Нюренбергу.

Отец Елены Сергеевны скончался на 69 году жизни и похоронен в Риге на Покровском кладбище. О его кончине в рижской газете «Сегодня» в 1933 году, № 296 опубликовано объявление: «После продолжительных страданий скончался 24 октября мой дорогой муж, наш незабвенный отец и дедушка Сергей Маркович Нюренберг. Панихида сегодня, 26 октября на дому (Альбертовская, 2, кв. 1) в 12 часов и в 4 часа дня, после которых вынос усопшего из квартиры в Кафедральный собор. Отпевание там же, в субботу в 11 часов утра. Похороны на Покровском кладбище. Жена, дети, внуки».

Покровское кладбище в Риге находится на улице Менесс, что означает улица Луны... Как ещё могла называться улица, по которой впервые шла Елена Сергеевна к месту погребения отца? С лунной связаны и все похождения Маргариты в образе ведьмы, лунный свет её приятно согревает.

Её мать Александра Александровна Горская (1864—1956) родилась в городе Выру Рижской губернии, в семье священника. Из мемуарных источников известно, что «род Горских псковского происхождения, духовного звания». У Александры Александровны были сестра и два брата: Аполлинария, Виктор, Павел. Александра — младшая. В 24 года Александра Александровна Горская вышла замуж за Сергея Марковича Нюренберга.

Брак заключён 29 мая (10 июня) 1889 года. Сначала Нюренберги жили в Дерпте (Юрьев, Тарту), затем переехали в Ригу. Мать Е.С. Булгаковой всю свою жизнь посвятила семье. Она вела всё домашнее хозяйство, занималась воспитанием и образованием детей.

Сергей Маркович и Александра Александровна вели домашний календарь, в который записывали важнейшие события своей

жизни. Эти записи позволяют с точностью установить даты рождения их детей: «22 февраля. В четверг, в 8 час. 20 мин. утра родился наш первенец Александр (1890 г.) в Юрьеве... 8 декабря. В воскресенье, в 7 час. 15 мин. утра родилась наша дорогая дочка Ольга (1891 г.) в Юрьеве... 21 октября. В четверг, в 6 час. утра родилась вторая наша дочь Елена (1893 г.) в Риге... 3 июня в 7 час. утра в субботу родился Константин (1895 г.) в Риге».

Оттокар Александрович Нюрнберг, внук Александры Александровны, писал о бабушке и о тёте: «Мать Елены была очень верующей, энергичной женщиной с практической жилкой. Она не только убедила мужа в связи с рождением Ольги принять православие (сын Александр был уже крещён по православному обряду), но и со временем полностью «русифицировала его». В доме говорили только по-русски, вместе посещали православную церковь, дети ходили в русскую школу, общались исключительно с русскими. Поэтому Елена, как и все её братья и сестра, выросла в сугубо русской атмосфере... русское окружение и воспитание решающим образом сформировало Елену ещё с детских лет и определило её дальнейшую жизнь. А её брат Александр (мой отец) вёл себя совершенно иначе. Он женился на балтийской немке-лютеранке, так что моя сестра Генриетта и я получили немецко-лютеранское воспитание. Таким образом у бабушки и дедушки были «немецкие» внуки (моя сестра и я) и «русские» внуки (оба сына моей тётушки Елены). Впрочем, в отличие от Ольги, Елена всегда произносила свою девичью фамилию как «Нюрнберг», а не «Нюренберг». Да и день рождения она отмечала по русскому (юлианскому) календарю, игнорируя тем самым введённый советским правительством григорианский (европейский) календарь».

В 1956 году Елена Сергеевна записала в домашнем календаре семьи Нюренбергов: «14 января. Я приехала по вызову... в Ригу... 20 января. 0.30 ночи. Мама умерла... 21 января. Похороны мамы на Вознесенском кладбище».

Об Александре Сергеевиче Нюренберге (1890–1964), старшем брате Е.С. Булгаковой, известно следующее. После оконча-

ния Рижской мужской гимназии Александр Сергеевич поступил в 1907 году в Рижский политехнический институт, который окончил по специальности «Инженер-строитель». Женат был на Лилли (Алисе) Александре Генриетте фон Мюллер. Она была ровесницей Александру Нюрнбергу: родилась в том же 1890 году.

Семейное предание гласит, что все её предки были русскими офицерами. Один из них ещё в войну с Наполеоном был генералом. Александр Нюрнберг некоторое время тоже был военным: в Первую мировую войну он — офицер-артиллерист 15-го Мортирного дивизиона, затем состоял на военной службе в Русской Западной Добровольческой армии в Курляндии у полковника П.Р. Бермонд-Авалова. В декабре 1919 года Русская Западная Добровольческая армия, потерпев окончательное поражение, оказалась на территории Германии.

Семья А.С. Нюрнберга тоже перешла границу. На руках у Александра и его жены Лилли был сын Оттокар (Карик или Александр-младший), племянник Е.С.Булгаковой. Оттокар родился в Риге 28 февраля 1919 года. До 1923 года Александр Сергеевич с женой и сыном жил в небольшом германском городке Александр-Хайме. Здесь 8 марта 1923 года родилась его дочь Генриетта, племянница Е.С. Булгаковой.

Несмотря на то, что в Александр-Хайме жили семьи и других русских офицеров, Лилли настояла на переезде в Эстонию: в Германии ей не нравилось. В 1922 году по ходатайству директора Пярнуской немецкой гимназии Нюрнберги обрели эстонское гражданство. Всё семейство получило статус немецкого национального меньшинства Эстонии. Фамилия Нюрнберг была изменена на Нюрнберг. Александр, Лилли и их дети Оттокар, Генриетта стали «эстонскими немцами».

В 1923 году Нюрнберги покинули Германию и поселились в Эстонии, в портовом городе Пярну. Из архивных документов известно, что до 1938 года Александр Сергеевич работал архитектором. После назначения его главным архитектором Эстонской железной дороги семья переехала в Таллин. В ноябре 1938 года

Александр Сергеевич переехал из Таллина в Ригу, а через год, после вступления в Прибалтику частей Красной Армии, выехал в Германию, присоединившись к колонии «эстонских немцев».

О послевоенных годах жизни брата Е.С. Булгаковой известно немного. В конце 1960 года, после тридцати двух лет разлуки, Елена Сергеевна свиделась со своим любимым старшим братом Александром. В 1964 году архитектор А.С. Нюрнберг умер в своем доме в городе Веделе, близ Гамбурга. Было ему 74 года. Его жена Лилли Артуровна Нюрнберг умерла через четыре года — 1 июля 1968 года.

Оттокар Александрович Нюрнберг, сын А.С. Нюрнберга и племянник Е.С. Булгаковой, в 1937 году окончил частную немецкую гимназию по гуманитарному курсу. В 18 лет был зачислен на естественно-математический факультет Тартусского университета. В 1939—1940 годах работал в опекуновском управлении немецких переселенцев в Таллине. После вступления частей Красной Армии в Эстонию в феврале 1940 года Оттокар оставил университет и уехал в Германию. Он поселился в Позене (немецкое название польского города Познань. — *прим. авт.*), окончил курсы переподготовки юристов и до 1945 года служил в немецкой армии в нестроевых войсках. Юридическую практику начинал референтом Верховного суда в Гамбурге, затем служил помощником судьи в Берлинском Земельном суде (Западный Берлин). С 1949 года занимался адвокатской практикой в Гамбурге, избирался в органы местного самоуправления Северных Земель ФРГ. С 60-х годов Оттокар и его сестра Генриетта проживали в Англии, в Ноттингеме. Оттокар поддерживал связи с Еленой Сергеевной Булгаковой, переписывался и встречался с ней, помогал издавать рукописи Михаила Булгакова за рубежом, выступал на юбилейных Булгаковских чтениях 1991 года в Москве и в Ноттингеме.

Весной 1991 года во время юбилейных Булгаковских чтений в Москве с Оттокаром встречалась литературовед Лидия Марковна Яновская: «Оттокар Александрович был мил, открыт, любезен и хорошо говорил по-русски. Ему можно было задавать вопросы, и

я спрашивала... Я много о чём спрашивала... Ну, например, кем по национальности он считает себя: русским — по отцу? или, может быть, немцем — по воспитанию? Оттокар Александрович мгновенно подумал. Улыбнулся: «Балтийцем!» И пояснил: у него ведь не только со стороны отца и бабушки родня, но и со стороны матери...»

Много написано и об Ольге Сергеевне Бокшанской (1891—1948), старшей сестре Елены Сергеевны.

В 1915 году Ольга и Елена приехали в Москву с надеждой поступить в Московский Художественный театр. Но в театре осталась Ольга. К тому времени Ольга уже была замужем.

Об этой жизни старшей сестры Елена Сергеевна рассказывала литературоведу М.О. Чудаковой: «Сестра была влюблена в поручика Бокшанского. Е.С. сделала так, что Бокшанский, сначала будто бы влюблённый в неё, полюбил всё же Ольгу... Пришёл с предложением. Отец, Сергей Маркович, вызвал его в кабинет и не советовал — дурной характер. Тот всё же женился... потом, через месяц, пришёл в ужас: «С ней жить нельзя!» (избалована и прочее). Е.С. ходила с ним, уговаривала... В 1915 г. переехали в Москву. Бокшанский был на фронте, приезжал в отпуск. Ольга по долгу не выходила, прикалывала банты — «Подожди!» — и если через полчаса зайти к ним в комнату они сидели в разных углах и читали... Потом Ольга совершенно переменялась... У неё были опущенные веки (болезнь). Глаз почти не было видно... Но она научилась такой мимике, что это было не очень заметно <демонстрирует несколько надменную гримасу>. Операцию один раз делали, другой раз она сама не стала — 4 часа без наркоза. Она была предана театру безмерно — поступила туда в 1918 г. — секретарём. Брала меня — но она просила меня уступить».

Елена Сергеевна, уступив Ольге Сергеевне место в Московском Художественном театре, поступила в РОСТА, затем перешла в секретариат газеты «Известия».

С 1918 года Ольга Сергеевна Нюренберг-Бокшанская тесно связана с Московским Художественным театром. Копаться в её

биографии она никому не позволяла. Сослуживцы по театру знали её как дочь журналиста Сергея Марковича Нюренберга из Риги.

Её брак с Бокшанским распался, но фамилию его она оставила себе. Оставалась Бокшанской даже тогда, когда вышла замуж за актёра МХАТа Евгения Васильевича Калужского.

Её карьера в театре началась с должности секретаря-машинистки дирекции. Она была великолепной машинисткой. К её услугам в театре прибегали все. Известен такой факт из её биографии: Ольга Сергеевна под диктовку К.С. Станиславского напечатала рукопись книги «Моя жизнь в искусстве», а затем четырежды перепечатала её. Позднее, в 1938 году, её руками под диктовку М.А. Булгакова будет впервые напечатан на машинке роман «Мастер и Маргарита».

Об этой плодотворной работе писатель подробно рассказывает в письмах Елене Сергеевне, когда она в мае 1938 года покинула Москву и уехала с сыном Сергеем на отдых в Лебедянь — небольшой городок в Липецкой области.

«Роман переписывается. Ольга работает хорошо. Сейчас жду её. Иду к концу 2-й главы», — пишет М. Булгаков 30 мая.

«Сегодня начинаю 8-ю главу», — это из письма М. Булгакова от 1 июня.

4 июня писатель сообщил Елене Сергеевне, что «перепечатано 11 глав».

10 июня М. Булгаков диктовал О. С. Бокшанской восемнадцатую главу. А 15 июня он написал в Лебедянь: «Передо мною 327 машинных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится. Останется самое важное — корректура (авторская), большая, сложная, внимательная, возможно с перепиской некоторых страниц...»

Столь титаническая работа, которую сделал писатель за две недели, была бы невозможна без Ольги Сергеевны, сестры Елены Сергеевны.

«Моя уважаемая переписчица, — писал М. Булгаков, — очень помогла мне в том, чтобы моё суждение о вещи было самым стро-

гим. На протяжении 327 страниц улыбнулась один раз на странице 245-й («Славное море»...). Почему это именно её насмешило, не знаю. Не уверен в том, что ей удастся разыскать какую-то главную линию в романе, на зато уверен в том, что полное неодобрение этой вещи с её стороны обеспечено. Что и получило выражение в загадочной фразе: «Этот роман — твоё частное дело» (?!). Вероятно, этим она хотела сказать, что она не виновата!

Воображаю, что она будет нести в Лебедяни и не могу вообразить, что уже несёт в письмах!»

Знакомство Ольги Сергеевны с Михаилом Афанасьевичем относится к 1925 году. Булгакову было 34 года, Бокшанской — столько же (они одногодки).

Молодой драматург появился в известном театре как автор пьесы «Белая гвардия». Ольга Бокшанская была очевидцем, как рождался спектакль. Сначала произведение Булгакова переименовали в пьесу «Перед концом». Булгаков не согласился с таким заглавием.

В письме от 4 июня 1926 года, адресованном в совет и дирекцию Московского Художественного Театра, Михаил Афанасьевич писал: «Согласен совместно с Советом Театра обсудить иное заглавие для пьесы «Белая гвардия». Компромисс был найден: осенью двадцать шестого года по Москве были расклеены афиши с извещением о том, что 5, 6 и 7 октября во МХАТе идёт спектакль по пьесе Михаила Булгакова «Дни Турбиных». По распоряжению дирекции театра Ольга Бокшанская напечатала пригласительные билеты на спектакль «Дни Турбиных», два из них драматург послал писателю В.В. Вересаеву и его супруге.

Позиции Бокшанской в театре окончательно окрепли после того, как она стала личным секретарём В.И. Немировича-Данченко.

«Бокшанская в театре была важным лицом, и чем дальше, больше, — писал исследователь театра А.М. Смелянский. — Она обладала даром чётко схватывать театральную ситуацию и излагать её существо».

Сам же В.И. Немирович-Данченко в письме к О.С. Бокшанской заметит: «А всё-таки хорошо держать под контролем свой советский информационный аппарат».

Другой исследователь театра А.Н. Барков пришёл к заключению о том, что Бокшанская «...занимала более высокую иерархическую ступень, чем её шеф».

После женитьбы Михаила Афанасьевича на Елене Сергеевне, сестре Ольги Сергеевны, Бокшанская постоянно бывала в их доме. Личный секретарь В.И. Немировича-Данченко Бокшанская обладала всей информацией о закулисной жизни театра, что дало её внимательному слушателю Михаилу Булгакову огромный материал для написания «Театрального романа» («Записок покойного»), в котором он запечатлел её в образе Поликсены Торопецкой. В дневниках Елены Сергеевны, в её переписке с Михаилом Булгаковым постоянно мелькает имя сестры. Поначалу Булгаков относился к Бокшанской по-родственному нежно, но чем больше он узнавал её, тем больше его раздражали в ней бесцеремонность, самоуправство, грубость, склонность к выдумкам... Однажды Булгаков с горечью напишет Елене Сергеевне: «Ты недоумеваешь когда «S» говорит правду? Могу тебе помочь в этом вопросе: она никогда не говорит правды».

Несмотря на непростые отношения Булгакова и Бокшанской, после смерти писателя Ольга Сергеевна не раз говорила о том, что это был «по-настоящему неисчерпаемый человек», личность «потрясающего обаяния и интереса», художник «необычайной одарённости». Ольга Сергеевна ненадолго пережила своего знаменитого родственника: она скончалась в Москве 12 мая 1948 года. Её прах после кремации тела Елена Сергеевна отвезла в Ригу и захоронила на Покровском кладбище в могиле отца. Е.В. Калужский, муж О. С. Бокшанской, пережил жену почти на двадцать лет.

А вот судьба Константина Сергеевича Нюренберга (1895—1944), младшего брата Елены Сергеевны, как-то выпала из поля зрения литературоведов, историков, журналистов, краеведов и за-

терялась во времени. А между тем обнаруженные недавно документы из латвийского архива КГБ свидетельствуют о неизвестной страничке биографии младшего брата Елены Сергеевны.

«В ночь на 13-е (февраля) 41 года взяли брата Костю», — записала в семейном дневнике, который начинал вести её отец, Елена Сергеевна. Эта запись сделана уже без Булгакова.

«О Косте и Шуре ничего не знаю. Удивляюсь, как вы о первом ничего не знаете», — напишет мать Елены Сергеевны и Ольги Сергеевны дочерям в Москву осенью 1944 года. Напишет после того, как в Ригу 13 октября сорок четвёртого вошли советские войска.

После учёбы в Рижской Александровской школе Константин Сергеевич Нюренберг поступил в Рижскую городскую гимназию, которую окончил в 1909 году. В четырнадцать лет поступил в Морской корпус в Ленинграде, окончил три общих класса. В семнадцать лет зачислен в 30-ю Артиллерийскую бригаду как вольноопределяющийся. Летом, 3 июня 1913 года Константину исполнилось восемнадцать лет. Он попытал счастья поступить в знаменитое Павловское военное училище — старейшее училище Петербурга. Оно было создано в 1863 году из специальных классов Павловского кадетского корпуса, передавшего училищу и своё знамя. Училище располагалось на Большой Спасской улице, рядом со 2-м кадетским корпусом и Военно-топографическим училищем. Павловское училище было, что называется «первейшим из первейших». А. Марков, автор известной книги «Кадеты и юнкера», писал: «Павловское военное училище имело свое собственное, ему одному присущее лицо и свой особый дух. Здесь словно царил дух сурового Императора, давшего ему своё имя. Чувствовалось во всём, что это, действительно, та военная школа, откуда выходили лучшие строевики нашей славной армии».

После сдачи вступительных экзаменов Константина зачислили в училище юнкером. В связи с начавшейся Первой мировой войной в октябре 1914 года состоялся досрочный выпуск. Константину Сергеевичу присвоили звание подпоручика и направи-

ли в распоряжение Московского военного округа. В течение 1915 — начала 1916 годов подпоручик К.С. Нюренберг находился на службе в различных западных батальонах Моршанска, Люблина, Тарнополя (с 1944 года Тернополь. — прим. авт.). С начала 1916 года по осень 1916 года служил в 20-м Туркестанском стрелковом полку. Весть о Февральской революции 1917 года застала его в 753-м Самборском пехотном полку. А во время Октябрьской революции 1917 года он служил в 27-й Отдельной самокатной роте в небольшом украинском городке Красилов, в 36 километрах от города Хмельницкий.

В марте 1918 года К.С. Нюренберг демобилизовался из армии и возвратился к родителям в Ригу.

Не найдя в Риге достойной работы, А.С. Нюренберг уехал в Москву и поступил в Московское управление военных сообщений. В декабре 1920 года он вернулся снова к родителям в Ригу. Причины, по которым он оставил Москву, в семье не обсуждались. К слову, Елена Сергеевна, всегда скрывала факты биографии её братьев. Пожалуй, немного о них знал и Булгаков. В личном деле К.С. Нюренберга, обнаруженном в архиве латвийского КГБ, сохранилась его автобиография, написанная им самим: «С июня 1918-го по февраль 1920 года я служил в Московском управлении военных сообщений, сначала конторщиком, потом помощником начальника отделения, а в конце начальником отделения. В феврале 1920 года я был арестован по обвинению во взяточничестве и в преступлении по должности. После следствия был приговорён народным судом к одному году заключения. В сентябре я вышел из тюрьмы, но снова арестован по приговору, который обжаловал, и впредь до следующего суда был выпущен на поруки. В декабре 1920 г. получил разрешение на возвращение в Латвию».

На поруки, как стало известно из того же латвийского архивного дела, Константина взял его отец С.М. Нюренберг.

После возвращения сына в Ригу Сергей Маркович добился, чтобы Константину дали латвийское гражданство и он получил латвийский паспорт. В 1923 году Константин женился на Марга-

рите Альфонсовне Блехштейн, а в августе 1925 года поступил матросом на латвийский теплоход. Так началась его жизнь заграничного моряка на различных судах, вплоть до февраля 1941 года.

Отсюда и долго бытовавший миф о том, что Константин, младший брат Елены Сергеевны, — моряк торгового флота, служил, якобы, в Дании, в 1940 году приехал навестить одинокую мать (отца уже не было), был арестован и расстрелян как немецкий шпион. Но в 2001 году Б.С. Мягков, исследователь и составитель родословной Михаила Булгакова, приведёт новые подробности биографии Константина и напишет о том, что младший брат Елены Сергеевны был арестован как «агент штаба латвийской армии», приговорён к пятнадцати годам исправительно-трудовых лагерей и к пяти годам ссылки и умрёт в Норильске 12 апреля 1944 года.

В латвийском архивном деле К.С. Нюрнберга вскрылись совершенно неожиданные подробности его биографии. Из дела стало известно, что он «был завербован на разведывательной работе при штабе армии», получил латвийский паспорт и латвийскую военную миссию в Москве. Шпионская кличка «Горский» выбрана неслучайно: это девичья фамилия его матери. В ведомостях на получение зарплаты расписывался именно только так. Шпионская деятельность Константина длилась недолго. За четыре месяца работы в Москве он передал сведения «о схеме организации управлений военных представителей на железных дорогах и комендатур на линиях железных дорог, входивших в состав Московского округа».

Работал дипкурьером, возил почту из Москвы в Ригу и обратно, получил расчёт и уволен якобы потому, что попал в Москве под подозрение и обнаружил за собой слежку.

Дальше — ещё больше подробностей. С августа 1921-го по август 1925-го Константин Сергеевич вёл довольно скромный образ жизни: работал ночным сторожем, мотористом, чернорабочим... Делает некоторый шаг вперёд: ему приглянулась девушка Маргарита (опять Маргарита!), отец которой имел в Риге «Магазин щёток и кистей А. Блейхштейна». Константин устраивается

в магазин помощником мастера и через некоторое время женится на дочери хозяина. Но в семейный бизнес по какой-то причине тесть зятя не взял. И тогда Константин опять делает резкий разворот в жизни — он, действительно, становится моряком. Сначала поступает на латвийское торговое судно, через три года переходит на бельгийский танкер. Под этим флагом и на разных бельгийских судах он ходит по морям Атлантического океана: от портов Бельгии до портов Конго и Советского Союза...

В 1929 году бельгийские власти запретили принимать на свои суда иностранных моряков. Константин перешёл на танкер Гамбургской компании. В анкете он пишет, что был «служащим на корабле до 1940 года», неоднократно бывал в портах Чёрного моря. Исследователь жизни и творчества Михаила Булгакова Мариэтта Чудакова высказала предположение о том, что младший брат мог увидеться с сестрой во время таких рейсов. Булгаковы, как известно, бывали на черноморских курортах. Но в её дневнике нет ни слова о встречах с братом на черноморских курортах.

Когда Константин возвратился в Ригу — до прихода советских войск в Ригу или после — неизвестно. В материалах дела сказано, что на момент ареста К.С. Нюренберг успел получить советский паспорт и работал в Рижском городском автобусном парке «распорядителем машин».

После многочасовых допросов и опроса свидетелей Шкипина и Келле, которые работали вместе с Константином на датском пароходе «Каупа» и подтвердили его «антисоветские взгляды», Константин Сергеевич Нюренберг как «агент штаба латвийской армии» действительно был осуждён и приговорён к пятнадцати годам исправительно-трудовых лагерей и пяти годам ссылки. О том, что младший брат находился в Норильске и умер там 12 апреля 1944 года, Елена Сергеевна не знала. Не знала до самой кончины.

Рига в её дневнике упоминается всего лишь несколько раз. Когда Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна решили пожениться, то они написали об этом родителям Сергею Марковичу и Александру

дре Александровне и сестре Ольге, гостившей у них в Риге. 25 октября 1933 года Елена Сергеевна записала в дневнике: «Под утро видела сон: пришло письмо от папы из Риги, написанное почему-то латинскими буквами. Я тщетно пытаюсь разобрать написанное — бледно. В это время Миша меня осторожно разбудил — телеграмма из Риги. В ней латинскими буквами: *papa skonchalsia*».

Через два года ещё одна «рижская» запись: «Оля приехала из Риги. Привезла М.А. фрачные сорочки...» Ни слова о матери и младшем брате. Но связь с Ригой в 30-е годы не прерывалась. Исследователь жизни и творчества Михаила Булгакова Лидия Яновская обнаружила в булгаковском архиве письма из Риги в Москву, написанные Александрой Александровной, матерью Елены Сергеевны. Письма приходили с того же рижского адрес: улица Альбертовская, 2, квартира 1.

В довоенный период Елена Сергеевна ни разу не была в Риге: все ходатайства и прошения о выезде Булгаковых за границу вежливо отклонялись. Она не смогла поехать на похороны отца, ни разу не навестила престарелую мать. Ольга Сергеевна, сестра Елены Сергеевны, благодаря тому, что работала во МХАТе, выезжала с театром на гастроли в Берлин, Париж и даже в Нью-Йорк. Бывала и в Риге.

9 июля 1935 года в письме брату Николаю Афанасьевичу Булгакову писатель сообщал о том, что он «подал заявление в Иностранный Отдел Московского Областного Исполкома о выдаче» ему «разрешения на поездку с женою за границу».

12 июля 1935 года Ольга Бокшанская в письме В.И. Немирович-Данченко сообщает, что едет в Ригу: «...мой адрес будет, как и в прошлые разы: *Riga. Latvya. Alberta iela, 2, dz. 1. Olga Vokchansky*». Итак, Ольга Сергеевна выехала в Ригу 17 июля, затем попросила дирекцию театра продлить ей отпуск и пробыла у матери до 15 октября. Посланные Бокшанской письма из Риги в Москву, в которых речь шла исключительно «о лечении» (о матери ни слова), впервые опубликованы и стали доступны исследователям жизни и творчества Булгакова лишь в 2013 году. Естественно,

они породили массу вопросов: почему Ольге можно было поехать за границу, а её сестре Елене нельзя? А, может, она всё-таки была за границей?

После многолетней разлуки с родными Елена Сергеевна увидела свою мать после войны. Как пишет исследователь Лидия Яновская, она смогла приехать к матери в Ригу только в июле 1945 года. Адрес у матери был новый: улица Альбертовская, 5, квартира 3.

Дочь и мать не виделись почти двадцать лет! Где же тогда произошла их последняя встреча? Ответ нашёлся неожиданно: в опубликованных воспоминаниях Оттокара Нюренберга, сына Александра Сергеевича, есть малоизвестные сведения о том, что Елена Сергеевна приезжала в 1926 году в эстонский город Пярну, где проживал её старший брат. Выходит, Елена Сергеевна всё-таки была за границей, но до встречи с Михаилом Булгаковым. Возможно, тогда она и виделась с матерью. Елена Сергеевна привезла в Пярну пятилетнего сына Женю Шиловского (его отец советский генерал Евгений Александрович Шиловский, второй муж Елены Сергеевны). Елена Сергеевна оставила мальчика в семье брата до лета 1928 года: «она хотела, чтобы сын вырос на свободном Западе».

Но в условиях советской системы это было невозможно. Шиловский к тому времени был помощником начальника Академии Генштаба, а в 1928 году назначен начальником штаба Московского военного округа, был на генеральской должности.

Через два года после последней встречи с братом Александром Елена Сергеевна снова приехала в Эстонию. На этот раз вместе со вторым младшим сыном Серёжей Шиловским, которому было два года. Погостив несколько месяцев у брата, она вернулась в Москву вместе с сыновьями.

«В Советском Союзе уже дул ледяной ветер. Сталин пришёл к власти. Сын генерала не смел воспитываться на враждебном Западе, она вынуждена была забрать его в Москву», — писала Лидия Яновская.

В сорок пятом Александре Александровне, матери Елены Сергеевны, 81 год. Никакие уговоры на неё не действовали: Елена Сергеевна предлагала ей ухать вместе с ней в Москву. Но и оставить одну престарелую мать она не могла. По сведениям Лидии Яновской, Елене Сергеевне удалось прописать в квартиру матери по улице Альбертовской бывшую няню своих сыновей, — немку Екатерину Ивановну Буш.

В начале войны её арестовали и выслали в Сибирь, поэтому о возвращении в Москву речи быть не могло. А прописка её в Риге стала превосходным выходом для всех — Екатерина Ивановна получила крышу над головой и могла присматривать за Александрой Александровной.

В сорок восьмом Елена Сергеевна снова в Риге. На этот раз она привезла прах своей сестры Ольги, чтобы захоронить его в могиле отца на Покровском кладбище. В 1956 году скончалась мать Елены Сергеевны: Покровское кладбище было закрыто, поэтому она похоронила мать на Вознесенском кладбище Риги.

Последний раз Елена Сергеевна приезжала в Ригу в августе 1967 года, после публикации романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Приезжала вместе с младшим сыном Сергеем с одной целью — перенести прах отца и сестры с Покровского кладбища на Вознесенское. Власти Риги на месте Покровского кладбища планировали разбить парк. Парк Луны? Но перезахоронение не получилось.

Почему это произошло, осталось тайной. Лидии Яновской не удалось найти заброшенную могилу Сергея Марковича Нюренберга. В 2002 году его могилу разыскали местные пушкинисты и установили на ней памятную плиту с надписью: «С.М. Нюренберг и О.С. Бокшанская».

А где похоронен Константин, младший брат Елены Сергеевны, где похоронены тысячи рижан — латышей, русских, евреев, немцев, арестованных и вывезенных на Восток, так и осталось тайной. И где закончилась его жизнь: в застенке, на лесоповале, на рытье котлована в Норильске, в бараке...

По иронии судьбы (если верить архивному документу) он умер 12 апреля 1944 года в Норильске. В 1961 году, через 17 лет, этот день в календаре будет отмечен другим историческим событием, навсегда затмившем все остальные даты.

...И ещё от того времени остался безымянный кривой и скучный переулок, скорее всего, переулок Луны, по которому, повернув с Тверской, шла Маргарита и «несла в руках отвратительные, тревожные жёлтые цветы», пока не встретила здесь Мастера, заговорила с ним, спросила, нравятся ли ему её цветы. Услышав ответ, что он любит розы, бросила их на мостовую. Растерявшись, Мастер поднял цветы, но она снова оттолкнула их, взяла его под руку и они пошли рядом.

Март 2016 г.

РУССКИЙ ЖЮЛЬ ВЕРН

Имя писателя Ивана Ряпасова современному читателю практически неведомо. А было время, когда его произведениями зачитывалась вся Россия. Публиковались они под псевдонимом И. Де-Рок.

В спорах с уральским литератором Иваном Флавиановичем Колотовкиным, который брал для своих рассказов приземленные, сугубо бытовые темы, Ряпасов отстаивал свое видение роли писателя в обществе.

«Надо брать такие темы и сюжеты, в которых рассказывалось бы что-то новое, интересное, даже таинственное! Это заинтересует всякого, даже полуграмотного!» — утверждал Иван Григорьевич.

Ряпасов оставался верным своему убеждению всю жизнь.

Иван Григорьевич Ряпасов родился 5(17) июня 1885 года в поселке Натальинске, что в восемнадцати километрах от Красноуфимска, вдали от железной дороги. До Екатеринбурга по прямой вёрст двести будет. «Глухомань», — говорят о таких местах на Урале.

Отец будущего писателя Григорий Алексеевич Ряпасов, изобретатель по призванию, работал на Натальинском стекольном заводе мастером стекловарения. Его имя упоминается в ураль-

ской краеведческой литературе наряду с основателем Натальинского стекольного завода, который заложил в 1872 году красноуфимский купец Иван Артемьевич Шевелин. В семье Ряпасовых было пятеро детей. Ваня — самый младший.

Рос будущий писатель Иван Ряпасов смышлёным. Старший брат писателя Павел вспоминал, что Ваня выучился читать и писать в пять лет. По семейному преданию, время это занятие находилось между делом: пока закипал самовар, сестра Оля учила брата азбуке.

В школу Ваню приняли сразу во второй класс. Школа находилась в соседней деревне Савиновке, в четырёх километрах от стекольного завода.

Учился Ваня хорошо. Больше всего мальчик полюбил чтение. «Родное слово» Ушинского, «Книга для чтения» Баранова, «Дон Кихот» Сервантеса, романы Жюль Верна, журнал «Вокруг света» заменяли ему катание на коньках и лыжах, купание в речке, игру в городки, бабки...

После окончания начальной школы родители определили Ваню в трёхклассное училище, у которого был педагогический уклон. Но учителем Ваня стал не сразу. В 1901 году ему исполнилось шестнадцать, и он устроился в контору Натальинского стекольного завода.

В августе 1903 года Иван Григорьевич перешёл на Злоказовский завод. Работал помощником машиниста. В мае 1904 года Ряпасов решил держать экзамены в Екатеринбургское горное училище.

Позднее в автобиографическом рассказе «Пора» (1911) Ряпасов писал: «Зубрил катехизис между правлением и смазкой машин, учил грамматику, твердил походы Александра Македонского, подвиги Геракла...»

Иван Григорьевич успешно сдал экзамены, но учиться ему не пришлось. Он вернулся в посёлок стекольного завода, к родителям, так как дирекция училища не назначила ему стипендии.

Осенью того же 1904 года Ряпасов экстерном сдал экзамены

на учителя начальной школы в Екатеринбургской мужской гимназии. Но работы не было. Помог случай.

24 марта 1905 года во французском Амьене скончался географ и писатель, классик приключенческой литературы, один из основоположников научной фантастики Жюль Верн. Его книгами, проникнутыми романтикой науки, зачитывался весь мир. Жюль Верн был любимым писателем и молодого Ряпасова.

«Я... метил в русские Жюль Верны, — писал незадолго до своей смерти Иван Григорьевич Ряпасов брату Павлу, — однако судьба распорядилась иначе».

А тогда, в 1905 году, Иван Григорьевич написал статью «Памяти Жюля Верна» и отнёс её в редакцию газеты «Урал». Статью напечатали, автора пригласили на работу. Так он стал репортёром на целых три года.

«Молодой и наивный случайно попал в редакцию, — писал позднее Ряпасов. — Живая, волнующая жизнь репортёра захватила».

«Вечная беготня дала возможность столкнуться с неприглядной изнанкой жизни... Существовал впроголодь, при грошом заработке», — вспоминал Иван Григорьевич.

Редакция газеты «Урал» заказывала Ряпасову в основном статьи о революционных событиях 1905—1907 годов: погромах, митингах, собраниях, забастовках, происходивших в Екатеринбурге.

Но в этой беготне с митинга на митинг Ивану Григорьевичу удавалось выкраивать время на сбор материала и написание очерков о родном крае. Среди них выделяются исследования писателя о золотом промысле на Урале, о проекте соединения каналом рек Печоры и Камы, о добыче меди, «Юбилей изумруда» — об изумрудных копиях...

В 1906 году Ряпасову исполнилось двадцать один год, и его чуть было не призвали в армию. Но медицинская комиссия признала Ряпасова негодным к строевой службе из-за несоответствия объёма груди по отношению к его росту.

В 1907 году он женился на местной девушке. Звали её Фелица-

та Аркадьевна Сахарова. Свадьба опустошила и без того тощий кошелек молодого репортёра. А тут закрылась газета «Урал». В мае 1908 года он поступил репортёром в газету «Уральская жизнь», проработал здесь до конца года. Печатали его редко, платили мало. Ряпасов рассылал свои статьи в другие издания. В 1905—1908 годах его статьи печатали такие издания, как «Слово», «Торгово-промышленная газета», «Сибирская жизнь», «Земская неделя», «Русские ведомости».

В декабре 1908 года Ряпасова пригласили на должность секретаря редакции газеты «Пермские губернские ведомости», с которой он сотрудничал вплоть до марта 1917 года.

У молодых родился сын. Казалось, жизнь для Ряпасова складывалась благополучно. В двадцать три года у него было всё: любимая жена, сын, отличная работа, стабильное денежное жалование. Но в 1909 году Ивана Григорьевича постигла беда, и не одна. От туберкулёза умерла жена, затем погиб трёхмесячный сын Владимир, отправленный с бабушкой в посёлок стекольного завода.

Казалось бы, мир, в котором жил и радовался Ряпасов, разрушен. Исчезло всё: радости, мечты: «Чуть не рехнулся с горя... стал хмур, необщителен, задумчив...» Спасла Ивана Григорьевича любимая работа. Он ушёл в неё с головой, не желая никого видеть. В эти годы Ряпасов много писал. В «Пермских губернских ведомостях», газете суховатой и скучной, он вёл рубрику «Наброски», еженедельно печатал фельетоны «На злобу дня».

На страницах «Пермских губернских ведомостей» в 1910—1911 годах увидели свет его рассказы и очерки «Праздник», «Редактор», «Пора», «Машинист на Урале», фельетон «Торг». В эти же годы писатель написал книгу «Хрестоматия Урала: историческая и географическая» и передал её в редакцию «Пермских губернских ведомостей». К сожалению, она до сих пор не обнаружена в архивах и её судьба неизвестна.

По заданию редакции Ряпасов совершил путешествие по Волге и Каме, побывал в Москве и Петербурге. Результатом поездки стали его «Путевые заметки» о российской действительности, ко-

торые печатались в течение 1910 года на страницах «Пермских губернских ведомостей». Подписывался И. Р-ов или И. Рок. Если первый псевдоним объясним, то происхождение второго так и не выяснено. Но он оказался пророческим.

В 1912 году, когда Ряпасов начал работу над романом «Неведомый город», ему пришлось

оставить редакцию «Пермских губернских ведомостей». Иван Григорьевич перешёл в журнал «Вестник землеустройства Северного края», где он числился на должности секретаря, фактически же был редактором с 27 мая 1912 года по 20 мая 1913 года. Журнал выходил не так часто, как газета, и у Ряпасова было время для завершения романа.

«Неведомый город» стал первым воплощением в жизнь тех замыслов, которые рождались ещё в Екатеринбурге в спорах Ряпасова с уральским писателем И.Ф. Колотовкиным: «...изобразить успехи науки и техники в ближайшем будущем, дать юношеству соответствующий материал для чтения».

После заметок, репортажей, статей, фельетонов, путевых заметок, рассказов, написанных и опубликованных Ряпасовым в 1910–1912 годах, роман «Неведомый город» — первое значительное произведение писателя. Иван Григорьевич предложил рукопись романа издателю еженедельного научно-популярного и иллюстрированного журнала естествознания и путешествий с ежемесячными приложениями для семейного чтения и самообразования Петру Петровичу Сойкину, который охотно печатал подобные сочинения. Ряпасов отослал рукопись в Санкт-Петербурге, на улицу Стремянная, 12.

Но последовал отказ. Затем отказали редакция иллюстрированного приложения к газете «Новое время» А.С. Суворина, издательство А.Д. Ступина, выпускавшее для детей «Библиотеку Ступина».

А тут новая беда подкараулила Ряпасова: в сентябре 1912 года он заболел тифом. Выздоровливал медленно. Ряпасову пришлось оставить работу. По совету докторов он уехал к морю, в Сочи.

«Разбит, чувствую недомогание, переутомление, решил подлечиться на юге», — писал Ряпасов 18 апреля 1913 года брату Павлу. В том же письме Иван Григорьевич с горечью сообщил, что ни одно издательство не вернуло рукопись романа. И ему пришлось переписывать всё вновь на пишущей машинке.

В Сочи Ряпасов приехал, как видно из письма брату Павлу, 10 июня 1913 года. Здесь он встретил Нину Львовну Попову. Уроженка Урюпинска, что на Дону, она оживила душу Ивана Григорьевича и прибавила ему сил. Ряпасов делает ей предложение руки и сердца. К его радости, она ответила согласием.

В Сочи Ряпасов начинает новый роман «Наследство Блома», который должен был стать продолжением «Неведомого города». Нина Львовна помогает Ряпасову: перепечатывает написанные им странички на машинке. Она была его первым читателем и его первым критиком. В Сочи Ряпасов написал две главы нового романа, о чём сообщал брату Павлу в письме от 17 июня 1913 года.

Ряпасов отправляется в Москву, затем в Санкт-Петербург. Цель одна — найти издателя романа «Неведомый город». Он обошёл около десятка разных издательств. Когда в беседе с Ряпасовым выяснялось, что автор работал в провинциальных газетах, редакторы столичных изданий обыкновенно отвечали: «Ваша рукопись не заинтересовала издательство».

Поездка в Москву и Санкт-Петербург лишь расстроила и без того плачевное финансовое состояние Ряпасова. Иван Григорьевич пытался найти работу репортёра в северной столице, но ни одна редакция не приняла его предложение. В письме брату Павлу от 14 сентября 1913 года Ряпасов пишет о том, что совсем пал духом и что ему приходит мысль о самоубийстве.

В поисках работы он приехал в Бердянск. Город расположен на берегу Азовского моря. Ряпасову с его здоровьем город нравится. Здесь он становится редактором газеты «Эхо». Оклад небольшой: сто рублей. Проживал Ряпасов в Бердянске по улице Лазаревской, в доме Добровольской. Но газета, как писал Ряпасов брату, «дышит на ладан из-за расстроенных финансов».

Ряпасов уезжает в Батум с надеждой, что в этом городе ему удастся понадежнее устроиться в местной газете. Проживая в Батуме, Ряпасов продолжал работать над романом «Наследство Блома». Но там он заболел малярией. Ивану Григорьевичу пришлось оставить Батум и вернуться в Бердянск.

Заработав немного денег, Иван Григорьевич снова едет в северную столицу. В письме брату Павлу от 14 октября 1913 года писатель с радостью сообщает, что роман «Неведомый город» ему удалось пристроить в издательстве М.М. Стасюлевича. С Михаилом Матвеевичем Стасюлевичем (1826—1911), русским историком, журналистом, общественным деятелем, редактором и издателем журнала «Вестник Европы» (1866—1908) Ряпасов не успел познакомиться. К тому времени его не было в живых. Издательство же после смерти писателя продолжало именоваться по фамилии его организатора. Издательством Стасюлевича управлял в то время известный в будущем большевик, член Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Петрограда Михаил Константинович Лемке. Ознакомившись с рукописью романа, он предложил Ряпасову следующие условия: заглавие романа «Неведомый город» изменить, книга выйдет под названием «Гроза мира», все расходы по изданию и распространению книги издательство принимает на себя, автору за рукопись выплачивается гонорар в размере одна тысяча рублей. Но выплату гонорара издательство осуществит частями. Ряпасову за неимением средств пришлось согласиться. Забегая вперед, скажем, что Лемке остался должен Ряпасову за книгу семьсот рублей.

Книга Ряпасова вышла в 1914 году под названием «Гроза мира. Фантазия для юношества» и под псевдонимом И. Де-Рок. Рисунки к изданию сделал художник Иван Гурьев.

Критика отмечала, что сюжет романа лишён оригинальности. Главный герой, английский физик Блом, полоумный ученый-пацифист, вознамерился навсегда прекратить войны весьма оригинальным способом — созданием в гималайском затерянном городе сверхоружия, но русский инженер Березин, доктор Руберг и сту-

дент Гернов срывают планы безумца. Тем не менее, современники автора отмечали, что роман написан очень живо и захватывающе. Положительные рецензии о «Грозе мира» напечатали московский «Вестник кинематографии», симферопольская газета «Южное слово», екатеринославская газета «Приднепровский край», бердянское «Эхо», «Пермские губернские ведомости»...

Мне долго не удавалось самому прочитать роман, чтобы составить собственное мнение об этой книге Ряпасова. Я обратился за помощью к посетителям Интернета, разместив в нём небольшое объявление: «Ищу роман «Гроза мира». Автор И. Г. Ряпасов. Роман напечатан под псевдонимом: И. Де-Рок». Вскоре из Санкт-Петербурга на мою электронную почту пришел сканированный роман: все 336 страниц. Я читал роман несколько дней. Написан свежо, читается с интересом и через сто лет после первой публикации.

...В январе 1914 года Ряпасов возвратился в Бердянск, поселился в доме Черникова по улице Лазаревской, напротив сквера. Финансовое положение газеты «Эхо» по-прежнему было незавидным. Ряпасов делал всё для того, чтобы спасти её. Но в августе оно обанкротилось, редакцию пришлось закрыть.

У самого же Ряпасова врачи признали туберкулёз лёгких. Иван Григорьевич оставил Бердянск и уехал в Урюпинск, к своей второй жене Нине Львовне Поповой.

Начавшаяся первая мировая война ещё более ухудшила материальное положение Ряпасова. Он перебивался случайными работками и писал. 30 марта 1914 года Иван Григорьевич завершил роман «Наследство Блома», который являлся продолжением первой книги. В романе двадцать две главы объёмом четырёхсот машинописных страниц. Ряпасов отослал рукопись в Петроград, в издательство Стасюлевича. Но к тому времени оно тоже обанкротилось, и рукопись была утеряна. Ряпасов пытался найти работу в Екатеринославе, затем в Симферополе. Все попытки окончились неудачей, и он возвратился в Пермь.

В конце 1916 года в «Пермских губернских ведомостях» на-

чалась публикация ещё одного романа И. Ряпасова «Пираты XX века», который также стал продолжением «Грозы мира». Печатался он под псевдонимом И. Рок-Казбеков.

Публикация романа не была завершена, так как 26 марта 1917 года газета прекратила своё существование. Ряпасов успел напечатать из нового романа всего лишь четырнадцать глав.

До октября 1917 года Ряпасов напечатал также полтора десятка фантастических и приключенческих рассказов. Среди них «Великий инквизитор» (журнал «Кино Ханжонкова», 1914), «Урим и Туммим» (газета «Эхо», 1914), «На горе Арарат» («Ноев ковчег»), «Безумство храбрых», «В стальном шкафу» (журнал «Мир приключений», 1915).

Осенью 1915 года журнал «Жизнь для всех», где в то время работал Демьян Бедный, напечатал очерки Ряпасова «Последняя жертва», «Фольклор о войне».

В пермских газетах увидели свет очерки и рассказы Ряпасова «Гараська», «Прошлое уральских пещер» («Пермская земская неделя», 1916), «Взятие Баязета», «Сын падишаха. Кавказская легенда», «Могила на вершине Гауризинкара» (одна из высочайших вершин Гималаев. — прим. авт.), «Джек Лондон», «Генрик Сенкевич и немцы» («Пермские губернские ведомости», 1916), «Маленькая шоколадница» («Пермские губернские ведомости», 1917).

Рассказ «Чёрный бриллиант» напечатал журнал «Мир приключений» (1916). Журнал «Природа и люди», отвергший роман Ряпасова «Неведомый город», тоже печатает его историко-географические очерки, в частности, «Ворота Кавказа», «Землетрясение на Кавказе» (1915).

Статьи Ряпасова в этот период печатали также такие издания, как «Школа и жизнь», «Русская Ривьера». Из богатого литературно-публицистического наследия И. Ряпасова мне удалось найти его статью «Тайна уральских пещер», но только не в «Пермской земской неделе», а в «Сборнике-ежегоднике Пермского Губернского Земства» (1916).

Из воспоминаний брата Павла известно, что в сентябре 1917 года Иван Ряпасов уехал на Кавказ. Во Владикавказе он намеревался редактировать газету, но Октябрьская революция, затем Гражданская война перечеркнули его судьбу, как и миллионы других.

До Владикавказа Ряпасов не доехал и остался в Ставрополе. Как оказалось, надолго. Он прожил в этом городе почти четверть века. Здесь Ряпасов стал свидетелем многих событий, которые происходили в Ставрополе с сентября 1917 года по январь 1943 года. Он видел демонстрацию рабочих и солдат после октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, возвращение солдат с Западного фронта, создание Военно-Революционного комитета и, наконец, переход 1 января 1918 года власти к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, образование Ставропольской советской республики...

Большевики упразднили органы управления Временного правительства, ликвидировали земства, распустили окружной суд. В конце марта 1918 года распущена городская Управа, в одном из её отделов, продовольственном, служил Ряпасов. Новая власть предложила Ряпасову должность секретаря в отделе продовольствия Совета народных комиссаров Ставропольской губернии. Ряпасов согласился и всеми силами пытался устроиться в новой жизни. Освободилось место секретаря полиграфического отдела у комиссара по делам труда и промышленности, и Ряпасов перешёл на новое место.

В 1918 году в жизни Ряпасова произошло событие, о котором он, спустя годы, вспоминал как о провидении божьем. Иван Григорьевич поехал по служебным делам в Армавир. Вернувшись через пять дней, узнал, что Ставрополь заняли матросы из отряда Медведева. Ряпасова и ещё двоих пассажиров поезда арестовали вооружённые, обвитые пулемётными лентами матросы, привезли в казарму. Той же ночью состоялся революционный трибунал, во главе которого восседал матрос. Позднее Ряпасов писал о нём: «У него на морде было написано: «Всё могу, что моя нога хочет!..»

«Обвиняемые» стояли перед столом, за которым восседал «трибунал», а за ним блестело до пятидесяти штыков. «Скоропалительный трибунал» признал всех троих пассажиров «шпионами Керенского» и приговорил к расстрелу. Потрясённый происходящим, Ряпасов уверовал в свои стародавние прегрешения, и всю ночь перед расстрелом каялся Николаю Чудотворцу, Богородице. Утром Ряпасова и его спутников освободил комендант города Ставрополя, отменивший приговор. С того дня Ряпасов стал глубоко верующим человеком.

В ноябре 1920 года состоялся набор слушателей на курсы общеобразовательных знаний. Ряпасов — слушатель этих курсов. Проучившись шесть месяцев и, получив документ об успешной сдаче экзаменов, Ряпасов поступил на работу в редакцию газеты «Власть Советов» на должность ответственного секретаря. Он пишет статьи на хозяйственные темы, рецензии на театральные постановки, фельетоны на местные темы.

Выходили они за подписями И. Р., И. Р-ов, И. Востоков, Волжин. Не все статьи, которые писал Ряпасов, нравились редакторам, а их за время его работы сменилось трое: П. Юровский, Н. Анапский, Ал. Титков.

Ряпасов ушёл из редакции после публикации, которые не отвечали интересам новой власти. В одной из них Ряпасов рассказал о предложении снять с церкви колокола и продать их американцам не как произведение искусства, а как простую медь.

В 1923 году Ряпасов завершил работу над историко-географической хрестоматией Северного Кавказа, охватывавшей жизнь и экономику Ставрополья, Кубани, Терека и Дона и предложил её Государственному издательству художественной литературы. Рукопись была одобрена Госиздатом, но так и не увидела свет.

Но вот что странно: в эти же годы на эту тему вышли книги «Сельскохозяйственные районы Дона, Северного Кавказа, Черноморья и Дагестана», «Экономическая география Юго-Востока». Их автор — председатель Ставропольского совнаркома А. А. Пономарёв. В 1923 году альманах «Ставрополье» опубликовал

статью Ряпасова «О собирании и значении огромных Ставропольских архивов за 300 лет».

У Ряпасова никогда не было своего жилья. «В Ставрополе, — писал Иван Григорьевич брату Павлу, — я всё время таскался по квартирам, платил по 50—70 р. за угол и редко за комнату. Питался по столовкам...» У Ряпасова нет постоянной работы. Он работает хранителем архива, заведует отделом книжного магазина, специальным корреспондентом ростовской газеты «Голос юга» с ежемесячным окладом 75 рублей. В редакции «Голоса юга» он проработал вплоть до её объединения с газетой «Молот».

Но «как писатель в это время я был крепко и много занят писанием романа «Убей-конь», — вспоминал Ряпасов, — из времени первых красных партизан на Северном Кавказе и их вождей — Апанасенко Иосифе, Литвинова, Ипатова и др. Главный герой — вождь первого боевого отряда будущего конного корпуса. Я написал 22 главы из времён 1918 и 1920 гг.»

К сожалению, рукопись этого романа не сохранилась. Из писем Ряпасов известен лишь общий замысел романа.

В 1932—1936 годах Ряпасов — секретарь редакции газеты Туркменского района Ставрополья «Ленин-Байрачи». О работе в Летней Ставке — центре Туркменского района Иван Григорьевич с грустью вспоминал, что жить среди туркмен было довольно скучно, и потому он всё свободное время посвящал изучению этого края. Написал и опубликовал краткую историю туркменского и ногайского народов, кочующих на землях Ставрополья.

Еще одно исследование было посвящено междоусобной войне туркмен и ногаев, их поземельным спорам с донскими казаками, набегам ногайцев на аулы черкесов, на кордонную линию... Все эти события происходили в 1770—1780 годах.

Судя по письмам Ряпасова директору Научной библиотеки Молотовской области А.К. Шарцу, это было интересное исследование. Печаталось оно в газете «Ленин-Байрачи» в 1937—1938 годах. Его текстом, к сожалению, я не располагаю. Мне известно лишь краткое содержание этого исследования Ивана Ряпасова.

Развернувшееся на Ставрополье строительство Невинномысского канала не осталось без внимания писателей страны. О великой стройке писали С. Бабаевский, И. Егоров, А. Карпов... Статью И. Ряпасова «Невинномысский канал» напечатал новый журнал «География в школе», основателем которого стал Н.Н. Баранский, известный в стране экономико-географ, заместитель председателя Московского филиала Географического общества СССР. Первый номер журнала «География в школе» вышел в 1934 году. Вспоминая об этой публикации, Иван Григорьевич писал: «Канал должен был соединить воды Кубани через реку Егорлык с Манычской впадиной. И через это оросить безводные степи Ставрополья. Канал с тоннелем в шесть километров через гору Недреманную строился несколько лет. Статья напечатана в 1939–1940 годах».

Перед войной в академическом журнале «Наука и жизнь» Ряпасов напечатал статью «Редкое небесное явление», которое он наблюдал в Ставрополе в декабре 1939 года.

«Добрая половина всех моих писаний потеряна навсегда», — с горечью писал 19 апреля 1955 года Ряпасов брату Павлу и сестре Ольге. Перечисляя свои публикации, писатель нередко лишь обозначает их темы. Так до сих пор не установлено, в каком издании и когда опубликована статья Ряпасова о развалинах древнего хазарского города Маджары на реке Куме. Материалы для её написания Ряпасову предоставил лучший знаток Кавказского края того времени Г.Н. Прозрителев.

Перед войной Ряпасов работал над составлением «Словаря правильного произношения географических наименований». Принципы этой работы он изложил в письме главному редактору журнала «География в школе» Н.Н. Баранскому. Письмо не осталось без ответа. Николай Николаевич одобрил новое исследование Ряпасова и посоветовал ему связаться с известным географом Советского Союза Вениамином Петровичем Семёновым-Тян-Шанским, сыном великого путешественника Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского. Баранский предлагал, чтобы окончательную редакцию этого издания выполнил В.П. Семёнов-Тян-

Шанский. К сожалению, рукопись этой книги не была завершена и её судьба неизвестна.

Перед войной Ряпасов работал преподавателем географии, истории, русского языка в одной из семилетних школ Ставрополя. «Жить было бы ничего, но целое бедствие из-за квартир, в особенности, когда край перешёл туда и стеснил население», — писал Ряпасов 7 апреля 1955 года брату Павлу и сестре Ольге. В 1937 году центр края переведен из Пятигорска в Ставрополь.

...В августе сорок второго Ставрополь заняли немецкие и румынские войска. Ряпасову шел 58-й год.

«Гитлеровцы бомбили наш город в 1942 году с 9 часов утра до 5 часов вечера. Аэропланы летали сверху и сбрасывали 30 и 60-пудовые бомбы на нас, а мы лежали во дворе под деревом и каждую минуту ждали смерти. Откровенно скажу, что это было страшно. Но Всемогущий помиловал нас. А потом... уже ничего не было страшно. Как-то трое суток были под артиллерийским обстрелом и я до того рассердился, что ходил по улицам, где валились столбы, стены домов, а мне было всё равно. Ожесточается человек и ни о чём не думает», — писал Ряпасов 10 марта 1955 года брату Павлу.

Так в жизни и судьбе Ряпасова начались новые великие несчастья. И они продолжались вплоть до его смерти. Школы при немцах не работали, и никакого жалованья Иван Григорьевич не получал. Он работал у немцев, они использовали его как разно-рабочего, грузчика. Его, уже немолодого человека, немцы мобилизовали на земляные работы, а затем и вовсе угнали — сначала на Украину, в Кировоград, затем в Галицию, Польшу, Австрию и Чехию. «Возили нас гитлеровцы, как рабочую скотину, — писал Ряпасов 10 марта 1955 года брату Павлу. — Мы, тысячи пленных всякого рода: русские, поляки, французы, чехи, сербы, итальянцы, словаки, словенцы, употреблялись то на сельскохозяйственные, то на земляные работы. Я с большими ногами работал с 4 часов утра до 8 часов вечера, было так тяжело, что я неоднократно просил смерти, а она не приходила. Кормили плохо ...»

В апреле 1945 года узников концлагеря Добролазница, близ

Брно, освободила Красная Армия. И они все вернулись на родину. А высохшего согбённого человека с рыжеватой бородкой клинышком привезли в Кировоград. В 1949 году война снова догнала его. В сорок девятом Ряпасова за то, что работал у немцев, а у следователя это звучало как «сотрудничество с врагом», арестовали и передали дело в суд. Очередной «скоропалительный», на этот раз Кировоградский областной суд, 31 августа 1949 года осудил Ивана Григорьевича Ряпасова на двадцать пять лет принудительных работ с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях. Так, в шестьдесят четыре года Ряпасов снова стал каторжником, которому надлежало провести остаток жизни за колючей проволокой. Сначала его отправили в Александрийский лагерь, в 57 километрах северо-восточнее Кировограда. Весной 1953 года Ивана Григорьевича перевели в лагерь города Чернигова. Осенью 1953 года его отправили в лагерь Хромтау, что в Актюбинской области.

После смерти Сталина определением Актюбинского областного суда от 27 сентября 1954 года Ряпасов был освобожден. Он возвратился, но не домой, а на Украину, в Кировоград. По ходатайству друзей Ивана Григорьевича его определили в дом инвалидов села Гельмязово Черкасской области. Но здоровье было подорвано окончательно. Испытывая страшные муки и боли, Иван Григорьевич почти не вставал с постели. В эти самые тяжёлые для писателя месяцы нашлись его родные сестра Ольга, братья Павел и Федор, их дети — племянники писателя. Их переписка оказалась недолгой: она началась 16 февраля 1955 года и оборвалась 3 сентября 1955 года. В этот день на 71-м году жизни умер писатель И.Г. Ряпасов, который говорил о себе: «Я... метил в русские Жюль Верны, однако судьба распорядилась иначе».

Через сто лет, в 2014–2015 годах, альманах «Литературное Ставрополье» опубликовал роман И.Г. Ряпасова «Гроза мира» («Неведомый город»). Писатель вернулся в город, который был его судьбой, его биографией.

2013 г.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ В КИСЛОВОДСКЕ

В фондах Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова в Вёшенской хранится более двух тысяч фотографий и негативов. Среди них три редких фотоснимка, которые рассказывают о пребывании писателя в январе 1941 года в санатории «Красные камни» в Кисловодске.

Как известно, писатель на курорты ездил редко. Предпочитал отдых на природе, любил охоту, рыбалку. Даже известие о присуждении ему Нобелевской премии по литературе застало его на охоте в Казахстане. Телеграмма нашла его 15 октября 1965 года на озере Жалтырколь, в 275 километрах от города Уральска.

«Чтобы ответить Шведской Королевской Академии, — рассказывал писатель, — мне пришлось лететь самолётом в Уральск, в довольно сложных метеорологических условиях».

В телеграмме, отправленной из Уральска, Шолохов сердечно поблагодарил Шведскую Королевскую Академию за высокую оценку его литературного творчества и присуждение Нобелевской премии и с благодарностью принял приглашение прибыть в Стокгольм на нобелевский праздник. Из Уральска писатель вернулся на озеро Жалтырколь и продолжил охоту. Общение с казахской природой, встречи с интересными людьми, разговор в непринужденной обстановке с журналистом «Правды» Юрием Борисови-

чем Лукиным, который с 1933 года был постоянным редактором его произведений, подарили Михаилу Александровичу Шолохову в те «нобелевские дни» незабываемые впечатления и множество фотографий с его охотничьими трофеями.

Меня же интересовали кисловодские фотографии. На моё письмо, адресованное Государственному музею-заповеднику М.А. Шолохова, откликнулась научный сотрудник Л.П. Разогреева.

«Подробного описания пребывания М.А. Шолохова в Кисловодске мы пока не нашли, — писала Людмила Петровна. — Исследователи биографии и творчества М. Шолохова ссылаются также на К.И. Чуковского».

В одном из писем Людмиле Петровне я поделился некоторыми фактами о пребывании писателя М.А. Шолохова и его семьи в Кисловодске в январе 1941 года.

В частности, о встречах с М.А. Шолоховым в Кисловодске упоминает в письмах и дневниках известный детский писатель Корней Иванович Чуковский, отдыхавший в санатории Наркомтяжпрома (ныне санаторий «Орджоникидзе». — *прим.авт.*). Воспоминаний других отдыхающих в это время года в Кисловодске я, к сожалению, не нашёл.

В те январские дни 1941 года в санатории «Красные камни», как пишет К.И. Чуковский, отдыхали полярник Иван Дмитриевич Папанин, врач Борис Ильич Збарский, возглавлявший лабораторию по сохранению тела В. И. Ленина в мавзолее, его десятилетний сын Лев Збарский, впоследствии ставший известным художником-иллюстратором книг.

А в санатории Наркомтяжпрома, кроме Чуковского и его жены, находилась известная в стране семья металлургов Макеевского металлургического завода, новаторов производства: Иван Григорьевич Коробов, обер-мастер этого завода, и его сыновья: Павел Иванович Коробов, трудовая биография которого начиналась в Макеевке, а с 1939 года он — первый заместитель наркома чёрной металлургии СССР, Николай Иванович Коробов — рабочий, инженер, свыше тридцати лет проработавший в Макеевке,

Илья Иванович Коробов — рабочий, инженер, в 1939 году стал директором Днепропетровского металлургического завода имени Г.И. Петровского.

Но я надеялся, что найдутся и другие воспоминания. Для статьи нужны были бытовые и житейские подробности пребывания Шолохова в Кисловодске. В письме, адресованном в Вёшенскую, я высказал предположение, что, возможно, они будут в письмах Шолохова за январь 1941 года. В любом случае я верил и надеялся. Людмила Петровна заверила меня, что если что-то будет найдено по этому факту, она непременно сообщит или разместит информацию на сайте Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова. И сдержала своё слово.

На одной из кисловодских фотографий М.А. Шолохов запечатлён на балконе санатория «Красные камни» на фоне занесённого снегом парка.

На другой он заснят с Иваном Дмитриевичем Папаниным, исследователем Арктики, начальником первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс-1». Его книгой «Жизнь на льдине», изданной в 1938 году, зачитывалась вся страна. 274 дня продолжался ледовый дрейф И.Д. Папанина и его спутников — гидробиолога П.П. Ширшова, геофизика Е.К. Фёдорова, радиста Э.Т. Кренкеля. К началу 1941 года И.Д. Папанин был уже доктором географических наук, дважды Героем Советского Союза, начальником Главного управления Северного морского пути.

На третьем снимке М.А. Шолохов сфотографирован с И.Д. Папаниным и лётчиком Анатолием Васильевичем Ляпидевским, первым Героем Советского Союза.

В 1933 году на советском пароходе «Челюскин» была принята попытка за одну навигацию пройти по Северному морскому пути из Мурманска во Владивосток. Руководил экспедицией известный учёный, государственный деятель, один из организаторов освоения Северного морского пути Отто Юльевич Шмидт. Капитаном парохода «Челюскин» был Владимир Иванович Воронин. Участники рейда благополучно прошли пять морей — Баренцево,

Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское... А в Беринговом проливе пароход «Челюскин» был зажат и раздавлен льдами 13 февраля 1934 года.

Вся страна следила за эпопеей спасения участников рейда — «челюскинцев». Вот тогда-то имя отважного лётчика и стало известно всей стране. Пятого марта 1934 года лётчик Анатолий Ляпидевский первым пробился к лагерю «челюскинцев» и снял со льдины десять женщин и двоих детей. Следующий рейс был совершён 7 апреля, последний — 13 апреля. В операции по спасению «челюскинцев» участвовали лётчики Сигизмунд Леваневский, Василий Молоков, Николай Каманин, Михаил Водопьянов, Маврикий Слепнёв, Иван Доронин. За неделю они совершили 23 рейса и вывезли со льдины 104 человека. Все семеро лётчиков были удостоены звания Героя Советского Союза, учреждённого Постановлением ЦИК СССР 16 апреля 1934 года.

Вот с одним из них — Анатолием Лапидевским, первым Героем Советского Союза, — писатель и познакомился в Кисловодске.

Но отважные лётчики спасли не только «челюскинцев», они спасли и роман Шолохова «Тихий дон». За несколько минут до гибели судна штурман Маркин бросился в уже залитую водой каюту, схватил с полки первую попавшуюся в руки книгу и выскочил наверх. Это была третья книга романа. А потом, в ожидании помощи с Большой земли, «челюскинцы» собирались в палатке и вслух читали Шолохова. Книга помогла полярникам выстоять в те трудные месяцы.

Редкие фотографии, свидетельствующие о пребывании М.А. Шолохова в Кисловодске, прислал в фонды музея, как выяснилось, ещё в 1986 году, журналист, писатель, исследователь космической истории Днепропетровска Владимир Петрович Платонов. Рассказывая об истории редких фотографий, Платонов писал: «В моём архиве хранятся несколько неопубликованных снимков журналиста Владимира Копытова, снявшего молодого Шолохова на отдыхе в Кисловодске (1940 г.). Ему всего 35, он только что завершил третью и четвёртую книги «Тихого Дона» — к Шолохову

пришли известность и признание. Год назад (1939 г.) его избрали академиком, впереди — Сталинские и Ленинские премии, Золотые Звёзды дважды Героя Социалистического Труда, избрание депутатом Верховного Совета СССР всех созывов и членом ЦК КПСС. Вершиной литературного признания стало присуждение М. Шолохову Нобелевской премии. Став мировой знаменитостью, писатель не переехал в столицу, остался жить в родной станице, на берегу любимого тихого Дона. В гости в Вёшенскую приезжали главы правительств, первый космонавт планеты, молодые и известные писатели, артисты, художники... Для донских казаков Михаил Шолохов был и остаётся живой легендой». Владимир Платонов и сегодня проживает в Днепрпетровске.

Обратимся к письму К.И. Чуковского. Зимой, в самом конце 1940 года, Чуковский отправил из Москвы в Ленинград письмо сыну Коле, в котором обронил несколько трогательных строк: «Укладываем чемоданы. Завтра утром едем в Кисловодск. Наш тамошний адрес: Северный Кавказ. Кисловодск. Санаторий Наркомтяжпром». И чуть ниже в этом же письме содержалась просьба: «Напиши нам на Кавказ письмо».

Письмо датировано 26 декабря. Значит, это «завтра» наступило 27 декабря. До Кисловодска поезд шел около 30 часов. Выходит, что Корней Иванович Чуковский и его жена Мария Борисовна вышли на перрон железнодорожного вокзала в Кисловодске 29 декабря. Чуть ранее, 3 октября 1940 года, Чуковский писал сыну: «Твоё письмо так печально, что я не решился показать его маме. У неё на днях закончилась аритмия, и её взволновало бы твоё письмо». Итак, Чуковский, не однажды посещавший Кисловодск, поехал в этот раз ради Марии Борисовны.

А 4 января 1941 года К.И. Чуковский сделал запись в дневнике: «Вчера познакомился с Шолоховым. Он живёт в Санатории Верховного Совета. Там же отдыхают Збарский и Папанин, и больше никого. Вчера Шолохов вышел из своих апартаментов твёрдой походкой (Леонида Андреева), перепоясанный кожаным поясом. Я прочитал ему стихи Семынина, он похвалил. Но больше

молчал. Тут же его семья: «Мария Михайловна» (Вчера ей исполнилось 3 года), сын Алик, ещё сын, тёща и жена — все люди добротные, серьёзные, не раздребезжённые, органические. Впечатление от них от всех обаятельное, и его не отделить от всей семьи. Он с нею — одно, и его можно понять только в семье...»

Так мало печатавшийся при жизни Пётр Семынин, стихи которого Чуковский читал Шолохову, был любимым поэтом Корнея Ивановича и всей его семьи. Его стихи печатались в газетах «Красное знамя» (Томск), «Правда Севера» (Архангельск), в альманахе «Север» (Архангельск), журнале «Молодая гвардия» (Москва). Перед войной Семынин работал в газете «Лесная промышленность»... Поэзию Семынина высоко ценили Самуил Маршак, Михаил Исаковский, Александр Твардовский. К своей книжке «От двух до пяти» Чуковский взял эпиграфом строчки из стихотворения Семынина:

Но всех чудес прекрасных на земле
Чудесней слово первое ребёнка...

Из дневниковой записи К. И. Чуковского следует, что вместе с Шолоховым в Кисловодск приехали его жена Мария Петровна (ей шёл 39-й год), сыновья Александр (ему шёл 11-й год) и Михаил (ему шёл 6-й год), дочь Мария (3 января 1941 года ей исполнилось три года). И 70-летняя Мария Фёдоровна Громославская, мать Марии Петровны и тёща Михаила Александровича, бабушка их детей. О Светлане, старшей дочери Шолохова, записей в дневнике Чуковского нет. Ей в ту пору шёл 15-й год. Скорее всего, она и её бабушка, мать писателя Анастасия Даниловна Шолохова (ей шёл 70-й год), остались в Вёшенской, присматривали за домом.

Новый 1941 год Шолоховы встретили в Вёшенской. В Кисловодск приехали, по-видимому, 3 января.

На это указывает и дневниковая запись Чуковского. Поездку Шолоховых в Кисловодск устроил нарком внешней торговли СССР Анастас Иванович Микоян.

Город встретил Шолоховых хорошей зимней погодой. На Курортном проспекте стояла новогодняя ёлка. Отмечать Новый год в Советском Союзе стали с 1 января 1937 года. Становилось доброй традицией встречать Новый год наряженной ёлкой. На макушке обязательная красная пятиконечная звезда. Новогодняя ёлка стояла и на смотровой площадке возле санатория Верховного Совета СССР «Красный камень» (именно так в 30-е годы назывался санаторий. — *прим. авт.*).

В Курортном парке работал тир. Шолохов с сыном Сашей осмотрели снаряжение тира, призы. И — рискнули. Алик, как назвал его в дневнике Чуковский, отстрелял в тире парка превосходно и получил приз в размере трёх рублей, чем очень гордился. О сыне Шолохова Чуковский писал: «Его Алик уже ворошиловский стрелок, 10-летний, немного сумрачный, очень выдержанный, искренний, простодушный».

Не удивительно: вся страна охвачена движением, организованным Осоавиахимом СССР и РСФСР. Оно возникло в 1932 году и получило название «Стреляй по Ворошиловски!» Рассказывают, что своим названием оно обязано одной истории, случившейся на зачётных командирских стрельбах летом 1932 года. Инспектировал результаты стрельб сам Народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета К.Е. Ворошилов. Остановившись у одной совершенно чистой мишени, Климент Ефремович выслушал доклад командира о том, что ему достался плохой пистолет. Взяв оружие у командира, Ворошилов встал на огневой рубеж и выбил 59 очков из семи выстрелов. Возвращая оружие командиру, нарком сказал: «Нет плохого оружия, есть плохие стрелки».

Об этом случае на стрельбах рассказала окружная газета. История получила широчайшую известность. 29 октября 1932 года Президиум Центрального Совета Осоавиахима СССР и РСФСР утвердил положение о звании «Ворошиловский стрелок», а 29 декабря учредил знак. В городах, районных центрах стали открываться тире по стрельбе, возникать клубы Ворошиловских стрел-

ков. Александр, сын писателя Шолохова, в 1940 году на районных соревнованиях выполнил норматив и был награждён знаком юный «Ворошиловский стрелок». В тире Кисловодска сын писателя ещё раз подтвердил своё мастерство. Так первый день пребывания Шолоховых в Кисловодске начался с приятного события.

Это было первое посещение Шолоховыми популярного в стране курорта. В тридцатые годы прошлого века в Кисловодске работало около пятидесяти санаториев Всероссийского объединения курортов, ВЦСПС и ведомственных. Только по путёвкам кисловодский курорт принимал ежегодно свыше ста тысяч отдыхающих.

Из дневников Чуковского видно, что сам Корней Иванович отдыхал в кисловодских санаториях с 1928 по 1941 годы. Почти ежегодно он приезжал в «солнечную столицу» страны, предпочитая «бархатный сезон» — сентябрь-октябрь.

В его дневниках упоминаются многие известные писатели, художники, учёные, архитекторы, инженеры, военные того времени, которых он встречал во время прогулок по Кисловодску. В Кисловодске побывали сатирик Михаил Зощенко, поэт Самуил Маршак, один из основателей Московского Художественного театра Константин Станиславский. Алексей Толстой дописывал в этом городе вторую книгу романа «Пётр Первый», художник Пётр Кончаловский работал над серией картин «Кисловодск». Отдыхали здесь театральные режиссёр Всеволод Мейерхольд, актриса Раиса Райх, актёры Игорь Ильинский, Василий Качалов...

Сколько раз бывала в Кисловодске Анна Ахматова, точно никто не знает. Здесь она написала небольшое стихотворение. Озаглавила она его просто: «Кавказское».

Но уже с первых двух строк передала всю трагическую суть событий, связанных с Кавказскими Минеральными Водами:

Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось

У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неутомлённых глаз
Бессмертного любовника Тамары.

На прогулках по Кисловодску Чуковский увлечённо рассказывал Шолохову о том, каких людей встречал в этом городе, какое место он занимает в его творчестве. Здесь он дописывал своего «Айболита». Только назывался он тогда «Ойболит». Однажды, наблюдая за окружающими в Нарзанной галерее, Чуковский присел на мраморную скамейку, вынул из кармана блокнот, карандаш и записал экспромт:

А кругом больные, бледные худые
Кашляют и стонут, плачут и кричат —
Это верблюжата, малые ребята.
Жалко, жалко маленьких бедных верблюжат.

В 1938 году Чуковский совершил «турне» по школам на юге Советской России. Вместе с ним на встречах в школах побывал и Антон Семёнович Макаренко, автор «Педагогической поэмы». Кисловодское письмо А.С. Макаренко жене от 5 ноября 1938 года помогло уточнить адрес школы, которую он посещал вместе с К.И. Чуковским: «Только что возвратились с Чуковским из 12-й школы. Были там на уроках, разговаривали с ребятами. С Чуковским это можно делать спокойно, он человек весёлый и дурашливый».

Краеведы Кисловодска установили, что совместной школой № 12 в 1930-х годах была бывшая женская гимназия А.Ф. Васильевой. Ныне это старый корпус средней общеобразовательной школы № 1. На стене старого корпуса школы сегодня можно было установить мемориальную доску с надписью о том, что «5 ноября 1938 года это учебное заведение посетили писатель-педагог К.И. Чуковский и педагог-писатель А.С. Макаренко».

Рассказал Чуковский Шолохову и о том, как Антон Семёно-

вич проводил его с женой на вокзал, и что им, как всегда при таких расставаниях, казалось, что впереди у них долгие годы дружеских встреч и бесед.

«Но дело обернулось иначе, — вспоминал Чуковский. — Антон Семёнович скоростижно скончался 1 апреля 1938 года, пятидесяти одного года от рождения...»

Великолепный рассказчик Корней Чуковский был желанным гостем Шолоховых. Когда он входил в номер Шолоховых, дети бросались навстречу ему с криками: «Доктор Айболит пришёл!»

Вечер 3 января Чуковский провёл у Шолоховых. Михаил Александрович говорил о «Саше Фадееве»: «...если бы Саша по-настоящему хотел творить, разве стал бы он так трепаться во всех писательских дрязгах. Нет, ему нравится, что его ожидают в прихожих, что он член ЦК и т. д. Ну, а если бы он был просто Фадеев, какая была бы ему цена?»

Чуковский защищал Фадеева: мол, «Ф. и человек прелестный, и писатель хороший». Шолохов в тот вечер не стал спорить с Чуковским, перевёл разговор на другое. Рассказал Корнею Ивановичу, как он охотился «на фазанов в Кабардино-Балкарии, как крестьяне угощали его самогоном».

Об этой встрече с Шолоховым в Кисловодске Чуковский писал сыну Коле в Ленинград 12 января 1941 года: «Здесь очень приятно встречаться с Шолоховым: как же не похож он на писателей Ленинграда и Москвы! Вдумчивый, медлительный, спокойный, благородный. Он говорил о Союзе писателей, как о большом нарыве, который необходимо уничтожить».

Встретившись с Чуковским вечером 5 января 1941 года, Шолохов вновь вернулся к прежнему разговору: что делать с Союзом писателей. У Шолохова мысль, как записал в дневнике Чуковский, что «надо распустить Союз — пусть пишут. Пусть остаётся только профессиональная организация».

Союз писателей СССР создан на Первом съезде писателей Советского Союза, созванном в 1934 году, как организация профес-

сиональных писателей страны. Съезд был созван согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. И объединил все существовавшие в те годы творческие организации писателей в одну — Союз писателей СССР. С 1938 года Союз писателей СССР возглавлял Александр Фадеев. В стране было два Генеральных секретаря: в ЦК ВКП(б) — И.В Сталин, в Союзе писателей СССР — А.А. Фадеев.

В письмах сыну Корней Иванович вспоминал и о других обитателях санатория «Красные камни» и санатория Наркомтяжпрома: «Папанин тоже очень занимателен: хороший рассказчик, бесхитростный человек. Здесь также Коробов, замнаркомнефть — из знаменитой семьи Коробовых (Павел Иванович Коробов был первым заместителем наркома чёрной металлургии СССР. — прим. авт.). Мама здесь расцвела...»

Как проводили свободное время обитатели санаториев Кисловодска? Ходили по тропам здоровья Кисловодского парка, поднимались на Седло, посещали шахматный клуб, смотрели в кинотеатре новые фильмы... Рассказывая о полярнике Папанине, Чуковский писал: «Он бесконечно милый человек; как любят его дети. Вчера мы вместе с ним смотрели «Бесприданницу» в кино. Его облепили дети, и он весь вечер объяснял им всё, что происходит в картине.

— Это он треплется, сукин сын!

— Всё это он брешет, вот увидите.

В нём самом очень много детскости».

Маше и Мише, младшим детям Шолохова, Чуковский читал стихи из книжки «Айболит». Как оказалось, Шолохов регулярно читал детские журналы «Мурзилка», «Чиж» и «Колхозные ребята». Однажды в разговоре с Чуковским бранил какую-то сказку о шишке — как она влезла на лампу. Сказал: «Чепуха».

Старшему сыну Михаила Шолохова Александру и сыну Бориса Збарского Лёве Чуковский читал «Союз рыжих» Шерлока Холмса. Он в ту пору активно занимался переводами книг английского писателя Артура Конан Дойля.

И решил просто проверить на слух, как воспримут юные читатели перевод с английского. Чуковский признавался: он боялся, что Алик не поймёт. А потом увидел, что мальчик слушает солидно и в то же время взволнованно: «...приятно было читать».

Позднее Чуковский писал: «В то давнее время, когда впервые появились рассказы о Холмсе, у детей всего мира было немало любимых литературных героев, но, кажется, никто из этих героев не отличался (по воле автора!) такой сокрушительной логикой, таким пронзительным и победоносным умом.

Шерлок Холмс — чуть ли не единственный из персонажей детской мировой литературы, главное занятие которого — мышление, логика.

Почти в каждом рассказе о приключениях Шерлока Холмса его мыслительная работа демонстрируется как основной его подвиг».

Чуковский не сказал в этих записках главного, что таким Шерлока Холмса сделали переводчики произведений. А ими были Корней Чуковский, Николай Чуковский и Марина Чуковская.

В письме сыну Коле из Кисловодска от 31 января 1941 года Чуковский писал: «...я не хотел говорить тебе о Шерлоке Холмсе. Сейчас я считаю себя вправе сказать, что эта работа причинила мне много горя. Я составил было огромный список всяких ошибок и промахов, но не посылаю его тебе, чтобы не вступать с тобой в ненужную полемику... Редактура каждого Вашего перевода потребовала у меня втрое и вчетверо больше труда и времени, чем потребовалось Вам для того, чтобы сделать этот перевод. Есть страницы, над которыми я бился весь день. Я говорю это без всякой запальчивости, не сержусь и не жалуясь. Я просто констатирую факт. Посылаю тебе свои заметки по поводу перевода «Пятнистой банды». Их здесь всего 20, а на самом деле больше 200. Здесь я отмечаю только те случаи, где переводчик явно и наглядно не прав...»

Немного позднее, после возвращения из Кисловодска, Шолохов приехал в Москву и позвонил Чуковскому, пригласил его зай-

ти в гостиницу. Из письма сыну Коле от 9 февраля 1941 года видно, что Чуковский не переставал восхищаться Шолоховым: «Мы несколько раз видались здесь с Шолоховым. Какой очаровательный и крепкий человек. Вчера (8 февраля 1941 г. — прим. авт.) он сказал мне: «Выпьем за то, чтобы Вы организовали свою жизнь так, как я организовал свою». Это действительно доброе пожелание, ибо он организовал жизнь свою мудро. Приехал с матерью своею, не видится ни с кем из писателей, со мною водится отнюдь не по писательской линии».

В более поздних записях своих дневников Чуковский ещё не раз вспомнит Шолохова. Казалось бы, уж как был избалован Чуковский ещё с дореволюционных времён общением с известными и великими: Репин, Горький, Шаляпин, Кони, Блок, Маяковский, Куприн, Бунин, Луначарский, Пастернак... А запал в душу Шолохов.

Начало 1941 года, проведённое в Кисловодске, было насыщено довольно значимыми событиями в жизни М.А. Шолохова. Прошло всего лишь полгода после публикации четвёртой книги романа «Тихий Дон», над которым писатель работал пятнадцать лет, с перерывом. Однажды пришлось казаку Григорию Мелехову уступить место за письменным столом Михаила Шолохова путиловскому рабочему Семёну Давыдову. А потом Семён Давыдов отошёл в сторонку и терпеливо ждал, когда писатель закончит эпопею жизни Григория Мелехова. Между третьей и четвёртой книгами «Тихого Дона» Шолохов писал первую книгу «Поднятой целины», а между первой и второй книгами «Поднятой целины» дписывал четвёртую книгу «Тихого Дона», работал над первыми главами романа «Они сражались за Родину», над рассказом «Судьба человека». Во второй книге романа «Поднятая целина» впервые появляется новый первый секретарь райкома Иван Нестеренко, который при встрече с Семёном Давыдовым говорит: «...я — исконный ставропольский хлебороб, и мне любопытно поглядеть, чему тебя научили казаки...» Семён Давыдов тоже не останется в долгу: «Эх ты, Нестеренко, Нестеренко! Несчастный ставрополь-

ский середняк ты и мелкий собственник, как говорит наш Макар Нагульнов. Ты — как секретарь — должен понимать, что рабочий класс во всяком деле должен быть сверху, это исторически обоснованно, факт!»

«Мировой парень! — так оценивает нового секретаря райкома Макар Нагульнов. — Таких секретарей у нас ишо не было. «Я, говорит, покажу вам, как на Ставропольщине работают! У вас на штанах лампасы носят, а у нас чище косят».

Вот так неожиданно Ставрополье после январской сорок первого года поездки в Кисловодск вошло в один из романов Шолохова. И санаторий вспомнил в последней трогательной встрече Семёна Давыдова с Иваном Нестеренко: «...у меня большое горе: к малярии, чёрт его знает где, подцепил ещё туберкулёз, и сейчас он во мне бушует вовсю, в самой что ни на есть открытой форме. Каверны на обоих лёгких. Завтра еду в санаторий...»

...14 января 1941 года в Москве собрались члены Комитета по Сталинским премиям. Это было их одиннадцатое, заключительное заседание. Возглавлял Комитет В.И. Немирович-Данченко, председателем секции литературы был избран А.Н. Толстой, членами секции были утверждены А. Фадеев, А. Довженко, А. Корнейчук, Н. Асеев, И. Луппол, Г. Александров, Я. Купала и др.

Из протокола заключительного пленарного заседания Комитета от 14 января 1941 г.:

«...В результате подытоживающего работу Комитета тайного голосования

На Сталинские премии выдвигаются:

По разделу литературы:

а) проза:

1. Шолохов Михаил Александрович, орденосец, Депутат Верховного Совета СССР («Тихий Дон», роман в четырех книгах (1940)).

2. Сергеев-Ценский Сергей Николаевич, орденосец («Севастопольская страда», эпопея в трёх томах (1940)).

3. Лео Киачели /Шенгелая Леон Михайлович/ орденосец («Гвади Бигва», повесть (1938))...»

15 марта 1941 года Совет Народных Комиссаров принял постановление о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и искусства. Сталинская премия I степени была присуждена писателю М. А. Шолохову за роман в четырёх книгах «Тихий Дон», которую писатель затем передал в фонд обороны страны.

31 января 1941 года Шолоховы покинули зимний Кисловодск и возвратились в Вёшенскую. До начала Великой Отечественной войны оставалось менее пяти месяцев.

Декабрь 2016 г.

«СОБИРАЮСЬ НА СЕВЕР, НА БЕЛОЕ МОРЕ...»

Перечитывая рассказы Юрия Казакова, повести, автобиографические заметки, статьи о писателях, поймал себя на мысли, что сознание невольно возвращает меня к его воспоминаниям о Константине Паустовском. Два писателя сошлись, видимо, не случайно: «...страсть к литературному труду всю жизнь боролась» в них «со страстью к путешествиям».

Однажды Паустовский сказал Казакову, что из русских писателей он больше всего завидовал Бунину. И не таланту его, а тому, в каких странах побывал Бунин ещё в молодости. «Вы представьте только, где только он не был!» — воскликнул Паустовский и стал перечислять, что видел Бунин: Палестину, Иудею, Египет, Стамбул... Индийский океан, Цейлон...

Действительно, Паустовскому не довелось в юности побывать в жарких странах. Но он много путешествовал по родной стране. Жил и учился в Киеве, проводил каникулы в Черкассах у бабушки, с которой ездил в Вильно и Варшаву. По дороге видел Ченстоховский монастырь, который показался ему средневековым замком.

В юности Паустовский мечтал стать моряком. С греком по имени Анастас в Геленджике впервые вышел на шлюпке в открытое море, испытал одновременно ужас и восторг, когда его лицо окатило морской водой.

Возвращая сына матери, грек скажет: «Теперь он у вас солёный, мадам. Уже имеет привычку к морю».

Сев на пароход в Одессе, Паустовский совершил путешествие по Чёрному морю в Батум, про который он позднее писал: «Над городом лежала ночь. Была глухая осень. В тесных переулках горели пыльные фонари, и под ними, над самой головой, провисала густая и тяжёлая темнота.

Мы сидели в скудно освещённом, прокишем от винных бочек духане. Начался дождь. Он обрушился сразу и оглушительно гремел по обитым жестью стенам домов и проржавленным крышам».

Писал о скованном льдом Ботническом заливе и о высоких сопках, трещавших от стужи. Позднее исходил пешком Мещорскую сторону. Лето проводил на реках и озёрах, названия которых читатель узнавал впервые со страниц его книг. Путешествия по России давали писателю огромный материал для будущих очерков, рассказов, повестей.

Однажды Казаков выписал в свою рабочую тетрадь из только что вышедшей из печати книги Паустовского «Золотая роза» всё, что связывало писателя с дорогой. Получилась забавная картина. Оказалось, что у Паустовского, писал Казаков, «почти все счастливые минуты в его жизни связаны с путешествиями».

Казаков привёл описание одного такого счастливого мгновения из жизни Паустовского: «Старый пароход отвалил от пристани в Вознесенье и вышел в Онежское озеро.

Белая ночь простиралась вокруг. Я впервые видел эту ночь не над Невой и дворцами Ленинграда, а среди северных лесистых пространств и озёр.

На востоке низко висела бледная луна. Она не давала света. Волны парохода бесшумно убегали вдаль, качая куски сосновой коры».

Картина, увиденная в тот вечер, потрясла Паустовского, как и осознание того, что он куда-то едет. «Когда он ехал, — замечал Казаков, — он думал о той минуте, когда наконец сядет за стол, чтобы написать обо всём, что увидел и о чём думал в дороге».

Прочитав очерк Паустовского «Ветер странствий», Казаков понял одну простую вещь, что «без этого ветра ему трудно было бы жить и писать».

«Когда он работал, сидя где-нибудь в деревне или на заброшенной даче, новая дорога уже звала его и не давала покоя», — написал Казаков.

Отмечая этот творческий момент в жизни Паустовского, Казаков был уверен, что пароходы, поезда, в которых путешествовал писатель, везли его к счастью. В дороге рождался замысел новой книги и вера в то, что он напишет её.

Так Паустовский написал потом знаменитую свою книгу «Кара-Бугаз».

Первые строки этой книги он вывел на бумаге, сидя в каюте: «...иногда вставал, подходил к иллюминатору, смотрел на берега. Тихо пели в железной утробе теплохода могучие машины. Пищали чайки. Писать было легко...»

Впереди писателя ждали какие-то короткие встречи в портовых городах, куда они должны были заходить. Теплоход, разрезая воду стальным форштевнем, шёл на север, а Паустовскому в те минуты казалось, что он несёт его «к неизбежному счастью».

«Таких воспоминаний о счастье дороги в его книгах сотни», — отмечал Казаков.

В «Золотой розе» Казаков обратил внимание на следующие строки Паустовского: «Ещё в детстве у меня появилось пристрастие к географическим картам. Я мог сидеть над ними по несколько часов, как над увлекательной книгой.

Я изучал течения неведомых рек, прихотливые морские побережья, проникал в глубину тайги, где маленькими кружочками были отмечены безыменные фактории, повторял, как стихи, звучные названия — Югорский шар и Гебриды, Гвадаррама и Инвернесс, Онега и Кордильеры.

Постепенно все эти места оживали в моём воображении с такой ясностью, что, кажется, я мог бы написать вымышленные путевые дневники по разным материкам и странам».

Казаков познакомился с Паустовским в Доме творчества писателей в Дубултах — пригороде латышской Юрмалы, кажется, в 1957 году... Паустовскому в ту пору было шестьдесят пять, Казакову — тридцать.

Юрий ещё студент Литературного института имени А.М. Горького. Но за плечами у него его первое путешествие на Русский Север. Он попал на Беломорье, можно сказать, случайно. Во время студенческих каникул, оформив в редакции журнала «Знамя», в который он приносил свои первые рассказы, творческую командировку, Казаков отправился в путешествие по следам Михаила Пришвина, побывавшего в этих краях пятьдесят лет назад. Казаков в ту пору увлекался Пришвиным, его повестью «За волшебным колобком», захотелось посмотреть, что осталось, что изменилось в описанных им местах.

Так что в пятьдесят седьмом Казаков пришёл к Паустовскому не с пустыми руками. Уже были написаны первые северные рассказы «Никишкины тайны», «Поморка».

Герой рассказа «Голубое и зелёное» Алёша с матерью тоже уезжает на Север. Он давно мечтал об этой поездке. Он впервые попадает в леса, настоящие, дикие. Охотится, собирает грибы, сидит на берегу озера, видит плавающих в воде рыб, наблюдает за полётом уток, слушает гул сосен... Через месяц возвращается в Москву.

В столице, которая оглушила Алёшу шумом, огнями, запахом, его не покидают воспоминания обо всём, что он оставил на Севере. После расставания с Лилей мир не разрушился, и Алёша знает, что он скоро уедет на Север. Он не знает, почему его тянет на Север. Может быть, потому, что он там охотился. Но Алёша знает точно: там, на Севере, он был счастлив.

В пятьдесят шестом в Архангельском книжном издательстве у Казакова вышла его первая 35-страничная книжка «Тэдди». Рассказ про медведя по кличке Тэдди, который некогда работал в цирке, но однажды оказался на свободе, потряс читателей своей «тихой грустью и светлой печалью».

В этом же издательстве готовилась к печати книжка его первых рассказов «Манька», а в издательстве «Детгиз» лежала рукопись сборника рассказов «Арктур — гончий пёс». Обе книги увидели свет в пятьдесят восьмом. В них перед читателями предстал совершенно незнакомый Русский Север.

Один из лучших северных рассказов Казакова «Манька» вышел с посвящением Константину Паустовскому. Казаков написал посвящение Паустовскому после их первого знакомства: «Прочитал он тогда мои первые рассказы и своей восторженной оценкой так смутил меня, что я несколько дней стеснялся к нему подходить».

В этих первых рассказах Паустовский почувствовал, как Казакова, коренного москвича, никуда ранее не выезжавшего, Русский Север просто-напросто покори́л. И не ошибся: Русский Север стал местом паломничества писателя на всю оставшуюся жизнь. На Русском Севере Казаков увидел, что ничего не мог увидеть из нашего, среднерусского.

«У нас летом сеной дух по лугам, — писал он, — дороги среди ржи или пшеницы, яблоки и вишни в садах, равнинные извилистые речонки, гуси ходят по дорогам, ночные зарницы, пыльные автомашины и комбайны, запахи клевера и ромашки...»

А тут, словно с полотен Левитана, перед его взором вставала другая Русь: амбары, изгороди, дворы, бани, сизые избы, висящий из пазов мох, щепные крыши, деревянные мостовые, дощатые мостики в проулках... Казаков называл эту картину «деревянной музыкой Севера».

Здесь, на краю Земли Русской, перед Казаковым открылась «невысокая пустынная гряда холмов, почти плоская тундровая равнина и река, странно текущая вспять в часы прилива». Но от такой, впервые увиденной картины, и у него дрогнуло сердце — повеяло древней Русью.

Больше всего Юрия Казаков поразили деревни Русского Севера, ни на какие другие деревни на свете не похожие. Двухэтажные избы, от которых веяло древностью веков, двери вообще без зам-

ков. Если хозяин уходил в море, то избу не запирали, а просто ставил палку к двери. Это означало, что дома никого нет. И никто в избу не заходил.

И запахи в деревнях Русского Севера иные: пахнет в них карбасами, просмоленными бортами, пахнет сетями, песком, мхом, рыбой и тюленьей кожей...

«Впервые на Белое море я попал в 1956 году, — писал Казаков позднее в очерке «Вот и опять Север». — Полтора месяца шёл я побережьем от деревни к деревне (а они друг от друга километрах в сорока — пятидесяти), где пешком, а где на карбасах и мотоботах... Так начался для меня Север... Я ездил на Белое море ещё и ещё, пока наконец не взялся за «Северный дневник».

Сидя осенью в чудесной деревушке на Оке и дописывая последние главы «Дневника», я думал, что северные мои странствия — и открытия, и восторги, и печали — уже позади, но как же я заблуждался! Север не отпускал меня, а притягивал всё сильнее. Мне хотелось глубже проникнуть в жизнь края, где всё было необычным — и быт, и язык, и характеры. Потомки древних новгородцев, пришедших несколько столетий назад осваивать этот суровый, прекрасный край, поморы сохранили чистоту и образность истинно русского языка, своеобразие быта. Они не знали крепостного права, не испытывали иноземного ига... География моих дальнейших поездок на Север всё расширялась. Из каждой поездки я привозил 1-2 очерка...

На Севере я иногда ловил с рыбаками рыбу, был на тюленьем промысле...»

Юрий Казаков подолгу жил в Лопшеньге, считал её самой красивой поморской деревней, работал наравне со всеми её жителями, ходил на сейнере в море, ловил свежий сильный запах рыбы.

Паустовский любил слушать рассказы Казакова о Русском Севере, о царстве рыбы и моря, о жизни моряка, о поморах. А эти бесконечные истории о ветрах, приливах и отливах, рассказы про Лопшеньгу!

Константин Георгиевич доставал с книжной полки географиче-

ский атлас и, сняв очки, начинал отыскивать места, куда собирался поехать вместе с Казаковым.

«Яреньга... Лопшеньга... — бормотал он. — Какие названия! Юра, возьмите меня! Возьмёте? Я вот поправлюсь... Врачи пустят — возьмёте?»

И с тоской поглядел за окно, на заливные луга, на Оку».

Казаков встречался с Паустовским и разговаривал с ним много раз, вплоть до печального июльского дня шестьдесят восьмого, когда писателя не стало. И Паустовский до конца жизни интересовался, расспрашивал всех, кто у него бывал, где Казаков, о чём пишет. Рад был приездам Казакова к нему в Тарусу. Разговор о Севере начинался с порога и продолжался до поздней ночи.

...Отдельной страницей в творчестве Казакова стоит рассказ про поморские деревни. В его рассказах мелькают настоящие, не придуманные названия деревень Русского Севера: Вазинцы, Золотицы, Майда, Койда. Везде колхозникам начисляли трудодни. А тут, на Русском Севере, мужики ловили и сдавали государству рыбу. Получали за неё деньги. И деньги немалые.

Мне думается, что Казаков, возможно, даже в ущерб литературным достоинствам «Северного дневника», сознательно поведал читателям экономику здешних колхозов. Но рассказал так, что и сегодня, через много десятилетий, интересно читать о том, каким сильным был рыбацкий колхоз с символическим названием «Освобождение».

За сухими цифрами планов, уловов сельди, трески, наваги, палтуса, камбалы, сёмги, тюленя, белухи со страниц его «Дневника» вставляли во весь рост гордые и свободные, как морская стихия, здешние мужчины и женщины. И всё у них, в деревнях Майде и Койде, было: и школа, и клуб, и больница, и техника разная, и две электростанции, газеты и журналы в каждом доме. Не было лишь соловьёв да пыльных дорог, о которых они знали лишь по песням.

Пятнадцать колхозников работали матросами на средних рыболовецких траулерах, шестнадцать — на сейнерах, шестьдесят

восемь заняты на тонях — на установке сетей для ловли сёмги, остальные — мотористы на мотодорах, трактористы, электрики, механики. Рыбаки получали за сезон от 25 до 30 тысяч рублей на средних рыболовецких траулерах и по 8—9 тысяч — на сейнерах, на прибрежном лове — на тонях — по полторы-две тысячи рублей в месяц (Казаков приводит расчёты в старых деньгах, до реформы 1961 года. — прим. авт.).

Люди Русского Севера становились Казакову ближе, настолько ближе, что ему иногда казалось, и он будто бы родился на Русском Севере. А имена какие звучные у женщин и мужчин в этих краях: Анфия, Ульяна, Манька, Евлампий, Зосима, Нестор...

Особенно Казаков любил вечерние застолья: за крепким горячим чаем он мог часами слушать рассказы поморов о жизни Русского Севера.

— Как у вас тут ветры называют? — спрашивает Казаков.

Собеседник явно расположен к беседе и настроение у него есть поговорить с человеком из Москвы.

— А вот слушай! Вот, скажем, так, начнём с севера. Север — он так и будет север. Это ветер дикий, с океана, холодный и порато сильный! Дальше идёт полуношник, это тебе будет север-восток. Этот тоже дикой, ещё, пожалуй, похуже севера. Пойдём дальше. Дальше будет восток, восток значит. А ещё обедник — этот как бы юго-восток. Эти ветра ничего, хорошие... Дальше будет летний, южный, с гор идёт, волон у нас возля берега почти не даёт, этот тоже ничего. Шалоник, юго-запад, тот днём дует, ночью стихает, так и знай! Запад — он и по-нашему запад. Ну и последний тебе ветер — побережник, как бы сказать, северо-запад. Тот дикой, холодный и взводень большой роет, худой ветер!

Удивительное дело: Казаков хранил в памяти сотни таких рассказов, записывал потом, когда оставался один на один с блокнотом или с чистым листом бумаги. Выводил в записной книжке: «Солнце красно с вечера, рыбаку бояться нечего», «Солнце красно поутру, рыбаку не по нутру».

А сколько бумаги он исписал про сёмгу, про ту самую, кото-

рой любили закусывать литературные герои из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» — помещики Пётр Иванович Добчинский и Пётр Иванович Бобчинский.

Вот как Казаков записывает рассказ рыбака: «Сёмга — рыба дивная... лучше её нет по всей земле... Рыба она умная и знает свой закон. Так чтобы по морю без толку болтаться, этого у ней нет. А идёт она походами... На тони выезжаем в начале июня. И вот в начале июня начинает нам идти сёмга... Первый поход ей начинается с начала июня, и называется она залётка — это сёмга крупная, сильная, жиловатая. С десятого июня до Прокофьева дня, то есть до двадцать первого июля, идёт всё межень, мелкая сёмга. С Прокофьева до первого Спасу, то есть по-теперешнему до четырнадцатого августа, может идти, но не каждый год такая сёмга — чёрная рыба. Эта будет покрупнее межени. А со Спасу и до конца октября, пока лёд не появится, идёт осенняя сёмга, самая крупная и постоянная, и это называется главный поход».

Казаков считал сёмгу главной рыбой на Белом море, называл её «гербом, девизом всего Русского Севера». Сёмгу, писал Казаков, ловят по всему Белому морю: и в Двинской губе, и в Мезенской, и в Кандалакшской, и в Онежской губе. Ловят много: в среднем за год до революции вылавливали 3—3,5 тысячи центнеров, в 50-х годах — до 8 тысяч центнеров. Управление рыбной промышленности вынуждено было установить лимит на улов сёмги. «... вещь, по сравнению с другими морями, на Белом море неслыханная!» — восхищался Казаков.

Летом пятьдесят шестого там, на Русском Севере, Казаков не встретил ни одного приезжего. По всей видимости, он был едва ли не первым странствующим человеком на Белом море. Под зоркими взглядами местных мальчишек, запекавших на углях картошку, Казаков чувствовал, что он среди них один такой — чужой, приезжий. Но с годами, чем он чаще он приезжал на Север, его принимали за своего, особенно после первых публикаций его рассказов о Русском Севере.

Казаков написал о Русском Севере так пронзительно, что его

запросто принимали в каждом доме, сажали за стол, угощали чаем, пирогами с рыбой.

Казакова, как и Паустовского, влекла дорога. На Русском Севере он попадал в такую обстановку, где не надо было что-то выдумывать: море, звуки, ночное небо, северное сияние, лодки, сети, рыба, запахи, люди... На стареньком мотоботе, гружённом мешками с мукой, он добрался по морю до опрокинутой, отражённой в воде деревни. Так начинался для писателя Русский Север.

Казаков заболел Русским Севером, он часто ездил в тот край. Его влекла северная природа, климат, белые ночи: «Утром опять солнце, опять мелеет море и уходит, обнажая песчаный берег невод. И в неводе снова плёс и шум, солнечные брызги, и среди брызг и плеска — рыбаки в мокрых одеждах, с мокрыми палками в руках. И бьют, чекушат, усыпляют рыбу, стаскивают в корзины, на носилки...» А потом она попадёт в Москву и сотни разных городов, будет лежать освещённая люминесцентными лампами в витринах гастрономических магазинов.

Герои его рассказов были рядом с ним, писатель мог любоваться ими. Он даже фамилии героям своих рассказов не придумывал. Все они жили у него под своими именами... Разговаривали они на том языке, где «каждое слово обживается веками». Новгородская жизнь давно прожита и забыта, замечает Казаков, а здесь, на Русском Севере, она отдаётся, как эхо. Это открытие не только повлияло на отношение писателя к людям, ставшим героями его книг, но и заставило строже спрашивать с себя.

«...месяца полтора ходил я по Северу, по Белому морю, жил по нескольку дней в разных деревнях, жадно расспрашивал каждого о чём придётся, нисколько не стыдясь своего неведения, своей наивности, пока не понял вдруг, что чуть не каждый человек, родившийся и выросший в суровом краю, — герой», — писал он позднее в повести «Мальчик из снежной ямы», возвращаясь к своим первым впечатлениям от встречи с картинами Тыко Вылки.

Работы Тыко Вылка, ненецкого художника с Новой Земли, Казаков увидел впервые в Архангельском музее изобразительных ис-

кусств. Разглядывая полотна Тыко Вылки, его поразили бесхитростные и в чём-то наивные сюжеты, но в «беззащитных красках была такая свежесть, такая безыскусственность, что глаз нельзя было оторвать, как, бывает, не оторвёшь взгляд от ослепительно-синего окошка небес в низких тёмных тучах».

О картинах Тыко Вылки писали многие: русский писатель и художник Степан Писахов, художники Абрам Архипов и Василий Переплётчиков, путешественник и полярник Владимир Русанов. Альбом с рисунками Тыко Вылки лежал на рабочем столе российского императора Николая II. Всесоюзный староста, Председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин назвал Тыко Вылку Президентом Новой Земли.

Написали и издали книги о Тыко Вылке — великом жителе Новой Земли О.П. Воронова, Б.И. Кошечкин, А.Ф. Сухановский. Режиссёр Аркадий Кордон снял фильм «Великий самоед». Именем Тыко Вылки названы улицы в Архангельске и в Нарьян-Маре. Бухта в заливе Брандта Южного острова Новой Земли носит его имя. В наше, более близкое время, Тыко Вылке посвятил свои стихи Евгений Евтушенко.

И в этом ряду ценителей творчества ненецкого художника не последнее место занимает оценка Юрия Козлова: «Жизнь, оставленная на полотне кистью Вылки, так не похожа на нашу жизнь!.. Картины Вылки — как привет друга, долетевший к нам из другого мира, из иных времён...»

Весной, когда на Казакова наваливалась тоска и ему становилось скучно, он находил утешение в посещении ресторанов, нет, не в выпивке, хотя и это случалось. Сидя в ресторане с другом, он слушал его рассказы о Севере, о десятидневном шторме в Норвежском море, о проводке каравана малых сейнеров по Великому Северному пути. Невольно подслушанный за соседним столом трёп моряка о том, что в одну минуту на планете происходит три миллиона поцелуев, возвращал его к воспоминаниям об Архангельске.

После девятимесячной путины в Баренцевом море они с другом жили в Ялте, в гостинице на набережной: много спали, по

утрам шелестели давно прочитанными газетами, днём пили кислое крымское вино, ездили в Гурзуф, наблюдали за стоящими на рейде белыми пароходами, не без смеха смотрели на южных моряков, на их белые рубашки, галстуки, выглаженные брючки, а вечерами сидели на веранде и пили коньяк и кофе.

Глядя на эту сытую, беззаботную жизнь, вспоминали полярный мрак, вой и свист, глухие удары, скрип и треск на палубах, рёв моря, свинцовое небо, белые гребни до самого горизонта, пустынный берег, деревни на Белом море и их серые избы. Друг подначивал:

— Переведёмся?

Друг улыбался своей шутке. Ялта казалась убогой, а море настоящим. Не помогло поднять настроение и посещение дома Антона Павловича Чехова. Другам было неловко: они как будто пришли, а хозяина нет дома, всё время чувствовали себя непрощёнными гостями.

Они с облегчением покинули дом, присели на скамейку и закурили. Друзей тянуло на Север, «проклятый» Север.

Казаков вспоминал Север, «свои скитания», как жил на рыбацкой тоне, вспоминал выходы в море на баркасе, как белыми ночами бил с рыбаками зубаток. Вспоминал целый год. И не было для него счастливее года: он успел много написать рассказов о Севере, о Белом море. Живя в Подмосковье, ночами думал о том, что ещё напишет о днях, проведённых среди северной природы, и о той девушке, которая пришла проводить его, как она стояла на мостках, и, он, уезжая, оставлял ей слабую надежду на встречу в будущем.

Казакова охватывало волнение при одном только звуке той деревни, где он провёл своё первое лето, при воспоминании о ней ему хотелось вновь вернуться туда, опять встретить тех людей, с которыми вместе рыбачил, пить чай, слушать их новости, жить с ними в сизой избе под тесовой крышей, а по вечерам записывать их рассказы...

Память возвращала его в небольшой полярный посёлок, в ко-

тором он встретил раннюю осень, в маленький северный город, который стоял на берегу реки, и где такое короткое лето.

Сидя в избушке на берегу Оки, Казаков доставал блокнот и намечал маршрут на следующее лето. По его расчётам выходило, что ему нужно пройти берегом Белого моря, совершенно пустым, шестьдесят километров. На пути, по рассказам местных жителей, ему попадутся кое-где тони, иногда заброшенные, горы, близко подходящие к воде. Но во время отлива их можно обойти берегом. Во время шторма вряд ли, придётся идти через горы. Но Казакова пугали ни горы, ни ущелья и ни расстояния. В предстоящем путешествии его пугало одиночество.

Он не раз ходил берегом моря, видел как одиноко солнце садится в море, видел чёрные покосившиеся кресты. В такие минуты Казакову казалось, что весь мир вымер, и он один остался на земле.

Проснувшись среди ночи в заброшенной холодной рыбацкой избушке, его не покидало странное ощущение, будто он идёт в прошлое. И ушёл уже далеко, лет за сто назад, в древность.

Однажды Казаков вышел к одиноко стоящей на берегу избе, грязной, закопчённой. И встретил двоих рыбаков, молчаливых. Один молоденький, другой постарше — глухонемой. Спали они на каком-то тряпье, нары тут жёсткие, в два яруса. За два часа в ожидании доры — деревянного карбаса — Казаков обмолвился с ними несколькими предложениями. Разговора не получилось.

После трёхчасового перелёта из Москвы до Архангельска, морем до маяка, пешком до Каменки — и провалиться в глубокую древность, прийти к варягам, к их морской жизни. Под окнами номера гостинцы в Архангельске Казаков видел Двину, чаек над ней, мачты пароходов, пар над буксирами, и думал: «Неужели всё это было?» А может никогда и не было!?

Утром Казаков улетал в Москву. И думал о том, как вернётся в свой дом в Абрамцево, чистый, вымытый, выскобленный до блеска, чтобы следующим летом вернуться на Русский Север и послушать, как поют свои руны рунопевцы, поют, как и тысячу лет

назад, повстречаться с Татьяной Перттунен, правнучкой Архипа Перттунен, который напевал почти все пятьдесят песен «Калевалы» карело-финского народного эпоса...

Страсть к путешествию, к бродяжничеству не прошла у Казакова с годами. Он любил свой дом в Абрамцево, но и жалел, что купил когда-то его. Очень держал дом — ремонты всякие. Не было той лёгкости, когда за полдня собрался и уехал на Север, на Валдай, на Волгу, в Городец.

Он хотел опять стать бродягой, думал всё время о том, как когда-то он одиноко ездил, никому не известный, никем не любимый... А потом возвращался домой, садился за письменный стол и вспоминал свои разговоры с вахтенными матросами, как просыпался на рассвете от тишины возле пристани у какой-нибудь деревеньки, чтобы увидеть и увезти с собой какую-нибудь милую северную подробность. Казакова, как и Паустовского, влекла дорога, странничество. Его тянуло к людям, хотелось поговорить, разузнать, как живут они. Больше всех изумляли его старики Севера. Казаков имел возможность беседовать с людьми, которые родились в 70—80-е годы XIX столетия. Подумать только: они полжизни прожили до революции семнадцатого года!

Они хорошо помнили песни, сказки. Они помнили время, которое было так далеко от Казакова и его современников!

Заслуга Юрия Казакова как писателя заключается в том, что он открыл читателям Русский Север, как 220 лет назад Пушкин открыл читателям Кавказ, а Ломоносов 265 лет назад предложил план организации Московского университета.

Возможно, в будущем станет традицией отмечать в отечественном литературоведении первый приезд на Русский Север классика русской литературы, как сказал о Казакове другой русский классик Фёдор Абрамов. За точку отсчёта следует принять пятьдесят шестой год, о котором Юрий Казаков писал: «Впервые на Белое море я попал в 1956 году...»

Октябрь 2019 г.

«В ФИЛЬМ ПРИШЛА ПРАВДА...»

О том, как Шукшин приезжал на Ставрополье, я знал не понаслышке. Поездом Москва-Кисловодск Василий Макарович приехал в Минеральные Воды весной семьдесят четвёртого года, в начале апреля.

Остановился Шукшин в Железноводске, в санатории «Дубовая роща». Вместе с ним была и его жена актриса Лидия Николаевна Федосеева (Федосеевой-Шукшиной она стала после смерти Василия Макаровича. — *прим. авт.*).

«Дубовая роща» знаменита была во все времена: здесь и сегодня лечат болезни желудочно-кишечного тракта. У Василия Шукшина болезнь обострилась на заключительном этапе работы над фильмом «Калина красная».

В феврале в Москве в Доме кино прошла премьера фильма «Калина красная».

«Я помню премьеру «Калины красной» в Доме кино, — вспоминала кинорежиссёр Ирина Поплавская, — его битком набитый большой зал: мест не хватало, сидели на ступеньках, стояли в проходах. Было потрясение, особенно от поразительной сцены встречи слепой матери и её блудного, так и не открывшегося ей сына... Странно двуликой была эта премьера. Большинство зрителей было словно охвачено эмоциональным иступлением, люди были

счастливы этим искусством, радовались, обнимали и благодарили стоявших в фойе Шукшина и Заболоцкого. Возмущенные лица, мокрые, блестящие глаза!.. Другие, меньшинство, стали мрачны, замкнуты и присутствовали среди общего, бурно изъясляемого ликования как на панихиде. Это богатство таланта, чувства, открытости, любви мучило и язвило бедный, мрачный и злобный дух вездесущего Сальери».

Вот в этот период и обострилась снова мучившая Шукшина язва. Откладывать санаторно-курортное лечение дальше было нельзя. Ничто не держало Шукшиных в Москве, разве что дети. Девочки посещали детсад в городе Бронницы Подмосковья, в 55 километрах от Москвы. В 1974 году Маше шёл седьмой, Оле — шестой год. Оставив детей на попечение матери Лидии Николаевны, Шукшины отправились в Железноводск.

Но и тут усидеть без дела Шукшину не удалось. Руководство санатория обратилось к режиссёру с просьбой устроить премьеру его последнего фильма и встретиться со зрителями. И такая встреча произошла с отдыхающими санатория «Дубовая роща», а 6 апреля в кинотеатре «Мир» Железноводска впервые на Ставрополье был показан фильм «Калина красная».

В «Кавказской здравнице» за 9 апреля 1974 года нахожу небольшую информацию «Рассказывает Василий Шукшин»: «На встрече с отдыхающими санатория «Дубовая роща» он (В. Шукшин. — прим. авт.) рассказал о работе над фильмом, о том, где и как проходили съёмки. Здесь же, в клубе здравницы, присутствовала и исполнительница роли главной героини этого фильма Лидия Федосеева».

В село Юца Предгорного района на встречу с колхозниками колхоза «Пролетарская воля» В.М. Шукшин и Л.Н. Федосеева приехали по приглашению его председателя Николая Ивановича Рябенко, кавалера ордена Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени. В колхозной многотиражке за 1 мая 1974 года опубликовано лишь небольшое сообщение: «В гостях у колхозников — киноартисты». И никаких подробностей.

Пребывание Шукшиных в Железноводске совпало с работой VII Всесоюзного кинофестиваля в Баку.

Вот как об этом рассказывала жена режиссёра Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина через 35 лет после триумфального шествия «Калины красной» в Ставропольском кинопрокате: «О том, что наша картина представлена в Баку, мы узнали позже всех, уже к финалу фестиваля. В это время мы с Василием Макаровичем отдыхали и проходили профилактические обследования в санатории в Железноводске. Нас туда перед съёмками «Они сражались за Родину» устроил Сергей Бондарчук.

В номере телефона не было, и когда ночью из административного корпуса прибежали за нами, мы успели о многом подумать, а оказалось, что нас срочно вызывают в Баку на закрытие фестиваля.

А когда мы собирались в санаторий, то Вася меня попросил не брать много вещей, ведь чемоданов с колёсиками тогда ещё не было, так что с собой у меня было лишь парочка простых кофточек да халатик.

В санатории мы подружились с семьёй Роберта Рождественского, пришлось просить его жену меня выручить. Алёна одолжила мне свои туфельки и юбку, которая подошла к моей блузке-матроске из кримплена. Через энное количество лет видела себя в кинохронике того фестиваля. На фоне всех вечерних платьев очень даже ничего получился наряд, достойный.

Но Баку мне запомнился рассказами об интригах в жюри. Председатель Станислав Ростокский категорически не хотел давать «Калине красной» главный приз. Фестиваль Всесоюзный, и потому в жюри были представители от каждой республики. Они и рассказали нам, как пообещали выйти из состава жюри, если не победит фильм Шукшина. Вот и испугались скандала.

А на банкете закрытия мы познакомились с Гейдаром Алиевым. Он был тогда первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, но с нами он общался как восторженный зритель, настолько ему понравился фильм. И меня называл не Лидой, а Любой — по

фильму. И когда через много лет я вновь поехала в Баку на кинофестиваль «Восток-Запад», он тут же меня узнал и стал добрыми словами вспоминать фильм «Калина красная».

«Калина красная» не сходила с афиш кинотеатров «Экран», «Родина», «Дружба» Ставрополя весь апрель, май и июнь. На Кавказских Минеральных Водах в кинотеатре «Мир» Железноводска «Калину красную» «крутили» до середины апреля, а в кинотеатрах «Россия» Кисловодска, «Космос» Пятигорска, «Дружба» Ессентуки — с 16 по 28 апреля... Фильм показывали в 26 районных центрах Ставропольского края и в семи районных центрах Карачаево-Черкесской автономной области (она в те годы входила в состав Ставропольского края. — прим. авт.). А ещё были Дома культуры и клубы сёл, станиц и хуторов. В учебных заведениях фильм показывали на узкоплёночных кинопроекторах.

Картина потрясла не только зрителей, но и кинокритиков. «Калиной красной» восхищались Антониони, Феллини. После VII Всесоюзного кинофестиваля в Баку «Калина красная» собрала целый букет наград — в Польше, Германии и Югославии. Немецкий кинорежиссёр и сценарист Райнер Вернер Фасбиндер включил картину «Калина красная» в число десяти своих самых любимых фильмов. Картина ушла в прокат к зарубежному зрителю в 1975 года: 1 марта состоялась его мировая премьера.

На фестивале фестивалей в Белграде в 1975 году 31 страна представила 90 картин. И в число лучших пяти фильмов «Феста-75» была включена «Калина красная».

На кинофоруме в Авиньоне в том же 1975 году открыла для себя фильмы Шукшина Франция. В дни Недели советского кино французы восхищались «Калиной красной». Специально для этого фильма были сделаны субтитры, он выходил в массовый прокат. К слову, советские фильмы в те годы — редкие гости на зарубежном коммерческом экране.

Киноведы, которые сегодня читают за рубежом лекции о Шукшине и представляют программы его фильмов, как правило, говорят, прежде всего, об успехе «Калины красной».

К рассказу Лидии Николаевны о том, как она с Василием Марковичем приехала в Железноводск, хотел бы добавить ещё одно немаловажное воспоминание. Да, Шукшин приехал в санаторий по рекомендации лечащего врача. А с путёвкой, действительно, помог Сергей Фёдорович Бондарчук.

Но все эти события совпали и с желанием самого Шукшина своими глазами увидеть Ставрополье, Кавказские Минеральные Воды. О Старополье ему так увлекательно рассказывал в Москве ставропольский писатель Вадим Сергеевич Чернов.

Был в жизни Чернова период, когда кино неудержимо манило его, и он чуть не стал его служителем. Но, как вспоминал Чернов, судьба уберегла его от этого пути, действуя, как ни странно, в какой-то степени руками Василия Шукшина.

— Шукшин и я, — рассказывал Вадим Сергеевич, — тогда были неизвестными начинающими литераторами, но бесовский огонь честолюбия распял наше тщеславие, не давал покоя. Мы тогда, как и многие другие провинциалы, стремились сказать своё слово в искусстве, занять место под солнцем славы, но не знали, как это делается.

В конце 1960 года Вадим Чернов — автор очерков, телесценариев и даже одной плохой книги, как он сам признавался, ушёл из газеты, стал слесарем, затем тренером по велоспорту на Ставропольском заводе «Электроавтоматика». Именно эта работа, не просто наблюдение за жизнью спортсменов, а участие в тренировках и соревнованиях дали новый, богатый материал для будущей книги. Написал её он с лёгкой руки Шукшина и таких, как он, устремлённых в жизни людей.

Потом он написал более десятка документальных рассказов из жизни рабочих завода «Электроавтоматика», они были приняты для публикации в «Литературной газете», в журнале «Октябрь», где печатали и первые рассказы Шукшина «Правда», «Светлые души», «Стёпкина любовь», «Экзамен».

Особенно урожайным для Шукшина и Чернова стал 1962 год. Рассказы Шукшина в шестьдесят втором напечатали «Комсомоль-

ская правда», «Советская Россия», «Труд», «Октябрь», «Москва», «Молодая гвардия». Рассказы Чернова в том же шестьдесят втором напечатали «Комсомольская правда», «Советский спорт», «Литературная газета», «Пионерская правда», «Октябрь», «Ставрополье», «Ставропольская правда», «Молодой ленинец».

В 1963 году отдельными изданиями вышли первые книги Вадима Чернова «День, который начинается» — в издательстве «Молодая гвардия», «Стартовая площадка» — в Ставропольском книжном издательстве. У Шукшина первая книга рассказов под названием «Сельские жители» тоже напечатана в 1963 году. А шестого марта 1963 года издательство «Советский писатель» приняло к изданию рукопись романа «Любавины» и заключило договор с Шукшиным.

В том же шестьдесят третьем Чернов снова в Москве, участвует в семинаре молодых прозаиков России. Семинар вёл Леонид Сергеевич Соболев, который похвалил Чернова за повесть «Сто пятая жизнь Акбара», сказав, что на уровне повести Хемингуэя «Старик и море». Затем он собрал секретариат, на котором Чернова и ещё четырёх «семинаристов» приняли в Союз писателей СССР, что крайне удивило Вадима Сергеевича и одновременно вдохновило.

После заседания секретариата Чернов подошёл к Соболеву и спросил:

— Это серьёзно, что я отныне член Союза писателей?

Леонид Сергеевич засмеялся, попросил секретаршу принести бутылку коньяка, который они пили прямо из горла перед кабинетом Соболева.

— А теперь иди в большой союз за писательским билетом, — сказал Соболев.

В отделе кадров Чернову отдали билет, но на нём не было подписи одного из секретарей большого Союза, таков был тогда порядок.

Чернов расстроился, но тут одна девушка из отдела кадров уви-

дела в окно А.Б. Чаковского, главного редактора «Литературки», где Вадим Сергеевич иногда печатался.

— Идите к нему, он подпишет.

Чернов перехватил Чаковского на лестнице, ведущей со двора на второй этаж. Александр Борисович долго с недоумением глядел на Чернова, наконец, всё понял и сказал:

— Стань ко мне спиной.

Потом прислонил билет к спине Чернова и лихо расписался.

Первые рассказы Шукшина произвели на Чернова (даже не знаю, какое определение подобрать) ошеломляющее впечатление. Вадим Сергеевич видел: Шукшин пишет о том, что хорошо знает, прежде всего, о сельских жителях родного Алтая.

В 1969 году Чернов получил письмо от киевского режиссёра Александра Боголюбова (самый известный его фильм «Батальоны просят огня». — прим.авт.). Он предложил Вадиму Сергеевичу совместно с ним написать сценарий по его повести «Тигр в алой майке» и сыграть роль тренера Дика Соболева в фильме, который он хотел поставить.

— Кино снова пыталось уловить меня в свои сети, — рассказывал Вадим Сергеевич, — и я, забыв о предупреждении Василия Макаровича, что оно — страшная, ненасытная сила, вылетел в Москву, в большевский Дом творчества кинематографистов, где меня ждал Боголюбов и какой-то сын большого начальника из Комитета кинематографистов. Сын начальника был толстый и вальяжный, кого-то мне напоминал, хотел быть тоже соавтором будущего фильма. «Ребята, — говорил он, часто сморкаясь и странно хрюкая, — без меня денег вам на съёмки фильма никто не даст».

Чернов с Боголюбовым согласились взять его в соавторы, но он Вадиму Сергеевичу активно не нравился. И Чернов начал искать встречи с Василием Макаровичем, чтобы с ним посоветоваться. Заключение Шукшина было жестоким: «Знаю этого типа. Будь от него подальше... Он ведь кормится около таких наивных провинциалов, как ты».

Потом Вадим Сергеевич и Василий Макарович посидели в

ЩДЛ, пообедали, пили кофе. О чём говорили? О многом, в частности, о рассказе Шукшина «Одни».

Шорник Антип Калачиков знал своё дело крепко: шил сбруи, уздечки, сёдла, делал хомуты, а в минуты, когда его душа хотела побаловаться, играл на балалайке. Его жена Марфа, «хоть и крупная баба, а бестолковенькая», ей «нужно было, чтобы он целыми днями только шил и шил: страсть как любила деньги, тряслась над копейкой». И потому «она всю жизнь воевала с Антиповой балалайкой. Один раз дело дошло до того, что она в гневе кинула её в огонь, в печку. Побледневший Антип стоял и смотрел, как она горит...» Антип вышел во двор, взял топор и изрубил на мелкие кусочки все заготовки хомутов, все сбруи, сёдла и уздечки. После этого запил, целую неделю не заявлялся домой. А когда пришёл, «повесил на стену новую балалайку и сел за работу. Больше Марфа никогда не касалась балалайки».

Чернов говорил Шукшину:

— Вася, признайся, что ты выдумал эту историю про Антипа и Марфу.

Василий Макарович долго молчал, наконец, сказал:

— Нет, я написал правду. Есть в каждом человеке душа, нечто неизвестное, святое, чего трогать нельзя. Иначе человек жить, работать не сможет.

Чернов рассказывал, как они с Шукшиным вновь вернулись к давнему разговору о том, как всякий кулик своё болото хвалит. Шукшин соглашался, что Северный Кавказ напоминает чем-то Алтай.

— Только мой Алтай лучше, — говорил он. — Приезжай — и ты в этом убедишься.

А Вадим Сергеевич приглашал Василия Макаровича в Ставрополь, где в те годы чувствовал себя хозяином, уважаемым в городе человеком.

В те минуты ни Чернов, ни Шукшин ещё не знали, что это их последняя встреча.

— Когда Шукшин приехал в Ставрополь? — переспросил

меня Вадим Сергеевич. — В семьдесят четвёртом? Тогда я находился в Переделкино, где проходил месячный семинар молодых очеркистов России. Я вместе с писателем Василием Росляковым вёл группу «семинаристов». Там-то я впервые увидел последний фильм Василия Макаровича. Он на нас всех, писателей, находившихся в Переделкино, произвёл огромное впечатление. Судьба Егора Прокудина чем-то напомнила мне судьбу самого Шукшина, хотя Шукшин никогда не сидел в тюрьме, никогда не был трактористом и многим со стороны казался благополучным человеком, который получил от жизни всё, что можно: славу, деньги, почёт... А он, оказывается, жил среди нас, как в тюрьме, мечтал о свободе, тосковал по своему просторному, красивому Алтаю... Он, думаю, тяготился жизнью в столице, не стал своим в Москве. И потому ему, наверное, очень снился Алтай, река Катунь, его родное село... Фильм, по слухам, не хотели пускать в прокат, кому-то в верхах показалось странным, что писатель сделал главным героем человека, вышедшего из тюрьмы, и сам сыграл его. И полетели в Шукшина стрелы. В сущности, его стали морально убивать. Это у нас всегда умели делать...

...Из Баку Шукшин вернулся снова в Железноводск, и не один, а с группой артистов киностудии «Мосфильм». Шукшин пригласил с собой в Железноводск Жанну Прохоренко, сыгравшую роль следователя прокуратуры, Леонида Куравлёва — исполнителя главных ролей в фильмах В. Шукшина «Ваш сын и брат», «Живёт такой парень», актёра Станислава Чекана — исполнителя роли милиционера в фильме «Бриллиантовая рука», кинорежиссёра Эдуарда Абалова, известного зрителям как постановщика фильма «Стряпуха».

...«Калину красную» уже не первую неделю показывали в широкоформатном кинотеатре «Экран»: по семь сеансов за день. Кинотеатр был новый, как бы сказали сегодня, модный, в центре города. Практически на всех сеансах всегда полно народу.

Об успехе «Калины красной» на Ставрополье мне рассказал Владимир Петрович Скачилов. В 1974 году он преподавал в Став-

ропольском кинотехникуме. И был на премьере великого фильма.

— В тот день зрители ждали Шукшина, — вспоминал Владимир Петрович. — Билеты раскуплены на все сеансы. И на каком из них появится Шукшин, большинство зрителей не знало. Он появился на девятнадцатичасовом сеансе. На этом сеансе был и я. Из его монолога мне запомнилось, что «за всё человеку приходится платить — и за хорошее и за плохое». А сам фильм, конечно, был потрясением. Сегодня таких фильмов не снимают.

Шукшин вышел к зрителям из-за кулис вместе с артистами и заместителем председателя Ставропольского крайисполкома Николаем Тимофеевичем Дорохиным.

На встрече с Шукшиным в кинотеатре «Экран» присутствовал журналист газеты «Молодой ленинец» Василий Кизилев. Из всех публикаций тех лет в местной печати он наиболее полно записал рассказ режиссёра об истории создания фильма. Вот что сказал Василий Макарович зрителям в тот апрельский вечер:

— Биография моего героя может показаться неясной, поэтому я хочу её предварить. Многие люди в голодные послевоенные годы уходили из сибирских деревень в город в поисках заработка. Всякое случалось с ними. Мой Егор, уйдя из деревни, потерял всё. Его понесло по жизни, как сорванную ветку. Он стал вором. Реального прототипа Егора Прокудина у меня нет, и вместе с тем в жизни такое могло случаться и случалось.

Я хотел бы ответить на возможные зрительские вопросы: «Надо ли было Егора Прокудина убивать, ведь он сделал попытку к собственному оздоровлению?» Мне хотелось сказать судьбой моего героя об ответственности человека перед землёй, которая его взрастила. Человеку за всё приходится платить — и за хорошее и за плохое. Ещё и об этом мой фильм.

Я не скрываю сострадания к своему герою, вместе с тем я говорю, что за человека надо бороться до самого последнего конца.

В интервью корреспонденту «Ставропольской правды» Шукшин так ответил на вопрос о замысле фильма:

— Меня часто спрашивают, почему я взялся за эту тему — «пе-

рековки» сложнейшего духовного переустройства человека. Шутка ли, главный герой фильма — преступник, человек, на совести которого много сознательных и опасных преступлений, вор по убеждению. В основу фильма действительно положен случай исключительный, случай тяжёлый.

Что же побудило меня обратиться к столь мрачной истории? Глубоко убеждён, что нашему искусству по плечу самые трудные темы, если они освящены идеями добра, веры в человека. Как у врача нет права торопить человека с окончанием жизни, так и в искусстве нет такого права отступить от человека, отказаться верить в него. В основу фильма я, кроме внешнего сюжета, положил тему внутреннюю: человеку необходимо добро. Добро всё равно, в конечном счёте, победит.

Биография героя не вошла в фильм, но она взята из жизни. В тяжёлые послевоенные годы из деревни в город устремился поток подростков, спешащих получить специальность, «стать на ноги» с помощью профтехучилища, рабочего ученичества. Я сам был в этом потоке и видел, как подстерегало нас на этой дороге зло, как протягивало оно руки к неопытным, несмышлёным мальчишкам. Мой герой поддался злу. Сегодня ему сорок лет. Он закоренелый преступник.

Отвечая на реплику, что некоторые зрители недовольны финалом картины, Шукшин сказал:

— На вопрос, зачем нужно было убивать героя, ответить не просто. Но, честно говоря, я не видел другого выхода. Ведь он очень виноват перед людьми и должен был за это расплатиться. При всём моём сострадании, сочувствии к герою побеждает диалектика, действует суровый, но справедливый закон расплаты за зло. Это уже не моя воля. Это жизненная закономерность.

Представляя актёров, Шукшин отметил, что в основном они были «насмотрены». Роль Егора Прокудина исполнил сам режиссёр, а его подругу по переписке Любу актриса Лидия Федосеева. Отца Любы сыграл актёр Иван Рыжов, мать Любы — актриса Мария Скворцова, Зою сыграла Мария Виноградова. Не професси-

ональный актёр играет роль брата героини. Это земляк Шукшина Алексей Ванин. Алтаец, фронтовик, работал в те годы тренером. А вот роль матери главного героя исполнила обычная пожилая крестьянка Ефимия Быстрова (в фильме она Офимия).

— Очень большую роль сыграла натура. Фильм снимался на Вологодчине, в маленьком старинном городке Белозёрске. Сама жизнь постоянно вторгалась в наш фильм, — говорил Шукшин. — Вот, скажем, эпизод встречи героя с матерью, которая считает его потерявшимся на жизненных дорогах. Роль матери играет не киноактриса, а обыкновенная деревенская старушка. Впрочем, она не играет. Она просто рассказывает. Героиня, которую исполняет Лидия Федосеева, слушает печальную историю матери, три сына которой погибли на фронте, а четвертый сгинул неизвестно где. А мы сняли этот эпизод скрытой камерой. И в фильм пришла правда глубокая, потрясающая и пронзительная.

Через тридцать пять лет после премьеры фильма Лидия Николаевна рассказала, как снимался этот эпизод:

— Съёмки шли в натуральном интерьере избы, и замечательный наш оператор Анатолий Заболоцкий приспособил аппаратуру так, чтобы не смущать непрофессиональную актрису. Камеру он установил на улице, снимал через выставленное окошко, а звук писался синхронно. Бабушка отвечала на мои вопросы, и рассказывала свою жизнь. Эпизод получился щемящим до слёз.

Позднее, узнал, что в 2003 году жители Белозёрска собрали деньги и установили памятник на могиле простой крестьянки Ефимии Быстровой. На памятнике — фотография Быстровой в роли Куделихи из фильма «Калина красная». Мне кажется, что это памятник всем российским матерям, родившим, воспитавшим и проводившим сыновей в дальнюю дорогу, матерям, не дождавшимся своих сыновей с великих строек пятилеток, с войн, из тюрем, лагерей ГУЛАГа, геологоразведочных экспедиций, с заработков на Северах, рыболовецких путин, лесозаготовок... У моей бабушки Ольги Кирилловны Блохиной (в девичестве Бабыкиной) был обычай: провожая кого-либо из родных в дальнюю дорогу, она незаметно

клала хлебный шарик в карман того, кто покидал родной дом. Такой же шарик из хлеба она положила и мне в карман пиджака, когда я уходил в армию...

У Шукшина была ещё одна встреча со ставропольскими зрителями и читателями в Пятигорске, в Центральной библиотеке имени М. Горького. Она состоялась 20 апреля 1974 года. Дата установлена по автографу В.М. Шукшина, который он оставил на своей книге «Земляки» (М., изд-во «Советская Россия», 1970).

— Тот весенний день 1974 года в Пятигорске был холодным, промозглым, — вспоминали ветераны библиотеки, — дул пронизывающий ветер. Но капризы погоды не помешали тёплому и открытому общению Василия Макаровича с жителями города — читателями библиотеки. Пятигорчане — поклонники его таланта с большим интересом слушали своего кумира, задавали много вопросов. Василий Макарович внимательно слушал, что говорили зрители о «Калине красной», о его ранних фильмах, о кино. Встреча превратилась в своеобразный диалог. На встрече шёл разговор и о творчестве Шукшина-писателя. Читатели интересовались, какие новые книги писателя выходит в издательствах страны, над чем работает Василий Макарович. В отделе редкой книги Пятигорской центральной библиотеки и сегодня бережно сохраняется книга В. Шукшина «Земляки» с его коротким автографом: «Центральной библиотеке города Пятигорска. В. Шукшин. 20.04.1974 г.»

В Пятигорске, представляя «Калину красную», Василий Макарович Шукшин говорил:

— Меня упрекают, что я воспел уголовника. Да, эта картина об уголовнике. Ну, какого плана уголовник? Не из любви к делу, а по какому-то, так сказать, стечению обстоятельств житейских. Положим, сорок седьмые годы, послевоенные годы. Кто повзрослее, тот помнит эти голодные годы... Большие семьи. Я не знаю, как у вас было. У нас, в Сибири, это было страшно. Люди расходились из деревень, попадали на большие дороги. И на больших дорогах ожидало всё этих людей, особенно молодых, несмышлёных, незрелые души.

И как часто тоже бывает — зло более организовано на земле. И люди недобрые, к нашему стыду живущие, иногда случаются более внимательными. Они подбирают таких вот неопытных людей и обращают их в свою веру или приобщают к своему делу. В данном случае получилось так, что приобщили его (Егора Прокудина. — прим. авт.) к воровскому делу. А человек хороший был. Душа у него была добрая. Но тем не менее ему наладили такую вот жизнь... И пошли, значит, тюрьмы, пошли колонии...

И вот ему уже, в общем, сорок лет, а просвета никакого в жизни нет. Но душа-то у него восстаёт против этого образа жизни. Он не склонен быть жёстким человеком. А ремесло его предполагает жёсткость, жестокость даже. Отсюда противоречие в его жизни. И вот, собственно, на этом этапе мы и застаём нашего героя — когда он последний раз выходит из заключения. И опять перед ним целый мир, целая жизнь...

Практически все, кто побыл в те апрельские дни 1974 года на показах фильма, делились одним общим ощущением: «Калина красная» держала зрителя в напряжении, не ускользала ни одна деталь. Когда фильм заканчивался, зрители вставали и аплодировали. У многих на глазах были слёзы. Такого кино страна не знала.

И ещё об одном человеке, в сердце которого Василий Макарович Шукшин оставил след. В 1974 году Галина Змиевец работала в средней школе № 2 г. Невинномысска. Когда она услышала по радио, а затем прочитала в газетах сообщение о том, что Шукшин умер на съёмках фильма «Они сражались за Родину», её не оставляла мысль, что она должна побывать в Москве.

Вот что она рассказывает:

— А калина под его окном, оказывается, не растёт. Была уверена, что обязательно встречу здесь, в Москве, на улице Бочкова, недалеко от станции метро «Алексеевская», этот скромный куст. Есть мемориальная доска с горельефом Василия Макаровича, есть его квартира на пятом этаже, кабинет, стол, библиотека, а калины нет.

Зато у нас на радужных кубанских склонах, в палисадниках, в

городских скверах земля ежегодно осенью вспыхивает багровой памятью — калиной красной. Далеко-далеко за горизонт несут тот красный цвет волны Кубани. В их шёпоте слышится голос Василия Макаровича, согретый любовью к людям: «Нам бы про душу не забыть. Нам бы немножко добрее быть...»

Галина напомнила мне, как в шестидесятые годы минувшего века Шукшин ворвался в советское искусство. Никто ему, как Ивану-дураку из сказки «До третьих петухов», не давал справки на существование. Явился, обманув сапогами и простецким видом, за которыми обнаружился вскоре такой талант, что нельзя было его понимать иначе, как дар народный.

Шукшинские «чудики» добивались «души и свободы», слушали власть, говорившую с ними окостеневшим языком, вполуха, природным чутьём различали, где правда и где ложь, и старались жить сами по себе.

Перебирая старые учительские папки, она нашла «постоянный пропуск» на могилу Василия Макаровича. Наверное, она очень надоела чиновникам из Моссовета, когда в 70-80 годы возила своих учеников в Москву и умоляла дать им пропуск на Новодевичье кладбище — раньше оно было закрытым.

Галина читает, вспоминает, с грустью и щемящей болью в который раз перечитывает одну и ту же странную строку: «Номер вашей могилы 1-3-3». И задаёт себе и ему вопрос: «Василий Макарович, что с нами происходит?» Ведь для чего-то Вы так настойчиво и неустанно стучались в наши души и тревожили совесть, почему-то со слезами говорили о России и как будто по отвесной стене лезли, срываясь и теряя опору, но снова и снова карабкаясь вверх, чтобы увидеть, наконец, что там, по ту сторону».

«Когда нам хорошо, мы редко думаем, что где-то кому-то плохо», — эти простые слова стали когда-то темой одного классного часа в средней школе № 2 г. Невинномысска, где она трудилась более десяти лет. Её ученик Женя Бормотов принёс в тот день кустик калины, и ребята посадили его в школьном дворе, а Таня Гречкина прочитала собственные стихи:

Увижу калину -
И сразу Шукшин
Меж ягод огнём загорится...
Огромный костёр
до небесных вершин -
Ладонью не заслониться.

— Сердце Шукшина не выдержало, — делится Галина Змиевец. — Потому что, когда Василию Макаровичу даже и было хорошо, он всё равно помнил, что где-то кому-то плохо. Вот почему его наброски к последнему рассказу «Чужие» заканчиваются словами: «Ваня, ты как здесь?!» Вот это с нами и происходит — ныне и присно и во веки веков.

...Конец ноября. Иду по городу. И непременно где-нибудь на углу увижу пожилую женщину, наверное, чью-то бабушку, предлагающую пучок калины красной. Стоит остановиться на мгновение и залюбоваться багряным цветом калины, напоминающим цвет крови: «Калина красная... Возьмите. Недорого».

Ох, как же дорога мне эта калина красная из всех красных ягод российских!

Октябрь, 2011 г.

СВЕТ КЛЮЧЁВКИ

Андрей Бахтинов ворвался в русскую поэзию и сгорел, как комета на небосклоне. Сгорел неожиданно. По трагической случайности в доме, в котором родился поэт, его два брата Михаил, Алексей и сестра Нина, и где он жил один после смерти родителей, было газо-печное отопление. Андрея убил угарный газ. Его хоронили холодным февральским днём всем селом. Это случилось в 1993 году. Бахтинову шёл 47-й год. И та трагедия не забывается более четверти века... Потому что это была не рядовая смерть рядового человека. Потому что не стало поэта...

Его биография похожа на сотни биографий его односельчан. И в то же время не похожа. Она похожа на биографии поэтов. Родился Андрей Дмитриевич Бахтинов 6 сентября 1946 года в селе Труновском Труновского района Ставропольского края. Село известное. До его переименования в честь какого-то героя Гражданской войны село называлось Терновка.

С незапамятных времён жизнь в селе всегда была чистой, как вода в родниках. Ключи бьют по руслу всей Терновки. Эти родники питают речку и души односельчан. Не каждому поэту везёт увидеть живьём, как начинается река, опустить ладони в её ключи... Робкий, но сильный родник Терновки, бьёт из земли, пробивает себе дорогу и бежит на север, к Азовскому морю. И добегает! Снача-

ла до речки Ташлы, а потом, слившись с её водами, впадёт в степной Егорлык. Воды Егорлыка примет Маныч, а потом сам Дон-батюшка. А там и до моря рукой подать...

Своей родной Терновке и её родникам Андрей позднее посвятил несколько стихотворений. Среди них и это:

Твои, Россия, уголки
Страны Муравии чудесной,
Твои Россия, родники
Поют серебряные песни.

Поют, и светлая печаль
Живой водой в сердца струится.
Поют, как хоры при свечах,
При чуть мерцающих зарницах...

Я столько переслушал их,
Что для меня и в зорях новых,
Любовь-родник и боль-родник
От этих песен родниковых...

(«Родники России»)

Рядом с Терновкой лежит село с ещё более звучным названием Ключёвское. В народе его величают Ключёвка. Вместе с Андреем ходили в школу ключёвские мальчишки и девчонки.

Удивительные по красоте дни выпадали для ребят весной и летом, осенью и зимой. Они вместе катались с зимней горки, вместе ходили по окрестностям, любовались лазоревой сказкой, слушали песню жаворонка, вдыхали полынный запах степи, пили воду из степных родников, а осенью провожали журавлей... А чаще Андрей оставался один наедине с природой, с окружающим его миром. От его поэтического взгляда не ускользало, как клубятся вечерами туманы над землёй, как наливалось соком яблоко, попевали хлеба, вырастали стога после покоса... Во всём, что сотво-

рила природа, сотворили ум и руки людей, он видел поэзию. И сам оставался, прежде всего, поэтом. Он родился поэтом. И стал, как напишет он позднее, поэтом «абрикосового края»:

Задумчивые северные сосны,
Из простенького ситца небеса,
И я давно соскучился по солнцу,
Как мальчиком скучал по чудесам.

А где-то на окраине России,
Взращённые теплом родной земли,
Так молодо, так славно, так красиво
Сегодня абрикосы зацвели...
(«Абрикосовый цвет»)

Однажды (это было в шестьдесят седьмом), глядя на вечерний закат, Андрей запишет в блокноте: «День уходит походкой измученной...» А чуть позже, через тридцать лет, глядя на вечернюю зарю, Андрей напишет: «Двадцатый век в закат устало клонится...»

Ключёвка стала его музой, его вдохновением. Удивительно чистая по красоте поэзия Андрея Бахтинова — негромкая, может быть, неброская, читаемая с затаённой интонацией, сравнимая с исконно русской топонимикой тех мест, где поэт родился, и сама стала родником. Её притягательность, прежде всего, в чистоте чувств, в искренности, в отсутствии фальши...

Дорогой сердцу пейзаж он помнил и в далёкой от родных мест Сибири, когда стоял на берегу Енисея или Ангары, любовался Дивногорском или восхищался привокзальной площадью Хабаровска...

Ночным дождём заботливо омытая,
За краткий миг до пробужденья дня,
В моей судьбе — ещё одно открытие,
Седая площадь встретила меня.

Шуршит троллейбус, тонким чутким усиком
С лучом звезды на миг сойдясь в тиши;
В холодноватом камне памятника — музыка
Прекрасной человеческой души.

Я восхожу под сине-предрассветные,
Пока совсем чужие небеса,
Но кажется, вот-вот тугими ветрами
Они мои наполнят паруса.

Нет, не сбылись друзей-врагов пророчества,
Кому я век какой-то не такой,
Что мне, как всем, в конце концов захочется
Когда-нибудь с годами на покой.

Не погасил костров я в сердце пламенных,
Зуд беспокойства в землю не зарыт;
И, как живой, со мною, а не каменный,
Хабаров через площадь говорит.
(«Хабаровск. Привокзальная площадь»)

В его жизни были и Днепр, и Кама, и Ангара, и Амур, и Тихий океан... Но о Ключёвке, о родных местах Андрей помнил всегда, где бы ни был:

О тебе мне названивал
Дождик в дальних краях,
С родниковым названием
Деревушка моя.

По ночам под ракетами
У деревни чужой
Снились мне огоньки твои
За туманной межой.

И призывными кликами
В синезвёздной дали
О тебе мне курлыкали
По весне журавли..
(«Сказка моя родниковая»)

С таким чистым, чуть ли не с рождения взглядом на окружающий мир, поэт и прожил свою недолгую в общем-то жизнь.

Добрая символика поэту видится во всём, что встретилось ему на его пути, на его дороге: пишет ли он о родной стороне, о снегах Сибири, о красноярском лете, или, когда его взгляд задерживается на Тихом океане...

Над океаном лёг туман..
А жизнь, брат, — тоже океан.
И чьи-то судьбы-корабли
Сегодня в гавань не пришли.

Под гордым флагом, как в бою,
Они в безмолвия краю
Нашли последний свой приют,
Сигнала «SOS» не подают.

А мы на пламя маяка
Ещё дошли издалека
Назло погоде и врагам
К заветным милым берегам.

Ещё с крылатых бригантин
С укором в небо мы глядим
И молимся не за себя,
Над не пришедшими скорбя.

Но не повинны небеса,
Что рвут тугие паруса
Одним — закатные года,
Другим — внезапная беда...

Я знаю, будет и со мной:
К желанной гавани родной
В какой-то час, в какой-то год
И мой кораблик не придёт...

Огня хлебну пусть и воды,
Не допустить бы лишь беды,
Чтоб все на свете корабли
Однажды в гавань не пришли.
(«Океан»)

Его отец Дмитрий Андреевич — ровесник Октябрьской революции 1917 года. Эту особенность в биографии отца поэта любили подчёркивать в советские времена. Старший Бахтинов — участник Великой Отечественной войны, вернулся с фронта инвалидом. Ранение было тяжёлым. Врач госпиталя, ампутировавший молодому солдату ногу, сказал: «Ничего, жить будешь. Если что-то не получится в жизни, то мечты твои воплотятся в твоих сыновьях».

Возвратившись в село, Дмитрий Андреевич работал извозчиком. Мать поэта Марфа Михайловна образования не получила, работала в колхозе разнорабочей. Успевала и на работе и дома. В доме пахло свежее испечённым хлебом, украинским борщом, пампушками, пирогами, жареной картошкой, пельменями... Односельчане запомнили её добрый нрав и сердечность. Родители никогда не ссорились. В семье всегда было ладно. У всех были обязанности по дому, по хозяйству.

И где бы и кем Андрей Бахтинов ни был — трактористом в Труновском, комбайнёром в Шарыпово, сверловщиком в Днепрпетровске, плотником в Игарке, бетонщиком в Дивногорске, бон-

дарём в Дурмине или был простым путешественником на Енисее
— он всегда оставался поэтом.

Захолустье, увы, захолустье...
Студит ветер таёжную глушь.
Утром кони склоняются грустно
К зеркалам затуманенных луж.

Облетевшей багряной листвою
Ветерки в закоулках шуршат;
Закатился на небо седьмое
Детским мячиком солнечный шар.

Низко стелются серые тучи
Над бревенчатым тихим жильём,
И дожди монотонно-тягуче
Долго плачут о чём-то своём.

Птицы к югу спешат обогреться —
К вечно добрым зелёным садам,
Да железные гулкие рельсы
Убегают к большим городам.

(«Осень в Дурмине»)

И где бы Бахтинов ни был, он с неизменным чувством возвра-
щался в родной дом:

Есть одна заветная дорога,
Сколько б в мире не было дорог,
Что уводит всё к тому порогу,
Где остался детства уголок...

Отчий дом... Смейшься или плачешь,
Он, твой добрый друг, — не за горой.

Отчий дом — как много это значит!
Больше, чем мы думаем порой...
(«Отчий дом»)

Дети Бахтиновых были под стать родителям, любили и поддерживали друг друга. Сестра Нина рассказывала, что на музыкальных инструментах в семье никто не играл, а вот петь любили все, особенно старинные русские народные песни. У Андрея был красивый и сильный голос. Когда вечером Андрей шёл на гулянье, про него на улице говорили: «Вот наш соловей идёт». С песней Андрей не расставался всю жизнь. Такие и стихи у него — мелодичные, напевные. Не случайно многие из них, положенные на музыку местными самодельными композиторами, стали песнями.

Степь да степь... родимая сторонка.
По судьбе моей — твой полынный дух
От запевки звонкой жаворонка
До щемящей песни журавлиной...
(«Родина»)

Учился Андрей в местной семилетней школе. Закончил её в 1960 году с отличием. И сразу пошёл трудиться. А среднюю школу, как он сам написал в биографии, «окончил без отрыва от производства». После школы поступил в Новочеркасский геологоразведочный техникум. Но из-за болезни, а потом и ранней смерти отца учёбу в техникуме пришлось оставить. Дома оставались неграмотная мама и младшая сестрёнка. Андрей вернулся в село. Надо было помогать маме. Работал грузчиком, плотником, механизатором... И познавал жизнь.

Потом подался на Украину, работал сверловщиком на Днепропетровском заводе металлургического оборудования, в Набережные Челны, работал в управлении строительства «КамГЭСэнергострой».

А потом был Красноярский край. Андрей прошёл его с механи-

зоторами и строителями — от Шарыпово до Игарки. Убирал сибирский хлеб, работал в химвлесхозе, на лесопильном участке, на бондарном заводе... С каждого нового сибирского адреса Андрей посылал деньги маме, а в блокноте у него оставались лишь стихи «Цвела черёмуха в Шарыпово», «Дивногорск», «Красноярск», «Красноярский вальс», «Встреча друзей в Красноярске», «Зимний вечер в Красноярске»...

Здравствуй,
мой самый желанный вокзал,
Самый красивый мой город!
Город, в котором доходит рассвет
Долго, скупыми шагами,
Словно он целую тысячу лет
Шёл голубыми снегами...
(«Красноярск»)

Какими ветрами Бахтинова и несколько его друзей занесло в Шарыпово, один Бог ведает. Причём, в этом небольшом сибирском городке он бывал, как минимум, дважды, убирал сибирский хлеб. Стихотворение «Цвела черёмуха в Шарыпово» — это воспоминание о молодости, о времени, которого не вернуть. Но всё такой же, как и много лет назад, остаётся природа, и та картинка, которую поэт увидел в первый раз.

В антеннах ветер чуть поскрипывал,
Луна по лужицам плыла;
Цвела черёмуха в Шарыпово,
Ах, как черёмуха цвела!

По лёгким мостикам, по брёвнышкам,
По стёжке, вшитой в талый снег,
Туманной улицей черёмушной
Шагал влюблённый человек.

Шагал он гордо и стремительно,
В улыбке — весь душевный свет,
И улыбались ослепительно
Ему все звёздочки в ответ...

А вот теперь уже не молодо,
Устав от жизни кочевой,
Я прохожу Черненко-городом,
Не узнавая ничего.

Но хоть снегов немало выпало,
Хоть время вспять не повернёт,
Здесь, как тогда, как в том Шарыпово,
Опять черёмуха цветёт.

(«Цвела черёмуха в Шарыпово»)

В Дивногорске Бахтинова поразили не масштабы самой большой в мире Красноярской ГЭС, а ее создатели:

Идут в спецовках «короли...»,
Надменно, лихо кепки сдвинув,
Чьи руки пахнут, как мои,
Железом, пашнею и дымом;

Чьи скулы вновь опалены
До черноты свирепо-жаркой
Колючей яростью зимы
И отблеском электросварки.

Чьи губы лопаются в кровь
От злых ветров, от пота соли,
Кто стирает над костром
Ладонь, озябшую в мозолях...

(«Идут в спецовках «короли»...)

В Хабаровском крае Андрей Бахтинов прожил, если судить по записям в трудовой книжке, около трёх лет, с 1988 по 1991 годы. Потом были Дальний Восток, Охотское море... Андрей добрался до самой дальней точки России, до Шикотана.

И улыбнётся хмурый капитан.
И за волной откроется красиво,
Как изумруд, зелёный Шикотан —
Окраинная капелька России.
(На Тихом океане)

Чем дальше Бахтинов забирался на восток, от родных мест, тем больше в его блокноте оставалось стихов о далёком крае, — «Хабаровск. Привокзальная площадь», «На берегу Амура», «Осень в Дурмине», «Скорый фирменный «Россия», «Дальний Восток», «На Дальнем Востоке — весна», «На Тихом океане», «Пока судьбы грохочет поезд», «Океан», «Смерть меня подождёт», «Мой поезд», «Счастье разных дорог»... Однажды Андрей запишет:

Я жизнь люблю и сладкую, и с перцем,
Чтоб только бурной пенилась рекой.
А врач сказал: «У вас большое сердце».
И прописал безоблачный покой.

С врачами спорить нынче мало толку,
В столице это иль в каком селе...
Что ж, я смогу спокойным быть,
Но только, когда меня не будет на земле.
(«Я жизнь люблю...»)

Когда Андрея Дмитриевича не стало, то оказалось, что после него остался на земле след, как после той кометы на ночном небосклоне. В одно мгновение для односельчан, разбирающихся в поэзии и не разбирающихся в ней, он стал как свет далёкой звезды,

как летящие в небе журавли... Бахтинов сам о себе писал, «а я родился с сердцем журавля». Односельчане стали понимать, что им не хватает их поэта, его выступлений на клубной сцене, его песен, его улыбки. В селе Труновском о нём так и говорили: «Наш поэт».

Андрей начал писать стихи рано, ещё в школе. Он щедро дарил школьным друзьям то, что писал. Уже тогда по рукам одноклассников, как среди лицеистов времён Пушкина, ходили листки в клеточку из школьной тетради с написанными Андреем стихами. Андрей щедро дарил то, что писал. И практически не заботился о том, чтобы сохранить написанное. Написал — и забыл. Так до сих пор не найдено его стихотворение о Гагарине, хотя помнят: «Да, было, Андрей писал о первом космонавте Земли». И где-то внутри в тебе затаённая мысль: «А вдруг оно сродни великой песне: «Знаете, каким он парнем был!?»» Листаю газеты за 1961-й, 1962-й, 1963-й... Время первых полётов в космос, когда мы знали всех космонавтов по именам, и кто за кем летал, и когда, и их позывные... Да, стихи о космонавтах газеты печатали, но стихотворения Бахтинова среди них нет. Скорее всего, написал, подарил и забыл о нём...

Как оказалось, к своим взрослым 47 годам Андрей Дмитриевич Бахтинов создал более трёхсот стихотворений. Библиографию им он не вёл. Сегодня односельчанам известно 257 его стихотворений в разных вариантах. Это сейчас. А тогда, когда Андрея не стало, односельчане, знакомые с авторским правом или только слышавшие о нём, всё чаще задавали друг другу вопросы: «А как же стихи Бахтинова? Пропадут?»

О судьбе своих стихов Андрей особо не заботился. Печатали его мало. У редакторов тех газет, в редакции которых Андрей посылал стихи, голова болела совсем о другом — о соревновании, о выполнении планов... Им было не до стихов какого-то дарования из Терновки, то бишь из Труновского. Да, и Андрей особо не ходил по редакциям, чтобы узнать о судьбе своих стихов. Поэтому большинство из того, что написал Андрей, осталось в списках, в альбомах, тетрадях, блокнотах, самодельных книжках друзей, знакомых. Но кое-что печатали.

В районной газете «Заря коммунизма» того времени изредка выходила «Литературная страница», где печатали стихи местных авторов.

В своей творческой биографии Андрей Дмитриевич написал, что его первая публикация была в газете «Заря коммунизма» в 1964 году. Перелистав все номера этой газеты, сохранившейся в фондах Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова, я, к сожалению, не обнаружил стихов Андрея Бахтинова ни в 1964-м, ни в 1965-м...

Зато в выпусках газеты «Заря коммунизма» за 1966, 1967, 1968 кое-что из творчества Андрея Бахтинова тех лет напечатано.

В 1966-м — «Белые розы» («Тёплыми дождями напоённые...»), «Весенние ливни» («Тревожат, шагая...»), «Письмо другу» («Привет тебе, товарищ, мой далёкий...»), «Родина» («В чистом пруду отражается...»), «Светлана» («Голубой косынкой туман...»), «Тебя я встречу всё равно» («По палубе ветер гуляет упругий...»), «Удивительный день» («Тротуар — заколдованный круг...»).

В 1967-м — «Весёлый дождь» («В разрывах туч лазурь небес мелькает...»), «Вечерний пейзаж» («День уходит походкой измученной...»), «Истоки» («Начинается утро светом...»), «На рассвете» («Костёр догорал. Догорала звезда...»), «О любви» («В безветренный день к земле провода...»), «Раздумье» («Змеится тропа во ржи...»).

В 1968-м — «А ты ждала» («Весна цвела...»), «Буревестник» («Не ветер в то утро носился игриво...»), «В горах» («Не близок тот край...»), «Верю в грядущее» («Я верю в это время...»), «Горит закат над гладью озера...», «Жил мальчишка в селе...», «Зовут, зовут дороги» («Когда зеленеет трава...»), «Исповедь» («Чего бы я хотел для себя...»), «На вокзале» («Не успел...»), «На Украине» («Пахнет пашнями, дымом горьким...»), «Нам с родиной нашей вовек не расстаться...», «Реет вечер над дорогами», «Северный Кавказ» («В чужих краях тоска вам душу гложет...»), «Нежность» («В русских душах, в дороге порой огрубелых...»), «Юность моя»

(«Шёл солдат дорогою степною...»), «Я читаю тебе стихи» («Душный вечер. На тёплых крышах...»).

Но односельчане вряд ли знали в те годы, что автором перечисленных выше стихотворений является их земляк Андрей Бахтинов. Возможно, знал об этом узкий круг окружавших Бахтинова людей. Все опубликованные им стихи в «Заре коммунизма» подписаны псевдонимом Д. Коршун, Дмитрий Коршун. С Дмитрием понятно. Это имя отца. А вот откуда взялся Коршун? И почему? Любимая птица Андрея — журавль.

Все ранние стихи Андрея Бахтинова остались без внимания составителей сборника «Журавлиное сердце». Исключение сделано лишь для стихотворения «Сибирь, Сибирь...» («Заснеженные ели...»). В сборнике «Сказка моя родниковая» нет ни одного раннего стихотворения поэта.

О ранней поэзии Бахтинова говорили и говорят, что она подражательна, что у автора ещё нет собственного голоса. Насколько верно это утверждение, не знаю. Поэтому я просто перечитал всё, что Андрей Дмитриевич написал в юности. И могу смело утверждать, что его стихи украсили бы любой поэтический сборник, что своим творчеством Бахтинов продолжает лучшие традиции русской поэзии — поэзии Есенина, Рубцова...

Хранителем творческого наследия поэта стала сельская библиотека. Она — за парком, рядом со школой, в которой учился поэт. В эту библиотеку ходил Андрей Бахтинов и его сверстники. Новое поколение школьников ходит в ту же библиотеку, но с 2008 года она теперь уже его имени. В центре читального зала, на видном месте портрет Бахтинова кисти художника Фёдора Николаевича Долженко. В библиотеке села Терновского собран материал о земляке. В папках с завязками газетные вырезки с опубликованными стихами Бахтинова, статьи о нём и его творчестве. Публикует их в основном районная газета «Нива».

Стихи Бахтинова нашли приют на страницах альманаха «Литературное Ставрополье», в журналах «Южная звезда», «Сельское Ставрополье», в газете «Ставропольская правда»... Однажды под-

борку стихов Бахтинова напечатала «Сельская жизнь». Редакция главной сельской газеты страны, напечатав стихи «Память», «Борозда», «Накануне», от души пожелала их автору «хорошего хлеба и высокого слова».

Из 257 стихотворений, собранных сегодня земляками, как установлено библиографами и уточнено мною, большинство напечатаны в ставропольских изданиях: 29 — в газете «Заря коммунизма» (г. Изобильный), 10 — в альманахе «Литературное Ставрополье», 2 — в его предшественнике альманахе «Ставрополье», 4 — в «Молодом ленинце» (г. Ставрополь)... Больше всего — 90 стихотворений опубликовано в газете «Нива» (с. Донское Труновского района Ставропольского края), остальные впервые увидели свет в двух его поэтических сборниках, вышедших в 2006 и 2011 годах.

Три его стихотворения я нашёл в «Сельской жизни», Два стихотворения Андрей Бахтинов напечатал в газете «Серп и молот» (п. Шарыпово Красноярского края). Их обнаружили библиотекари г. Красноярска. По моей просьбе поисками творческого наследия Андрея Бахтинова занимались библиотекари и краеведы Днепрпетровска, Набережных Челнов, Красноярска, Енисейска, Шарыпово, Дивногорска, Игарки, Иркутска, Хабаровска, Дурмина, Охотска, Владивостока, Южно-Сахалинска, Шикотана...

За двадцать лет после гибели Андрея ни одно солидное российское издательство не обратило внимания на то, что сделали односельчане для сохранения памяти о своём земляке. К счастью, стихи Бахтинова переросли районный и краевой масштаб.

В районном музее села Донского, музее села Труновского есть уголок с материалами о поэте-земляке.

Их собирали бывший директор музея Фёдор Николаевич Долженко, бывший главный редактор газеты «Нива» Николай Николаевич Гвоздев, преподаватель Труновской средней школы Тамара Рандольфовна Трофимова, местная поэтесса Татьяна Николаевна Худононенко, библиотекари Труновской сельской библиотеки им. А. Д. Бахтинова Мария Ивановна Подольская, Ирина Алексеевна Романова, Юлия Сергеевна Вакуева, сестра поэта Нина Дмитри-

евна Кофанова (Бахтинова), их добровольные помощники. Продолжает работу по сохранению творческого наследия поэта А. Бахтинова библиотекарь Надежда Викторовна Позднякова.

Первая выставка о Бахтинове поразила односельчан тем, что они так мало знали о своём поэте и о его творчестве. Так началось новое познание его поэзии. Осенью 2011 года на родину поэта приехали актёры Ставропольского академического драматического театра имени М. Ю. Лермонтова и представили литературно-музыкальную композицию на стихи Андрея Бахтинова. Восторг неопишуемый! Чтение актёрами стихов поэта-земляка было потрясением даже для тех, кто хорошо знал его поэзию.

Я побывал в Труновском и Ключёвском морозным февральским днём. И подивился, сколько примет этих сёл вошло в стихи Бахтинова. Вон холм, с которого он увидел всю Россию и воскликнул: «О, Родина! Отцов моих земля!».

А вот «маленькая речка Тугулук», она «по-прежнему течёт неторопливо». И вдруг почувствовал, как вернувшись на родину из далёкой Сибири, Андрей увидел другую Ключёвку, «как опустело и прежде невеликое село».

Стихотворение про Ключёвку в селе знает едва ли не каждый школьник. Тут всё: и исповедь, и сыновний поклон:

Неужто же однажды ночью выюжной
В окне не вспыхнет ни в едином свет?
Неужто было прошлое ненужным?
Выходит, что и будущего нет?..

Нет, не по мне конец такой печальный!
Я заклинаю, боли не тая:
Пожалуйста, прошу, ты не кончайся,
О, сказка родниковая моя!

(«Ключёвка»)

Стихи Бахтинова читают на утренниках воспитанники местно-

го десада. Вопрос «Творчество нашего земляка А. Д. Бахтинова» включён в экзаменационные билеты по литературе для 9-х и 11-х классов трёх школ села Труновского.

Вглядываясь в судьбу своего народа, однажды Бахтинов запишет в блокноте:

Пусть толкут без меня
По Москве горделиво-спесивой
Митинговую пыль
Чьи-то нервные пары штиблет.
Всё ж большая Москва —
Слава Богу, ещё не Россия,
И не в звёздах Кремля —
Самый чистый и праведный свет.
(«Вечный свет»)

В стихотворении всего шесть восьмистиший. Но за ними судьбы миллионов, что «веками хранит деревенская горькая Русь».

Бахтинов пробивался к читателю трудно и долго. Первый сборник его стихов «Журавлиное сердце» вышел в 2006 году, через тринадцать лет после его смерти.

Его издали на народные деньги. Сдавали деньги, кто сколько мог. Второй — «Сказка моя родниковая» издан в 2011-м. И оба сборника вышли благодаря стойкости и мужеству тех, кто почти двадцать лет защищал память о поэте.

Смерть Бахтинова была тяжелейшим испытанием для тех, кто знал Андрея, кто слушал его песни, кто читал его стихи...

Поэт ушёл на взлёте, с неосуществлённой мечтой. А мечтал он о сборнике стихов. Это он придумал ему название «Журавлиное сердце».

В «Сказке моей родниковой» опубликован цикл стихов под названием «Журавлиная верность». Среди них стихи «Дорогие мои журавли», «Любовь журавлиная», «Когда курлычут журавли», «Журавли»:

И опять, долго век не смежая,
Я смотрю на верхи тополей,
Будто в осень всю жизнь провожаю
Говорящих во мне журавлей...
(«Журавли»)

Небольшая группа энтузиастов из Труновского (мне всё время хочется написать историческое название села — из Терновки), Ключёвского и Донского бережёт поэзию Андрея Бахтинова. И пока она бережёт, есть надежда, что о Бахтинове услышит вся Россия: услышат Сибирь, Дальний Восток и Шикотан... Так хочется в это верить. В 2011 году издательство «АГРУС» Ставропольского государственного университета и его ректор Владимир Иванович Трухачёв издали по всем правилам книгоиздательской практики полноценный сборник стихов Андрея Бахтинова «Сказка моя родниковая», уже получивший признание не только среди почитателей творчества поэта.

Тираж небольшой: 350 экземпляров. В его создании принимали участие Ставропольский Литературный центр, Ставропольское отделение Литературного фонда России, Ставропольское отделение Союза писателей России.

Первый шаг в сохранении творческого наследия поэта сделан. Это главный итог восемнадцатилетней работы. Обращаясь к землякам, Бахтинов писал:

Пусть я не был большим поэтом,
Но, моих не читавши строк,
Лжёт молва, что сгорал без света,
Что согреть никого не смог.

Пусть был путь каменист и труден,
И опасен в крутой момент,
Я любил вас до боли, люди,
Ничего не прося взамен.

Было что-то во мне от неба —
От высокой его судьбы,
Пусть я славным поэтом не был,
Но поэтом я всё же был!

Проклинаемый яро, злобно
Не умеющими летать,
Я тянулся к далёким звёздам,
Чтоб их свет вам из рук отдать...

И за страстную жажду эту
Высоты до последних дней
Наградите меня... посмертно
Доброй памятью обо мне.
(«*Высота*»)

Перечитывая стихи Бахтинова, статьи о его творчестве, бесе-
дуя с односельчанами, знавшими Андрея Дмитриевича, много раз-
мышлял над тем, в чём состоит феномен его поэзии, но точного от-
вета так и не нашёл.

Побывав на родине поэта солнечным и морозным февраль-
ским днём, понял, что односельчан Андрея Бахтинова можно ли-
шить работы, годами не платить им зарплату, обложить их непо-
мерными налогами, дать им маленькую пенсию... Но у этих людей
невозможно отнять талант! Свет поэзии Андрея Бахтинова, несмо-
тря на сложную жизнь в современной деревне России, всё равно
им светит.

За всю историю сёл Терновки и Ключёвского эта земля впер-
вые дала России поэта такого масштаба! Как Михайловское —
Пушкина, как Константиновское — Есенина, как Никольское —
Рубцова!

А Терновка с Ключёвским — Бахтинова!

Февраль, 2015 г.

КОММЕНТАРИИ

КОСТРОМСКОЙ АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Впервые — «ВеликороссЪ», 2016, № 4.

Очерк написан по материалам Государственного архива Костромской области и рассказывает о крёстном отце великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина — Александре Юрьевиче Пушкине, который доводился отцу поэта Сергею Львовичу Пушкину четвероюродным братом. А.Ю. Пушкин — выпускник Сухопутного кадетского корпуса, прапорщик Астраханского гренадёрского полка, участник знаменитого 1799 года Итальянского похода под командованием А.В. Суворова, служащий Московского почтамта, экспедиции винокуренных заводов в Тамбовской области, член комитета по борьбе с холерой 1830 года, костромской совестной судья. Оставил записки «Для биографии Пушкина».

«ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ ЭТИ СКАЗКИ!..»

Впервые — «Литературное Ставрополье», 2007, № 2.

Опубликован с подзаголовком «Об удивительной судьбе сказки А.С. Пушкина». С дополнениями и изменениями печатался в журнале «Подъём», 2011, № 10, в журнале «Литературная Адыгея», 2018, № 2. В основе очерка архивное дело за 1895 год «Сказка о попе и о работнике его Балде» сочинителя А.С. Пушкина», хранящееся в Государственном архиве Ставропольского края.

ПЕРСТЕНЬ ЕРМОЛОВА

Впервые — «Подъём», 2019, № 6.

Опубликован с подзаголовком «220 лет со дня рождения А.С. Пушкина». Автор рассказывает о той части текста «Путешествия в Арзрум

во время похода 1829 года», которая не вошла в окончательный вариант произведения, и открывает читателям имена архитекторов Пятигорска братьев Джузеппе и Джиованни Бернардацци. В черновой рукописи «Путешествия в Арзрум...» поэт окрестил их «любезными Же... и Жи...»

«НА ВОДЫ. В ПЯТИГОРСК...»

Впервые — «Литературное Ставрополье», 2013, № 3.

Опубликован под заголовком «Приветствую тебя, Кавказ седой!» Доработанный вариант очерка под тем же заголовком «Приветствую тебя, Кавказ седой!» публиковался в журнале «Подъём», 2014, № 10, в электронном издании Южного федерального университета «RELGA», 2014, № 12 (285) под заголовком «На Воды, в Пятигорск. С бабушкой», в сборнике «Как сладкую песню Отчизны моей, люблю я Кавказ» (Ставрополь, 2014) под заголовком «Синие горы Кавказа, приветствую вас!» В очерке рассказывается о поездке одиннадцатилетнего М.Ю. Лермонтова в Пятигорск, после которой он напишет первые стихотворения о Кавказе.

ГДЕ НАПИСАНА «ТАМАНЬ»

Впервые — «Литературное Ставрополье», 2008, № 1.

Дополненный вариант публиковался в журнале «Подъём», 2010, № 7. Очерк рассказывает о необычайной находке автора. В фондах Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке имени М.Ю. Лермонтова сохранился журнал «Отечественные записки», 1840, т. 8, № 2 с первой публикацией повести «Тамань», которую высоко ценил А.П. Чехов.. Автор рассказывает об истории создания лермонтовского шедевра, о некоторых лермонтовских местах Ставрополя.

ДЕЛО ЧИЧИКОВА

Впервые — «Литературное Ставрополье», 2009, № 1.

Дополненный и исправленный очерк публиковался в альманахе «Подъём», 2009, № 3, с подзаголовком «К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя».

Очерк публиковался в альманахе «Голос Кавказа», 2009, № 3. Поводом для его написания послужило упоминание Н.В. Гоголем в четвёртой главе поэмы «Мёртвые души» фамилии автора очерка, которая досталась ему от его предков — переселенцев из Воронежской губернии на Северный Кавказ.

«ОТКЛИКНЕТСЯ ВСЯКОЕ СЕРДЦЕ...»

Впервые — «Подъём», 2018, № 10.

Очерк публиковался с подзаголовком, предложенным редакцией журнала: «Поэт Алексей Кольцов и критик Януарий Неверов: творчество и взаимоотношения». Неверову, как и Белинскому, принадлежит две статьи о творчестве Кольцова, опубликованных в 1836 году в «Журнале Министерства народного просвещения» и в журнале «Сын Отечества».

СОСЕД ДОСТОЕВСКОГО

Впервые — «Сибирские огни», 2014, № 1 (январь).

Поводом для написания очерка послужило архивное дело о Потомственном Почётном Гражданине Ставрополя Георгии Ивановиче Алафузове, под именем которого скрывался от полиции Санкт-Петербурга народоволец Александр Иванович Баранников, проживавший в одном доме, на одной площадке, с русским писателем Фёдором Михайловичем Достоевским.

СЕМЬЯ ОРФАНОВЫХ

Впервые — «Дальний Восток», 2020, № 11.

Очерк публиковался с эпиграфом, взятом из письма А.П. Чехова от 20 декабря 1888 года, адресованного беллетристу и драматургу И.Л. Леонтьеву (Щеглову). В журнале «Сибирь», 2019, № 1 опубликовано трёхстраничное предисловие автора к рассказу Михаила Орфанова «Вояж сибирского купца», перепечатанного из газеты «Восточное обозрение», 1883, № 33, стр. 11-15.

«СОБИРАТЕЛЬ РУССКОГО СТИХА...»

Впервые — «Подъём», 2015, № 11.

Очерк публиковался с подзаголовком, предложенным редакцией журнала: «К 125-летию со дня рождения Осипа Мандельштама: размышления поэта об Александре Блоке».

ГОРОДА И ГОДЫ ГЕОРГИЯ ЕВАНГУЛОВА

Публикуется впервые. Автор работал над очерком в 2018—1920 годах.

В основе рассказ о талантливом поэте двадцатых годов, о его встречах с Михаилом Булгаковым и другими известными и менее известными литераторами того времени.

ЗАВЕЩАНИЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Впервые — «Литературный факел», 2006.

Фрагмент очерка под заголовком «Гонорар из могилы» публиковался в журнале «Чудеса и приключения», 2006, № 4. В более полном объёме публиковался в журнале «Подъём», 2007, № 12. Упоминание об очерке напечатано в разделе «Библиографические листки» журнала «Новый мир», 2008, № 4. Дополнив его новыми фактами, автор рассказывает о мало известных страницах истории первой публикации романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и о необычном завещании писателя.

МЛАДШИЙ БРАТ ЕЛЕНЫ БУЛГАКОВОЙ

Впервые — «Дон», 2016, № 4-6.

Очерк написан после прочтения ряда публикаций о Константине Нюренберге, младшем брате Елены Сергеевны Булгаковой, авторы которых преподносили обнародованные факты о его судьбе как сенсацию. Автор взвешенно рассказывает о трагической судьбе Константина Нюренберга.

РУССКИЙ ЖЮЛЬ ВЕРН

Впервые — «Литературное Ставрополье», 2014, № 2, под заголовком «Я ...метил в русские Жюль Верны».

Дополненный вариант очерка «Я метил в русские Жюль Верны. Судьба писателя Ивана Ряпасова» печатался в журнале «Урал», 2016, декабрь. Автор рассказывает о русском писателе-фантасте Иване Григорьевиче Ряпасове, о его непростой судьбе, о поисках его литературного наследства. Роман И.Г. Ряпасова «Гроза мира» напечатан в альманахе «Литературное Ставрополье», 2014, №2; 2015, № 2, № 3.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ В КИСЛОВОДСКЕ

Впервые — «Литературное Ставрополье», 2016, № 4.

С изменениями и дополнениями очерк печатался в журнале «Дон», 2017, № 7-9. В основе очерка рассказ о пребывании в январе 1941 года Михаила Шолохова в Кисловодске. Писатель находился на отдыхе в санатории «Красные камни» после первой публикации романа «Тихий Дон» в четырёх книгах, за который 15 марта 1941 года постановлением Совета Народных Комиссаров ему была присуждена Сталинская премия I степени. Очерк написан после кропотливой работы с архивными документами Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова в Вёшенской.

«СОБИРАЮСЬ НА СЕВЕР, НА БЕЛОЕ МОРЕ...»

Впервые — «Подъём», 2020, № 12.

Очерк написан в 2019 году. Его тему подсказало участие автора в работе VII Всемирного Русского Народного Собора, который проходил в Ставрополе 24-25 октября 2019 года. В форуме с повесткой «Русский язык в межнациональном согласии» участвовали около восьмисот ведущих политиков и общественных деятелей, духовных лидеров традиционных конфессий, авторитетных учёных и специалистов разных профессиональных сфер, известных артистов, деятелей театра и кино, режиссёров, писателей и драматургов России, Франции. Участники форума обсуждали миссию русского языка в современном мире, культуре, образовании и науке, на котором говорят свыше 260 миллионов человек, живущих на планете. Русский язык является официальным языком ряда международных организаций — ООН, ЮНЕСКО.

«В ФИЛЬМ ПРИШЛА ПРАВДА...»

Впервые — «Алтай», 2012, № 2. С изменениями и дополнениями в альманахе «Новый Енисейский литератор», 2020, № 1.

В очерке рассказывается о новых, ранее неизвестных, подробностях пребывания писателя, сценариста, актёра и кинорежиссёра Василия Макаровича Шукшина на Ставрополье, о его встречах со зрителями и читателями.

СВЕТ КЛЮЧЁВКИ

Впервые — День и Ночь, 2015, № 6.

В очерке рассказывается о русском поэте, уроженце Ставрополя Андрее Дмитриевиче Бахтинове, чей талант не был заслуженно оценён при жизни. Это сделано в наши дни.

СОДЕРЖАНИЕ

Костромской Александр Пушкин	5
«Что за прелесть эти сказки!..»	11
Перстень Ермолова	30
«На Воды. В Пятигорск...»	52
Где написана «Тамань»	77
Дело Чичикова	97
«Откликнется всякое сердце...»	115
Сосед Достоевского	159
Семья Орфановых	195
«Собиратель русского стиха...»	236
Города и годы Георгия Евангулова	249
Завещание Михаила Булгакова	287
Младший брат Елены Булгаковой	304
Русский Жюль Верн	323
Михаил Шолохов в Кисловодске	338
«Собираюсь на Север, на Белое море...» ..	353
«В фильм пришла правда...»	367
Свет Ключёвки	383
Комментарии	402

Литературно-художественное издание

Блохин Николай Фёдорович

ПЕРСТЕНЬ ЕРМОЛОВА

В оформлении обложки использованы
литография К. Бегрова по рисунку Иосифа (Джузеппе)
Бернардацци "Вид Пятигорска", 1834 г.,
рисунок А.С. Пушкина "Автопортрет", 1829 г.,
фото Д.Н. Блохина "Кавказский этюд", 2006 г.

Художественный редактор	<i>Т. И. Блохина</i>
Оформление	<i>Д. Н. Блохин</i>
Технический обеспечение	<i>Н. Н. Блохин</i>

Сдано в набор 15.08.2020. Подписано в печать 15.01.2021.

Формат 60 x 84/ 1/16. Гарнитура Literaturnaya.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25,5. Тираж 600 экз. Заказ

12+

Отпечатано с готового оригинал-макета.